

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

НУМИЗМАТИКА
И
ЭПИГРАФИКА

VIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

НУМИЗМАТИКА
И
ЭПИГРАФИКА

VIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА. 1978

В сборник включены материалы и исследования в области античной, восточной и русской нумизматики. Особый интерес представляет работа И. Г. Спасского, освещающая историю и состав крупнейшей нумизматической коллекции СССР — Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа.

В других статьях рассматриваются хронология боспорских монет, история денежного обращения в различных древних государствах, публикуются клады и новые монетные находки.

Книга рассчитана на историков, археологов, этнографов, искусствоведов, а также на широкий круг нумизматов.

Ответственный редактор

Д. Б. ШЕЛОВ

А. М. Г И Л Е В И Ч

КУЧУК-МОЙНАКСКИЙ КЛАД ХЕРСОНЕССКИХ МОНЕТ
IV—III вв. до н. э.

Осенью 1964 г. во время строительных работ в Евпатории на территории санатория имени Т. Шевченко, расположенного у Кучук-Мойнакского озера, был найден клад бронзовых монет. Директор Евпаторийского краеведческого музея Б. А. Ермак сообщил, что, когда он приехал на стройку, находящиеся в глиняном сосуде и замурованные в стену из грубого буттового камня монеты уже разошлись по рукам строителей. На месте траншеи, проложенной рабочими, Б. А. Ермак собрал обломки сосуда, а затем от строителей получил 62 бронзовые монеты¹. Возможно, какую-то часть клада возвратить не удалось.

Судя по желтовато-розовой с черными вкраплениями глине, кувшинчик, в котором хранились монеты, — синопского производства. Он плоскодонный, с туловом колоколообразной формы. Поверхность покрыта светлым ангобом, горло и плоская ручка отбиты еще в древности (рис. 1). Высота сохранившейся части кувшинчика 9,5 см, наибольший диаметр тулова 10,5 см, диаметр дна 8,5 см. Среди керамических материалов Херсонеса и Северного Причерноморья отсутствуют сосуды, аналогичные нашему.

Клад найден примерно в 3 км к западу от городища Керкинитиды. Здесь в районе Мойнакских озер известны загородные эллинистические сельскохозяйственные усадьбы Керкинитиды². Возможно, клад был спрятан в одной из подобных усадеб или на территории надела.

Монеты старшей части клада (№ 1—26) испорчены окисью, но сохранность клада в целом хорошая.

Клад содержал херсонесские монеты следующих типов.

1 (№ 1—13). Л. с. Колесница, запряженная четверкой лошадей, мчащихся вправо; в колеснице стоит женская фигура с вожжами в левой руке и факелом в правой.

О. с. Обнаженный воин, присевший на колено, со щитом в левой и копьем в правой руке.

А. Н. Зограф. Античные монеты. М., 1951, табл. XXXV, 10—13 экз.

¹ Клад хранится в Евпаторийском краеведческом музее. Инв. № кувшинчика ЕКМ/4565 О. Ф., монет — ЕКМ/4566 О. Ф. Пользуемся случаем принести благодарность Б. А. Ермаку за предоставленную возможность обработать и опубликовать клад.

² ОАК за 1895 г., стр. 22; за 1896 г., стр. 70; Н. Романченко. Раскопки в окрестностях Евпатории. — ИАК, 25, 1907, стр. 172 сл.; М. А. Наливкина. Северо-западное побережье Крыма в эпоху античной колонизации. — ПИДО, 1934, № 9—10, стр. 163; А. Н. Щеглов. О населении Северо-Западного Крыма в античную эпоху. — ВДИ, 1966, № 4, стр. 152.

Рис. 1. Сосуд, в котором хранился клад

2 (№ 14—19). Л. с. Бегущий влево грифон.

О. с. Коленопреклоненная Дева вправо, в левой руке лук, в правой — стрела. Внизу сокращенное название города ХЕР; за спиной богини сокращенное имя магистрата.

А. Н. Зограф. Указ. соч., табл. XXXV, 16—6 экз.

3 (№ 20—26). Л. с. Коленопреклоненная Дева вправо с луком и стрелой в руках.

О. с. Бегущий грифон влево. Вверху имя магистрата, внизу сокращенное название города ХЕР.

А. Н. Зограф. Указ. соч., табл. XXXV, 18 — 7 экз.

4 (№ 27). Л. с. Бегущий грифон влево. Внизу сокращенное название города ХЕР.

О. с. Коленопреклоненная Дева вправо; за спиной колчан, в руках лук и стрела. Имя магистрата за спиной.

SNG, Thrgase, I, pl. I, 8—1 экз.

5 (№ 28—29). Л. с. Бегущий грифон влево. Внизу сокращенное название города ХЕР.

О. с. Коленопреклоненная Дева влево; за спиной колчан, в руках лук и стрела. Имя магистрата внизу в обресе.

А. Н. Зограф. Указ. соч., табл. XXXV, 23—2 экз.

6 (№ 30—62). Л. с. Дева в коротком хитоне влево поражает копьём лань влево. Внизу сокращенное название города ХЕР.

О. с. Бодающий бык влево на палице Геракла, под ней имя магистрата; ниже лук и колчан.

А. Н. Зограф. Указ. соч., табл. XXXV, 24—25—33 экз.

Вес монет первой группы (№ 1—13) колеблется от 4,75 до 6,52 г. Монеты этой группы потерты, изношены в обращении и испорчены окисью больше, чем остальные монеты клада. Некоторые экземпляры (№ 7 и 11) чеканены изношенными штемпелями. Гурт у некоторых монет (№ 6, 8, 9, 10, 13) скошенный, у остальных — округлый. Дифференцы имеются на пяти монетах: на лицевой стороне монет № 12 и 13—НР, на оборотных сторонах монет № 9—К, № 10—М, № 11—П. О значении диф-

ферентов писали в свое время А. Л. Бертъе-Делагард³ и А. Н. Зограф⁴. А. Л. Бертъе-Делагард полагал, что первоначально монеты выпускались без дифферентов, а затем дифферентами стали указывать выпуски, причем буквы имели цифровое значение. Позднейшими А. Л. Бертъе-Делагард считал выпуски монет с двумя буквами на лицевой стороне (HP, AY, ZA). По его мнению, они обозначали первый слог имени магистрата. С этим был согласен А. Н. Зограф, который, однако, ссылаясь на отсутствие двухзначных цифр, возражал против цифрового значения букв. Кроме того, серии со слогами, по мнению А. Н. Зографа, предшествовали сериям с буквами. Соглашаясь с тем, что слоги могут обозначать начало имени магистрата, А. Н. Зограф допускал возможность, что эти буквы обозначали начальные слоги названий месяцев. Однако, как и в 1927 г., когда А. Н. Зограф высказал свое предположение, среди известных сейчас названий херсонесских месяцев нет начинающегося с ZA⁵. Сходство календарей мегарских колоний⁶ позволяет искать названия недостающих месяцев в календаре Византия, который дошел до нас полностью. Но и там нет ни одного месяца, название которого начинается с ZA. Вместе с тем, видимо, полной идентичности календарей не было, так как встречаются разночтения в названиях одинаковых месяцев. Так, в Херсонесе есть месяц 'Hpaχλετος, а в Калхедоне — 'Απλλατος и Ποτάμιος', которых нет в византийском календаре. Не исключено поэтому, что в херсонесском календаре будут открыты и другие названия месяцев, отсутствующие в Византии. А пока мы не знаем полностью календаря, предположение А. Н. Зографа не может быть ни безоговорочно принято, ни окончательно отвергнуто.

Предположение А. Л. Бертъе-Делагарда вызывает необходимость установить (вероятно, методом сравнения штемпелей), действительно ли серии монет со слогами предшествуют сериям с буквами. Если это так, то слоги вряд ли могут быть сокращениями магистратских имен. Магистратские имена в сокращенной форме известны на монетах следующей группы (грифон — Дева). Затем, уже в полной форме, они ставятся на всех последующих выпусках. Таким образом, если на монетах с квадригой появились начальные слоги магистратских имен, то это могло быть только в последних выпусках.

О типологии рассматриваемых монет писалось много⁸. Большинство исследователей пришли к выводу о том, что типы обеих сторон заимствованы⁹. Отмечались также эпизодичность выпуска, его обильность и его праздничный характер¹⁰. Г. Келер, а вслед за ним и А. Н. Зограф

³ А. Л. Бертъе-Делагард. Монетные новости древних городов Тавриды.— ЗООИД, XXX, 1912, стр. 46 сл.

⁴ А. Н. Зограф. Две группы херсонесских монет с заимствованными типами.— ИГАИМК, V, 1927, стр. 380 сл.

⁵ А. Н. Зографу были известны четыре названия херсонесских месяцев: Hpaχλετος (IOSPE, I², 402), Αδχλετος (IOSPE, I², 358), Διονύσιος (IOSPE, I², 352, 357), Εϋ[χ]λετος (IOSPE, I², 361). К ним после находки декрета в честь Папия прибавилось пятое название — Λότος (Е. Г. Су ров. Новая херсонесская надпись.— ВДИ, 1960, № 3, стр. 155).

⁶ К. Н а n n e l. Megarische Studien. Lund, 1934, стр. 190.

⁷ Там же, стр. 191.

⁸ Б. К е н е. Описание музея покойного князя В. В. Кочубея. I. СПб., 1857, стр. 166; A. Sallet. Beschreibung der antiken Münzen der königlichen Museum zu Berlin. I. Berlin, 1888, стр. 3; А. Л. Бертъе-Делагард. Монетные новости..., стр. 41 сл.; А. Н. Зограф. Две группы херсонесских монет..., стр. 387.

⁹ А. В. Орешников. Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского и Племона II Понтийского.— НС, II, 1912, стр. 34; А. Н. Зограф. Две группы херсонесских монет..., стр. 386; Он же. Античные монеты, стр. 148.

¹⁰ А. Л. Бертъе-Делагард. Монетные новости..., стр. 46; А. Н. Зограф. Две группы херсонесских монет..., стр. 391; Он же. Античные монеты, стр. 148.

указывали на агонистический характер типов монет с квадригой¹¹. Действительно, сюжет лицевой стороны очень соблазнительно связать с конными состязаниями. Такие состязания могли происходить в самом Херсонесе. Известно также, что бега колесниц проводились на афинском празднике Анакий. На одном из таких состязаний победителем оказался херсонесит. Его награда — гидрия с надписью ἄθλον ἐξ Ἀνακίου найдена в 1899 г. в херсонесском подстенном склепе 1012¹², который датируется второй половиной IV в. до н. э.

Сюжет оборотной стороны также, казалось бы, можно связать с агонями. Херсонесские надписи указывают на популярность метания копья как одного из видов спортивных состязаний¹³. Хотя обе надписи относятся к римскому времени, несомненно, что этот вид спорта существовал в Херсонесе и в эллинистическую эпоху.

Однако уже Б. В. Кене и А. Л. Бертъе-Делагард указывали на то, что квадригой, изображенной на монетах, правит не возничий, а Артемида с факелом в руке¹⁴. А. Н. Зограф усматривал в богине-возничей Деву, но не соглашался с тем, что в руке у нее факел¹⁵. Хорошая сохранность некоторых монет нашегоклада, особенно монеты № 12, на которых отчетливо виден горящий факел с отброшенными назад при стремительном беге колесницы языками пламени, подтверждает правоту Б. В. Кене и А. Л. Бертъе-Делагарда.

Разбирая подробно сюжет оборотной стороны, А. Л. Бертъе-Делагард отмечает, что здесь изображен «воин самого Херсонеса, стоящий в варварской стране, обороняющийся, но готовый нанести удар»¹⁶, — именно воин, а не атлет, состязающийся в метании копья.

Такое утверждение соответствует конкретной внешнеполитической обстановке, сложившейся во второй половине IV в. до н. э. Выпуск монет, носящих парадный и вместе с тем военный характер — победоносная Дева на колеснице и воин, олицетворяющий херсонесское войско, — скорее всего нужно связывать с военной победой Херсонеса. Известно, что с конца IV в. до н. э. территория Херсонеса значительно увеличилась за счет земель Северо-Западного Крыма. Захват Северо-Западного Крыма херсонеситами, по мнению А. Н. Щеглова, произошел после распада державы Атея в 339 г. до н. э., когда скифы были ослаблены¹⁷. Не случайно и Керкинитиды в это же время выпускают монеты с изображением Ники на лицевой стороне¹⁸. Серии монет с победоносными сюжетами в Херсонесе и Керкинитиде могли отражать одно и то же событие: победу над скифами и присоединение Северо-Западного Крыма к Херсонесу. В таком случае начало выпуска монет с квадригой следует относить не к 350 г. до н. э., как считал А. Н. Зограф¹⁹, а ко времени не ранее 339 г. до н. э. В бо-

¹¹ Н. К. Е. Koeler. Description des médailles de Chersonésus ville de la Chersonése — Taurique etc. — Serapis, II. SPb., 1850, стр. 108 сл.; А. Н. Зограф. Две группы херсонесских монет..., стр. 391. Этой точки зрения придерживается и М. М. Кубланов (М. М. Kublanow. Agone und agonistische Festveranstaltungen in den antiken Städten der nördlichen Schwarzmeerküste. — Altertum, 1960, № 3, стр. 134; Он же. Из истории культуры Северного Причерноморья. — Сб. Древний мир. М., 1962, стр. 563).

¹² К. К. Косцюшко-Валюжинич. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 г. — ИАК, 1, 1901, стр. 7 сл.

¹³ IOSPE, I², 435; Э. И. Соломоник. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964, стр. 57 сл., № 20.

¹⁴ Б. В. Кене. Описание музеума..., стр. 165; А. Л. Бертъе-Делагард. Монетные новости..., стр. 42.

¹⁵ А. Н. Зограф. Две группы херсонесских монет..., стр. 388.

¹⁶ А. Л. Бертъе-Делагард. Монетные новости..., стр. 46.

¹⁷ А. Н. Щеглов. О населении Северо-Западного Крыма..., стр. 151; Он же. Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху. — Сб. Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968, стр. 338.

¹⁸ А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXVIII, 15.

¹⁹ Там же, стр. 348.

лее ранней своей работе А. Н. Зограф считал возможным датировать их выпуск по стилистическим соображениям началом последней четверти или предпоследним десятилетием IV в. до н. э.²⁰

Монеты следующей группы (№ 14—19) с грифоном на лицевой стороне и коленопреклоненной Девой на обороте менее изношены, чем монеты с квадригой. Но, как и в предыдущей группе, большинство экземпляров сильно испорчено окисью. Гурт у всех монет округлый; характерные выступы на концах диаметра, вызванные особенностью техники изготовления этих монет²¹, прослеживаются слабо.

На оборотной стороне всех шести экземпляров имеются дифференты: на двух — АРІ (№ 14 и 15), на четырех КРА (№ 16—19). Вес первых превышает 10 г, у монет с дифферентом КРА колеблется от 8,73 до 9,92 г. Из-за того что лицевые стороны монет особенно сильно пострадали от окиси, сравнить их штемпели невозможно. Обратные стороны все чеканены разными штемпелями.

Кроме обозначений АРІ и КРА на монетах этой группы встречается еще дифферент ПА²². А. Н. Зограф разделил все монеты этой группы на две серии.

1. Л. с. Грифон.

О. с. Дева, сокращенное название города и начальные слоги имени магистрата²³.

2. Л. с. Коленопреклоненная Дева; начальные слоги имени магистрата.

О. с. Грифон, название города²⁴.

Из монет второй серии А. Н. Зографу известны были лишь экземпляры с дифферентом КРА. Поэтому он считал, что они самые поздние и серия является переходной к следующей группе. Однако к настоящему времени нам известны монеты этой серии, содержащие все три дифферента. В собраниях Эрмитажа и Херсонесского музея есть экземпляры с дифферентами и ПА (ГЭ, № ОС-73; ГХМ, № 6967), и АРІ (ГХМ, № 6968, 6988), и КРА (ГЭ, № ОС-71; ГХМ, № 7164). Таким образом, серия этих монет выпускалась параллельно с серией, на которой грифон помещен на лицевой стороне, а Дева — на оборотной. Однако есть еще одна серия монет этой группы, которую, видимо, и следует считать переходной. Л. Н. Белова опубликовала монеты из раскопок в Херсонесе в 1936 г.²⁵, на которых Дева и имя города помещены на лицевой стороне, грифон и дифферент КРА — на оборотной²⁶. Точка зрения А. Н. Зографа на монеты с этим дифферентом²⁷ подтверждается этой серией. Монеты с дифферентом КРА многочисленнее монет, имеющих другие дифференты²⁸. Реже всего встречаются монеты с дифферентом ПА, известным также на мелких монетах с бигой на лицевой стороне и барсом на оборотной²⁹. Нам уже приходилось говорить о том, что дифферент ПА, вероятно, самый ранний из трех³⁰.

²⁰ А. Н. Зограф. Две группы херсонесских монет..., стр. 387.

²¹ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 148.

²² А. Н. Зограф. Две группы херсонесских монет..., стр. 384; Он же. Античные монеты, стр. 148.

²³ А. Н. Зограф. Две группы херсонесских монет..., стр. 384, табл. XXVI, А.

²⁴ Там же, стр. 385, табл. XXVI, В.

²⁵ Л. Н. Белова-Кудь. Описание монет из раскопок Херсонеса 1936 г. — Приложение к отчету о раскопках в Херсонесе в 1935—1936 гг. Симферополь, 1938, стр. 318, № 10—13.

²⁶ Л. Н. Белова-Кудь (Указ. соч., стр. 318) ошибочно указала грифона на л. с.

²⁷ А. Н. Зограф. Две группы херсонесских монет..., стр. 385.

²⁸ Ср.: А. К. Тахтай. Два клада херсонесских античных монет 1944 г. — ХС, IV, 1948, стр. 117 и 123.

²⁹ А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXVI, 17.

³⁰ А. М. Гилевич. Клад монет из округа Страбонова Херсонеса. — СА, 1960, № 4, стр. 170.

А. Н. Зограф, разбирая дифференцы на монетах публикуемой группы, предложил целый ряд херсонесских имен, известных по памятникам латинской и керамической эпиграфики, к которым они могли бы восходить³¹. При сличении нами легенд на монетах и клеймах наиболее близкими к монетам по палеографическим особенностям оказались следующие херсонесские амфорные клейма: ΠΑΣΙΩΝΟΣ ΑΣΤΥΝΟΜΟ (ГХМ, № 953)³²; ΠΡΥΤΑΝΙΟΣ ΤΟΥ ΑΡΙΣΤΩΝΟΣ (ГХМ, инв. № 11/35496)³³; ΚΡΑ [ΤΩΝ] (ГХМ, инв. № 702/36655)³⁴. Амфоры с этими клеймами датируются концом IV—III в. до н. э. Сходство палеографии надписей хотя и не дает оснований отождествлять имена на монетах и керамических клеймах, но все же сужает круг лиц, которым они могли принадлежать.

Для определения времени выпуска этих монет следует остановиться на изображении грифона. Б. В. Кене³⁵ и П. О. Бурачков³⁶ полагали, что это изображение нужно связать с культом Аполлона. При этом П. О. Бурачков отмечал сходство грифонов на херсонесских и пантикапейских монетах. Очевидно, изображение грифона на херсонесских монетах появилось под влиянием монет Пантикапея IV в. до н. э., среди которых монеты 330—315 гг. до н. э.³⁷ чаще других встречаются в раскопках Херсонеса³⁸. В. М. Брабич высказал мнение, что грифоны на пантикапейских монетах IV в. до н. э. выступают в качестве охранителей главных богатств Пантикапея — хлеба и рыбы³⁹. По-видимому, такое же значение у них и на монетах Херсонеса. Экономический расцвет города начинается после колонизации земель Северо-Западного Крыма, которые стали поистине житницей Херсонеса и позволили ему вести независимую хлебную политику на черноморском рынке⁴⁰.

В это время, вероятно, и начинается выпуск первой серии монет с грифоном, которая сменила монеты с квадригой. И если выпуск последних начался не ранее 339 г. до н. э., то монеты с грифоном появляются, видимо, в начале последней четверти IV в. до н. э. — времени интенсивного освоения приобретенной территории.

Их сменяют монеты с изображением коленопреклоненной Девы на лицевой стороне и грифона — на оборотной. Название города в сокращенной форме и имя магистрата помещены на оборотной стороне. Монеты этой группы представлены в нашем кладе семью экземплярами (№ 20—26). Вес монет колеблется от 6,55 до 7,22 г, за исключением монеты № 23, сильно испорченной окисью, вес которой составляет всего 5,09 г. Гурт у всех монет округлый. У монет № 20, 21 и 24 выступы на концах диаметра прослеживаются особенно четко, на остальных экзем-

³¹ А. Н. Зограф. Две группы херсонесских монет..., стр. 385, примеч. 1.

³² Ив. Махов. Амфорные ручки Херсонеса Таврического.— ИТУАК, 48, 1912, стр. 175, № 73 а, б; Р. Б. Ахмеров. Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса.— ВДИ, 1949, № 4, стр. 120, № 88.

³³ Р. Б. Ахмеров. Указ. соч., стр. 121, № 95.

³⁴ Ив. Махов. Указ. соч., стр. 170, № 53; Р. Б. Ахмеров. Указ. соч., стр. 117, № 59.

³⁵ Б. Кене. Описание музея..., стр. 144.

³⁶ П. О. Бурачков. Общий каталог монет, принадлежащих эллинистическим колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней России, ч. I. Одесса, 1884, стр. 109.

³⁷ Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора в VI—II вв до н. э. М., 1956, табл. V, 57.

³⁸ А. М. Гилевич. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса Таврического.— НИС, III, 1968, стр. 41, 42.

³⁹ В. М. Брабич. Об охранительном назначении грифонов на монетах Пантикапея IV в. до н. э.— КСИА АН УССР, 9. Киев, 1960, стр. 91 сл.

⁴⁰ А. Н. Щеглов. О населении Северо-Западного Крыма..., стр. 152; Он же. Хора Херсонеса Таврического в IV—II в до н. э.— Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР.— Тезисы докладов. Баку, 1965, стр. 121.

плярах они едва заметны. Почти все монеты испорчены окисью. На лучших экземплярах видны дефекты штемпелей. Так, изношенными штемпелями чеканены обе стороны монеты № 21. Обратная сторона монеты № 25 чеканена треснувшим штемпелем.

Имена магистратов: ΑΙΣΧΙ—1 экз.; ΒΑΘΥΛΛ—2 экз.; ΙΕΤΙΕΙΟ—1 экз.; ΧΟΡΕΙΟ—3 экз. На монетах этого типа известны еще два магистратских имени: ΦΙΛΙΣΤΙΟ⁴¹ и ΘΕΟΠ⁴². Самыми ранними, видимо, являются монеты с именем Αἰσχίνης, так как оно встречается в наиболее сокращенной форме: ΑΙΣΧΙ и даже ΑΙΣ⁴³ (подобно именам на монетах предшествующей группы). Монеты с именем ΘΕΟΠ, отмеченные А. К. Тахтаем в Стрелецком кладе⁴⁴, очень плохой сохранности, на них видны только первые четыре буквы; на экземпляре из собрания ГМИИ (инв. № 34911) читается ΘΕΟΠΟМ. Это имя можно восстановить как Θεόπολος⁴⁵. В Херсонесе оно не встречалось, но в Северном Причерноморье известно из надписи на боспорском надгробии середины IV в. до н. э.⁴⁶ Из-за плохой сохранности всех известных монет с этим именем не ясно, помещалось ли оно на монетах в более полной форме. Имя Βάθυλλος на монетах публикуемого клада дано в сокращении: ΒΑΘΥΛΛ. В собраниях Херсонесского музея (№6557), Эрмитажа (№120, 121, 122) и ГМИИ (№ 310) имеются экземпляры, на которых это имя дано в форме ΒΑΘΥΛΛΟ. У Б. В. Кене⁴⁷ и П. О. Бурачкова⁴⁸ монеты этого типа приведены с легендой ΒΑΘΥΛΛΟΥ. В такой же форме читает это имя на серебряной монете с головой Геракла на аверсе и Девой, поражающей лань,— на реверсе А. Л. Бертье-Делагард⁴⁹. Среди просмотренных нами монет в перечисленных собраниях не встретилось ни одного экземпляра монеты с полной легендой.

Имя Φιλίστιος встречается в двух вариантах: ΦΙΛΙΣΤΙ и ΦΙΛΙΣΤΙΟ. Имена Ιστειός и Χορειός, как и на монетах нашего клада, во всех случаях известны в одном варианте: ΙΕΤΙΕΙΟ и ΧΟΡΕΙΟ. Окончание -ο вместо -ου в родительном падеже этих имен, а также в именах Βάθυλλος и Φιλίστιος, несомненно вызвано не недостатком места на монетах, а соблюдением орфографии IV в. до н. э. Аналогичное правописание дают клейма I группы на гераклеийских амфорах⁵⁰. В херсонесской лапидарной эпиграфике примеров окончания родительного падежа на -ο мы пока не знаем; в керамической эпиграфике такое окончание встречается лишь в слове ἀστύνομος⁵¹. Наряду с окончанием родительного падежа на -ο в конце IV в. до н. э. появляется окончание на-ου⁵². Видимо, легенда ΒΑΘΥΛΛΟΥ.

⁴¹ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 148.

⁴² А. К. Тахтаев. Два клада..., стр. 118.

⁴³ А. Н. Зограф. Две группы херсонесских монет..., стр. 385, примеч. 3.

⁴⁴ А. К. Тахтаев. Два клада..., стр. 121. Монета с этим именем была издана еще Х. Х. Гилем (Chr. Giel. Kleine Beiträge zur antiken Numismatik Südrusslands. M., 1886, стр. 2, № 4, табл. I, 5).

⁴⁵ W. Pape—E. Benseler. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig, 1884, s. v. Ср.: Chr. Giel. Указ. соч., стр. 2, № 4. А. Н. Зограф, который видел монету из собрания ГМИИ еще в коллекции А. Г. Голикова, также восстанавливал имя как Феопомп (Протокол № 318 от 9 апреля 1927 г. заседания Комиссии по нумизматике и глиптике.— Архив ЛОИА, ф. 2, 1927, д. № 2, л. 27—28).

⁴⁶ КБН, № 188.

⁴⁷ Б. Кене. Описание музеума..., стр. 143, № 40.

⁴⁸ П. О. Бурачков. Общий каталог монет..., стр. 109, № 38.

⁴⁹ А. Л. Бертье-Делагард. Несколько новых и малозвестных монет Херсонеса.— ЗООИД, XXVI, 1906, стр. 246, примеч. 2. Местонахождение монеты в настоящее время неизвестно; изображена: А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXV, 21.

⁵⁰ Б. Н. Граков. Эпиграфические клейма на горлах некоторых эллинистических амфор.— Труды ГИМ, I, 1926, стр. 179.

⁵¹ Р. Б. Ахмеров. Об астиномных клеймах, стр. 106, табл. I, 4, 7, 10, 14, 15.

⁵² Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 180.

о которой писали Б. В. Кене и А. Л. Бертье-Делагард, следует более поздним правилам написания⁵³. В таком случае можно было бы считать монеты с именем Βαθύλλος самыми поздними в этой серии. Однако смущает то обстоятельство, что это имя на монетах встречается и в форме ΒΑΘΥΛΛ, т. е. в сокращении, сближающем его с именами на монетах ранних серий, а также то, что на меди в форме ΒΑΘΥΛΛΟΥ ни разу не встретилось. Возникает вопрос, не допустил ли Б. В. Кене ошибки, отметив написание этого имени с окончанием -ου, как это было распространено в более позднее время?

Колебание окончания родительного падежа второго склонения между о и -ου, которое характерно для конца IV — начала III в. до н. э.⁵⁴, хорошо прослеживается на монетах с именем Εὐδρόμος, составляющих четвертую и пятую группы нашего клада. На монетах этих групп (№ 27—29) изображение грифона и название города помещены на лицевой стороне, а фигура коленапреклоненной Девы и имя магистрата — на оборотной. При этом поза Девы (колени правой ноги приподнято над землей) ближе к изображениям на монетах с дифферентами ΠΑ, ΑΡΙ, ΚΡΑ, чем на монетах предшествующей группы. Однако моделировка фигуры стоит гораздо ближе к монетам III группы (мягче силуэт, очень близок профиль головы, сокращение пропорций тела по вертикали). За плечами у Девы впервые на медных монетах появляется колчан. Гурт у монеты № 27 слегка скошен, у монет № 28 и 29 округлый. На всех трех монетах заметны слабые выступы на концах диаметра. Лицевая сторона монеты № 29 чеканена треснувшим штемпелем.

Имя магистрата Евдрома на монете IV группы помещено за спиной Девы (№ 27), на монетах V группы — в обрезе (№ 28, 29). По монете № 27 видно, что окончание имени на -ο не вызвано недостатком места. На монете № 28 штемпель сдвинут вправо, и вопрос об окончании остается нерешенным. На монете № 29 окончание имени на-ου, но последняя буква попала почти целиком на край монетного кружка и сохранился лишь слабый след от ее левой части. На всех монетах Херсонесского музея, на которых имя Εὐδρόμος, помещенное под обрезом, читается полностью, оно имеет окончание -ου. На монетах, где имя помещено за спиной богини, оно оканчивается и на -ο, и на -ου, причем чаще встречается первое окончание. Вероятнее всего, эти монеты выпущены раньше, чем монеты, на которых имя помещено под обрезом. Форма родительного падежа в имени магистрата позволяет датировать монеты обеих групп рубежом IV—III вв. до н. э.

При магистрате Евдроме Херсонес приступил к выпуску новой группы монет с изображением Девы, поражающей лань, на аверсе и бодающим быком — на реверсе⁵⁵.

Монеты эти составляют большую часть клада — 33 экземпляра. Сохранность их намного лучше всех остальных монет. У большинства экземпляров острый гурт, свидетельствующий о малой изношенности монет в обращении. На некоторых монетах — № 43 (л. с.), 47 (о. с.), 54 (л. с.), 61 (о. с.) — видны дефекты штемпелей: изношенность, подправки. На оборотной стороне монета № 30, 32, 35, 37, 39, 43, 44, 46, 48, 51, 54, 59 видны наплывы металла, которые образовались в результате неполного захвата штемпелем монетного кружка. Гурт почти у всех монет скошен с обеих сторон. На гурте монет № 47, 53, 55, 56, 60, 61 заметны сле-

⁵³ На херсонесском амфорном клейме оно пишется в форме ΒΑΘΥΛΛΟΥ (Р. Б. А х м е р о в. Указ. соч., стр. 106, табл. I, № 3).

⁵⁴ Б. Н. Г р а к о в. Указ. соч., стр. 180.

⁵⁵ А. Н. З о г р а ф. Две группы херсонесских монет..., стр. 384.

ды напильника, которым сглаживали наплыв металла или обрубку литников. Средний вес монет 6,55 г.

Все пять имен магистратов, известные для монет этого типа, представлены в нашем кладе: *Διαγόρας* — 11 экз.; *Εὐδρόμος* — 6 экз.; *Κλεμνίτιδας* — 13 экз.; *Θεοχάρης* — 1 экз.; *Συρίσχος* — 2 экз. Хорошая сохранность монет позволяет сравнить штемпели и установить последовательность выпусков (см. рис. 2). Первыми были выпущены монеты Евдрома. За ним поочередно шли монеты с именами магистратов Диагора, Сирииска и Клемитада. Хотя монеты последнего чеканились общими штемпелями с монетами Диагора и Сирииска, о том, что Сирииск все-таки предшествовал Клемитаде, говорит сравнение сохранности общего штемпеля лицевой стороны монет обоих магистратов (№ 55 и 62). Такая последовательность подтверждается особенно хорошо двумя монетами другого клада⁵⁶, лицевые стороны которых чеканены одним штемпелем с монетами № 55 и 62.

Последним магистратом, выпускавшим монеты этого типа, был Теохар. Его монета (единственная в нашем кладе) имеет общий штемпель лицевой стороны с монетами Клемитада. Этим же штемпелем чеканены лицевые стороны обеих монет с именем Теохара в кладе 1954 г.⁵⁷, а также монеты Теохара из коллекции А. Л. Бертье-Делагарда⁵⁸. Обратные стороны монет Теохара в кладах 1954 г. и публикуемом также биты одним штемпелем. Этот штемпель очень нечеткий, имя на нем сглажено, причем создается впечатление, что это сделано преднамеренно. В коллекции Херсонесского музея имеется еще несколько монет Теохара, обратная сторона которых чеканена этим же сглаженным штемпелем (инв. № 7461, 7474, 7668). Обратная сторона монеты А. Л. Бертье-Делагарда чеканена другим штемпелем. На нем также есть дефект в надписи с именем магистрата. В отличие от других имен на монетах этого типа оно дано здесь в сокращенной форме: *ΘΕΟΧΑΡΕ*⁵⁹. Остальные имена на монетах этой группы написаны полностью, причем в имени Сирииска наблюдаются колебания в окончании между *-ο* и *-ου*.

Такая последовательность магистратов подтверждается и монетами клада 1954 г. Многие экземпляры обоих кладов чеканены общими штемпелями лицевой и оборотной сторон. Окончательно установить хронологию выпусков, разумеется, можно лишь при сверке штемпелей всех известных монет.

Выпуск монет рассматриваемого типа А. Н. Зограф относил к первой половине III в. до н. э.⁶⁰ и считал, что они чеканились очень долго. Однако если считать магистратуры годовыми, то наличие имен всего пяти магистратов на этих монетах суживает срок, в течение которого они выпускались, до пяти лет. Возможно, впрочем, что эти магистраты не исполняли свою должность в течение пяти последовательных лет, а между ними стояли другие лица, в период деятельности которых медные монеты не чеканились. Косвенно о такой возможности свидетельствует то, что ни одно из пяти имен не встречается на серебряных монетах III в. до н. э. Выпуск монет этого типа был очень обильным, особенно при магистрате Клемитаде⁶¹. Возможно, отсутствие эмиссии серебра при названных магистратах требовало более интенсивного выпуска медной монеты.

⁵⁶ А. М. Гилевич. Новый клад монет из окрестностей Херсонеса. — СА, XXVIII, 1958, стр. 136 (№ 18 — Клемитада, № 38 — Сирииск).

⁵⁷ Там же, табл. II, 13, 14.

⁵⁸ А. Л. Бертье-Делагард. Монетные новости..., табл. 7.

⁵⁹ Монету с этим именем впервые опубликовал А. Л. Бертье-Делагард (Монетные новости..., стр. 50, № 7). В работе А. Н. Зографа «Античные монеты» (стр. 149) в перечне имен на монетах этого типа приводится имя в форме *ΘΕΟΧΑΡΙ*.

⁶⁰ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 149.

⁶¹ А. М. Гилевич. Новый клад..., стр. 139.

Монеты, составляющие клад, не являются редкостью для Керкинитиды⁶². Особенно это относится к монетам с квадригой, многочисленные находки которых в Евпатории отмечал ещё А. Л. Бертье-Делагард⁶³. Монеты с квадригой, с грифоном и Девой и с Девой, поражающей лань, найдены при раскопках Керкинитиды в 1952 г. В других пунктах Северо-Западного Крыма также встречаются херсонесские монеты конца IV в. до н. э. Например, в Калос-Лимен найдены монеты с квадригой⁶⁴, на Южно-Донузлавском городище — две монеты с Девой и грифоном⁶⁵, на городище Чайка в 1964 г. обнаружена монета с квадригой и монета с Девой, поражающей лань⁶⁶. Таким образом, распространение и обращение этих монет как в Керкинитиде, так и на остальной территории Херсонесского государства не вызывает сомнения. Следовательно, публикуемый клад отражает состояние денежного обращения Керкинитиды в первой половине III в. до н. э. Захоронение клада, видимо, произошло не позже середины III в. до н. э.

Следует заметить, что это не первый клад херсонесских монет, найденный в Евпатории. В архиве Евпаторийского музея хранится план места находки клада на территории Евпаторийского детского санатория железнодорожников в 1941 г. План составлен П. И. Филоничевым⁶⁷. В легенде к нему рассказывается о светильнике с 30 медными древнегреческими монетами, из которых одна, очищенная, оказалась херсонесской. М. А. Наливкина в двух своих работах упоминает о находке этого клада⁶⁸. Но в обоих случаях она говорит только о 16 монетах, помещенных в красно-фигурный гутос, который датируется IV—III вв. до н. э. Типы монет она не указывает, но называет их херсонесскими, оговаривая, что определение предварительное, сделанное без очистки монет. К настоящему времени монеты утеряны или депаспортизированы, и поэтому установить состав клада и число монет невозможно. Раскопками М. А. Наливкиной в 1950 и 1951 гг. на месте находки клада, в 2,5 км от городища Керкинитиды, доследованы остатки круглого каменного сооружения IV—III вв. до н. э.⁶⁹

В непосредственной округе Херсонеса известно несколько кладов херсонесских монет IV—III вв. до н. э. В 1895 г. в районе Страбонова Херсонеса найден клад, содержащий монеты как с квадригой, так и с грифоном и Девой⁷⁰. Клад монет, найденный в 1908 г. у 20-й куртины крепостной стены Херсонеса, состоял из монет с квадригой (А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXV, 10) и монет с Девой и грифоном (там же, табл. XXXV, 18); имя магистрата на последних — ХОРЕЮ⁷¹.

⁶² М. А. Наливкина. Торговые связи античных городов Северо-Западного Крыма.— ПИСП. М., 1959, стр. 193.

⁶³ А. Л. Бертье-Делагард. Монетные новости..., стр. 46.

⁶⁴ Коллекция ГХМ, инв. № 8287; частная коллекция одного из жителей пос. Черноморского.

⁶⁵ О. Д. Дашевская. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1961—1962 гг.— КС ОГАМ за 1962 г. Одесса, 1964, стр. 51.

⁶⁶ Определения наши. Пользуемся случаем выразить благодарность руководителю раскопок А. Н. Карасеву за предоставленную возможность ознакомиться с нумизматическими находками.

⁶⁷ Архив ЕКМ, № 695 11/в, 1953.

⁶⁸ М. А. Наливкина. Основные итоги работ Евпаторийского отряда.— КСИИМК, XLV, 1952, стр. 116; Она же. Раскопки в Евпатории.— КСИИМК, 51, 1953, стр. 130.

⁶⁹ М. А. Наливкина. Раскопки в Евпатории, стр. 129.

⁷⁰ А. М. Гилевич. Клад монет из округи Страбонова Херсонеса, стр. 167—170.

⁷¹ Н. И. Репников. Дневник раскопок херсонесского некрополя в 1908 г.— ХС, II, 1927, стр. 183. Указано, что найдены в кучке 23 медные монеты (из них 16 — П. О. Бурачков. Общий каталог монет..., табл. XV, 63; 6 — там же, табл. XIV, 33 и 1 сильно стертая). Неясно, означает ли ссылка на табл. XIV, 33 книги Бурачкова, что все 6 экземпляров имели легенду ХОРЕЮ или просто относились к монетам этого типа. Клад не сохранился.

В 1904 г. на участке херсонесского некрополя в районе Загородного храма Косцюшко-Валюжиничем во время раскопок найден клад из 11 монет⁷². Он содержал монеты трех типов: А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXV, 16 с дифферентом КРА — 2 экз.; там же, табл. XXXV, 18 с именем ХОРЕЮ — 1 экз.; с именем ΦΙΛΙΠΟ — 1 экз.; с именем ΒΑΘΥΛΛΟ — 1 экз.; с неясными именами — 2 экз.; там же, табл. XXXV, 24—25 с именем ΔΙΑΓΟΡΑ — 2 экз.; с именем ΚΛΕΜΥΤΑΔΑ — 1 экз.; с именем ΣΥΡΙΣΚΟΥ — 1 экз. В описи находок отмечена хорошая сохранность почти всех монет. Клад монет, найденный в 1954 г. в юго-восточной части Гераклийского полуострова, состоял только из монет типа: А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXV, 24—25⁷³.

Публикуемый клад является пока единственным такого состава. Благодаря этой находке мы впервые узнаем, что монеты с квадригой обращались и в первой половине III в. до н. э. Обращение остальных монет конца IV в. до н. э. в это время засвидетельствовано перечисленными выше кладами, а во II в. до н. э. — Стрелецким и Камышевским кладами⁷⁴.

В чем же причины появления кладов на территории Херсонесского государства в конце IV и первой половине III в. до н. э.?

Как известно, в античное время деньги нередко уходили из обращения и превращались в сокровища⁷⁵. Однако при наличии серебряного чекана в Херсонесе в конце IV—III в. до н. э. функцию сокровищ выполняло бы серебро.

На Боспоре сокрытие кладов медных монет в III в. до н. э. было вызвано денежным кризисом⁷⁶, который проявился в последовательных надчеканках и перечеканках медных монет, падении их веса, в полном прекращении выпуска золотой и серебряной монеты⁷⁷. Денежный кризис в III в. до н. э. охватил и Ольвию, где также наблюдаются аналогичные явления⁷⁸.

В Херсонесе с такими кризисными явлениями мы не встречаемся. Медные монеты конца IV — начала III в. до н. э. и серебряные монеты, чеканенные в конце IV и в III в. до н. э., имели устойчивый вес в течение всего времени выпуска. Надчеканки на херсонесских монетах появляются лишь во II в. до н. э. Правда, как уже было сказано, в отдельные периоды Херсонес, видимо, не выпускал серебряной монеты⁷⁹. Кроме того, медная монета, которую Херсонес чеканит во второй половине III в. до н. э. (А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXVI, 5), не обладала такой устойчивостью веса, как медь предшествующих выпусков. Этих фактов, конечно, недостаточно, чтобы говорить о кризисных явлениях, тем более что причины, вызвавшие расстройство денежного обращения в Ольвии и на Боспоре⁸⁰, не могли оказаться столь роковы-

⁷² К. К. Косцюшко-Валюжинич. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 г. — ИАК, 20, 1906, стр. 93. Количество монет каждого типа дано в описи находок за 1904 г. (Архив ГХМ, д. № 38, л. 30).

⁷³ А. М. Гилевич. Новый клад монет из окрестностей Херсонеса.

⁷⁴ А. К. Тахтай. Два клада..., стр. 120, 125.

⁷⁵ К. Маркс. К критике политической экономии. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIII, стр. 110.

⁷⁶ Е. О. Прушевская. Анапский клад пантикапейских монет. — ТОНГЭ, I, 1945, стр. 22; Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора..., стр. 126; Он же. Анапский клад монет 1954. — НЭ, I, 1960, стр. 208—214; В. М. Брабич. Клад монет III в. до н. э. из Мирмекия. — СА, 1964, № 4, стр. 193 сл.; Н. В. Аяфимов. Клад пантикапейских монет из станицы Старо-Нижне-Стеблиевской. — КСИИМК, XXIV, 1949.

⁷⁷ См.: П. О. Карышковский. Из истории денежного обращения в Северном Причерноморье в III в. до н. э. — ЗОАО, I, 1960, стр. 112 сл. Там же подробный перечень литературы о денежном кризисе на Боспоре.

⁷⁸ Там же, стр. 113 сл. и 121.

⁷⁹ Хронология серебряной чеканки Херсонеса мы предполагаем посвятить специальную работу.

⁸⁰ П. О. Карышковский. Из истории денежного обращения..., стр. 118.

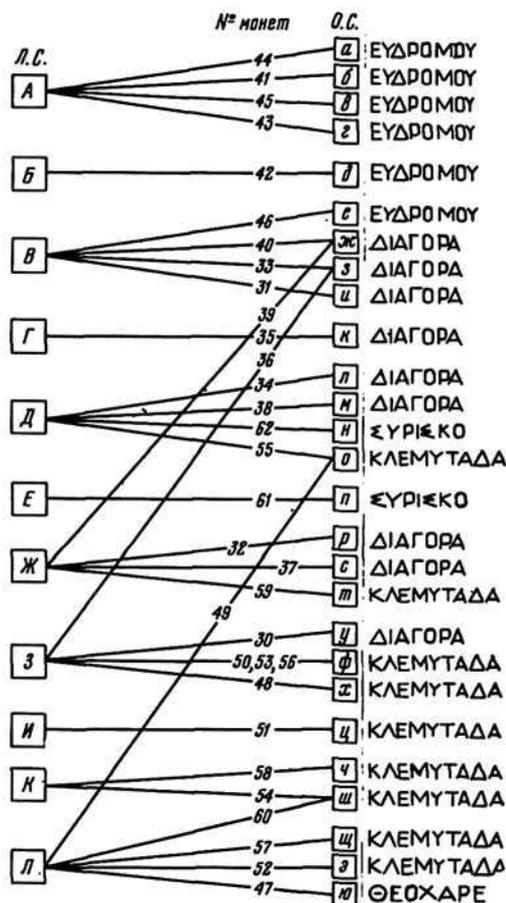

Рис. 2. Соответствие штемпелей монет клада

ми для Херсонеса, поскольку денежное обращение последнего базировалось на монометаллизме серебра. Таким образом, мы пока не можем по аналогии с Боспором рассматривать клады херсонесских монет конца IV—начала III в. до н. э. как одно из проявлений денежного кризиса.

Естественнее всего связать их возникновение с внешнеполитическими событиями, о которых мы знаем из письменных и археологических источников.

Херсонесская присяга⁸¹ требует от граждан не предавать «Херсонеса, Керкинитиды, Прекрасной Гавани и прочих укрепленных пунктов и из остальной территории, которую херсонеситы управляют или управляли, ничего никому, ни эллину, ни варвару». Такое обязательство возникло из реальной угрозы Херсонесу и его владениям, которая существовала во время составления присяги, т. е. в начале III в. до н. э.⁸² К этому времени Херсонес, возможно, уже утратил часть своих владений⁸³. Херсонесский декрет III в. до н. э.⁸⁴ говорит о нападении варваров на херсонеситов во время шествия в честь Диониса. Было ли это нападение един-

⁸¹ IOSPE, I², 401.

⁸² А. И. Тюменев. Херсонесские этюды, VI.—ВДИ, 1955, № 3, стр. 44.

⁸³ С. А. Жебелев. Херсонесская присяга.—СП, стр. 234.

⁸⁴ IOSPE, I², 343.

ственным, мы пока не знаем, но оно явственно свидетельствует о тревожном положении города⁸⁵.

Археологические источники также говорят о каких-то угрозах и нападениях варваров в районе Керкинитиды в III в. до н. э. К этому времени относится утолщение оборонительных стен Керкинитиды⁸⁶, вызванное, вероятно, опасностью нападения со стороны скифов. В III в. до н. э. погибает большое здание на городище Чайка⁸⁷. В столь тревожное время вполне естественно было прятать свои накопления. Возможно, некоторые владельцы кладов погибли или вынуждены были навсегда оставить разоренные усадьбы и не смогли больше воспользоваться зарытыми монетами.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список монет Кучук-Мойнакского клада *

№ п/п	Размер, мм	Вес, г	Сохранность	Дифференты, имена магистратов на о. с.	Примечание
I. Квадрига — воин					
1	21	6,52	С		
2	20	6,45	С		
3	20	6,23	С		
4	20	6,14	С		
5	20	6,05	О		
6	20	5,97	Х		Трещина Штемпель о. с. с трещиной
7	20	5,70	С		
8	20	5,15	С		
9	20	5,99	Х	К	
10	20	5,50	Х	М	
11	22	4,75	Х	П	
12	22	6,14	Х		Трещина Трещина; на л. с. НР На л. с. НР
13	20	5,95	С		
II. Грифон — Дева					
14	24	10,43	Х	ΑΡΙ	Трещина
15	24	10,34	С	ΑΡΙ	
16	24	9,92	Х	ΚΡΑ	Трещина
17	22	9,54	ΠΛ	[Κ]ΡΑ	
18	22	9,32	ΠΛ	ΚΡΑ	
19	23	8,73	Х	ΚΡΑ	
III. Дева — грифон					
20	22	7,07	ΠΛ	[Α]ΙΣΧ[Ι]	Штемпели обеих сторон изношены
21	20	7,22	Х	ΒΑΘΥΛΛ	
22	20	6,91	ΠΛ	ΒΑΘΥΛΛ	
23	20	5,09	С	ΙΣΤΙΕΙΟ	
24	20	6,97	С	ΧΟΡΕΙ [Ο]	
25	20	6,87	Х	ΧΟΡΕΙΟ	
26	20	6,55	Х	ΧΟΡΕΙΟ	
IV. Грифон — Дева (имя за спиной)					
27	20	6,30	Х	ΕΥΔΡΟΜΟ	

* В «Списке» приняты сокращения: С — средняя; Х — хорошая; ΠΛ — плохая; О — отличная

⁸⁵ А. И. Тюменев. Указ. соч., III.—ВДИ, 1949, № 4, стр. 82; IV.—ВДИ, 1950, № 2, стр. 54; ср. рассказ Полиэна об Амаге (Polyaen., VIII, 56).

⁸⁶ М. А. Наливкина. Керкинитида и Калос-Лимен.—Сб. Античный город. М., 1963, стр. 56.

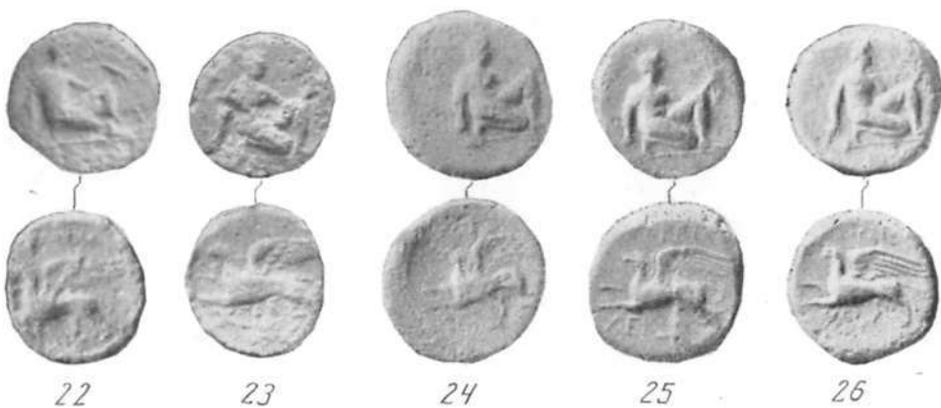
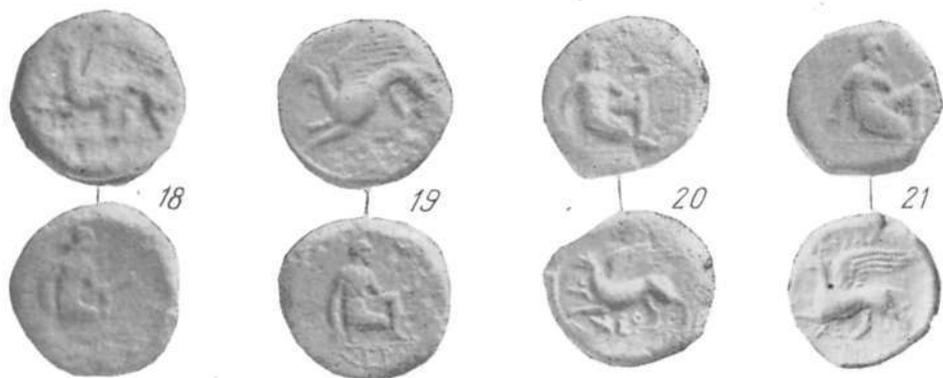
⁸⁷ А. Н. Карасев. Раскопки на городище Чайка, близ Евпатории.—КСИА АН СССР, 95, 1963, стр. 41.

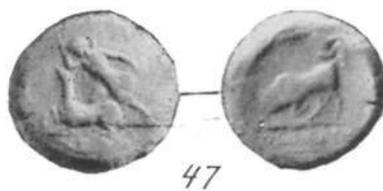
№ п/п	Размер, мм	Вес, г	Сохранность	Дифференцы, имена магистратов на о. с.	Примечание
V. Грифон — Дева (имя в обресе)					
28	20	6,30	О	ΕΥΔΡΟΜΟ	
29	22	6,06	С	ΕΥΔΡΟΜΟ [Γ]	Штемпель л. с. с трещиной
VI. Дева, поражающая лань, — бык					
30	21	7,80	О	ΔΙΑΓΟΡ [Α]	Трещина
31	20	6,89	О	ΔΙΑΓΟΡΑ	
32	21	6,26	Х	ΔΙΑΓΟ [ΡΑ]	Трещина
33	22	6,57	Х	ΔΙΑΓΟΡΑ	
34	20	6,57	С	ΔΙΑΓΟΡΑ	
35	21	6,55	С	ΔΙΑΓΟΡΑ	
36	20	6,16	О	ΔΙΑΓΟΡΑ	
37	22	5,94	С	ΔΙΑΓΟΡΑ	Трещина
38	20	5,88	Х	ΔΙΑΓΟΡΑ	Штемпели обеих сторон изношены
39	22	5,83	Х	ΔΙΑΓΟΡΑ	
40	21	5,49	Х	ΔΙΑΓΟΡΑ	
41	20	6,84	Х	ΕΥΔΡΟΜΟΥ	
42	21	6,54	О	ΕΥΔΡΟΜΟΥ	
43	20	6,46	Х	ΕΥΔΡΟΜΟΥ	Штемпель л. с. очень изношен
44	21	6,23	Х	[Ε]ΥΔΡΟΜΟ [Γ]	
45	20	6,07	Х	ΕΥΔΡΟΜΟΥ	
46	21	5,67	С	ΕΥΔΡΟΜΟΥ	Трещина
47	20	7,07	Х	ΘΕΟΧΑΡΕ	На гурте следы напильника. Буквы на штампе о. с. сглажены
48	22	7,38	О	[Κ]ΛΕΜΥΤΑΔΑ	На гурте следы напильника
49	22	7,28	Х	ΚΛΕΜΥΤΑΔ[Α]	
50	21	7,23	О	ΚΛΕΜΥΤΑΔΑ	
51	22	7,17	Х	ΚΛΕΜΥΤΑΔ[Α]	
52	21	6,64	О	[Κ]ΛΕΜΥΤΑΔΑ	
53	22	6,57	Х	[Κ]ΛΕΜΥΤΑΔ[Α]	
54	20	6,48	Х	ΚΛΕΜΥΤΑ[ΔΑ]	На гурте следы напильника
55	20	6,40	Х	[Κ]ΛΕΜΥΤΑΔ[Α]	
56	20	6,30	О	[Κ]ΛΕΜΥΤΑΔ[Α]	На гурте следы напильника
57	20	6,29	О	[Κ]ΛΕΜΥΤΑΔΑ	То же
58	20	6,12	Х	ΚΛΕΜΥΤΑΔΑ	
59	20	5,85	Х	[Κ]ΛΕΜΥΤΑΔΑ	
60	20	5,85	Х	ΚΛΕΜΥΤΑΔ[Α]	
61	22	7,80	Х	ΕΥΡΙΣΚΟ	На гурте следы напильника. Часть гурта обрублена вместе с литником
62	20	5,77	О	ΕΥΡΙΣΚΟ	То же

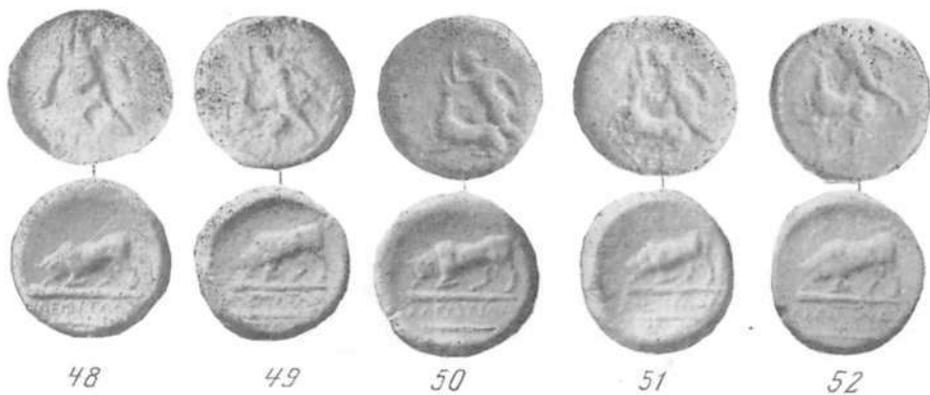
Таблица I

Монеты Кучук-Мойнакского клада

Монеты Кучук-Мойнакского клада

К. В. ГОЛЕНКО

К ХРОНОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ МЕДНЫХ МОНЕТ БОСПОРА
III в. до н. э.

В советской литературе по античной нумизматике большое внимание уделено боспорским монетам периода денежного кризиса III в. до н. э. Эти медные монеты, самые многочисленные в боспорском чекане, представляют собой благодарный материал для чисто нумизматического исследования, поскольку по ним хорошо прослеживаются деградация типов, многочисленные перечеканки и неоднократное использование контрамарок. Мы не будем загружать эту заметку перечислением всех работ начиная с исследований А. Н. Зографа¹, посвященных чекану этого периода, а также развернутой характеристикой монетного дела Боспора в III в. до н. э., поскольку в последнее время это делалось неоднократно².

Здесь мы остановимся прежде всего на хронологии медных пантикапейских монет двух типов, которые, кажется, все современные исследователи рассматривают в качестве заключительной (или одной из заключительных) городской эмиссии периода кризиса III в. до н. э. Первая группа представлена небольшими монетами обычного для этого времени типа и размера с изображением головы бородатого сатира вправо на лицевой стороне и лука, стрелы и надписи ΠΑΝΤΙ (или ΠΑΝΤ, ΠΑΝ) — на оборотной³. Многие из этих монет перечеканены из более ранних, причем материалом для перечеканки служили почти все предшествующие ей выпуски меди III в. до н. э.⁴ Свидетельством того, что в сфере городского чекана монеты Б., табл. XIX, 51 иллюстрируют постепенное изжитие кризисных явлений, служат наблюдения А. Н. Зографа над особенностями монетных кружков неперечеканенных экземпляров⁵. Наряду с характерными для позднейших серий III в. до н. э. небрежно выполненными кружками со следами литников встречаются и аккуратно изготовленные крупные кружки со сглаженным гуртом. К этому можно добавить, что некоторым мелким экземплярам⁶ присущи толстые плотные

¹ А. Н. Зограф. Мирмекийский клад монет III в. до н. э., найденный в 1934 г. — МИА, № 4, 1941, стр. 152 сл.; Он же. Античные монеты. — МИА, № 16, 1951 (далее — З.), стр. 171 сл.

² См., например: Д. Б. Шелов. Чеканка монеты и денежное обращение на Боспоре в III в. до н. э. — МИА, № 33, 1954, стр. 58 сл.; Он же. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956 (далее — Ш.), стр. 128 сл.

³ См., например: П. О. Бурачков. Общий каталог монет, принадлежащих эллиническим колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней России, ч. I. Одесса, 1884 (далее Б.), табл. XIX, 51; З., табл. XLVI, 6; Ш., табл. VI, 72, 73.

⁴ См., например: Д. Б. Шелов. Чеканка монеты..., стр. 62.

⁵ А. Н. Зограф. Мирмекийский клад..., стр. 152.

⁶ Д. Б. Шелов (Чеканка монеты..., стр. 67) допускает возможность различать среди монет Б., табл. XIX, 51 два номинала.

кружик с плоской поверхностью, находящие себе аналогии в монетах II в. до н. э.⁷

Что касается монет второй группы: голова Посейдона вправо — прора влево, внизу PANTI (Б., табл. XXII, 153)⁸, то своими размерами и особенно типами, новыми в боспорском чекане, они значительно отличаются от остальных монет III в. до н. э. Вместе с тем плоский, тонкий, с заостренными краями кружок этих монет типичен для рассматриваемого периода, несмотря на нехарактерную тщательность его изготовления. На большинстве монет Б., табл. XXII, 153 присутствуют надчеканки: более ранняя с изображением головы Афины в коринфском шлеме вправо и более поздняя с головой бородатого сатира вправо. Такого рода контрамарки на других монетах не встречаются. А. Н. Зограф убедительно показал заимствование типа для этих монет у македонских тетрадрахм с именем царя Антигона⁹, которые, как думали до недавнего времени, чеканились примерно в середине III в. до н. э. Антигоном Гонатом (283—239 гг. до н. э.). Это заставило А. Н. Зографа датировать пантикапейские монеты третьей четвертью III в. до н. э. Заметим, что применительно ко всей боспорской меди III в. до н. э. это, пожалуй, единственная абсолютная дата, которой оперируют все исследователи.

Переходя к вопросу о месте монет Б., табл. XXII, 153 в ряду других медных монет Боспора, отметим, что А. Н. Зограф, опираясь на анализ мирмекийского клада 1934 г., считал возможным видеть в них старший номинал по отношению к монетам Б., табл. XIX, 51. Иной точки зрения придерживался Д. Б. Шелов, более других работавший в области изучения боспорского чекана III в. до н. э. По его мнению, монеты Б., табл. XIX, 51 чеканились около середины III в. до н. э., в то время как монеты Б., табл. XXII, 153 относились к началу третьей четверти века¹⁰. Эта датировка связана с взглядами Д. Б. Шелова на медь Левкона II, которая представлена тремя разнотипными номиналами; она является первым видом боспорской монеты, чеканенной от имени царя, а не города¹¹. Несомненно, перед нами экстраординарный выпуск, основной целью которого была попытка стабилизации внутреннего денежного обращения Боспора. А. Н. Зограф, относивший выпуск левконовских монет «ко второй половине III в. до н. э., может быть, к самому началу ее», не считал это мероприятие по ликвидации монетного кризиса успешным. Д. Б. Шелов, датировавший вслед за А. Н. Зографом эти монеты третьей четвертью века, напротив, полагал, что выпуск полновесной меди Левкона II способствовал прекращению кризиса¹². В качестве аргументов в пользу своей мысли он приводил отсутствие перечеканок и надчеканок на царских монетах, а также указывал на возможность заимствования типа лицевой стороны монет среднего номинала Левкона (голова Афины) для надчеканок на монетах Б., табл. XXII, 153. Надчеканки на крупной городской меди Д. Б. Шелов связывал с новеллой Полиена (VI, 9,1), в которой говорится о своеобразном финан-

⁷ Ср.: К. В. Голенко. Датировка медных монет Пантикапея конца III—II вв. до н. э.— КСИИМК, 58, 1956, стр. 134.

⁸ См., например: Б., табл. XXII, 153; 154—158 (с надчеканками); З., табл. XLI, 13; Ш., табл. VI, 74—75.

⁹ З., стр. 179.

¹⁰ См., например: Д. Б. Шелов. Чеканка монеты..., стр. 62 сл.; Ш., стр. 155 сл.

¹¹ Старший номинал: голова Геракла — лук и палица — Б., табл. XXIV, 1—3; З., табл. XLII, 15; Ш., табл. VII, 76; средний: голова Афины — молния — Б., табл. XXIV, 8, 9; З., табл. XLII, 16; Ш., табл. VII, 77; младший: щит — акинак — Б., табл. XXIV, 10; З., табл. XLII, 17; Ш., табл. VII, 78.

¹² См., например: З., стр. 182; Ш., стр. 151 сл.; Д. Б. Шелов. Денежная реформа Левкона II.— ВДИ, 1953, № 1, стр. 30 сл.

совом мероприятии царя Левкона, удвоившего номинальную стоимость всех обращавшихся монет путем наложения на них нового штемпеля¹³.

Как нам кажется, существуют и другие пути установления последовательности выпуска всех трех разбираемых серий: монет с изображением бородатого сатира, монет с Посейдоном, меди Левкона II.

Прежде всего об относительной хронологии городских монет. Мирмекийский клад 1934 г. состоял из 75 монет; из них определено 60: 11 — типа Б., табл. XXI, 153 (все с надчеканками), 48 — типа Б., табл. XIX, 51 (всех основных разновидностей) и 1 — Б., табл. XXII, 165. Принимая

Рис. 1. Пантикапейская монета III в. до н. э.

во внимание редкость первых, трудно не согласиться с А. Н. Зографом, считавшим оба вида монет одновременными и представляющими собой разные номиналы. Наличие надчеканок на всех монетах Б., табл., XXII, 153 из клада предполагает в свою очередь, что не только выпуск этих монет, но и наложение на них контрамарок было практически закончено еще во время обращения монет Б., табл. XIX, 51. В пользу этого говорят и надчеканки с изображением сатира, точно следующие аверсному типу монет Б., табл. XIX, 51, а также общая для монет обоих видов форма надписи — ПАНТИ, впервые отмечаемая в меди III в. до н. э. Бесспорным свидетельством того, что все же монеты Б., табл. XXII, 153 начали чеканиться не ранее монет Б., табл. XIX, 51, служит перечеканка, изданная П. О. Бурачковым¹⁴. В то же время совместное обращение меди обеих групп подтверждает и случайно надчеканенная головой сатира монета типа Б., табл. XIX, 51 из собрания ГМИИ. На одновременность всей названной городской меди косвенно указывает крупная медная монета из коллекции Эрмитажа (рис. 1, 4, 44 г), отмеченная только А. Н. Зографом, хотя в ранних изданиях она публиковалась неоднократно¹⁵. На ее лицевой стороне помещена голова Посейдона, на оборотной — голова сатира и надпись ПАНТИ, т. е. этот уникальный экземпляр совмещает аверсные типы монет обеих разбираемых групп. Все сказанное подтверждает мысль А. Н. Зографа о том, что монеты Б., табл. XXII, 153 и XIX, 51 — одновременный выпуск двух различных номиналов, являвшийся, безусловно, заключительным для периода денежного кризиса III в. до н. э. Действительно, все монеты основных предшествовавших групп служили материалом для перечеканки в монеты с изображениями головы бородатого сатира, лука и стрелы, в то время как эти последние не надчеканивались и не перечеканивались.

¹³ Ш., стр. 151 сл.; Д. Б. Шелов. Пантикапейские монеты третьей четверти III века до н. э. с надчеканками. — КСИИМК, 43, 1954, стр. 138 сл.

¹⁴ Б., табл. XXII, 160; уникальность этого экземпляра позволяет предполагать, что перечеканка случайна, а не результат продуманного использования монет, вышедших уже из обращения.

¹⁵ З., стр. 179 сл.; А. Ашкик. Боспорское царство, ч. III. Одесса, 1849, стр. 92, № III, табл. 1. Г. Спасский. Археолого-нумизматический сборник. М., 1850, табл. I, 19; Б. Кен е. Описание музея покойного кн. В. В. Кочубея, т. I. СПб., 1857, стр. 375, № 131; А. Sibirsky. Catalogue des médailles du Bosphore Cimmérien. SPb., 1859, табл. II, 65.

Говоря об относительной хронологии левконовской меди, напомним, что А. Н. Зограф считал одновременной ей последние выпуски городских монет с типами безбородый сатир — лук и стрела (Б., табл. XX, 79, 80) или аналогичные монеты, снабженные надчеканкой в виде треножника¹⁶. Как уже отмечалось, Д. Б. Шелов полагал, что чеканка левконовских монет была предпринята сразу после выпуска монет Б., табл. XXII, 153, одновременно с наложением на них контрамарок. Нам кажется, что точка зрения А. Н. Зографа ближе к истине. Все монеты Б., табл. XXII, 153 из Мирмекийского клада 1934 г. снабжены надчеканками. Следовательно, если принять точку зрения Д. Б. Шелова, они должны быть строго одновременными левконовской меди, которой, однако, нет в кладе. С другой стороны, в Анапском кладе 1954 г.¹⁷, состоявшем в основном из монет Б., табл. XX, 79—80, находилось 17 левконовских монет всех трех типов, но в нем не было не только интересующих нас монет, но и безусловно более ранних с изображением треножника. Отсутствие в кладе меди типа Б., табл. XXII, 153 Д. Б. Шелов считает простой случайностью, но согласиться с этим трудно, поскольку в кладе имеются редкие левконовские монеты и было бы естественно ожидать наличия в нем и несколько более обычных монет Б., табл. XXII, 153. Далее, как известно, при формировании кладов всегда отдавалось предпочтение старшим номиналам, к которым беспорно принадлежат отсутствующие в Анапском кладе монеты типа Б., табл. XXII, 153.

В статье об Анапском кладе Д. Б. Шелов совершенно точно установил место левконовской меди среди остальных монет III в. до н. э. Особенности монетного кружка и фактурные признаки левконовских монет находят полную аналогию в неперечеканенных монетах типа Б., табл. XX, 79—80, входивших в Анапский клад. Это, как справедливо отмечено Д. Б. Шеловым¹⁸, свидетельствует о безусловной одновременности чеканки на тех и других. Если это так, то выпуск левконовской меди был предпринят в самый разгар кризиса. Вероятно, эта попытка стабилизации денежного обращения на внутреннем рынке Боспора¹⁹ не привела к сколько-нибудь ощутимым результатам, если принять во внимание, что она не только не предотвратила массовую надчеканку (треножник) и перечеканку (типы: Аполлон — треножник)²⁰ монет типа Б., табл. XX, 79—80, но даже не прервала дальнейшую деградацию последних.

Таким образом, возвращаясь к вопросу об относительной хронологии трех рассмотренных групп боспорских монет, мы можем прийти к следующим выводам, почти полностью совпадающим с выводами А. Н. Зографа.

¹⁶ З., стр. 182.

¹⁷ Д. Б. Шелов. Анапский клад монет 1954 г. — НЭ, I, 1980, стр. 208 сл.

¹⁸ Принимая во внимание отсутствие левконовской меди в Анапском кладе 1882 г. (Е. О. Прушевская. Анапский клад медных пантикапейских монет. — ТОНГЭ, I, 1945, стр. 17 сл.), зарытом несколько ранее Анапского клада 1954 г., с одной стороны, и практическое отсутствие в последнем наиболее деградированных экземпляров (весом ниже 2,00—2,50 г) монет Б., табл. XX, 79—80, составляющих основную массу монет этого рода — с другой, можно было бы найти достаточно точное место левконовских выпусков на фоне эмиссий монет Б., табл. XX, 79—80.

¹⁹ Имея в виду практическое совпадение веса левконовской меди и пантикапейских монет конца IV — начала III в. до н. э. (Б., табл. XIX, 39 или XX, 60 для старшего номинала; Б., табл. XX, 70, 71 для среднего; Б., табл. XIX, 35—37 для младшего), можно предполагать, что при выпуске царских монет ориентировались на весовые нормы докризисной меди.

²⁰ Отсутствие надчеканенных или перечеканенных экземпляров среди левконовских монет не может служить аргументом в пользу поздней датировки их выпуска. Этим операциям практически подвергались только позднейшие выпуски монет типа Б., табл. XX, 79—80. Отсутствие поздних надчеканок не только на ранней меди типа Б., табл. XX, 70—73, но и на ранних экземплярах монет Б., табл. XX, 79—80 заставляет думать, что к моменту указанных операций относительно полновесные монеты, включая и левконовские, вышли уже из обращения.

Левконовская медь одновременна поздним (но не заключительным) сериям монет Б., табл. XX, 79—80²¹. Пантикапейские монеты типа Б., табл. XXII, 153 и XIX, 51, составляя одновременный выпуск, заключают денежный кризис III в. до н. э.

Абсолютная хронология разбираемых выпусков весьма условна, как и определение продолжительности всего периода денежного кризиса около 75 лет. Но даты, ограничивающие этот период, могут быть достаточно твердо обоснованы. Как известно, отчетливо прослеживающиеся на медных выпусках кризисные явления были лишь результатом более важных и сложных процессов в экономической жизни Боспора — прекращения чеканки монеты из благородных металлов и (по П. О. Карышковскому) замены серебра золотом в качестве основной меры стоимости²², что и вызвало потрясение на внутреннем денежном рынке Боспора. Не вдаваясь в подробности сложного и достаточно изученного вопроса о хронологии предкризисных серий пантикапейского золота и серебра, отметим только, что до недавнего времени начало кризиса было принято датировать концом IV — началом III в. до н. э., а первые медные монеты кризисных эмиссий — началом III в. до н. э. Но в одной из своих последних работ²³ П. О. Карышковский убедительно передатировал заключительные предкризисные выпуски монет из благородных металлов временем «не ранее начала третьего десятилетия или конца первой четверти III в. до н. э.». Учитывая это обстоятельство, вероятно, следует относить начало кризиса примерно на четверть столетия позже, чем принято считать, т. е. во вторую четверть III в. до н. э.

Таким образом, существует необходимость либо признать, что кризис продолжался меньше, либо сдвинуть всю абсолютную хронологию многочисленной и многотипной меди III в. до н. э. на 25 лет. Совершенно очевидно, что здесь выбор целиком зависит от незыблемости даты прекращения кризиса — третья четверть III в. до н. э. Эта дата в конечном итоге базируется на хронологии упомянутых уже македонских тетрадрахм, типу которых следовала пантикапейская медь Б., табл. XXII, 153. Как уже отмечалось, эти македонские монеты было принято приписывать Антигону Гонату (283—239 гг. до н. э.), но теперь произведена их переприписания: И. Меркер убедительно связывает их выпуск с именем другого македонского царя — Антигона Дозона (227—221 гг. до н. э.), считая, что эти эффектные монеты выпущены в связи с битвой у Андроса в 227 г. до н. э.²⁴ Исходя из этого мы должны датировать пантикапейскую медь Б., табл. XXII, 153 и XIX, 51, а следовательно, и конец денежного кризиса последней четвертью III в. до н. э.

Таким образом, крайние даты кризиса могут быть определены как вторая четверть и конец III в. до н. э. Это в свою очередь требует пере-

²¹ В одной из своих последних работ (Материалы к истории денежного обращения в городах Боспора в VI—I вв. до н. э.—НЭ, V, 1965, стр. 35 сл.) Д. Б. Шелов, базируясь на анализе того же Анапского клада 1954 г. и учитывая массовый характер находок монет типа Б., табл. XX, 79—80, выдвинул предположение, согласно которому эти последние продолжали выпускаться и в третьей четверти III в. до н. э., а обращались, возможно, на протяжении всего III в. до н. э. Эта точка зрения никоим образом не изменяет относительной хронологии как левконовской меди, так и упомянутых пантикапейских монет.

²² П. О. Карышковский. Из истории денежного обращения в Северном Причерноморье в III в. до н. э.—ЗООА, I, (34). Одесса, 1960, стр. 112 сл.; Он же. Заметки по нумизматике античного Причерноморья. 9. К вопросу о причинах и характере денежного кризиса на Боспоре в первой половине III в. до н. э.—ВДИ, 1961, № 4, стр. 114 сл.

²³ П. О. Карышковский. Заметки по нумизматике античного Причерноморья. 11. О начальной дате денежного кризиса на Боспоре в III в. до н. э.—ВДИ, 1964, № 1, стр. 134 сл.

²⁴ I. L. Merker. The Silver Coinage of Antigonus Gonatas and Antigonus Doson.—MN (ANS), IX, 1960, стр. 39 сл.

датировки всех серий меди кризисного периода, которая и предложена в конце настоящей заметки ²⁵.

Наша передатировка получает известную поддержку и в других фактах нумизматики Боспора. Отнесение к концу III в. до н. э. монет Б., табл. XXII, 153 и XIX, 51 устраняет лагуну, существовавшую между одинаково многочисленной медью III и II вв. до н. э. ²⁶, которую явно не могли заполнить датируемые Д. Б. Шеловым концом III в. до н. э. мельчайшие монетки с изображением крыла и треножника (Б., табл. XXI, 131) и сравнительно редкие небольшие монеты с типами: голова быка и плуг (Б., табл. XXIII, 187—189), начало чекана которых, вероятно, относится к тому же времени ²⁷. Далее, очевидно, к концу III и II вв. до н. э. ²⁸ относятся чеканка многочисленных фанагорийских монет с изображением головы бородатого сатира, лука и стрелы (Б., табл. XXIII, 8—11). Совершенно ясно, что типы фанагорийских монет заимствованы у пантикапейских, но при старой датировке пантикапейской меди III в. до н. э. было бы трудно указать на вероятную прямую преемственность типов. Теперь становится очевидным непосредственное влияние пантикапейских монет типа Б., табл. XIX, 51 на фанагорийскую медь. Оно выразилось не только в типологической общности, но и в особенностях монетных кружков некоторых пантикапейских монет, совершенно идентичных кружкам ранних фанагорийских.

²⁵ Таким образом, придерживаясь традиционных представлений об относительной хронологии меди III в. до н. э., мы пришли к тем же абсолютным датам левконовской меди и монет Б., табл. XX, 79—80, что и Д. Б. Шелов.

²⁶ См., например: Д. Б. Шелов. Чеканка монеты..., стр. 67 сл.; Ш., стр. 165 сл.

²⁷ К. В. Голенко. Датировка медных монет..., стр. 135; Ш., стр. 165.

²⁸ К. В. Голенко. К уточнению датировки одной группы монет Фанагории.— КСИИМК, 58, 1955, стр. 139 сл.; Ш., стр. 173 сл.

ПРИМЕРНАЯ ХРОНОЛОГИЯ МОНЕТНЫХ ВЫПУСКОВ БОСПОРА III в.
до н. э.

Тип монеты	Датировка
1. Голова безбородого сатира — голова льва. Б., табл. XX, 70—71; З., табл. XLI, 2; Ш., табл. V, 61	Рубеж IV—III вв. до н. э.
2. То же, но с надчеканками звезды и горита. Б., табл. XX, 72; З., табл. XLI, 3; Ш., табл. V, 62	Конец первой — начало второй четверти III в. до н. э.
3. Голова бородатого сатира — голова быка. Б., табл. XIX, 35—37; З., табл. XLI, 7; Ш., табл. V, 63—64	Первая — начало второй четверти III в. до н. э.
4. Голова безбородого сатира — лук, стрела (включая перечеканенные из монет Б., табл. XX, 72; XIX, 35—37). Б., табл. XX, 73—74; З., табл. XLI, 4; Ш., табл. VI, 65, 67	Вторая четверть III в. до н. э.
5. Медь Левкона II. Б., табл. XXIV, 1, 3, 8—10; З., табл. XLII, 15—17; Ш., табл. VII, 76—78	Начало третьей четверти III в. до н. э.
6. Голова безбородого сатира — лук, стрела (деградированные). Б., табл. XX, 79—80; З., табл. XLI, 5; Ш., табл. VI, 66	Третья четверть III в. до н. э.
7. Голова Аполлона — орел. Б., табл. XXII, 153—164; З., табл. XLI, 10; Ш., табл. VI, 68	Конец третьей — начало четвертой четверти III в. до н. э.
8. То же, но с надчеканкой треножника. Б., табл. XXII, 165—167; З., табл. XLI, 11; Ш., табл. VI, 71	
9. Голова Аполлона — треножник (перечеканенные из монет типа № 6). Б., табл. XXI, 123—124; З., табл. XLI, 9; Ш., табл. VI, 69	
10. Монеты типа № 6, но с надчеканкой треножника. Б., табл. XXI, 125—127; З., табл. XLI, 8; Ш., табл. VI, 70	
11. Голова Посейдона — прора. Б., табл. XXII, 153; З., табл. XLI, 13; Ш., табл. VI, 75	Четвертая четверть III в. до н. э.
12. Голова бородатого сатира — лук, стрела (включая перечеканенные из монет более ранних групп). Б., табл. XIX, 51; З., табл. XLI, 6; Ш., табл. VI, 72—73	

Н. П. РОЗАНОВА
АУРЕУС АВЛА ГИРЦИЯ

Из 92 золотых римских монет, хранящихся в Отделе нумизматики ГМИИ имени А. С. Пушкина в Москве, к периоду республики относятся только четыре: три из них — Марка Юния Брута с надписью КОСΩΝ были изданы мною в 1956 г.¹, а четвертая — издаваемый здесь ауреус Авла Гирция, префекта города (рис. 1)².

В период республики золотая монета чеканилась в Риме редко и случайно. Существует предание, что первая золотая монета была выпущена римлянами в 217 г. до н. э., после сражения при Тразименском озере.

Рис. 1. Ауреус Авла Гирция
Вверху — натуральная величина; внизу — увеличено в два раза

Удостоверяется это предание следующими словами Плиния: «Золотая монета была выбита у римлян через 51 год после серебряной» («Aureus nummus post annos LI percussus est, quam argenteus») ³. До этого золото, поступавшее в сокровищницу Сатурна в виде военной добычи, отливалось в плитки, в форме небольших кирпичей (Lateres). «Ведь первоначально были вылиты серебряные и золотые плитки и положены

¹ Н. П. Розанова. О золотых монетах с надписью КОСΩΝ.— КСИИМК, 66, 1956, стр. 120 сл.

² Инв. № 4627/84. Имеются аналогичные монеты в ГЭ (№ 1677/1159; 1678/1161).

³ Plinii. NH, XXXIII, 3, 13.

в aegarium» («Lateres argentei atque aurei primum conflati atque in aegarium conditi»), — говорит Варрон⁴. Золотые же монеты появлялись изредка, без особой системы, в соответствии с монетным правом, представленным военачальникам.

В I в. до н. э. выпуск монеты из драгоценного металла, полученного в качестве контрибуции, обычен. О таком выпуске золотых монет квестором Лукуллом, по приказанию, данному полководцем Суллой в 83 г. до н. э. в Малой Азии, говорит, например, Плутарх: «Когда Митридат по заключению мира удалился в Понт, Сулла наложил на провинции Азии военную контрибуцию в 12 000 талантов и поручил Лукуллу получить ее в металле, а затем (из этого металла) выбить монеты»⁵. В 43 г. до н. э. Марк Юний Брут выпустил во Фракии в городе Коссо золотые монеты с надписью ΚΟΣΩΝ для уплаты жалованья войску⁶.

Золотые монеты Суллы, Помпея, Марка Брута, Цезаря и его полководцев выпускались в порядке исключения во время войн для обслуживания армии или по случаю какого-нибудь триумфа⁷.

Благодаря привезенной Юлием Цезарем из победоносных походов богатой добыче, о размерах которой можно судить по щедрому вознаграждению воинов и богатым подаркам римскому населению, золотая монета в последние годы его жизни окончательно внедрилась в римскую денежную систему. Юлий Цезарь первым ввел в Риме чекан ауреусов и демиауреусов, что, как и право помещать свое изображение на монете, составляло в древности обыкновенно привилегию царской власти. Этим правом Цезарь был почтен декретом Сената в конце 45 г. до н. э.

Ауреус Авла Гирция, префекта города, имеет следующие изображения и надписи:

л. с. C. caesar. cos. ter. (Caius caesar, consul tertium). Кай Цезарь; консул в третий раз. Голова богини Благодетельности (Pietas) в покрывале, с чертами лица Цезаря, обращенная вправо. Кругом ободок из точек;

о. с. A. Hirtius PR (Aulus Hirtius praefectus urdis). Жреческие принадлежности: авгурский жезл, сосуд для возлияния и топорик. Кругом ободок из точек. Инв. № 4627/84; размер 20 мм, вес 7,814 г.

Ауреусы с именем Авла Гирция⁸ выбиты в 46 г. до н. э. в третьем консульстве Юлия Цезаря. Голова Pietas на лицевой стороне встречается на золотых и серебряных монетах самого Цезаря в 49 г. до н. э.⁹ Изображение жреческих принадлежностей на оборотной стороне ауреуса помещено в честь Цезаря как верховного жреца.

Авл Гирций был личным другом и политическим соратником Юлия Цезаря. В 58 г. до н. э. он был назначен Цезарем легатом в Галлию. В 49 г. до н. э. он вернулся в Рим и в 46 г. до н. э. стал одним из префектов города. В августе того же года Цезарь справлял триумф по случаю побед над Галлией, Египтом, Понтом и Африкой. Все эти торжества отмечались с интервалами в несколько дней. Монеты были выпущены для раздачи солдатам и народу¹⁰. Об их очень большом количестве говорит клад, найденный в 1878 г. в Cajazzo¹¹, где среди других республиканских монет их оказалось 39 экземпляров.

⁴ Varro, ap Nonium.

⁵ Plut., Lucullus, I, 2, 2.

⁶ Н. П. Розанова. О золотых монетах...

⁷ E. Babelon. Monnaies de la République Romaine. II. Paris, 1885, стр. 179, 342.

⁸ Н. А. Грубер. Coins of the Roman Republic in the British Museum, I. London, 1910, стр. 525—526, табл. LI, 22; E. Babelon. Указ. соч., стр. 543; H. Mattingly. Coins of the Roman Empire in the British Museum, III. London, 1923, стр. 144; H. Cohen. Description historique des médailles, frappées sous l'empire Romain, I. Paris, 1880, стр. 7—8, N 3.

⁹ Н. А. Грубер. Указ. соч., I, стр. 505.

¹⁰ Suet. Caesar, XXXVIII.

¹¹ V. Duhn. Münzfund bei Cajazzo. — ZfN, 1878, стр. 232.

Существуют еще небольшие медные монеты, по-видимому квадрансы, чеканенные Авлом Гирцием в 58 г. до н. э. в области треверов, в бытность его там легатом Цезаря. На лицевой стороне этих монет, так же как и на монетах Цезаря, изображен слон, топчущий дракона, на оборотной стороне — жреческие принадлежности¹².

Денарий Цезаря 50 г. до н. э. с изображениями слона на лицевой стороне и атрибутов понтифика на оборотной¹³ говорит о победе римских легионов над Ариовистом. Слон — эмблема имени Цезаря, так как на пуническом языке, по объяснению древних, слово «цезарь» означает «слон». Эмблемы оборотной стороны монеты указывают на обязанности верховного жреца, которые Цезарь выполнял с 63 г. до н. э.

Авл Гирций, наместник Бельгийской Галлии, выбил вышеупомянутые квадрансы почти одновременно с серебряными денариями Цезаря, но он поместил на них свое имя вместо имени Цезаря.

Умер Гирций 27 апреля 43 г. до н. э. от ран в битве при Мутине во время своего консульства.

Из одной надписи¹⁴ известно, что плебейская фамилия Гирциев происходила из Ферентина, небольшого городка герников в Лациуме. Самым известным человеком из этой фамилии является наш монетарий. Год рождения его неизвестен. Цицерон в письме к Аттику¹⁵ говорит, что Авл Гирций вместе с Цезарем участвовал в покорении Галлии, а также воевал вместе с ним в Греции и Испании. Гирций был близок к Цицерону, и тот по его просьбе написал свой трактат «De fato».

После смерти Цезаря Авл Гирций написал восьмую книгу «Записок о Галльской войне», о чем есть свидетельство Светония¹⁶.

Эта книга содержит описание войны за 51 и 50 гг. до н. э. Автор старается имитировать слог Цезаря, но это ему плохо удается: нет собственных Цезарю живости и увлекательности изложения. Кроме этой книги Гирций еще в 45 г. до н. э. по поручению Цезаря написал опровержение на панегирик Цицерона Катону. Это послание к знаменитому оратору полно льстивых фраз по его адресу. Из переписки Цицерона с Гирцием сохранился лишь один подлинник письма Гирция к Цицерону. Описание Александрийской войны 48—47 гг. до н. э. также, вероятно всего, принадлежит Гирцию. Здесь в 78 главах изложены военные действия Цезаря в Египте, до взятия Александрии, рассказывается о неудачах в Понте, Иллирии, о волнениях в Испании и о военных действиях Цезаря в Малой Азии до ее умиротворения. Светоний¹⁷ приписывает описание Александрийской войны Оппию без всяких доказательств, но Авл Гирций во введении к VIII книге «Галльской войны» пишет, что он составил (*confeci*) и историю гражданской войны начиная с Александрийской до смерти Цезаря. В этих войнах, как он сам заявляет, лично он не участвовал, но немало узнал о них у самого Цезаря¹⁸. О том, что Гирций — автор «Bellum Alexandrinum», говорит сходство языка этого сочинения и VIII книги «Галльской войны».

Авл Гирций составляет счастливое исключение из бесчисленной плеяды римских республиканских монетариев, имена которых известны только по монетам и больше ни в каких исторических, литературных и эпиграфических источниках не встречаются.

¹² E. Babelon. Указ. соч., I, стр. 543; Grant Michael. From imperium to auctoritas. A historical study of aes coinage in the Roman Empire 49 BC — 14 AD. Cambridge, 1946, стр. 391, табл. IX, 25.

¹³ M. Cohen. Указ. соч., I, стр. 17; E. Babelon. Указ. соч., II, стр. 10.

¹⁴ Orelli. Inscriptiones latinae, № 589; Garrucci. Sylloge inscriptionum latinae, № 151.

¹⁵ Cic., Epist. ad Att., 7, 4.

¹⁶ Suet. Caesar. LVI.

¹⁷ Suet. Caesar. LVI.

¹⁸ Bell. Gall, VIII, 8.

И. Т. КРУГЛИКОВА

МОНЕТЫ ИЗ РАСКОПОК ГОРГИППИИ 1960—1966 гг.

Анапская экспедиция Института археологии АН СССР и Анапского краеведческого музея с 1960 г. ежегодно проводит раскопки древнего боспорского города Горгиппии¹. На раскопе «Город» (во дворе горисполкома между современными улицами Набережной, Кубанской и Свободы) открыты часть улицы II—III вв. н. э. и примыкавшие к ней с севера и юга жилые дома, обнаружены гончарные мастерские II в. до н. э., I в. до н. э. — I в. н. э. и II—III вв. н. э. Наиболее ранний культурный слой здесь относился к V—IV вв. до н. э. На двух раскопах «Гостиница» (во дворе гостиницы «Анапа» близ Набережной улицы)² открыты кроме канала монументального водостока остатки нескольких построек первых веков нашей эры (барабан колонны, греческие статуи, надписи, рельефы). Раскопки позволили предположить наличие в этом районе общественного центра древней Горгиппии³.

На раскопе «Кубанский» (примерно на 30 м южнее раскопа «Город») в 1962 г. расчищена часть жилого дома II—III вв. н. э., при постройке которого были прорезаны культурные слои с IV в. до н. э. по I в. н. э.⁴ Раскоп «Астраханский» (на углу современных улиц Астраханской и Протапова)⁵ находился вне границ античного города, на территории его некрополя. Тут открыты могилы, относящиеся к периоду с III в. до н. э. по II в. н. э. На расположенном неподалеку раскопе «Улица Протапова» в 1965 г. открыт сброс терракот и культовых сосудов, вероятно, из святилища Деметры. На берегу моря (раскоп «Берег») открыты остатки постройки IV—III вв. до н. э. и рыбозасолочная цистерна I в. до н. э. — I в. н. э.

Материалы археологических раскопок и случайные находки, в том числе многочисленные эпиграфические памятники, свидетельствуют о том, что Горгиппия была значительным торгово-ремесленным центром и играла большую роль в экономической жизни Боспорского царства.

Это подтверждают и найденные при раскопках Горгиппии в 1960—1966 гг. монеты. Большая часть их сохранилась очень плохо, несколько

¹ Начальник экспедиции И. Т. Кругликова. В 1949 г. на территории Анапы работала экспедиция под руководством В. Д. Блаватского; раскопки некрополя Горгиппии в 1954—1956 гг. проводила И. В. Поздеева.

² Раскопками руководили Г. А. Цветаева (1961 г.) и Т. М. Смирнова (1962 г.).

³ И. Т. Кругликова. Новые эпиграфические памятники Горгиппии.— ВДИ, 1967, № 2.

⁴ Раскопом руководила В. А. Устинова (1962 г.). Все находки с этого раскопа хранятся в Харьковском государственном университете. Монеты из раскопа «Кубанский» были любезно присланы нам В. А. Устиновой.

⁵ Раскопками руководили И. Т. Кругликова и Т. М. Смирнова (1963 г.) и Г. А. Цветаева (1964 г.).

монет распалось при расчистке в лаборатории Института археологии. Оказалось возможным с большей или меньшей степенью точности определить 183 из 252 монет. Большая часть их хранится в Анапском краеведческом музее, только 16 — в музее Харьковского государственного университета. Лишь 8 монет относятся к XVIII в., в том числе 1 золотая, 6 серебряных турецких и 1 бронзовая крымского хана Шахчи-Гирея⁶; имеется, кроме того, 1 русская медная монета XIX в. Основную же часть коллекции составляют монеты античного времени. За исключением серебряной пантикапейской драхмы первой половины II в. до н. э. (№ 126) и биллонового стatera Савромата II 175 г. н. э. (№ 41), все античные монеты — медные.

Наиболее ранние монеты принадлежат пантикапейской чеканке второй половины IV в. до н. э. Лишь одна (№ 13), к сожалению очень плохо сохранившаяся, монета может быть предположительно отнесена к серии монет, чеканенных около 340—330 гг. до н. э.⁷, 15 были чеканены или перечеканены около 330—315 гг. до н. э., из них 11 имели изображения головы сатира на лицевой стороне и протомы грифона — на оборотной. Из 13 монет, чеканенных около 315—300 гг. до н. э., 11 представляли собой довольно крупные кружки с головой безбородого сатира в плещевом венке влево на лицевой стороне и с головой льва и осетром — на оборотной (Б., табл. XX, 70, 71); кроме того, одна из монет (№ 19) этого же типа имела надчеканку начала III в. до н. э.

Типы монет III в. до н. э. еще менее разнообразны. Все монеты пантикапейские, преобладают монеты 300—250 гг. до н. э. с изображением безбородого сатира влево на лицевой и лука со стрелой на оборотной сторонах (Б., табл. XX, 73—80 и 94—95), три из них имеют надчеканки в виде треножника (№ 68, 203, 204).

Из 14 монет II в. до н. э. — 6 маленьких фанагорийских с изображением головы бородатого сатира и лука со стрелой (Б., табл. XXIII, 10), выпуск которых начался еще с конца III в. до н. э., но осуществлялся главным образом в первой половине и в середине II в. до н. э.⁸ Некоторые из этих монеток перечеканены, и на них отчетливо проступают следы старых штампов (№ 28, 225). Фанагорийские монеты составляют почти половину общего числа монет II в. до н. э., что подтверждает точку зрения Д. Б. Шелова об их преимущественном распространении в городах азиатского Боспора⁹. Среди монет пантикапейской чеканки встречены драхма низкопробного серебра (№ 126) с головой Аполлона и горитом (Б., табл. XXXI, 109; Ш., табл. VII, 87), выпущенная, по-видимому, около середины II в. до н. э.¹⁰, и довольно редко встречающаяся медная монета (№ 18) того же типа (Ш. табл. VIII, 94)¹¹, возможно, тетрахалк¹². Имеется и мелкая медная монетка той же серии (№ 27). К концу II в. до н. э. относятся монеты с головой безбородого сатира и шапками Диоскуров (№ 20) и с головой бородатого сатира и рогом изобилия между двумя шапками Диоскуров (№ 113).

Боспорская чеканка I в. до н. э. представлена несколькими монетами. Среди них тетрахалк с изображениями головы Аполлона и треножника с тирсом (№ 22; З., табл. XLIII, 15—17), три монеты мелкого номинала

⁶ Монеты XVIII в. определены С. А. Яниной, за что мы приносим ей глубокую благодарность.

⁷ Мы принимаем датировку Д. Б. Шелова (см. Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора VI—II в. до н. э. М., 1956).

⁸ К. В. Голенко. К уточнению датировки одной группы монет Фанагории. — КСИИМК, 58, 1955, стр. 159 сл.

⁹ Ш., стр. 199.

¹⁰ Там же, стр. 162.

¹¹ Там же, стр. 167.

¹² Там же, стр. 181.

с звездой и треножником на оборотной стороне (№ 23, 86, 129; З., табл. XLIII, 18), которые А. Н. Зограф датирует первой четвертью I в. до н. э., а Д. Б. Шелов и К. В. Голенко относят к 90—80 гг. до н. э.¹³ Один перечеканенный обол Асандра (№ 35) с мужской головой на лицевой стороне и с носом корабля — на оборотной отчетливо сохранил следы старых изображений и надчеканок звезды на обеих сторонах. Ко времени Асандра относится также пантикапейский тетрахалк (№ 78) с изображением головы Аполлона и пьющего Пегаса (Б., табл. XXII, 149), а к концу I в. до н. э. — единственная монета Кесарии (№ 143).

Рис. 1. Бронзовая монета Митридата III из Горгиппии

Кроме монет боспорской чеканки в Горгиппии, так же как и в других боспорских городах эпохи Митридата, имели обращение монеты городов Понтийского царства. В публикуемой коллекции имеются три синопские монеты с головой Зевса и орлом с монограммой (№ 34, 89, 217)¹⁴, которые по хронологической таблице Ф. Имхоф-Блюмера следует датировать 80—70 гг. до н. э.¹⁵ и одна монета Амиса 105—90 гг. до н. э. с эгидой на лицевой стороне и с Никой — на оборотной (№ 88; З., табл. XVIII, 23).

Из боспорских царей I в. н. э. до Савромата I монетами представлены Аспург (№ 6), Митридат III (№ 107, 108, 114, 140) и Рискупорид II (№ 125). Асс Аспурга — Рискупорида I имеет на лицевой стороне портрет римского императора Тиберия с круговой легендой, содержащей его имя и титул. Штампы оборотной стороны сильно смещены, и на кружке уцелели лишь портрет молодого царя в диадеме, знак ценности и небольшой кусок монограммы, содержащей имя Рискупорида.

В коллекции представлены все три разновидности ассов, принадлежавших Митридату III (№ 107, 108, 114, 140). Обращает на себя внимание монета № 140, где богиня, изображенная на оборотной стороне, имеет своеобразный головной убор в виде поставленной наклонно башенной короны (рис. 1). При этом в противоположность всему изображенному корона выполнена очень небрежно и производит впечатление нанесенной дополнительно уже на готовый штамп. Башенная корона вместо калафа на аналогичных женских изображениях кесарийских монет уже была

¹³ К. В. Голенко, Д. Б. Шелов. Монеты из раскопок Пантикапея 1945—1961 гг. — НИС, I, 1963, стр. 7 сл.

¹⁴ Ю. С. Крушк. Патрейский клад 1950 г. — КСИИМК, 66, 1956, стр. 116, рис. 17, 8.

¹⁵ F. Imhoof-Blumer. Die Kupferprägung des mithradatischen Reiches und andere Münzen des Pontus und Paphlagoniens. — NZ, 1912, стр. 188.

отмечена¹⁶. А. Н. Зограф установил совпадение изображений бюста богини на монетах Гиппеирии и одной из групп монет Кесарии¹⁷, считая это доказательством возобновления при Митридате чеканки от имени города. Может быть, изображение на нашей монете подтверждает эту точку зрения: связь богини с городом подчеркивается дополнительным нанесением на старый штамп башенной короны — символа городского божества.

Лишь один сестерций (№ 125) относится к царствованию Рискупорида II. Чеканка сменившего его на боспорском престоле Савромата I представлена 13 сестерциями, но с сильно стертymi изображениями. Из монет Котия II в нашей коллекции имеются сестерции трех типов (Б., табл. XXIX, 175, 176, 178), а все шесть сестерциев Римиталка принадлежат одному и тому же типу (Б., табл. XXIX, 188; З., табл. XLVII, 18) и различаются только трактовкой портрета царя. В коллекции имеется один очень редкий сестерций Евпатора с головой царя и знаком МН в венке (№ 65), относящийся к первым годам его правления¹⁸, и другой, тоже редко встречающийся сестерций второй половины правления этого царя¹⁹ с головой царя и противопоставленной ей головой богини в калафе на лицевой стороне и знаком МН в венке — на оборотной (№ 189). Более многочисленны монеты Савромата II. Среди них есть биллоновый статер 175 г. н. э. Кроме нескольких плохо сохранившихся сестерциев (№ 25, 26, 209), возможно относящихся еще к первому периоду царствования Савромата II, все остальные монеты выпущены уже после проведения денежной реформы. Среди них есть сестерции, драхмы с орлом на оборотной стороне (№ 33, 54, 72, 181), денарии с изображением сидящей богини (№ 57, 147, 198) и двойные денарии с всадником (№ 42, 190) или сидящей богиней (№ 63). Надчеканки в виде головы Септимия Севера сохранились только на монетах № 57, 63, 79, 193.

Монеты Рискупорида III представлены двумя типами денариев с сидящей богиней (№ 60, 178, 199) и со всадником (№ 8, 87, 158, 196, 206) на оборотных сторонах; на одной из них всадник пронзает копьем врага (№ 8; Б., табл. XXXI, 277). Самая поздняя монета — денарий Котия III (№ 75). Он свидетельствует о наступившем упадке монетной чеканки и выделяется грубостью исполнения штампа. Портрет царя здесь сделан очень небрежно, имя вырезано криво, фигура всадника на реверсе необычайно массивна, знак ценности отсутствует.

В коллекции нет ни одной монеты, которую можно было бы уверенно датировать более поздним периодом (после 233 г. н. э.). Это дает основание предполагать, что Горгиппия пережила какие-то сильные потрясения, может быть, даже была разрушена уже во второй четверти III в. н. э.

Обращает на себя внимание отсутствие ранних боспорских монет. Однако мы не можем связывать это с вопросом о времени основания города, как мы пытаемся связать отсутствие поздних нумизматических памятников с решением вопроса о времени его гибели. Если статеры и медные монеты III в. н. э. встречаются в других городах Боспора в большом количестве, то монеты V и IV вв. до н. э. везде очень редки. Исследователи объясняют это тем, что до второй половины IV в. до н. э. в обращении находились в основном серебряные монеты, а их теряли гораздо реже²⁰. Что касается Горгиппии, то основание ее должно относиться к значительно более раннему времени, чем вторая половина IV в. до н. э., так как среди находок в культурных слоях города неоднократно встреча-

¹⁶ А. В. Орешников. Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья. — ИС, III, 1914, стр. 41, табл. I, 13; К. В. Голенко, Д. Б. Шелов. Указ. соч., стр. 8.

¹⁷ З., стр. 197.

¹⁸ Там же, стр. 203, табл. XLVIII, 3.

¹⁹ Там же, стр. 203.

²⁰ К. В. Голенко, Д. Б. Шелов. Указ. соч., стр. 6.

лась керамика начала IV, V, а иногда даже и VI в. до н. э., в том числе обломки пухлогорлых хиосских амфор и расписных сосудов²¹.

Анализ монетных находок показывает, что в денежном обращении города преобладали монеты пантикапейской чеканки. В то же время роль фанагорийских монет, хотя они количественно значительно уступают пантикапейским, все же была больше, чем в городах европейского Боспора.

Число пантикапейских монет различных типов второй половины IV и первой половины III в. до н. э., найденных в Горгии, примерно соответствует соотношению находок таких же монет в других боспорских городах: Пантикапее, Мирмекии, Тиритаке, Фанагории, Гермонассе, Патрее и Кепах. Используя данные таблиц, составленных Д. Б. Шеловым для этих городов²², можно сопоставить их с находками в Горгии:

Таблица

Дата до н. э.	Тип монет (по П. О. Вурачкову)	Общее число монет по таблицам Д. Б. Шелова	Из них найдено в Фанагории	Найдено в Горгии в 1960—1966 гг.
340—330	XX, 96	11	3	1
330—315	XIX, 49—50	3	1	1
	XIX, 39	32	8	5
	XX, 88—89	91	28	6
315—300	XX, 91—93	50	14	3
	XX, 60	5	—	2
	XX, 70—71	73	15	11
Начало III в.	XX, 72	56	13	2
	XIX, 35—37	70	16	4
Первая четверть III в.	XX, 73—74	97	45	3
	XX, 75—78	60	29	12
Вторая четверть и середина III в.	XX, 79—80	544	165	6
	XXI, 123—128	79	12	3
Конец III в. — начало II в.	XXI 131	36	15	1
Около 200—120 гг.	XXI, 113	10	—	1
	XXI, 114	488	258	1
Около 120—110 гг.	XIX, 56	74	16	1

Находки монет второй половины III и II в. до н. э. не дают такой ясной картины, но, возможно, это связано с особенностями слоев, и последующие раскопки добудут новые данные.

Беглый просмотр монет, хранящихся в фондах Анапского краеведческого музея, в том числе и найденных И. В. Поздеевой при раскопках некрополя Горгии с 1954 по 1956 г. и из ее же раскопа во дворе горисполкома в 1959 г.²³, несколько дополняет наше представление о денежном обращении Горгии, но не вносит существенных поправок в общую картину, полученную при изучении монет из раскопок 1960—1966 гг. При раскопках предшествующих лет также не было обнаружено монет ранее второй половины IV в. до н. э. Встречаются монеты IV в. до н. э. с головой сатира на лицевой стороне и головой быка, льва или с грифоном — на оборотной, монеты первой половины III в. до н. э. с головой

²¹ И. Т. Кругликова, Г. А. Цветаева. Раскопки в Анапе. — КСИА, 95, 1963, стр. 70; В. Д. Блаватский. Разведка в Анапе. — КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 247

²² Д. Б. Шелов. Материалы к истории денежного обращения в городах Боспора в VI—I вв. до н. э. — НЭ, V, 1965, стр. 34, 36, 37.

²³ Этот расширенный в 1960 г. раскоп получил название «Город».

сатира на лицевой и с луком, стрелой и надписью ПАН — на оборотной стороне. Встречено несколько фанагорийских монет. Найдены монеты II в. до н. э. (Б., табл XXI, 114) с горитом и надписью ПАН на обороте (инв. № 1255, 1914, 2074, 550, 542), широко распространенные в других городах Боспора, но в раскопках 1960—1966 гг. представлены лишь одним экземпляром. Есть монеты Кесарии и Агриппии I в. до н. э. (инв. № 3347 и 1955). Особый интерес представляют монеты, не встречавшиеся в нашей коллекции. Среди них две монеты Левкона II третьей четверти III в. до н. э. (инв. № 2133 и 1917), три монеты Амиса, монеты с изображением пятиколонного храма (инв. № 1922 и 1209), монеты конца I в. до н. э.—начала I в. н. э. с гермой на обороте (инв. № 1248), редко встречающийся обол Пантикапея первой четверти I в. до н. э. (Б., табл. XXII, 179; З., табл XLIII, 13; инв. № 1912). Нельзя не упомянуть хранящиеся в фондах музея монеты IV в. н. э.: Рискупорида VI (инв. № 540—313 г. н. э. и № 545) и Фофорса (инв. № 1954), происхождение которых неизвестно. Не исключено, что они найдены на территории Анапы или в ее ближайших окрестностях. Однако монет середины и второй половины III в. н. э. на территории Анапы до настоящего времени не встречено.

Список монет из раскопок Горгиппии 1960—1966 гг. *

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ п/п	№ п/п описи	Определение монеты	Издание	Датировка	Вес в г	Место находки	Сохранность
1960 г. Раскоп «Город»							
1	1	Пантикапей	Б., табл. XX, 89	380—315 гг. до н. э.	1,73	Пл. II, шт. 8	ОП
2	2	Пантикапей	Б., табл. XX, 75; З., табл. XLI, 4; Ш., табл. VI, 67	300—250 гг. до н. э.	5,85	Пл. II, шт. 9	Х
3	3	Пантикапей	Б., табл. XX, 75; З., табл. XLI, 4; Ш., табл. VI, 67	300—250 гг. до н. э.	1,82	Пл. II, шт. 10	П
4	4	Неопределима	—	—	—	Пл. II, шт. 10	ОП
5	5	Рискупорид II, се- стерций	Б., табл. XXVII, 122	Конец I в. н. э.	9,05	Пл. III, шт. 7	П
6	6	Аспург — Риску- порид I	Б., табл. XXVI, 84—85; З., табл. XLV, 16	14—37 гг. н. э.	7,77	Пл. III, шт. 7	Х
7	9	Пантикапей	Б., табл. XX, 70—71; З., табл. XLI, 2	315—300 гг. до н. э.	1,29	Пл. III, шт. 8	ОП
1961 г. Раскоп «Город»							
8	1	Рискупорид III, денарий	Б., табл. XXXII, 294 — л. с.; Б., табл. XXXI, 277 — о. с.	210—226 гг. н. э.	6,84	Пл. VI, гл. 0,9 м	Х
9	2	Пантикапей	Б., табл. XX, 71; З., табл. XLI, 2	325—300 гг. до н. э.	6,16	Пл. VI, гл. 1,45 м	С
10	4	Неопределима	—	—	—	Пл. VI, гл. 1,6 м	ОП
11	5	Пантикапей	Б., табл. XX, 73—74; З., табл. XLI, 4	300—250 гг. до н. э.	4,23	Пл. VII, гл. 1,6 м	Х
12	6	Пантикапей	Б., табл. XX, 95; З., табл. XLI, 5	300—250 гг. до н. э.	1,78	Пл. IX, гл. 0,8 м	С
13	7	Пантикапей	Б., табл. XX, 96 (?); З., табл. XLI, 22 (?)	Около 340—330 гг. н. э.?	0,87	Пл. IX, гл. 1,6 м	ОП
14	8	Пантикапей	Б., табл. XX, 71; З., табл. XLI, 2	325—300 гг. до н. э.	—	Пл. VI, помещение Б, гл. 1,9 м	ОП
15	9	Пантикапей	Б., табл. XIX, 36; З., табл. XLI, 7; Ш., табл. V, 63	300—250 гг. до н. э.	2,27	Пл. VI, гл. 1,3 м, на стене 13	П
16	10	Пантикапей	Б., табл. XX, 75 (?); З., табл. XLI, 4 (?)	300—250 гг. до н. э.	2,08	Пл. VII, гл. 1,7 м из сосуда	ОП
17	13	Неопределима	—	—	—	Пл. X, гл. 1,55 м	ОП
18	14	Пантикапей	Б., табл. XXI, 113; З., табл. XLII, 6; Ш., табл. VIII, 94	Первая половина II в. до н. э.	3,26	Пл. X, гл. 1,75 м	П
19	15	Пантикапей с пе- речечанкой	Б., табл. XX, 72; З., табл. XLI, 3	300—250 гг. до н. э.	3,79	Пл. X, гл. 1,9 м	П

* В «Списке» приняты сокращения: ОП — очень плохая сохранность; Х — хорошая; С — средняя; П — плохая

Продолжение

№ п/п	№ п/п описи	Определение монеты	Издание	Датировка	Вес в г	Место находки	Сохранность
20	16	Пантикапей	Б., табл. XXII, 182; З., табл. XLI, 21; Ш., табл. VIII, 101	II в. до н. э.	—	Пл. X, гл. 1,85 м	ОП
21	17	Пантикапей	Б., табл. XX, 94—95; З., табл. XLI, 5	300—250 гг. н. э.	—	Пл. X, гл. 1,9 м	ОП
22	18	Городская чеканка одного из боспорских городов, тетрахалк	Б., табл. XXI, 120; XXIII, 12; З., табл. XLIII, 15—17	90—80 гг. до н. э.	4,19	Пл. VI, гл. 2,5 м	П
23	20	Татарская серебряная	—	—	—	Пл. X, гл. 2—2,24 м	ОП
Раскоп «Гостиница I»							
24	19	Пантикапей	Б., табл. XXI, 130; З., табл. XLIII, 18	90—80 гг. до н. э.	0,98	Пл. II, шт. 5	С
25	21	Савромат II, се-стерций	З., табл. XLVIII, 8	174—186 гг. н. э.	9,34	Пл. III, шт. 1	П
26	22	Савромат II, се-стерций	З., табл. XLVIII, 8	174—186 гг. н. э.	4,94	Пл. III, шт. 1	ОП
27	23	Пантикапей	Б., табл. XXI, 114; З., табл. XLII, 9	II в. до н. э.	0,93	Пл. I, шт. 12, из ямы	П
28	24	Фанагория	Б., табл. XXIII, 11	II в. до н. э.	1,77	Пл. I, шт. 12, из ямы	ОП
29	25	Боспор	—	Конец I — начало II в.н.э.	—	Пл. IV, выкид	ОП
1962 г.							
Раскоп «Город»							
30	1	Неопределима	—	Эллинизм	1,41	Пл. XI, гл. 1,08 м	ОП
31	2	Неопределима	—	XIX в.	—	Пл. XI, шт. 7	ОП
32	3	Неопределима	—	XIX в.	—	Пл. XVI, шт. 1	П
33	4	Савромат II, драхма	З., табл. XLVIII, 14	186—196 гг. н. э.	7,47	Пл. XII, гл. 1,35 м	С
34	5	Синопа, тетрахалк	Рес., табл. XXVI, 6	80—70 гг. до н. э.	5,53	Пл. XII, гл. 1,35 м	С
35	7	Асандр обол	Б., табл. XXV, 16; З., табл. XLIV, 7	47—41 гг. до н. э.	15,54	Пл. XII, гл. 1,35 м	С
36	8	Городская чеканка, Пантикапей или Фанагория	Б., табл. XXIII, 11 или З., табл. XLII, 11 (13)	III—II вв. до н. э.	4,19	Пл. XII, гл. 1,45 м	П

37	9	Римиталк, сестерций	З., табл. XLVII, 18	132—186 гг. н. э.	8,25	Пл. XIII, гл. 1,65 м	С
38	10	Пантикапей	—	III в. до н. э.	1,12	Пл. XIII, гл. 1,66 м	ОП
39	11	Пантикапей	—	Конец IV в. до н. э.	2,51	Пл. XII, гл. 1,4 м	ОП
40	12	Пантикапей с надчеканкой	Б., табл. XX, 75; З., табл. XLI, 4, 5	300—250 гг. до н. э.	5,95	Пл. XVI, гл. 1,03 м	С
41	13	Савромат II, статур, электр	Б., табл. XXX, 210	175 г. н. э.	7,745	Пл. XV, гл. 0,69 м	Х
42	14	Савромат II, двойной денарий	З., табл. XLVIII, 13	186—196 гг. н. э.	8,145	Пл. XV, гл. 0,85 м	С
43	15	Пантикапей	Б., табл. XX, 74; Ш., табл. VI, 65	300—250 гг. до н. э.	3,073	Пл. XV, гл. 0,8 м	ОП
44	16	Неопределима	—	—	3,66	Пл. XV, гл. 1,1 м	ОП
45	17	Пантикапей, тетробол	Б., табл. XX, 91—93; З., табл. XL, 20	Около 330—315 гг. до н. э.	—	Из бровки между пл. XI и XII, гл. 1,4 м	ОП
46	18	Пантикапей	Б., табл. XX, 87; З., табл. XL, 16; Ш., табл. V, 56	Около 330—315 гг. до н. э.	1,58	Пл. XV, гл. 1,1 м	П
47	19	Пантикапей, тетробол	Б., табл. XIX, 39; З., XL, 13; Ш., табл. V, 57	330—315 гг. до н. э.	2,385	Пл. XV, гл. 1,4 м	П
48	20	Неопределима	—	—	—	Пл. XV, гл. 1,5 м	ОП
49	21	Неопределима	—	—	—	Пл. XV, гл. 1,5 м	ОП
50	22	Неопределима	—	—	—	Пл. XV, гл. 1,4 м	ОП
51	23	Пантикапей	Б., табл. XIX, 39; З., табл. XL, 16; Ш., табл. V, 57	330—315 гг. до н. э.	2,27	Пл. XV, гл. 1,45 м	П
52	24	Пантикапей	Б., табл. XX, 70—71; З., табл. XLI, 2	325—300 гг. до н. э.	4,28	Пл. XV, гл. 1,6 м	П
53	25	Савромат I, сестерций	З., табл. XLVII, 10	93—118 гг. н. э.	9,75	Пл. XV, гл. 2 м	С
54	26	Савромат II (?), драхма	Б., табл. XXXI, 246—247 (?); З., табл. XLVIII, 14(?)	186—196 гг. н. э.	10,205	Пл. XV, гл. 2,1	П
55	27	Пантикапей	—	II в. до н. э.	1,12	Пл. XVI, гл. 1,8 м	ОП
56	28	Пантикапей	—	II в. до н. э.	0,975	Пл. XVI, гл. 1,8 м	ОП
57	29	Савромат II, денарий с надчеканкой	Б., табл. XXXI, 244	196—210 гг. н. э.	10,30	Пл. XV, из выкиды	Х
58	30	Неопределима	—	—	—	Пл. XVI, гл. 2,6 м	ОП
59	31	Неопределима	—	—	—	Пл. XIII, гл. 2,1 м	ОП
		Ряскупорид III		Первые века нашей эры	4,445		
60	32	(?), денарий (?)	З., табл. XLIX, 10	210—226 гг. н. э.	6,35	Пл. XVII, гл. 2,3 м	С

№ п/п	№ п/п описи	Объединение монеты	Издание	Датировка	Вес в г	Место находки	Сохранность
61	33	Котис II, сестерций	Б., табл. XXIX, 176	123—132 гг. н. э.	8,583	Пл. XVII, гл. 2,25 м,	Х
62	34	Неопределима	—	Первые века нашей эры	—	Пл. XVII, гл. 2,1 м, в завале печи	ОП
63	35	Савромат II, двойной денарий с надчеканкой	З., табл. XLIX, 5	196—210 гг. н. э.	6,885	Пл. XIII, гл. 2,3 м	Х
64	36	Неопределима	—	—	—	Пл. XVI, гл. 2,8 м	ОП
65	37	Евпатор, сестерций	Б., табл. XXIX, 198; З., табл. XLVIII, 3	154—161 гг. н. э.	7,385	Пл. XIII, гл. 2,3 м	С
66	38	Котис II, сестерций	Б., табл. XXIX, 175; З., табл. XLVII, 16	123—132 гг. н. э.	5,07	Пл. XIII, гл. 2,3 м	П
67	39	Пантикапей	Б., табл. XX, 80; Ш., табл. VI, 66	Первая половина III в. до н. э.	1,27	Пл. XVI, гл. 2,6 м	П
68	40	Пантикапей	Б., табл. XXI, 126, 127; З., табл. XLI, 8; Ш., табл. VI, 70	300—250 гг. до н. э.	2,025	Случайная находка	С
Раскоп «Гостиница II»							
69	6	Неопределима	—	—	—	Пл. I, гл. 1,86 м	ОП
Раскоп «Кубанский»							
70	1	Неопределима	—	I—III вв. н. э.	5,45	Пл. I, гл. 0,20 м	ОП
71	2	Савромат I, сестерций	З., табл. XLVII, 9	93—188 гг. н. э.	10,11	Пл. I, гл. 0,75 м	Х
72	3	Савромат II, драхма	З., табл. XLVIII, 14	186—196 гг. н. э.	12,70	Пл. I, гл. 0,7 м	Х
73	4	Савромат II (?), сестерций	З., табл. XLIX, 3	196—210 гг. н. э.	8,75	Пл. I, гл. 0,8 м	П
74	5	Турецкая монета серебряная Мустафи	—	1171 г. х. = 1758 г.	0,22	Пл. II, гл. 0,6 м	С
75	7	Котис III, денарий	Б., табл. XXXII, 293—294 (вариант)	227—233 гг. н. э.	9,20	Пл. II, гл. 0,93 м	С

76	8	Савромат I, сестерций	Б., табл. XXVIII, 165	93—118 гг. н. э.	12,52	Пл. I, гл. 1,45 м	X
77	9	Римиталк, сестерций	З., табл. XLVII, 18	132—136 гг. н. э.	6,76	Пл. I, гл. 1,2 м	C
78	10	Пантикапей, тетрахапк	Б., табл. XXII, 149; З., табл. XLIV, 9	44—30 гг. до н. э.	4,75	Пл. II, на выкида	C
79	11	Савромат II, сестерций с надчеканкой на лицевой стороне	З., табл. XLIX, 3	196—210 гг. н. э.	9,72	Пл. I, гл. 2,2 м	II
80	12	Рискупорид III, денарий	З., табл. XLIX, 11	210—226 гг. н. э.	9,67	Пл. III, гл. 0,6 м	II
81	13	Римиталк, сестерций	Б., табл. XXIX, 183; З., табл. XLVII, 18	131—153 гг. н. э.	6,76	Помещение Б, гл. 2,5 м	C
82	14	Неопределима	—	—	4,03	Бровка между пл. I—III, гл. 0,9 м	OP
83	15	Савромат I, сестерций	Б., табл. XXVIII, 165	93—118 гг. н. э.	10,47	Пл. III, гл. 0,8 м	C
84	16	Савромат I, сестерций	Б., табл. XXVIII, 165	93—118 гг. н. э.	10,32	Под полом помещения Б., гл. 3,1 м	X
85	17	Пантикапей	Б., табл. XIX, 36; З., табл. XLI, 7; III, табл. V, 63	Начало III в. до н. э.	3,11	Яма I, гл. 2 м	C

1963 г.

Раскоп «Город»

86	1	Пантикапей	Б., табл. XXI, 130; З., табл. XLIII, 18, Голенко, III, табл. I, № 564	90—80 гг. до н. э.	1,91	Пл. XIV, гл. 1 м	II
87	2	Рискупорид III, денарий	З., табл. XLIX, 12	210—226 гг. н. э.	7,655	Пл. XIV, гл. 0,8 м	C
88	3	Амис, тетрахапк	З., табл. XVIII, 23; Рес., табл. VI:1, 2—4	105—90 гг. до н. э.	5,895	Пл. XIV, гл. 0,95 м	C

№ п/п	№ п/п описи	Определение монеты	Издание	Датировка	Вес в г	Место находки	Сох- ран- ность
89	4	Синопа, тетрахалк	Рес., табл. XXVI, 7	80—70 гг. до н. э.	4,728	Пл. XXI, гл. 1,18 м, в яме ниже плит вы- мостки	П
90	5	Пантикапей	Б., табл. XIX, 39; З., табл. XL, 18; Ш., табл. V, 57	330—315 гг. до н. э.	3,685	Пл. XXIII, гл. 0,9 м	С
91	6	Пантикапей	Б., табл. XX, 94—95; З., табл. XLI, 5—6	300—250 гг. до н. э.	1,158	Пл. XIV, гл. 0,98 м	ОП
92	7	Пантикапей	Б., табл. XX, 88—89; З., табл. XL, 19; Ш., табл. V, 56	Около 330—315 гг. до н. э.	1,97	Пл. XXI, гл. 1,25 м, в углублении между плитами	С
93	8	Пантикапей	Б., табл. XIX, 39; З., табл. XL, 18; Ш., табл. V, 57	Около 330—315 гг. до н. э.	4,508	Пл. XIV, гл. 1,05 м	С
94	9	Пантикапей	Б., табл. XXI, 131; З., табл. XLI, 9	Конец III в. до н. э.		Пл. XXIII, гл. 1,2 м, в углублении среди щебня	ОП
95	10	Фанагория	Б., табл. XXIII, 11; З., табл. XLII, 13; Ш., табл. IX, 112	II в. до н. э.	0,56	Пл. XIV	П
96	11	Неопределима	—	I—II вв. н. э.	5,185	Пл. XXIII, гл. 1,4 м	П
97	12	Пантикапей	Б., табл. XX, 88; З., табл. XL, 19; Ш., табл. V, 56	330—315 гг. до н. э.	1,555	Пл. XXII, гл. 1,6 м, в глине	П
98	13	Римиталк, сестер- ций	З., табл. XLVII, 18	132—136 гг. н. э.	8,732	Пл. XXII, гл. 1,45, по- мещение 3	Х
99	14	Котис II, сестер- ций	Б., табл. XXIX, 173	123—132 гг. н. э.	10,375	Пл. XXII, гл. 1,45 м	Х
100	15	Пантикапей	Б., табл. XX, 93; Ш., табл. V, 55	Около 330—315 гг. до н. э.	0,565	Пл. XIV, гл. 1,24 м	П
101	16	Неопределима	—	Эллинизм	—	Пл. XXI—XXIII, из выкида	ОП
102	17	Неопределима	—	Эллинизм	—	Пл. XXIII, гл. 1,58 м	ОП
103	18	Пантикапей	Б., табл. XX, 78	300—275 гг. до н. э.	—	Пл. XXII, гл. 1,60 м	П
104	20	Пантикапей	Б., табл. XX, 71; З., табл. XLI, 2	325—300 гг. до н. э.	3,98	Пл. XXII, гл. 1,6 м	С
105	21	Пантикапей	Б., табл. XX, 58 или 98	IV—III вв. до н. э.	—	Пл. XXI, гл. 1,62 м, в вымостке 13	ОП
106	22	Пантикапей	Б., табл. XX, 62; Ш., табл. V, 58	Около 315—300 гг. до н. э.	—	Пл. XXIII, гл. 1,6 м	П

107	23	Митридат III, асс	Б., табл., XXVI, 94; З., табл. XLVI, 7	39—45 гг. н. э.	5,625	Пл. XXIII, гл. 1,73 м	П
108	24	Митридат III, асс	Б., табл. XXVI, 93	39—45 гг. н. э.	7,425	Пл. XXIV, гл. 1,7 м	Х
109	25	Неопределима	—	—	—	Пл. XVIII, гл. 1,3 м	ОП
110	26	Неопределима	—	—	—	Пл. XXI, в керамической подсыпке под мостовой, гл. 1,70 м	ОП
111	27	Неопределима	—	—	—	Пл. XXI	ОП
112	28	Евпатор I (?), сестерций	З., табл. XLVII, 9; XLVIII, 3	154—161 гг. н. э.	—	Пл. XXII, из выкида	ОП
113	29	Пантикапей	Б., табл. XIX, 56; З., табл. XLI, 20; Ш., табл. VIII, 100	Последняя четверть II в. до н. э.	—	Пл. XXIII, гл. 1,7 м	ОП
114	30	Митридат III, асс	Б., табл. XXVI, 91; З., табл. XLVI, 6	39—45 гг. н. э.	—	Пл. XXI, гл. 1,75 м	П
115	31	Пантикапей	Б., табл. XX, 71; З., табл. XLI, 2; Ш., табл. V, 61	325—300 гг. до н. э.	—	Пл. XIV, гл. 1,58 м	ОП
116	32	Неопределима	—	—	—	Пл. XXI, из выкида	ОП
117	33	Неопределима	—	Эллинизм	—	Пл. XXI, из выкида	ОП
118	34	Пантикапей	Б., табл. XX, 88; З., табл. XL, 19; Ш., табл. V, 56	330—315 гг. до н. э.	—	Пл. XIV, гл. 1,5 м	ОП
119	35	Пантикапей	Б., табл. XX, 88; З., табл. XL, 19; Ш., табл. V, 56	Около 330—315 гг. до н. э.	—	Пл. XIV, гл. 1,6 м	П
120	36	Пантикапей, тетрахапк	Б., табл. XXI, 132; З., табл. XLIV, 10	47—30 гг. до н. э.	—	Пл. XXIV, гл. 1,95 м	ОП
121	37	Неопределима	—	—	—	Пл. XXVI, гл. 2,10 м	ОП
122	38	Пантикапей	Б., табл. XX, 63 или 68; Ш., табл. IV, 51 (?)	Вторая половина III в. до н. э.	—	Пл. XIV, гл. 1,7	ОП
123	39	Фанагория	Б., табл. XXIII, 11; Ш., табл. IX, 112	Около 300—250 гг. до н. э.	—	Пл. XIV, гл. 1,7	П
124	40	Неопределима	—	—	—	—	ОП
125	41	Рискупорид II, сестерций	Б., табл. XXVII, 122	68—92 гг. н. э.	8,602	Пл. XXVIII, гл. 0,8 м	С
126	43	Пантикапей, се-ребряная	Б., табл. XXI, 109; Ш., табл. VII, 87	Первая половина II в. до н. э.	3,143	Пл. XX, гл. 0,7	С
127	44	Пантикапей	Б., табл. XIX, 39; З., табл. XL, 18; Ш., табл. V, 57	Около 330—315 гг. до н. э.	2,63	Пл. XXVII, гл. 0,7 м	С
128	45	Неопределима	—	—	—	Пл. XXVII, гл. 1,23 м	ОП
129	46	Пантикапей	Б., табл. XXI, 130; З., табл. XLIII, 18	90—80 гг. до н. э.	—	Пл. XXVII, гл. 1,35 м	С
130	48	Савромат I (?), сестерций	З., табл. XLVII, 10	93—118 гг. н. э.	—	Пл. XX, гл. 1,2 м	ОП

№ п/п	№ п/п описи	Определение монеты	Издание	Датировка	Вес в г	Место находки	Сохранность
131	49	Пантикапей	З., табл. XLI, 2(?)	325—300 гг. до н. э.	—	Пл. XXVII, гл. 1,45 м	П
132	50	Пантикапей	Б., табл. XIX, 35; З., табл. XLI, 7; Ш., табл. V, 64	Первая половина III в. до н. э.	—	Пл. XXVII	П
133	51	Неопределима	—	—	—	Пл. XXV, гл. 1,3 м	ОП
134	53	Неопределима	—	—	—	Пл. XX, помещение 4, гл. 1,85 м	ОП
135	54	Неопределима	—	—	—	Пл. XXVII, гл. 2,2 м	ОП
136	55	Пантикапей	Б., табл. XX, 71; З., табл. XLI, 2	Около 315—300 гг. до н. э.	—	Пл. XX, гл. 1,6 м	ОП
137	56	Неопределима	—	—	—	Пл. XXVII, гл. 1,4 м	ОП
138	57	Неопределима	—	Эллинизм	—	Пл. XX, помещение 5, гл. 1,7 м	ОП
139	58	Неопределима	—	—	—	Пл. XX, между стенами 19 и 20	ОП
Раскоп «Астраханский I»							
140	42	Митридат III, асс	Б., табл. XXVI, 94; З., табл. XLVI, 7	39—45 гг. н. э.	9,150	Пл. I, гл. 1,2 м	Х
141	52	Пантикапей	Б., табл. XX, 95; З., табл. XLI, 4	300—250 гг. до н. э.	—	Пл. I, гл. 1,5 м	П
Раскоп «Астраханский II»							
142	59	Пантикапей	—	II в. до н. э.	—	Могилы 5, во рту костяка	П
143	60	Кесария	Б., табл. XXIII, 1e; З., табл. XLV, 12	14—8 гг. до н. э.	—	Могилы 3	П
1964 г.							
Раскоп «Город»							
144	1	Неопределима	—	—	—	Пл. XXX, гл. 1,4 м	ОП
145	2	Фапагория (?)	Б., табл. XXIII, 10; Ш., табл. IX, 112	II в. до н. э.	—	Пл. XXXII, гл. 1 м	П
146	3	Римиталк, сестерций	З., табл. XLVII, 18	132—136 гг. н. э.	6,975	Пл. XXXII, гл. 1,5 м	С
147	4	Савромат II, денарий	Б., табл. XXXI, 242; З., табл. XLVIII, 12, 14	186—196 гг. н. э.	10,765	Пл. XXXII, гл. 1,45 м	Х
148	5	Неопределима	—	III—II в. до н. э.	—	Пл. XXXII, гл. 1,45 м	ОП
149	6	Пантикапей	Б., табл. XX, 80; Ш., табл. VI, 66	Первая половина III в. до н. э.	—	Пл. XXXII, гл. 1,7 м	ОП
150	7	Пантикапей	Б., табл. XX, 60; З., табл. XLI, 1; Ш., табл. V, 60	315—300 гг. до н. э.	13,355	Пл. XXXII, гл. 1,45 м	С

151	8	Пантикапей	Б., табл. XIX, 50; З., табл. XL, 30; Ш., табл. V, 54	330—315 гг. до н. э.	—	Пл. XXXII, гл. 1,45 м	П
152	9	Пантикапей	—	Середина III в. до н. э.	—	Пл. XXXII, из выкида	ОП
153	10	Турецкая золотая	—	XVIII в.	—	Пл. XXXIII, гл. 0,6 м	Х
154	11	Неопределима	—	I в. н. э. (?)	—	Пл. XXXI, гл. 0,98 м	ОП
155	12	Пантикапей	Б., табл. XX, 80; З., табл. XLI, 4; Ш., табл. VI, 66	Первая половина III в. до н. э.	—	Пл. XXIX, гл. 1 м	ОП
156	13	Неопределима	—	IV—II вв. до н. э.	—	Пл. XXXI, гл. 1 м	ОП
157	14	Пантикапей	Б., табл. XX, 74; Ш., табл. VI, 65	Первая половина III в. до н. э.	—	Пл. XXXI, гл. 1,1 м	ОП
158	16	Рискупорид III, денарий	Б., табл. XXXI, 270—272	210—226 гг. н. э.	7,586	Прирезка к пл. XXIX—XXXI, гл. 0,6 м	С
159	17	Пантикапей (?)	—	II в. до н. э.	—	Прирезка к пл. XXIX—XXXI, гл. 0,6 м	ОП
160	19	Савромат I или Евпатор, сестерций	—	Между концом I и началом III в. н. э.	—	Пл. XXXIII, на странице 64	ОП
161	б/н	Обломок серебряной турецкой монеты	—	XVIII в.	—	Пл. X, гл. 2—2,4 м	ОП
162	20	Пантикапей	Б., табл. XX, 73—78; З., табл. XLI, 4; Ш., табл. VI, 65	Середина III в. до н. э.	—	Пл. XXXI, гл. 1,05 м	ОП
163	21	Неопределима	—	Середина III в. до н. э.	—	Пл. XXXI, гл. 1,06 м	ОП
164	22	Пантикапей	Б., табл. XX, 93; З., табл. XL, 20; Ш., табл. V, 55	Около 330—315 г. до н. э.	1,175	Пл. XXXа, гл. 1,2 м	С
165	23	Пантикапей	—	III в. до н. э. (?)	—	Пл. XXIа, гл. 1,2 м	ОП
166	24	Савромат I, сестерций	Б., табл. XXVIII, 155	93—123 гг. н. э.	9,885	Пл. XXXIII, гл. 1,45 м	П
167	25	Савромат I, сестерций	Б., табл. XXX, 221	93—103 гг. н. э.	—	Пл. XXX, гл. 1,4 м	П
168	26	Бахчисарай, крымский хан Шахин-Гирей	—	1776—1783 гг. н. э.	2,945	Пл. XXXIII, из выкида до гл. 1,4 м	Х
169	27	Пантикапей	Б., табл. XX, 70—71; З., табл. XLI, 2; Ш., табл. V, 61	Около 315—300 гг. до н. э.	—	Пл. XXI, гл. 1,35 м	П
170—171	28—29	Неопределимы	—	—	—	Пл. XXXI, гл. 1,25—1,3 м	ОП

№ п/п	№ п/п описи	Определение монеты	Издание	Датировка	Вес в г	Место находки	Сохранность
172	30	Неопределима	—	IV—III вв. до н. э.	—	Пл. XXXI, гл. 1,35 м	ОП
173	31	Пантикапей	Б., табл. XX, 71; З., табл. XLI, 2; Ш., табл. V, 61	Около 315—300 гг. до н. э.	—	Пл. XXXI, гл. 1,65 м	П
174	32	Пантикапей	—	IV—III вв. до н. э.	—	Пл. XXXI, гл. 1,6 м	ОП
175	33	Неопределима	—	—	—	Пл. XXXI, гл. 1,85 м	ОП
176	34	Савромат I, сестерций	З., табл. XLVII, 10	98—118 гг. н. э.	8,415	Пл. XXXIII, гл. 1,93 м	С
177	35	Пантикапей, асс	Б., табл. XXXVI, 88; З., табл. XLV, 16 и 17	14—41 гг. н. э.	6,868	Пл. XXXI, гл. 0,75 м	С
178	36	Рискупоряд денарий	III, Б., табл. XXXII, 282; З., табл. XLIX, 10	210—226 гг. н. э.	6,86	Пл. XXXIII, гл. 1,9 м	С
179	37	Боспор	—	Первая половина I в. н. э.	—	Пл. XXXIII, гл. 2 м	ОП
180	38	Пантикапей	З., табл. XLI, 7; Ш., табл. V, 63	Начало III в. до н. э.	—	Пл. XXXI, гл. 1 м, под вымосткой 66	П
181	39	Савромат II, дрachма	Б., табл. XXXI, 247; З., табл. XLVIII, 14	186—196 гг. н. э.	10,18	Пл. XXXIV, гл. 1,55 м	С
182	40	Неопределима	—	Эллинизм	—	Пл. XXXI, гл. 1,2 м, под вымосткой 66	ОП
183	41	Пантикапей	Б., табл. XX, 73; З., табл. XLI, 4; Ш., табл. VI, 65	Первая половина III в. до н. э.	—	Пл. XXXI, гл. 1,2 м, под вымосткой 66	П
184	42	Неопределима	—	—	—	Пл. XXXI, гл. 1,6 м	ОП
185	43	Турецкая серебряная Абдул-Хамид I	—	1192 г. х. = 1778 г.	0,275	Пл. XXXV, гл. 0,75 м	Х
186	44	Турецкая серебряная	—	Вторая половина XVIII в.	—	Пл. XXXV, гл. 0,95 м	П
187	45	Обломок турецкой серебряной монеты	—	XVIII в.	—	Пл. XXXV, гл. 1,2 м	ОП
188	46	Неопределима	—	—	—	Пл. XXXIII, гл. 3,1 м	ОП

1965 г.
Раскоп «Город»

189	1	Евпатор, сестер- ций	З., табл. XLVIII, 6	161—170 гг. н. э.	—	Пл. XXXV—XXXVII, гл. 1,32 м	П
190	2	Савромат II, дена- рий	З., табл. XLVIII, 13	186—196 гг. н. э.	13,785	Пл. XXXIV, гл. 1 м	Х
191—192	3—4	Неопределимы	—	—	—	Пл. XXXIV, помеще- ние 14, гл. 2,8 м	ОП
193	5	Савромат II, де- нарий с надче- канкой	З., табл. XLVIII, 13	186—196 гг. н. э.	9,870	Пл. XXXVII, гл. 1,9 м	С
194	6	Котис II, сестер- ций	Б., табл. XXIX, 178	123—132 гг. н. э.	5,983	Пл. XXXIV, гл. 2,6	С
195	7	Неопределима	—	III в. н. э.	—	Пл. XXXIV, помеще- ние 14, гл. 2,8 м	ОП
196	8	Рискупорид III, денарий	Б., табл. XXXI, 275	210—226 гг. н. э.	8,53	Пл. XXXV, гл. 1,75 м	С
197	9	Неопределима	—	IV—II вв. до н. э.	—	Пл. XXXVIII, гл. 1,89 м в яме 2	ОП
198	11	Савромат II, дена- рий	З., табл. XLVIII, 12	186—196 гг. н. э.	10,622	Пл. XXXIX, гл. 2,53 м	Х
199	12	Сестерций	—	II в. н. э.	—	Помещение 15, гл. 3,1 м	ОП
200	13	Рискупорид III, денарий	З., табл. XLIV, 10 (?)	210—226 гг. н. э.	—	Помещение 14, гл. 3,3 м	П

Раскоп «Улица Протапова»

201	1	Пантикапей	Б., табл. XX, 79—80; З., табл. XLI, 5	Вторая четверть III в. до н. э.	—	Пл. II, гл. 1,4 м	С
202	2	Пантикапей	Б., табл. XX, 80; Ш., табл. VI, 66	Первая половина III в. до н. э.	—	Пл. II, гл. 1,4 м	П
203	3	Пантикапей с над- чеканкой на л. с. — треножник, на о. с. — лук и стрела	Б., табл. XXI, 123; З., табл. XLI, 9	Середина III в. до н. э.	—	Пл. II, гл. 1,4 м	Х
204	4	Пантикапей	Б., табл. XXI, 123; З., табл. XLI, 9	Середина III в. до н. э.	—	Пл. II, гл. 1,4 м	П
205	5	Пантикапей с над- чеканкой	Б., табл. XX, 71; З., табл. XLI, 2	Начало III в. до н. э.	—	Пл. II, гл. 1,6 м	С

№ п/п	№ п/п описи	Определение монеты	Издание	Датировка	Вес в г	Место находки	Сохранность
1966 г.							
Раскоп «Город»							
206	1	Римиталк, сестерций	З., табл. XLVII, 18	132—136 гг. н. э.	11,705	Помещение 15, на полу	Х
207	2	Савромат I, сестерций	Б., табл. XXVIII, 165	93—118 гг. н. э.	10,908	Помещение 15, на полу	Х
208	3	Савромат I, сестерций	З., табл. XLVII, 10	93—118 гг. н. э.	—	Помещение 15, на полу	П
209	4	Пантикапей	Б., табл. XX, 71; З., табл. XLI, 2; Ш., табл. V, 61	Около 315—300 гг. до н. э.	—	Пл. XL, на вымостке	С
210	6	Денарий	—	II в. н. э.	—	Пл. XLII, гл. 0,65 м	ОП
211	7	Рискупорид III, денарий	З., табл. XLIX, 12 (?)	211—226 гг. н. э.	—	Помещение 14, гл. 3,19 м	П
212	8	Рискупорид III, денарий	Б., табл. XXXII, 280; З., табл. XLIX, 10	211—226 гг. н. э.	8,715	Помещение 14, гл. 3,34 м	Х
213	9	Пантикапей	Б., табл. XX, 80; Ш., табл. VI, 66	Первая половина III в. до н. э.	—	Помещение 14, гл. 3,49 м	П
214	10	Сестерций	—	II в. н. э.	—	Помещение 14, гл. 2,80 м	П
215	12	Пантикапей или Фанагория	—	IV—II в. до н. э.	—	Пл. XLIII, гл. 0,75 м	ОП
216	13	Рискупорид III, денарий	З., табл. XLIX, 11	211—226 гг. н. э.	—	Помещение 14, гл. 3,34 м	П
217	14	Синопа, тетрадракма	Рес., табл. XXVI, 7	80—70 гг. до н. э.	—	Пл. XLVII, гл. 1,04 м	П
218	15	Сестерций	—	II в. н. э.	—	Пл. XLV, гл. 0,98 м	П
219	16	Пантикапей или Фанагория	—	III—II вв. до н. э.	—	Помещение 14, гл. 3,54 м	ОП
220	18	Котис II (?)	Б., табл. XXIX, 176 (?)	123—132 гг. н. э.	—	Пл. XLVII, гл. 1,1 м	ОП
221	19	Неопределима	—	II в. н. э. (?)	—	Помещение 14, гл. 2,54 м	ОП
222	20	Савромат II (?), денарий	З., табл. XLIX, 5	186—210 гг. н. э.	—	Помещение 14, гл. 3,14 м	С
223	21	Савромат II или Рискупорид III (?), денарий	З., табл., XLIX, 1 или 12	196—226 гг. до н. э.	—	Помещение 14, гл. 3,14 м	ОП

№ п/п	№ п/п описи	Определение монеты	Издание	Датировка	Вес в г	Место находки	Сохранность
224	22	Савромат II (?), двойной денарий	З., табл. XLVIII, 17 (?)	186—196 гг. н. э.	—	Помещение 14, гл. 3,14 м	ОП
225	24	Рискупорид III или Иннифимей, денарий	З., табл. XLIX, 12, 17 (?)	186—239 гг. н. э.	—	Помещение 14, гл. 3,07 м	ОП
226	25	Савромат I (?), сестерций	Б., табл. XXVIII, 122, 123; З., табл. XLVII, 12	92—123 гг. н. э.	—	Пл. XLIII, гл. 0,6 м	П
227	28	Савромат I, сестерций	З., табл. XLVII, 9(?)	93—123 гг. н. э.	—	Пл. 14, гл. 3,05 м	П
228	29	Котис II (?), сестерций	—	123—132 (?) гг. н. э.	—	Пл. XLIII, в водосток	ОП
229	30	Неопределима	—	III в. н. э.	—	Пл. XL, разбор черепяной вымостки	ОП
230	31	Фанагория	Б., табл. XXIII, 10; З., табл. XLII, 13, III, табл. IX, 112	II в. до н. э.	—	Пл. XLVIII, верхний мусорный слой	ОП
231	32	Неопределима	—	Эллинизм	—	Пл. XLVI, из отвала	ОП
232	33	Неопределима	—	IV—II вв. до н. э.	—	Пл. XLVI, гл. 1,2 м	ОП
233	34	Неопределима	—	Эллинизм	—	Помещение 16, гл. 3,6 м	ОП
234	б/п	Пантикапей	Б., табл. XX, 71; III., табл. V, 61	Около 315—300 гг. до н. э.	—	Случайная находка в Анапе	ОП
235	38	Боспор	—	II—III в. н. э.	—	Помещение 16, завал	ОП
236	39	Неопределима	—	—	—	Помещение 14, гл. 2,6 м	ОП

БОСПОРСКИЕ МОНЕТЫ

Пантикапей

IV в до н. э.

- Б., табл. XIX, 39 № 47, 51, 90, 93, 127
Б., табл. XIX, 50 № 151
Б., табл. XX, 60 № 150
Б., табл. XX, 62 № 106
Б., табл. XX, 70—71 . . . № 7, 9, 14, 52, 104, 115, 136, 169,
173, 209, 234
Б., табл. XX, 87—89 № 1, 46, 92, 97, 118, 119
Б., табл. XX, 91—93 № 45, 100, 164
Б., табл. XX, 96 № 13
Неопределенные IV в. до н. э. № 39, 131
Неопределенные IV—III вв.
до н. э. № 105, 156, 172, 174

III в. до н. э.

- Б., табл. XIX, 35—36 № 15, 85, 132, 180
Б., табл. XX, 71—72 № 19, 205
Б., табл. XX, 73—74 № 11, 43, 157
Б., табл. XX, 75—78 № 2, 3, 16, 40, 103, 162
Б., табл. XX, 79—80 № 67, 149, 155, 201, 202, 213
Б., табл. XX, 94—95 № 12, 21, 91, 141
Б., табл. XXI, 123 № 203, 204
Б., табл. XXI, 127 № 68
Б., табл. XXI, 131 № 94
Неопределенные III в. до н. э. № 18, 122, 152, 163, 165 (?)

II в. до н. э.

- Б., табл. XIX, 56 № 113
Б., табл. XXI, 109 № 126
Б., табл. XXI, 113 № 18
Б., табл. XXI, 114 № 27
Б., табл. XXII, 182 № 20
Неопределенные II в. до н. э. № 142, 159
Неопределенные III и III—II вв. до н. э. . . № 231, 232, 233

I в. до н. э.

- Б., табл. XXI, 120 № 22
Б., табл. XXI, 130 № 24, 86, 129
Б., табл. XXI, 132 № 120
Б., табл. XXII, 149; З., табл. XLIV, 9 . . № 78

Кесария

- Б., табл. XXIII, 1e № 143

Фанагория

II в. до н. э.

- Б., табл. XXIII, 10—11 . . . № 28, 36, 95, 123, 145, 230

Пантикапей или Фанагория

III—II вв. до н. э.

№ 36, 215, 219

Монеты боспорских царей

- Асандр № 35
Аспург-Рискупорид I № 6
Митридат III № 107, 108, 114, 140
Рискупорид II № 125
Савромат I № 53, 71, 76, 83, 84, 130 (?), 166, 167 (?)
176, 207, 208, 226 (?), 227
Котий II № 61, 66, 99, 194, 220, (?), 228 (?)
Римиталк № 37, 77, 81, 98, 146, 206
Евпатор № 65, 112, 189
Савромат II № 25, 26, 33, 41, 42, 54 (?), 57, 63,
72, 73, 79, 147, 181, 190, 193, 198,
222 (?), 223 (?), 224
Рискупорид III . . . № 8, 60 (?), 80, 87, 158, 178, 196, 199, 211
212, 216, 223 (?)
Котий III № 75
Монеты боспорских ца-
рей, точно неопреде-
ленные № 29, 195, 199, 210, 225, 229, 235

Монеты других античных центров

- Синопа № 34, 89, 217
Амис № 88

Н. В. И В О Ч К И Н А

СЕРЕБРО В ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ
ЧЖУРЧЖЕНЬСКОГО ГОСУДАРСТВА

В начале XII в. на территории современного Советского Приморья и Северного Китая возникло государство Цзинь¹, образованное местными тунгусо-маньчжурскими племенами чжурчженей.

Структура организации, как и система денежного обращения, была заимствована чжурчженями у соседней Китайской империи.

Традиционными для Китая с начала нашей эры были медные деньги — цзяни, известные в европейской литературе под названием чохов или кэшей. Цзяни имеют круглую форму с квадратным отверстием в центре, предназначенным специально для нанизывания монет в связки. Отдельно взятая монета представляла очень малую стоимость, и обращались монеты, как правило, большими и малыми связками, соответственно около 1000 или 400 штук в каждой. Для крупных платежей и главным образом для накопления и сохранения ценностей в Китае использовались серебряные слитки — ямбы, весом до 50 лян (1800—1900 г.). Кроме того, в Танское время (618—907 гг.) в китайском денежном обращении появились первые ассигнации под названием «летающие деньги»².

Чжурчжени довольно точно скопировали систему денежного обращения Китая, внося в нее, однако, свои коррективы, касающиеся в первую очередь серебра.

Еще задолго до образования государства Цзинь племена чжурчженей, обитавшие в Маньчжурии и по берегам Амура, были знакомы с драгоценными металлами³. Они употребляли золото в меновой торговле с соседними народами. Наряду со скотом золото было древнейшим зафиксированным средством платежа. Постепенно благородные металлы у чжурчженей становятся основным средством накопления ценностей. Надо отметить, что в догосударственный период они так и не выделились из среды прочих товаров в качестве единого денежного эквивалента.

Провозглашение Цзиньской империи в 1115 г. привело к войнам чжурчженей против киданьского государства Ляо и против Китая. Военные действия были успешными, и уже с 1118 г. в казну чжурчженских императоров ежегодно стало регулярно поступать от Китая по 200 тыс. кусков шелка и 100 тыс. лян серебра, а затем — по мирному договору

¹ История дома Цзинь, царствовавшего в северной части Китая с 1114 по 1233 г. Перев. с маньчжурского студент Пекинской духовной миссии Григорий Розов.— Архив ИНА, разр. I, опись II, № 3, л. 39.

² Saburo Shioda. The origin of the paper currency of China.— Journal of the Peking Oriental Society, t. II, 1889, N 4, стр. 266.

³ М. В. Воробьев. Хозяйство и быт чжурчженей до образования династии Цзинь.— Географическое общество СССР. Доклады по этнографии, вып. I, (4). Л., 1965, стр. 11—12.

1141 г. — по 250 тыс. лян серебра и 250 тыс. кусков шелка⁴. Кроме того, захваченные крупные города, которые и так подвергались разграблению, в официальном порядке предварительно облагались контрибуцией. Так, в 1126 г. при осаде Сунской столицы Кайфын чжурчженские военачальники потребовали 200 тыс. лян золота и 4 тыс. лян серебра или, по другим сведениям, 5 млн. лян золота и 50 млн. лян серебра. Когда же столица пала, чжурчженский двор потребовал еще 10 млн. слитков (по 5 лян) золота и 20 млн. слитков серебра, а также 10 млн. кусков шелка⁵. На первых порах имела место относительная равномерность распределения награбленных богатств и контрибуций между всеми чжурчженскими войсками, принимавшими участие в походе⁶. Таким путем драгоценные металлы проникали глубоко в денежное обращение чжурчженского общества, где они находили благоприятную почву для широкого распространения: сказывалось давнишнее знакомство с благородными металлами.

Первые 40 лет Цзиньская империя просуществовала, не выпуская собственных денег, т. е. медных монет, используя главным образом серебро и цзян прежних династий⁷. Понятна тяга «варваров» — чжурчженей, находящихся на низшей по сравнению с китайцами ступени развития, к привычным для них реальным ценностям — благородным металлам. Значение же меди в обращении завоеватели постигали медленно, десятилетиями живя бок о бок с китайцами, знакомясь с их денежным обращением. Но первоначально предпочтение явно отдавалось серебру.

В Цзиньской империи, как, впрочем, и везде, серебро вместе с золотом и различными сортами жемчуга играло роль основного средства накопления и сохранения ценностей. Об этом совершенно определенно свидетельствует скандальный случай, произошедший во дворце в 1161 г. «Сотник императорской стражи Асыбо вошел во дворец не в свою очередь и во время ночи, пробравшись во дворцовое казначейство, умертвил смотрителя казначейства Голянчена и похитил из оною золото и серебро в слитках и разных сортов жемчуга...»⁸

Этот же случай показывает некоторую разницу между золотом и серебром в роли средств обращения: сотник Асыбо, ограбивший казначейство, был схвачен, когда продавал на рынке золото. Обратим внимание на то, что он именно продавал золото, а не покупал на него что-либо. Видимо, золото было товаром, а не средством обращения. В золоте на первый план выступали функции средства накопления и сохранения ценностей. Реализация его стоимости происходила не путем непосредственного обмена его на необходимый товар, а путем предварительного обмена его на ходячие средства обращения. В противоположность золоту серебро было узаконенным средством обращения наряду с медными деньгами и ассигнациями.

Именно в обращении ямбов, на наш взгляд, надо искать объяснение необычайно длительного сохранения в Китае мелкой разменной монеты при почти полном отсутствии монет высокой стоимости. Громоздкие, неудобные, очень тяжелые связки монет при крупных платежах с успехом заменялись серебряными ямбами, содержащими большую стоимость в относительно малом объеме.

Трудность транспортировки медных денег осложняла снабжение ими отдаленных пограничных гарнизонов, и в Китае выход был найден в

⁴ История дома Цзинь..., л. 123а.

⁵ Шан Ю э. Очерки истории Китая. М., 1959. стр. 311.

⁶ Хуа Шань и Ван Гэн-тан. Разложение родового строя и образование государства у чжурчженей. — Вань ши чже (на китайск. яз.), 1956, № 6, стр. 30.

⁷ Цзинь ши. Шанхай, 1935 (на китайск. яз.), цзюань 48, л. 1.

⁸ История дома Цзинь..., л. 168а.

создании специальных ассигнаций, обращавшихся только в пограничных районах, что освобождало от необходимости доставлять туда медь⁹.

В Цзиньской империи серебро получило более широкое распространение, чем в Китае, расширились сферы его применения. Пограничные районы снабжались не только ассигнациями, как прежде, но и серебром: «Расходы по содержанию пограничных гарнизонов состоят параллельно из ассигнаций и старого серебра, где каждый слиток весит 50 лян и по стоимости равен 100 связкам»¹⁰.

Возможно, именно чжурчжени впервые в китайской денежной системе стали выражать в переводе на серебро стоимость медных монет с обозначением ее на оборотной стороне цяней. В 1188 г. на оборотной стороне монеты «Дадин тунбао» появилась надпись «бань фэнь», возможно означающая стоимость этой монеты в серебре¹¹.

Через 15 лет, в 1204 г., был повторен выпуск таких монет¹².

Правда, эмиссия подобных монет была, видимо, очень невелика, так как они встречаются крайне редко. Широкое распространение подобное явление получило при следующей, Юаньской монгольской династии¹³. Юаньские медные монеты имеют обозначение стоимости в серебре и в переводе на ассигнации. Такими действиями правительство пыталось придать меди большую значимость. Выражением ее стоимости в серебре хотели уверить население, охотнее пользовавшееся серебром, что и эта медная монета обращается наравне с благородным металлом.

Последствия неумеренного выпуска ассигнаций проявились в 80-х и 90-х годах XII в. В условиях инфляции возросла стоимость меди и серебра¹⁴. На рынке неохотно принимали ассигнации, несмотря на императорские указы о наказаниях за отказ от них¹⁵. Серебро стали использовать не только при крупных платежах, но и при мелкой розничной торговле на рынке. Население начало разрубать 50-ляновые слитки и пользоваться весовым мелким рубленным серебром¹⁶. Таким образом, серебро широко вошло в денежное обращение, им оплачивались даже мелкие покупки. Этот факт красноречиво опровергает предположение, высказываемое в современной китайской литературе, о том, что обращение серебра носило классовый характер, что оно было доступно лишь господствующим классам¹⁷.

Чтобы как-то сократить пагубность неограниченного выпуска ассигнаций, цзиньское правительство стремилось поддержать обращение бумажных денег выпуском приспособленных к потребностям мелкого товарооборота серебряных монет. В 1197 г. был предпринят первый в истории китайского денежного обращения государственный выпуск ямбов: «В 1197 г. одиннадцатом месяце... изменили отливку серебра, (новое серебро) называли ченань баохо. Было всего пять видов, от 1 до 5 лян, каждый лян меняя на медные деньги, получали 2 связки»¹⁸.

Современные китайские исследователи видят в выпуске 1197 г. эмиссию серебряных монет¹⁹. На наш взгляд, это мнение неверно, ченань баохо были слитками, только меньшего веса, чем прежние. Ляновый вес

⁹ Yang Lien-Sheng. Money and Credit in China. A short history. Cambridge, 1952, стр. 57.

¹⁰ Цзинь ши, цзюань 48, л. 7.

¹¹ И м а н Т е й к е ч и. Косэн Тайдзен. [Б. м.], 1885 (на китайск. яз.), маки 23, л. 4.

¹² Там же, л. 6.

¹³ R. Schlosser. Chinas Münzen. Berlin, 1935, стр. 97—102.

¹⁴ П э н С и н ь - в э й. История китайской валюты. Шанхай, 1954 (на китайск. яз.), стр. 382.

¹⁵ Цзинь ши, цзюань 48, л. 8.

¹⁶ Там же, л. 7.

¹⁷ П э н С и н ь - в э й. Указ. соч., стр. 19.

¹⁸ Цзинь ши, цзюань 48, л. 7.

¹⁹ П э н С и н ь - в э й. Указ. соч., стр. 363.

ченань баохо, характерный именно для ямбов, исключает возможность причисления их к монетам.

Из самого названия ченань баохо, в общем сходного с обычной легендой китайских цянйей, еще не следует, что они были монетами, ибо известно, что чжурчжени и свои ассигнации называли подобным образом, т. е. первые два иероглифа всегда обозначают девиз правления, а два последние — какой-либо из многочисленных в китайском языке синонимов слова «деньги».

В Цзиньской империи уже существовало обращение слитков, а когда, в связи с инфляцией ассигнаций, рынок потребовал серебряные слитки меньшей стоимости и в употребление вошло рубленое серебро, власти выпуском серебряных слитков меньшей стоимости официально узаконили сложившуюся практику обращения.

Отличие ченань баохо от прочего обрацавшегося серебра состояло в том, что это был первый в истории Китая государственный официальный выпуск слитков. Прежде отливка ямбов была частным делом. В Цзинь же под влиянием инфляции государство сделало попытку от своего имени начать выпуск серебра в больших масштабах, чтобы заменить ими катастрофически падавшие в цене ассигнации. Правительство сознавало, что серебра понадобится много: «Получаемое казной мелкое рубленое серебро приказано было не выпускать снова в обращение, а придержать на случай, если количество баохо станет недостаточным, чтобы постепенно увеличить их отливку»²⁰.

Однако при неустойчивости в обращении, которая царилла в Цзинь в описываемый период, серебро слишком интенсивно уходило в сокровища, количество его, находившееся в обращении, все время сокращалось. В хронике отмечается, что на рынках «(купцы), желающие получить (за свои товары) серебро, имеют затруднения»²¹. Многочисленные указы о том, что различные платежи надо вносить пропорционально ассигнациями и серебром, не достигали желаемого результата: новые выпуски ассигнаций все равно падали в цене, и созданные в 1198 г. ассигнации сяочао ценились на рынке уже в полтора раза дешевле: один лян серебра оценивался уже не в 2, а в 3 связки сяочао²².

Вскоре правительство поняло, что государственный выпуск серебра недостаточен, чтобы наполнить им рынок и ликвидировать бумажное обращение. Параллельно новое серебро сильно портилось: его тайно переливали, добавляя значительную часть меди и олова. Трудно определить, занимался ли этим только фальшивомонетчики или здесь было замешано само государство. В конечном итоге ченань баохо были дискредитированы в глазах местного населения, и к 1200 г., т. е. через два с половиной года после начала их выпуска, они не могли обращаться на столичных рынках. Последняя эмиссия серебряных слитков относится к самому концу 1200 г., и вслед за этим последовала отмена ченань баохо²³. Попытка приостановить начавшуюся инфляцию, широко введя в обращение серебро, закончилась неудачей.

Однако и после этого серебро не вышло из обращения. Напротив, с падением курса ассигнаций укрепились в обращении реальные ценности — серебро и шелк. Государство само в своих платежах «расхододало серебро и шелк, но если их оказывалось недостаточно, давало ассигнации»²⁴. С течением времени инфляция только усугублялась, а роль серебра в денежном обращении росла. Через четыре года после прекра-

²⁰ Цзинь ши, цзюань 48, л. 9.

²¹ Там же, л. 8.

²² Там же.

²³ Там же, л. 9.

²⁴ Там же, л. 12.

щения эмиссии официальных ченань баохо при очередном выпуске медных монет в 1204 г. на оборотной стороне была указана их стоимость в переводе на серебро²⁵, как признание ведущей роли серебра в обращении.

К 1215 г., как отмечает Цзинь ши, «цена на серебро поднялась, цена на зерно последовала за ней»²⁶. Точные цифры падения курса ассигнаций известны для 1221 г.: «Сперва ассигнации тун бао 4 связки равнялись 1 лянсу серебра, а ныне уже 800 с лишним связок ассигнациями равны [1 лянсу серебра]»²⁷. Тем самым зафиксировано падение курса ассигнаций в 200 раз. При таком положении вещей, естественно, рынок не признавал ассигнаций. Обмен шел на серебро, шелк, зерно. Государство узаконило сложившуюся практику только в 1223 г., незадолго до падения державы чжурчженей.

В истории Китая именно вмешательство чужеземцев постоянно приводило к усилению роли серебра в денежном хозяйстве страны. Впервые это имело место при чжурчженях, пришедших в Китай уже с определенным, сложившимся отношением к обращению драгоценных металлов. Затем монголы, почти пренебрегавшие выпуском меди, усиленно вводили в оборот серебро²⁸. Даже обеспечением монгольских ассигнаций являлось серебро. Окончательно серебро победило в Китае уже в новое время под влиянием европейских норм денежного обращения.

²⁵ Косэн Тайдзэн, маки 23, л. 6.

²⁶ Цзинь ши, цзюань 48, л. 16.

²⁷ Там же, л. 21.

²⁸ H. Franke. Geld und Wirtschaft in China unter den Mongolenherrschaft. Leipzig, 1949.

А. Г. М У Х А М А Д И Е В

ОБ ОБРЕЗАННЫХ МОНЕТАХ В ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ В КОНЦЕ XIV в. (МАЛО-АТРСИНСКИЙ КЛАД)

О Мало-Атрянском кладе обрезанных серебряных татарских монет (среди них — несколько золотых монет индийских султанов, чеканенных в 40-х годах XIV в. в Дели) было уже сделано предварительное сообщение¹, в котором в основном дано определение монет по именам ханов и городам чеканки.

Но не менее интересно и метрологическое исследование клада, в особенности потому, что все его монеты обрезаны под определенный вес, не имеющий ничего общего с весом монет основной массы клада (монеты, чеканенные до 1361 г., составляют 95%), обращавшихся в период правления Токты (1290—1313), Узбека (1313—1339) и Джанибека (1339—1357).

Таким образом, даты выпуска, обозначенные на этих монетах, не имеют прямого отношения ко времени обращения монет, поскольку монеты обрезаны под вес дирхемов, обращавшихся позднее, во второй половине XIV в. в Прикамье.

Весовые стандарты обрезанных монет

Обрезанные монеты в метрологическом отношении практически не изучены². Только Г. А. Федоров-Давыдов, исследовавший основные периоды денежного обращения в Золотой Орде, высказал некоторые соображения о причинах и значении обрезывания монет³. Изучение Мало-Атрянского клада позволяет внести некоторые конкретные дополнения в эти соображения, в частности, относительно весовых норм.

В нумизматической литературе принято считать, что обрезанные монеты подогнаны к определенной весовой норме, в данном случае к норме в 0,70—0,90 г. Такое мнение не может считаться исчерпывающим, потому что оно основано на взвешивании слишком небольшого числа монет. Взвешивание монет Мало-Атрянского клада показывает, что монеты обрезаны под различные весовые нормы. Среди 14 тыс. монет клада довольно много монет диаметром 9 мм и весом 0,48 г, имеются монеты такого же типа, но диаметром 15 мм и весом более 1 г. Ясно, что монеты

¹ А. Х. Халиков, А. Б. Булатов. Мало-Атрянский клад начала XV века (предварительное сообщение).— Изв. КазФАН СССР, 1957, № 2, стр. 197.

² Обрезанные монеты по-татарски назывались «ярмак», т. е. «рубленный» (см. Мухамедьяр. Тухва-и мардан. Нур-и судур. Казань, 1966, стр. 69).

³ Г. А. Федоров-Давыдов. Находки джучидских монет.— НЭ, IV, 1964, стр. 181—184.

разной величины и разного веса не могли находиться в обращении «на равных правах».

По внешнему виду и по величине обрезанные монеты можно разделить на несколько групп. Однако то, что имело место обрезывание на несколько весовых категорий, убедительно показывает и взвешивание монет подряд, без предварительного разбора по внешнему виду на группы.

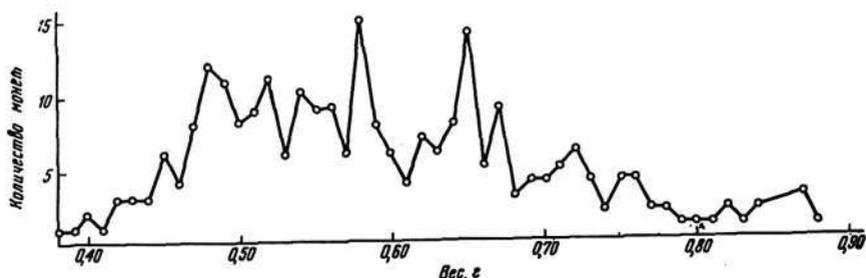

Рис. 1. Весовая диаграмма обрезанных монет

Например, на весовой диаграмме монет хана Токты (рис. 1) видно, что в кладе имеются явные скопления монет определенных весовых норм (0,45—0,48 г, 0,52—0,58 г, 0,62—0,65 г и т. д.). Такая разбросанность монет по разным весам не характерна для монет одной весовой категории. Поэтому монеты клада были нами разделены по размерам на группы (табл. 1).

В табл. 1 приведены веса монет хана Узбека (1578 экз.), чеканенных только в городе Сарае⁴. Как видно из таблицы, монеты разделены на семь размерных групп. В каждой группе имеется весовая норма, к которой подгоняли при обрезывании монеты: 1,02—1,05; 0,93—0,95; 0,82—0,85; 0,73—0,75; 0,65—0,68; 0,55—0,57; 0,47—0,48. В этих весовых нормах чувствуется какая-то закономерность. Чтобы понять ее, необходимо проследить развитие денежно-весовых отношений в Поволжье в XIV в., которые в конечном счете привели к обрезыванию монет.

Как известно, денежная система Поволжья относится к монометаллической. Здесь золото не чеканилось. Единственным драгоценным металлом для чеканки монет являлось серебро, медная же монета представляла определенную часть серебряного дирхема. При кажущейся устойчивости цен на поволжское серебро нельзя сказать, что оно не реагировало на нарушение установившегося в торговом мире радио золота и серебра. Поскольку золотых монет, чеканенных в Поволжье, не существует, о колебаниях радио золота и серебра можно догадываться лишь по косвенным данным. Можно попытаться, например, узнать, на сколько дирхемов могла размениваться попавшая в Поволжье золотая теньга индийских султанов. Изменение числа медных монет, на которые можно было разменять серебряную монету, несомненно, также говорит об удорожании или удешевлении серебра.

Исходным пунктом для решения вопроса о количественном соотношении медных и серебряных монет являются надписи на медных пулах хана Узбека: «Шестнадцать пул в данике, высочайшее повеление» (чаще сокращенно: «Шестнадцать пул — даник»). Так как серебряная монета

⁴ Как было сказано, монеты всех ханов без разбора обрезаны под определенный вес, но не исключено, что монеты, чеканенные в Хорезме или в Крыму, могли обрезываться на месте по весовой норме, отличающейся от весовой нормы Прикамья.

Таблица 1

Весовые данные монет Узбека, чеканенных в Сарае, по размерным группам

Вес в г	Размерные группы монет							Вес в г	Размерные группы монет						
	I	II	III	IV	V	VI	VII		I	II	III	IV	V	VI	VII
1,33	1							0,79		1	12	15	2		
1,27	1							0,78		1	11	19	4		
1,25	1							0,77		1	3	31	6		
1,20	2							0,76			3	30	8		
1,18	1							0,75			5	38	14		
1,17	1							0,74				17	10		
1,16	2							0,73			5	36	17		
1,13	1							0,72			8	24	18		
1,12	4							0,71			2	12	22		
1,11	2							0,70			3	9	32	1	
1,10	3							0,69			2	12	24		
1,09	1							0,68			1	14	49	1	
1,08	5							0,67				11	41	1	
1,07	2	1						0,66				17	20	2	
1,06	2							0,65				23	40	1	
1,05	8							0,64			1	11	25	2	
1,04	4	1						0,63			1	25	38		
1,03	5	1						0,62			3	18	22	2	
1,02	7	5						0,61				3	13	5	
1,01	3	2						0,60			1	9	19	12	
1,00	5	4						0,59				3	16	13	
0,99	1	4						0,58				6	12	19	
0,98	2	7						0,57				5	9	22	
0,97	4	7						0,56				4	7	15	1
0,96	3	5						0,55		1			7	21	2
0,95	2	14						0,54				3	6	12	2
0,94	1	11						0,53			1	5	9	1	
0,93	1	14	1					0,52				6	14	2	
0,92	1	13						0,51				3	10	2	
0,91	3	11	2					0,50				2	9	2	
0,90		14	5					0,49						4	2
0,89		7	5					0,48						3	8
0,88	1	4	15					0,47						3	3
0,87	1	5	17					0,46						1	1
0,86		2	13	1				0,45				1		6	3
0,85	1	7	27					0,44						3	1
0,84		6	16	1				0,43							1
0,83		5	21	5				0,42							
0,82		9	26	8				0,41						5	1
0,81		7	21	2				0,40						1	1
0,80		6	19	11				0,39							1

Узбека весила два даника ($0,76 \times 2 = 1,52$), то один дирхем разменивался на 32 медные монеты.

На золотоордынских монетах цифры и слова писались по традиции по-арабски. Надписи Узбека, сделанные на тюркском языке, видимо, были адресованы широким слоям тюркского населения. Возможно, эти надписи на монетах появились тогда, когда фактически даник серебра оценивался в Поволжье дешевле. Необходимо было как-то урегулировать это соотношение. Это было выполнено ханом Джанибеком, при котором дирхемы стали чеканиться по норме 1,56 г⁵.

Как показали наши исследования⁶, увеличение весовой нормы монет при Джанибеке не было просто изменением веса выпускаемых монет, а явилось результатом коренного изменения основы весовой системы.

Дирхем Узбека в 1,52 г состоял из 8 киратов серебра весом 0,19 г. При Джанибеке вес кирата стал 0,195 г ($1,56 : 8 = 0,195$). Это не случайно. Кират весом 0,195 г был широко распространен в то время в Малой Азии и Египте как 24-я часть мискаля⁷. Если мы не учтем это изменение денежно-весовой системы при Джанибеке, то нам будет непонятен не только вес обрезанных монет, но и весовая норма всех монет последующих ханов.

Денежно-весовая система Джанибека выглядит так:

1 дирхем	= 1,56 г = 32 пулам
3 дирхема	= 1,56 г \times 3 = 4,68 г (мискаль)
6 дирхемов	= 1,56 г \times 6 = 9,36 г (динар)
120 дирхемов	= 1,56 г \times 120 = 187,2 г (сом)
300 дирхемов	= 1,56 г \times 300 = 468 г (кадак) ⁸

Сом, являющийся счетной единицей, традиционной для Поволжья, в этой системе равен 120 дирхемам = 40 мискалям = 20 динарам⁹ = $\frac{2}{5}$ кадака.

Как более крупный весовой стандарт кадак делится на определенные доли:

468:4	= 117 г ($\frac{1}{4}$)
468:8	= 58,5 г ($\frac{1}{8}$)
468:12	= 39 г ($\frac{1}{12}$)
468:100	= 4,68 (мискаль)

Во время раскопок Нового Сарая А. Терещенко обнаружил «фунтовик складной и весовые доли. Он состоял из фунта, четверти, осьмины и двенадцатой доли»¹⁰. Фунт весил 468 г, доли равнялись соответственно 117; 58,5 и 39 г, т.е. представляли точно такие же весовые единицы, которые соответствуют вышеуказанным единицам денежно-весовой

⁵ Взвешивание 132 дирхемов Джанибека из одного клада ГМТ (инв. № 34423) обнаруживает, что наибольшее количество монет имело вес 1,52—1,55 г.

⁶ А. Г. Мухамадиев. Клад татарских монет XIV в.—Сб. Древности Восточной Европы. М., 1969, стр. 147.

⁷ E. T. Rogers. Unpublished glass weights and measures.—IRAS, N. S., X, 1878, стр. 102—104.

⁸ В Поволжье наряду с мискалем, динаром и сомом существовала еще одна единица — кадак, фунт, которая по весу отличается от фунта и не всегда совпадает со среднеазиатским ратлем.

⁹ О том, что «каждый сом равняется 20 динарам ходячей монеты», сообщает историк XIV в. Вассаф (В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. 2. М.—Л., 1941, стр. 88).

¹⁰ А. Терещенко. Окончательное исследование местности Сарая с очерком следов Дешт-Кыпчакского царства.—Ученые записки Академии наук по I и III отделениям. СПб., 1854, стр. 96.

системы Джанибека. В этой системе сом и кадак при делении на 3, 6, 12, 24, 48, 96 и 2, 4, 8, 16, 32 дают доли, которые встречаются при метрологическом исследовании обрезанных монет разных периодов.

Как было отмечено, монеты Мало-Атрысинского клада обрезаны по нескольким весовым нормам. Можно заметить такие особенности: во-первых, нет ни одной монеты, которая была бы изготовлена обрезыванием целой монеты по середине на две или на большее число частей; во-вторых, некоторые группы монет, обрезанных по соседним весовым нормам (скажем, 0,73—0,75 г и 0,82—0,85 г), трудно отличить друг от друга. Поэтому можно сделать вывод, что монеты обрезывались под меньшую весовую норму не сразу, а постепенно и что монеты, обрезанные по близким весовым нормам, находились в обращении в разное время, так как иначе трудно было бы отличить их друг от друга.

То же самое наблюдается в Иски-Казани в XV в. Здесь обращение разновесных монет хорошо датируется. Если при хане Шадибеке (1400—1408) монеты чеканились по весовой норме 0,71—0,77 г, при хане Дервише (1417) — по норме 0,62—0,65 г, то при хане Гнас-эд-Дине (1422—1437) она снижается до 0,55—0,57 г. Здесь обзрнее постепенного снижения весовой нормы чеканки монет облегчено тем, что монеты, имеющие разные веса, относятся к разным годам чеканки и соответственно к различным ханам. Например, от Шадибека до хана Дервиша имеются монеты еще пяти ханов, показывающие постепенность снижения веса от 0,71—0,77 до 0,62—0,65 г (0,71—0,77; 0,70—0,75; 0,68—0,72; 0,67—0,69; 0,65—0,67; 0,62—0,65)¹¹. В весовых нормах обрезанных монет такой последовательности проследить невозможно, потому что это в основном монеты одних и тех же ханов, иногда одного и того же типа, но обрезанные под разные весовые величины. Однако, опираясь на многочисленные взвешивания монет, можно вывести теоретический вес обрезывания монет соответственно в каждой группе.

Из табл. 1 видно, что разница между рядом стоящими весовыми нормами обрезанных монет (например, 0,73—0,75 г и 0,82—0,85 г) меньше одного кирата весом 0,195 г. Следовательно, необходимо учитывать изменение веса на меньшую весовую единицу, допустим, на половину кирата, т. е. на 0,0975 г. Проследим изменение веса монет не только на кират, но и на половину кирата:

Вес монет в г	Вес монет в г при снижении на 0,0975 г
0,195 г×8	1,56
0,195 г×6	1,17
0,195 г×5	0,975
0,195 г×4	0,78
0,195 г×3	0,585
	1,0725
	0,8775
	0,6825
	0,4875

Мы обнаруживаем теоретические весовые нормы обрезывания всех групп монет. Это 1,0725 г (1,02—1,05); 0,975 г (0,93—0,95); 0,8775 г (0,82—0,85); 0,78 г (0,73—0,75); 0,6825 г (0,65—0,68); 0,585 г (0,55—0,57); 0,4875 г (0,47—0,48).

То, что монеты обрезывались постепенно, не должно нас удивлять. Наоборот, было бы неожиданностью, если бы было иначе. Дирхем размечивался на определенное количество медных монет, и это числовое соотношение сохранялось при снижении веса серебряной монеты. Когда на

¹¹ А. Г. Мухамадиев. Два клада татарских монет XV в.—СА, 1966, № 2, стр. 260.

рынке нельзя было получить дирхем, отдав за него указанные 32 медных пула, вследствие удорожания серебра, а надо было дать больше меди, то монетный двор обрезывал серебряную монету настолько, чтобы она могла размениваться на установленное количество меди. Следовательно, при обрезывании дирхема счет фактически должен был вестись на медные монеты. То, что на медную монету приходилось мизерное количество серебра, должно было порождать постепенность при обрезывании серебряных монет. Когда один дирхем в 1,56 г разменивался на 32 пула, одной медной монете соответствовало 0,04875 г серебра, т. е. $\frac{1}{4}$ кирата ($0,195 \text{ г} : 4 = 0,04875 \text{ г} = 1 \text{ пул}$).

Мы можем проследить обрезывание дирхемов каждый раз на 0,0975 г, т. е. на $\frac{1}{2}$ кирата, или на стоимость двух медных монет.

Начало обращения обрезанных монет

Установленное законом соотношение стоимости золота и серебра не могло быть постоянным, поскольку колебалось действительное рыночное соотношение цен этих металлов, и правительству часто приходилось заниматься выправлением пошатнувшегося денежного дела. В 30-х годах XIV в. в Поволжье серебро оценивалось в золоте дешевле, чем в Средней Азии и в Иране, поэтому спрос на рынках этих стран вызвал вывоз серебра из Поволжья.

Во время правления хана Узбека делается попытка приостановить вывоз серебра. С этой целью на медных монетах, как было сказано выше, помещались надписи, оглашавшие установленную законом цену серебра. Все же решающим фактором, для того чтобы рынки Поволжья могли удержать всю массу находящегося в обращении серебра, явилось изменение Джанибеком денежно-весовой системы и увеличение им содержания серебра в дирхеме. Это мероприятие использовалось, как нам представляется, в качестве регулятора соотношения стоимости золота, серебра и меди.

Рацио золота и серебра при Узбеке было приблизительно 1:11. В денежном обращении Поволжья известны только золотые теньги Индии, чеканенные в первой половине XIV в. Их нормативный вес около 11 г¹². Следовательно, на одну золотую монету приходилось 121 г серебра или монетами Узбека — 80 дирхемов ($1,52 \text{ г} \times 80 = 121,6$), а на 3 золотые теньги приходилось 2 сома серебряных монет, и 3 теньги можно было бы разменять на 240 дирхемов¹³. Размен 80 дирхемов на 1 золотую, видимо оставался и при Джанибеке, но дирхемы уже были тяжелее, следовательно, весили больше ($1,56 \text{ г} \times 80 = 124,8 \text{ г}$), т. е. золото вздорожало. Это должно было вызвать ввоз золота извне. Что золотые монеты поступали в денежное обращение Поволжья, известно покладам. Но при этом должно было уходить из Золотой Орды дешевое серебро в виде слитков на рынки Ирана, Индии и Средней Азии, где был его дефицит. Однако вплоть до середины 70-х годов XIV в. вес дирхема в 1,56 г не знает каких-либо колебаний, в то время как в Иране в этот же период он непрерывно падает¹⁴. Нам представляется возможным объяснить постоянство веса дирхема в 1,56 г тем, что колебание курса серебра непрерывно сопровождалось соответственным изменением веса выпускаемых медных монет. Правда, чтобы решительно настаивать на этом заключении, у нас слиш-

¹² Г. А. Федоров-Давыдов. К вопросу о денежном курсе золота в Иране и Средней Азии в XIV в.— КСИИМК, 66, 1956, стр. 51.

¹³ Напомним, что 3 — постоянная величина. Вес 3 дирхемов при Джанибеке, как и при Узбеке, составляет 1 мискаль. 3 дирхема состояли из 96 медных монет.

¹⁴ Г. А. Федоров-Давыдов. К вопросу о денежном курсе золота..., стр. 51.

ком мало данных: золотоордынские медные монеты Поволжья в метрологическом отношении совершенно не исследованы. Все же даже поверхностное знакомство с ними показывает, что медные монеты Хизыра крупнее и тяжелее, чем пулы Джанибека, хотя в период царствования этих двух ханов, т. е. в 1342—1361 гг., дирхем в 1,56 г никаких весовых изменений не претерпел, в то время как к 60-м годам XIV в., по всем данным, цены на серебро, вероятно, повысились.

Изучение состава медных монет, собранных на золотоордынских городищах, позволяет выдвинуть предположение о смене в обращении медных пулов после массового их выпуска в начале правления Джанибека и в 60-х годах XIV в.¹⁵ Этим как будто бы подтверждается возможность проведения какого-то мероприятия, напоминающего денежную реформу медных монет.

Конец устойчивости денежной системы наступает в 70-х годах XIV в., когда в результате постоянных междоусобиц экономическая разобщенность отдельных городов и областей усиливается. Естественно, усиление экономической раздробленности, ослабление экономики вообще должны были породить нехватку средств, трудности в выпуске полновесных дирхемов, заменяющих уходящие в клады монеты. Этим и объясняется, видимо, замедление чеканки выпускаемых дирхемов, а затем снижение их веса и обрезывание монет, уже находящихся в обращении. Вот почему в таком большом кладе, как клад из Малых Атрыас, монеты, чеканившиеся в 70-х годах, составляют всего 5%. О том же свидетельствует и малое число находок серебряных монет 1370-х годов на золотоордынских городищах¹⁶.

Резкое сокращение поступления на рынки Поволжья новочеканенных серебряных монет в 1370-х годах, видимо, вызывает массовую тезаврацию серебра, в то время как у населения Прикамья росла потребность в монете. Поэтому, как выход из положения, в Волжской Болгарии производится своеобразное мероприятие: на монетном дворе обрезываются старые монеты и вновь выпускаются в обращение с новым курсом.

Оно отражает наряду с политическими устремлениями болгарских эмиров и некоторые экономические факторы: удорожание серебра, нарушение нормального хода денежного обращения и т. д. Это явление, видимо, характерно не только для Булгара. Не случайно приблизительно в этот же период, в 80-х годах XIV в., была понижена весовая норма чеканки серебряных монет и в Хорезме¹⁷.

Когда в Иски-Казани в начале XV в. началась чеканка собственных монет, то нормативным был взят вес 0,78 г, т. е. $\frac{1}{6}$ мискаля, который сохраняет соотношение с сарайской монетой начала XV в. как 2 : 3. Это соотношение, продиктованное потребностями рынка и единством весовой системы, сохраняется и в дальнейшем, когда вес казанского дирхема снижается до 0,6825 г, а потом до 0,585 г¹⁸.

Поэтому нам представляется допустимым, что обрезывание монеты в Булгаре началось одновременно с чеканкой легковесных и, возможно, с обрезыванием старых дирхемов в Сарае. Начало чеканки более легковесных монет в Золотой Орде можно отнести к 70-м годам XIV в. — периоду смут и образования самостоятельных княжеств. Каждый новый хан, вступив на престол, старался чеканить монету с собственным именем. Это делалось не только ради подтверждения монетной регалии. Чтобы содержать армию, вести постоянные войны, нужны были деньги, и немалые.

¹⁵ Г. А. Федоров-Давыдов. Находки джучидских монет, стр. 174.

¹⁶ Там же, стр. 173.

¹⁷ Г. А. Федоров-Давыдов. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода. — НЭ, V, 1965, стр. 212 и сл.

¹⁸ А. Г. Мухамадиев. Два клада..., стр. 268.

Серебра не хватало. Из-за междоусобиц и выхода отдельных районов из состава государства казна пустовала; о поступлении в нее обильных доходов от налогов, как в мирные годы, не могло быть и речи.

Монетный двор был неспособен теперь регулировать денежное обращение и выпускать постоянно полновесные монеты, о чем свидетельствует резкое снижение количества выпускаемых монет 1370-х годов, и поэтому, видимо, вынужден был следовать за колебаниями цен на серебро на рынке и начать чеканку легковесных монет. Облегчение веса выпускаемых монет впервые прослеживается на монетах Абдуллаха (1362—1370)¹⁹. О том, что в этот период, в 65—70-е годы XIV в., происходили какие-то изменения в весе монет, свидетельствуют и надчеканки с именем Абдуллаха, Азиз-Шейха и Каган-Бека на медных и со словом *عدل* на серебряных монетах. Появление этих надчеканок можно понимать не иначе, как неоднократные попытки урегулировать соотношение серебряных и медных монет.

С воцарением Токтамыша (1377—1396) были приняты меры по унифицированию денежной системы. Но сами причины, порождающие развал экономики, не были устранены, а, наоборот, еще более усугублялись ведением беспрестанных войн.

Монеты Токтамыша мало проникали на рынки Волжской Болгарии: клады из Среднего Поволжья конца XIV в. состоят главным образом из старых монет, чеканенных до Токтамыша²⁰.

Обрезанные монеты, очевидно, начали обращаться в Волжской Болгарии, особенно в ее северо-западных и северных районах, в 70-х годах XIV в., т. е. тогда, когда начались упадок денежного дела и чеканка легковесных монет в Сарае. Такое предположение подтверждается разницей в весе между обрезанными монетами отдельных ханов из Мало-Атрянского клада. Это положение требует объяснения.

Допустим, обрезка монет Мало-Атрянского клада была начата только во время правления Токтамыша или даже позднее. В этом случае находившиеся в обращении старые монеты, скажем монеты Абдуллаха, и только что попавшие в обращение монеты Токтамыша оказались бы в одинаковых условиях и должны были бы обрезываться под одинаковые весовые нормы. Однако дело обстоит иначе. Среди 127 обрезанных монет хана Абдуллаха имеется 16 монет тяжелее 1 г (самая тяжелая весит 1,20 г), а монеты весом выше 0,78 г составляют 48%, в то время как среди 265 монет Токтамыша имеются всего 2 монеты тяжелее 1 г (самая тяжелая весит 1,08 г), а монеты весом выше 0,78 г. составляют всего 18%.

Предполагая, что в такой большой клад монеты вносили постепенно, можно сделать вывод, что более тяжеловесные монеты Абдуллаха в значительной доле попали в клад, когда весовая норма обрезывания монет была выше, т. е. раньше, чем монеты Токтамыша, когда норма обрезывания монет стала уже другой. Следовательно, монеты обрезывались уже до правления Токтамыша.

Пример с монетами Абдуллаха и Токтамыша взят по той причине, что он более четко выявляет разницу в весах монет. Аналогичный, хотя и менее яркий, пример дают монеты Абдуллаха и Мухаммеда Уруса, чеканенные до вступления на престол Токтамыша (табл. 2).

Учитывая это, по табл. 2 можно зафиксировать приблизительное время обрезывания монет. Но так можно определить только монеты, обрезанные сразу же после выпуска и сразу попавшие в клад. Если они остава-

¹⁹ П. С. Савельев. Монеты джучидов, джагатаидов, джелаиридов и др., обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Токтамыша, вып. 1. СПб., 1857, стр. 39—41.

²⁰ Г. А. Федоров-Давыдов. Находки джучидских монет, стр. 182.

Монеты ханов 70-х годов XIV в. из Мало-Атрянского клада

Хан	Дата чеканки (гг. х.)	Общее число монет	Монеты весом выше 0,78 г		Число монет весом 1,09 г и выше	Число монет весом 1,02—1,08 г	Общее колебание веса (г)
			число	%			
Тимур-Ходжа	761	18	10	55	1	1	0,53—1,11
Орду-Мелик	761—762	54	42	77	1	4	0,59—1,15
Килдибек	762—763	127	68	54	1	4	0,47—1,11
Хайр-Пулат	764	6	4	66	—	1	0,74—1,03
Мюрид	762—764	348	137	39	9	7	0,43—1,21
Пулад-Ходжа	766	7	2	28	—	—	0,67—0,91
Азиз-Шейх	766—767	101	50	49	4	8	0,44—1,33
Пулад-Тимур	768	16	8	50	—	—	0,44—0,88
Абдуллах	762—772	127	61	48	4	10	0,46—1,20
Каганбек	777—779	3	3	—	—	—	0,83—0,87
Мухаммед Урус	771—781	186	63	33	—	2	0,41—1,06
Мухаммед Булак	771—782	32	14	43	—	1	0,48—1,05
Бек-Пулад	793	2	—	—	—	—	0,66—0,70
Токтамыш	782—798	265	48	18	—	2	0,40—1,08

лись в обращении и далее, они могли обрезываться под любой новый нормативный вес. А монеты таких ханов, как Токта, Узбек, Джанибек и др., чеканившиеся гораздо раньше, могли обрезываться под любую из постоянно сменявшихся весовых норм обрезывания.

Непосредственным толчком к организованному обрезыванию обращавшихся в Прикамье монет послужила, видимо, чеканка легковесных монет в Сарае в 765—770 гг. х., в результате которой в денежное обращение Поволжья попали разновесные монеты нескольких выпусков: монеты хана Токты, стертые и облегченные из-за долгого нахождения в обращении; монеты Узбека весом 1,52 г, весившие меньше, чем монеты ханов 60-х годов (1,56 г), и новочеканенные монеты, весившие еще меньше, чем даже стертые монеты Токты (у Абдуллаха — 1,32—1,364 г). Такое явление усложняло денежное обращение. Единственным возможным выходом было создать действительное соответствие меди по цене — обрезывание всех без исключения монет под определенный вес, что и было сделано.

Наиболее тяжелыми в кладе являются монеты группы I, большинство которых обрезано под вес 1,2—1,05 г (теоретический вес 1,0725 г; табл. 1). Однако в той же группе имеется небольшое число монет весом 1,10—1,12 г, из-за немногочисленности не выделенных в отдельную группу. Но у всех правителей до Абдуллаха включительно имеется определенное количество монет, обрезанных до такого веса; у следующих ханов они отсутствуют²¹. Их немного, но пренебрегать ими невозможно. Надо думать, что в первом периоде обрезывания монет весовая норма была 1,10—1,12 г (теоретический вес — 1,17 г), но она продержалась недолго и была сметена последующей волной обрезывания монет.

Выше было отмечено, что, когда в начале XV в. в Иски-Казани (Нонный Болгар) начался собственный чекан, монеты сохраняли весовое соотношение с сарайским дирхемом 2:3. В основе теоретического веса монет обоих центров лежала общая для Поволжья весовая система. Так, если сарайский дирхем в 1,17 г включал в себя 6 киратов по 0,195 г, то иски-казанская монета весом 0,78 г состояла из 4 киратов по 0,195 г и

²¹ Исключение составляют монеты хана Токты (1290—1312), что объясняется их сильной стертойостью из-за долгого нахождения в обращении по сравнению с монетами других ханов.

т. д. Обрезанные же монеты не имеют соотношения 2 : 3 с сарайскими монетами. Поэтому не исключено, что первоначально монеты обрезывались в Прикамье независимо от Нижнего Поволжья.

Мы пока не располагаем точными данными, чтобы решить вопрос, снижался ли и дальше вес обрабатываемой в Нижнем Поволжье монеты. Но удорожание серебра, нарушение нормального хода денежного обращения и экономическая разруха должны были закономерно привести везде к этому явлению, как в Поволжье, так и в Хорезме.

Первые замеченные нами серебряные монеты Абдуллаха с измененным весом, чеканенные в 762—772 гг. х., дают наибольшее число экземпляров с весом 1,364 г (теоретический вес 1,365 г). Этот вес на 1 кратно меньше, чем нормативный вес (1,56 г) монет предыдущих ханов (1,56 г — 0,195 г = 1,365 г). Нужно отметить, что такое изменение веса сарайских монет происходило в начале 70-х годов XIV в., в период экономического обособления отдельных районов и укрепления в них местных традиционных весовых систем. Поэтому нормативный вес монет 1,365 г не мог быть всеобъемлющим и, как было сказано, видимо, сам подвергся дальнейшему снижению.

В 1380 г. Токтамышу удалось на некоторое время объединить основные районы Золотой Орды и провести денежную реформу²² с целью унификации денежной системы.

По нашему мнению, вес новых монет Токтамыша не выходит за рамки традиционной весовой системы Поволжья XIV в.²³

Как показывает взвешивание, обрезанные монеты, оставшиеся в обращении, подвергались повторному обрезыванию. Такое постепенное снижение веса монет имело не равномерный, а скачкообразный характер. Видимо, в денежном обращении были такие периоды, когда определенный узаконенный нормативный вес держался дольше других. Например, из 1578 обрезанных монет Узбека, чеканенных в Сарая, самое большое число монет имеет вес 0,6825 г (498 экз. — 31,5%), второе место занимают монеты с весовой нормой 0,78 г (424 экз. — 26,8%).

Монеты Узбека взяты нами в качестве примера не случайно. По сравнению с монетами более поздних ханов они как бы «нейтральны» к весовым колебаниям и проходят сквозь весь период обращения обрезанных монет. Монеты ханов, чеканенные уже в этот период, как было отмечено, имеют некоторые различия в весе. Например, если монет Абдуллаха весом выше 1 даника (0,78 г) не менее 48%, то среди обрезанных монет хана Токтамыша они составляют всего 18%; основная масса монет Токтамыша обрезана в пределах 1 даника. И относительную хронологию обращения монет с весовыми нормами 0,78 и 0,6825 г можно проследить именно по монетам Токтамыша.

Надо полагать, что новочеканенные монеты Токтамыша, попадая в Прикамье, обрезывались под вес 0,78 г и что, следовательно, к 80-м годам XIV в. в Прикамье нормативный вес обрезывания монет был равен 0,78 г, т. е. 1 данику (по-татарски — денке)²⁴, в противовес старым полновесным монетам, весившим 1,56 г, т. е. 2 даника. Далее нормативный вес снижается до 0,6825 г и, судя по количеству монет, удерживается довольно долго. Затем весовая норма обрезывания монет снижается до 0,58 г.

Наиболее легковесными, следовательно, обрезанными наиболее поздно, являются монеты с теоретическим весом 0,4875 г. Их в кладе мало. Воз-

²² Г. А. Федоров-Давыдов. Основные периоды денежного обращения в Золотой Орде. — НЭ, I, 1960, стр. 111.

²³ Из 139 монет Токтамыша (чеканки Сарая, Сарая аль-Джедиде, Сарая аль-Махруса) из Екатеринославского клада наибольшее количество монет (67 экз.) имеет вес 1,364 г (П. С. Савельев. Указ. соч., вып. I, стр. 65 и сл.).

²⁴ Мухамедьяр. Указ. соч., стр. 67.

можно, обрезка под такой вес только-только началась к моменту сокрытия клада и попали в него лишь отдельные экземпляры. Реформа начала XV в. вообще прекратила обращение обрезанных монет.

Надчеканки на монетах

Классификация и описание надчеканенных золотоордынских медных и серебряных монет даны были впервые в работах С. А. Яниной²⁵. Появление первых надчеканок, относящееся к 70-м годам XIV в.²⁶, нам представляется возможным связать с выпуском дирхемов облегченного веса, т. е. с изменением курса выпускаемых монет.

В Мало-Атрысинском кладе обнаружено девять надчеканенных монет. Надчеканки двух видов: надчеканка-надпись عدل «законный», представленная тремя типами, и три типа надчеканки-тамги. Перечислим их.

Тип I (надчеканка عدل): на о. с. монеты Узбека с символом, вес 0,88 г; на л. с. монеты Узбека, Сарай ал-Махруса, год (?), вес 0,74 г; на л. с. монеты Наурузабека, Гюлистан, год (?), вес 0,68 г.

Тип II (надчеканка عدل): на о. с. монеты Узбека, Сарай ал-Махруса, год (?), вес 0,86 г.

Тип III (надчеканка عدل): на о. с. монеты Абдуллаха, Шехр ал-Джедид Махруса, год (?), вес 0,77 г; на л. с. монеты Бирдбека Гюлистан, год (?), вес 0,69 г.

Тип IV (надчеканка ┐┌): на подражании монете Джанибека, вес 0,84 г.

Тип V (надчеканка ┐┌): на неопределимой монете, вес 0,60 г.

Тип VI (надчеканка ┘): на л. с. монеты Узбека с символом, вес 0,57 г.

Взвешивание монет с надчеканкой عدل (типы I—III) показывает, что монеты с некоторыми типами надчеканок (видимо, наиболее ранние), оставаясь долго в обращении, подвергались повторному обрезающему (табл. 3). Надчеканки-тамги служили, по видимому, тем же целям, что и надчеканки-надписи (монеты с надчеканкой шли по другому курсу). Только монеты с надчеканками-надписями, судя по весу и расположению надчеканок (они обрезаны, расположены в середине монеты), появились позднее. В кладе их мало, но взвешивание показывает, что они так же, как и монеты с надчеканкой عدل , соответствуют весам определенных категорий обрезанных монет. Весовые данные надчеканенных монет показывают почти точную весовую норму обрезающего почти для всех категорий обрезанных монет (табл. 3).

Таблица не исчерпывает весовые данные монет, надчеканенных пунсоном عدل . Такие монеты весом выше 0,8775 г и ниже 0,58 г имеются в собрании ГИМ, по весу они тоже совпадают с весовыми нормами обрезанных монет.

²⁵ С. А. Янина. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции.— МИА, № 42, 1954; № 61, 1958; № 80, 1960.

²⁶ Г. А. Федоров-Давыдов. Находки джучидских монет, стр. 183.

Т а б л и ц а 3

Весовые данные надчеканенных монет из Мало-Атрысинского клада

Тип надчеканки	Теоретические веса и веса надчеканенных монет в г				Число экз
	0,8775	0,78	0,8825	0,58	
I	0,88	0,74	0,68	—	3
II	0,86	—	—	—	1
III	—	0,77	0,69	—	2
IV	0,84	—	—	—	1
V	—	—	—	0,60	1
VI	—	—	—	0,57	1

Изучая надчеканки на дирхемах, невозможно не коснуться вопроса о надчеканенных медных монетах. Изменение курса дирхемов непосредственно влияло на изменение веса медных монет. То, что медные монеты, как и обрезанные серебряные, не имели постоянного веса, можно проследить, сравнивая чеканки разных периодов. Например, все 37 экземпляров медных монет чеканки 753—764 г. х., надчеканенных пунсоном «хан», имеют вес выше 2 г каждый, в то время как из 19 экземпляров «анонимных» монет Сарая аль-Джедиде 791 г. х., надчеканенных «липовидной тамгой», только 4 экземпляра (2 из них без обозначения года) имеют вес выше 2 г²⁷.

Как и на дирхемах, на медных монетах встречаются надчеканки в виде надписи и тамги. Разница лишь в том, что медные монеты по сравнению с дирхемами имеют большее количество типов надчеканок. Это становится понятным, если учесть, что монетные дворы Поволжья, как показывают взвешивания, старались выдерживать постоянный вес при чеканке дирхемов, а в тех случаях, когда нужно было «подправить» пошатнувшийся курс серебра, изменяли вес медных монет.

Мы уже говорили о том, что вес надчеканенных дирхемов довольно точно совпадает с нормой обрезывания монет. Надчеканенные пулы тоже, по нашему мнению, дают довольно точные соответствия с весовыми стандартами чеканки медных монет. Например, вес 46 надчеканенных пунсоном «хан» монет Хизра колеблется в пределах от 2 до 3,59 г. Поскольку пулы дают обычно большее колебание в весе, нам представляется, что они чеканены по определенной стопе, а не индивидуально, т. е. из определенного количества металла выпускалось установленное число медных монет. То, что отдельные пулы чеканились с большими колебаниями в весе, не имело значения. По весам надчеканенных монет мы можем попытаться установить стопу, по которой чеканились пулы.

Вес 3 дирхемов, как при Убеке, так и при Джанибеке, составлял 1 мискаль. 1 сом в начале второй половины XIV в. весил 187,2 г, т. е. имел вес 120 дирхемов, а кадак в 468 г — 300 дирхемов. На 3 дирхема приходилось 96 пулов. Это наиболее крупная известная нам единица для счета пулов в Золотой Орде.

Деление кадака в 468 г на 96 (на количество медных монет в 3 дирхема) дает такой вес, который выходит за пределы вышеприведенных данных о колебаниях веса медных монет Хизра (2—3,59 г). Делением сома в 187,2 г на 96 мы получаем 1,95 г, т. е. вполне допустимый для

²⁷ Сбор, классификация и взвешивание упоминаемых здесь и далее надчеканенных медных монет проделаны С. А. Яниной. Автор считает приятным долгом выразить ей признательность за предоставленный материал.

пулов вес. Монеты Хизра, сменившие старые пулы, по сравнению с монетами предыдущих лет были крупнее. Медная монета весом в 1,95 г, видимо, была задумана первоначально при изменении веса серебра Джанибеком. По этому весу из сома меди в 187,2 г чеканилось 96 пулов. Среди же монет Хизра большинство весит 2,66—2,71 г, следовательно, при нем серебро оценивалось в меди выше, чем раньше, так как дирхем по-прежнему оставался равным 32 пулам. Но удорожание серебра продолжалось. Видимо, невыгодно было на рынке менять дирхем на медь, что способствовало тезаврации серебра.

Для предотвращения тезаврации серебра в 1370-е годы вес дирхема снижается и, чтобы показать, что это узаконенный вес, на старых монетах ставится клеймо عدل «законный». Одновременно надчеканиваются и старые медные монеты, которые тоже идут по новому курсу. Если при Хизре на дирхем в 1,56 г шло 32 пула общим весом 87,36 г, то после надчеканки вес пулов оставался прежним, но дирхем уже весил меньше. Следовательно, серебро оценивалось еще выше по сравнению с медью. Это изменение курса вновь пускаемых в обращение монет, как отмечает Г. А. Федоров-Давыдов, очевидно, имело целью оздоровить денежное обращение, задержать развивающуюся тезаврацию серебра²⁸. Оно происходило в период обострения феодальной междоусобицы и, хотя и проводилось в столице, по-видимому, имело только местное значение. Аналогичные же, но непосредственно не связанные с Сараем попытки урегулировать денежное обращение предпринимались в Прикамье, в Хорезме и других областях Золотой Орды. Не исключено, что между монетчиками происходило некоторое соперничество с целью удержать драгоценный металл внутри своих областей.

Примером, как нам представляется, дальнейшего изменения курса обращавшихся монет может служить пул, на одной из сторон которого имеется старая надчеканка «хан», а на другой — надчеканка عدل

По нашему мнению, ее можно прочесть как «96 — дирхем» (отпечаток зеркальный), аналогично легенде на пулах Узбека: 16 пулов — даник. Поскольку дирхемы Узбека весили 2 даника, то на 3 монеты приходилось 96 пулов.

Правда, вес 3 серебряных монет Узбека, как и монет других правителей, составлял 1 мискаль. В данном случае вместо мискаля берется весовой дирхем, в то время как веса пулов остаются прежними, в чем и заключается, как нам кажется, изменение курса обращавшихся монет²⁹. 3 монеты по 1,56 г при Хизре составляли 1 мискаль в 4,68 г, на один пул при таком счете приходилось 0,04875 г ($4,68 : 96 = 0,04875$ г) серебра. При переходе на весовой дирхем в 3,276 г на каждый пул приходится уже только 0,034125 г серебра ($3,276 : 96 = 0,034125$ г). Таким образом, согласно надчеканке получается, что серебро оценивалось в меди еще выше. Вес серебряной монеты в этом случае будет равным 1,092 г ($0,034125 \text{ г} \times 32 = 1,092 \text{ г}$). Этот вес очень близок к теоретическому весу обрезанных монет в 1,0725 г. Обращение надчеканенной меди и этих обрезанных дирхемов по времени совпадает («96 — дирхем» — вторичная надчеканка, а вес обрезанных монет 1,0725 г следует после веса 1,17 г). Поэтому не исключено, что такие надчеканки являются признаками монет, обращавшихся в Прикамье.

²⁸ Г. А. Федоров-Давыдов. Находки джучидских монет, стр. 183.

²⁹ Всего пулов с надчеканкой «96 — дирхем» — 12 экз. (Хизр, Сарай аль-Джедиде 762 г. х. — 10; анонимные, Сарай аль-Джедиде 752—753 гг. х. — 2). Веса: 1,34 г — 1 экз.; 1,98 г — 1 экз.; 2,21 г — 1 экз.; 2,25 г — 1 экз.; 2,31 г — 1 экз.; 2,66 г — 1 экз.; 2,86 г — 1 экз.; 3,11 г — 1 экз.

В Прикамье к концу XIV в. значительное развитие получает уже не собственно Булгар, расположенный на левом берегу Камы, а Иски-Казань, расположенная на правом берегу Камы, в 40 км к северо-востоку от современной Казани.

Город Булгар в 70-х годах XIV в. переживает экономический упадок. Об этом свидетельствует резкое сокращение на городище монетных находок, относящихся к этому времени³⁰. В начале XV в. начинается самостоятельный чекан в городе Иски-Казани, который обозначается на монетах как Булгар, или Новый Булгар³¹.

Не затрагивая вопроса о месте первоначального обрезывания монет в Прикамье, для решения которого пока нет достаточных данных, можно допустить, что часть монет к концу XIV в. (перед началом чеканки собственных монет в Иски-Казани) обрезывалась на Иски-Казанском монетном дворе. Это можно заключить из того, что приблизительно на той же территории, в основном к северу и северо-западу от Булгара, где обращались в начале XV в. монеты Шадибек-хана, были найдены клады с обрезанными монетами³².

В 1395 г. Тимур разгромил такие города золотоордынского Поволжья, как Сарай и Новый Сарай, Хаджи-Тархан, Увек и др. По преданию был разгромлен и ограблен также город Булгар. Судя по тому, что на рубеже XIV и XV вв. в денежном обращении Поволжья тон задает Иски-Казань, можно предположить, что ей удалось избежать этой участи.

³⁰ С. А. Янина. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1953—1954 гг.— МИА, № 61, 1958, стр. 394.

³¹ Г. А. Федоров-Давыдов. Клады джучидских монет.— НЭ, т. I, 1960, стр. 120.

³² Г. А. Федоров-Давыдов. Находки джучидских монет, стр. 182.

Е. А. ДАВИДОВИЧ

КЛАД СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТ XVI в. ИЗ ТАДЖИКИСТАНА

Клад, найденный в Северном Таджикистане (в Институт истории АН Таджикской ССР поступило 45 монет, инв. № КП—534/1—45), оказался чрезвычайно интересным с историко-нумизматической точки зрения. Как комплекс он является важнейшим историческим источником для изучения разных вопросов экономической жизни Средней Азии в XVI в. Не менее существенно, что в его составе оказалось много таких монет, которые еще не описаны в нумизматической литературе. Более того, сравнение монет таджикстанского клада с еще не опубликованными монетами музеев СССР показало, что в кладе есть весьма редкие монеты, не представленные или представленные единичными экземплярами даже в лучших музейных коллекциях. Таджикстанский клад поэтому заслуживает специального опубликования. Следует добавить, что до сих пор полностью описаны и опубликованы были только два клада шейбанидских серебряных монет¹, хотя в литературе и архивах клады серебряных монет XVI в. упоминаются нередко.

Типологическая классификация и описание монет клада

Существенным слагаемым типа шейбанидских серебряных монет являются картуши. Именно картуши в XVI в. при Шейбанидах и в последующее время, при Джанидах, служили критерием для практического различения разнокурсных серебряных монет². Поэтому полнота описания шейбанидских тенег предусматривает обязательный учет картушей лицевых и оборотных сторон. С этой целью мы составили сводную таблицу картушей всех монет клада (рис. 1). Кроме того, 27 монет клада опубликовано на трех фототаблицах (табл. I—III). В приводимых ниже описаниях монет экземпляры, помещенные на фототаблицах, отмечены звездочками.

В нумизматической литературе шейбанидские серебряные монеты очень редко описаны с надлежащей полнотой. Часто вообще упомянуты

¹ Е. А. Давидович. По поводу южнотуркменистанского клада серебряных монет Мухаммед-Шейбани-хана.— Материалы ЮТАКЭ, вып. I. Ашхабад, 1949, стр. 144—172; Она же. Из истории Хисара в XVI в. (по нумизматическим данным).— Изв. ООИ АН ТаджССР, 1952, вып. 2, стр. 27—36.

² Е. А. Давидович. К вопросу о курсе и обращении серебряных монет в государстве Шейбанидов (XVI в.).— Труды САГУ, вып. XI, 1950, стр. 148—150, 165—166; Она же. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. Душанбе, 1964, стр. 120—130.

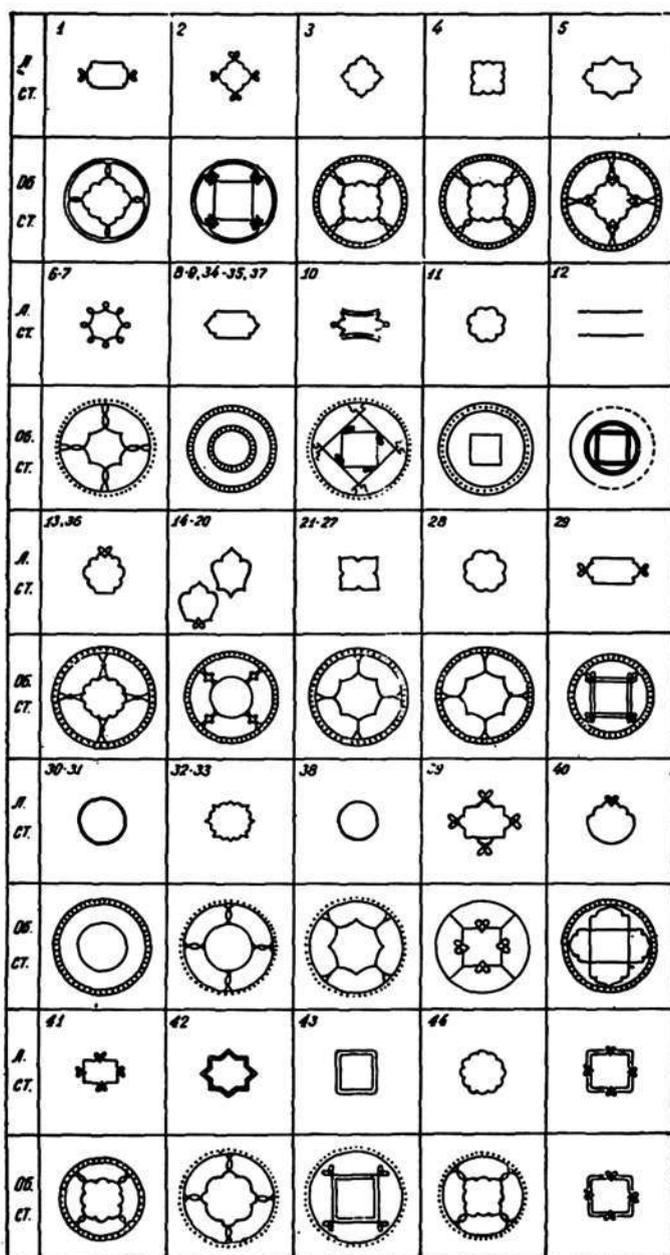

Рис. 1. Картуши на серебряных монетах клада

лишь выпускные сведения (город, дата), реже приведены надписи, оговорено их размещение, но формы картушей, как правило, остаются неизвестными, если не приложены фотографии или прорисовки монет. Между тем даже полное совпадение надписей, включая выпускные сведения, еще не дает основания для утверждения того, что перед нами одинаковые монеты: их картуши могут оказаться разными. Поэтому лишь в

немногих случаях удалось установить типовое тождество уже опубликованных монет с монетами нашего клада³.

1*. Кучкунчи-хан, Бухара, 934 г., х. (1527/28) (рис. 1, 1)⁴

Л. с. В картуше — наименование монетного двора⁵ и дата

О. с. В картуше — символ веры.

ضرب شير مرد بخارا ۹۳۴

Кругом имя с титулами и благопожелание

السلطان
الخاقان الاعظم ابوالمنصور
كوجكو نجى بهادر خان خلد
الله تعالى ملكه سلطانه و
ايد (؟) ابد دو لته

لااله الا الله محمد رسول الله

Кругом имена первых четырех халифов с их эпитетами

ابابكر الصديق || عمر الفاروق
عثمان العفان || على المرتضى

2*. Абу-Саид-хан, Бухара, без даты (рис. 1, 2)⁶

Л. с. В картуше наименование монетного двора ضرب شير مرد بخارا

О. с. В картуше символ веры, а кругом имена первых четырех халифов с их эпитетами, как у № 1.

Кругом имя государя с титулами и благопожеланием

السلطان الاعظم الخاقان [مظفر الد] ين
ابو سعيد بهادر خان خلد الله تعالى ملكه
و سلطانه

³ К сожалению, богатейшая коллекция шейбанидских монет Эрмитажа опубликована А. К. Марковым так, что вовсе не содержит необходимых материалов для сопоставлений (А. К. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа. СПб., 1896 и приложения). Монеты Эрмитажа мы проработали в натуре, так что могли сравнить их с монетами клада. Поэтому мы сочли полезным в примечаниях «расшифровать» те из упомянутых А. К. Марковым монет, которые в типовом отношении оказались сходными с монетами клада. При определении степени редкости монет клада мы исходили из сравнения с шейбанидскими монетами следующих музеев и коллекций: Государственного Эрмитажа (ГЭ); Государственного исторического музея (ГИМ); Музея истории Узбекской ССР; Музея истории Азербайджана; Государственного музея Татарской АССР; Республиканского музея истории культуры народов Узбекистана; частной коллекции Е. А. Пахомова и др. Настоящая статья была сдана в печать в 1966 г., поэтому в ней не могли быть учтены материалы, содержащиеся в работе N. M. Lowick. Shaybanid Silver Coins.— NC, 1966, стр. 251—230. Об этой работе см.: Е. А. Давидович. Шейбанидские серебряные монеты XVI в. (критический набросок в связи с новой публикацией).— Народы Азии и Африки, 1969, № 4, стр. 186—194.

⁴ Бухарские монеты этого года имеются в коллекциях и упомянуты в литературе, однако без приведения надписей и без описания картушей (см.: А. К. Марков. Указ. соч., стр. 687 и 1057, № 15 и 15-а). Под № 14 на стр. 687 А. К. Марков упоминает бухарскую монету 930 г. х., но для такого чтения нет достаточных оснований: экземпляр того же типа, что и монеты 934 г. х., на нем просто стерта цифра единиц. Монета Бухары 934 г. х. была упомянута в коллекции Е. Ф. Каля (В. Г. Тизенгаузен. Новые нумизматические приобретения Н. П. Ливевича.— ЗВРАО, IX, 1896, стр. 241).

⁵ Слово перед наименованием монетного двора здесь и дальше мы читаем как «ширмерд». О значении его в монетном чекане и различных случаях употребления на серебряных и медных монетах, в чекане и надчеканах см.: Е. А. Давидович. По поводу южно-туркменского клада..., стр. 154—160.

⁶ Бухарские монеты этого типа дошли в значительном количестве, однако в литературе их полного описания также нет. У А. К. Маркова (Указ. соч., стр. 688) под № 19 и 21 указаны монеты именно этого типа и варианта.

3. Убайдулло-хан, Бухара, 944 г. х. (1537/38) (рис. 1, 3)⁷

Л. с. В картуше имя государя, часть титулов и дата *عبيد الله* *بہادر خان* ٩٤٤. Кругом остальные титулы, благопожелание и наименование монетного двора *الخاقان العادل*
والملك الكامل ابو الغازی خلد الله تعالی
ملكه و سلطانه

О. с. В картуше символ веры, а кругом имена первых четырех халифов с их эпитетами, как на монете № 1.

4*. Убайдулло-хан, Самарканд, 940 г. х. (1533/34) (рис. 1, 4)⁸

Л. с. В картуше имя государя с частью титулов (как на монете № 3) и дата ٩٤٠. Кругом остальные титулы, благопожелание и наименование монетного двора *السلطان الاعظم الخاقان*
المكرم ابو الغادی خلد الله تعالی ملكه
و سلطانه ضرب شیر مرد سمرقند

О. с. В картуше символ веры, как на монете № 1. Кругом имена первых четырех халифов с титулом *امير المؤمنين* и благопожеланием *رضى الله عنه* каждому.

5*. Абдулло-хан I, Самарканд, без даты (рис. 1, 5)⁹

Л. с. В картуше имя государя с частью титулов *ابو الغازی عبد الله* *خان*
Кругом остальные титулы, благопожелание и наименование монетного двора *الخاقان العدل و الملك الكامل*
خند الله تعالی ملكه و سلطانه ضرب
شیر مرد سمرقند

О. с. В картуше символ веры, а кругом имена первых четырех халифов с титулом и благопожеланием каждому, как на монете № 4.

6, 7*. Абдуллатиф-хан, Балх, без даты (рис. 1, 6, 7)¹⁰

Л. с. В картуше имя государя с частью титулов *عبد اللطيف بہادر خان*

О. с. В картуше символ веры, а кругом имена первых че-

⁷ Монеты этого типа Бухара выпускала ежегодно с 940 (1533/34) по 945 г. х. (1538/39) включительно, в музеях СССР их много, но экземпляры именно 944 г. х. очень редки (нам известен еще один, хранящийся в ГЭ, № 32п) и не опубликованы.

⁸ Самаркандские монеты этого года и типа в литературе не описаны. В музеях нам известно лишь небольшое число таких монет.

⁹ Самаркандские монеты этого типа есть в музеях и частных коллекциях, но в литературе подробно не описаны.

¹⁰ Монета такого типа опубликована (W. Tiesenhhausen. Notice sur une collection de monnaies orientales de M. le comte S. Stroganoff. SPb., 1880, стр. 45, 46, табл. III, 32); у А. К. Маркова (Указ. соч., стр. 690) под № 61 фигурирует такая же монета.

Кругом остальные титулы, благопожелание и наименование монетного двора الخاقان العادل والملک الهمامل

ابو الغازی خلد الله تعالى ملكه و سلطانه
ضرب شیر مرد بلغ

8—9, 34, 35*, 37. Абдуллатиф-хан, Бухара, 947 г. х. (1540/41); ناکند без даты; город?, 949 г. х. (1542/43) (рис. 1, 8, 9, 34, 35, 37)¹¹

Л. с. В картуше имя государя с частью титулов عبد اللطيف بهادر خان
Кругом остальные титулы, благопожелание и наименование монетного двора, иногда — дата цифрами

الخاقان بن الخاقان ابو الغازی
خلد الله تعالى ملكه و سلطانه

У № 8—9 ضرب شیر مرد فاخره بخارا ۹۴۷
У № 34—35 ضرب شیر مرد فاخره ناکند
У № 37 наименование монетного двора стерто, а дата ۹۴۹

тырех халифов с титулом и благопожеланием каждому, как на монете № 4.

О. с. В картуше у всех монет символ веры. Кругом у № 8,9 имена первых четырех халифов с титулом и благопожеланием каждому, как на монете № 4. У № 35 имена халифов с эпитетами, как на монете № 1, и общим благопожеланием رضی
У № 34, 37 имена халифов с эпитетами, но неясно, было ли общее благопожелание (это место стерто и обрезано).

10*. Абдуллатиф-хан, Бухара, 955 г. х. (1548/49) (рис. 1, 10)¹²

Л. с. В картуше имя государя и дата ۹۵۵ عبد اللطيف. Кругом изречение из Корана (XLVII, 40) الله الغنى
титулы государя, благопожелание и наименование монетного двора ابو الغازی بهادر خان خلد الله تعالى ملكه و سلطانه ضرب فاخره بخارا

О. с. Картуши в виде двух под углом вписанных квадратов заключают части надписей: внутренний квадрат رضی от слова عنه. Во внутреннем квадрате символ веры (квадратным шрифтом). Остальные надписи — имена первых четырех халифов с титулом امير المؤمنين, эпитетами и благопожеланием каждому.

¹¹ Бухарскую монету такого типа и года опубликовал В. Г. Тизенгаузен (см. W. Tiesenhäuser. Указ. соч., стр. 45, табл. III, 30). Монеты, чеканенные в городе ناکند или ناکند, редкие, в просмотренных нами коллекциях и в музеях СССР таких нет. Чтение и локализация монетного двора затруднительны. Сомнительно, чтобы это был Ташкент, ибо другие случаи такого «укороченного» начертания буквы «шин» на монетах XVI в. нам неизвестны. Может быть, это новый монетный двор, впервые упоминаемый монетами нашего клада?

¹² Монет этого года и типа особенно много в Бухарском областном музее, но в литературе они не описаны. Упомянутая А. К. Марковым (Указ. соч., стр. 689) монета № 49 относится именно к этому типу.

11*. Абдуллатиф-хан, Бухара (рис. 1, 11)¹³

Л. с. В картуше наименование монетного двора ضرب شيرمرد بخارا Кругом имя и титулы государя и благопожелание ему الخاقان بن الخاقان بن

الخاقان ابو الغازى عبد اللطيف بهادر خان
خلد الله تعالى ملكه و سلطانه و....

О. с. В картуше символ веры, кругом имена первых четырех халифов с эпитетами, как на монете № 1, титулом и благопожеланием каждому, как на монете № 4.

12*. Абдуллатиф-хан, Бухара, (рис. 1, 12)¹⁴

Л. с. Двумя параллельными линиями поле монетного кружка разделено на три части: в верхней части размещена часть титулов государя; в средней — его имя, остальные титулы и часть благопожелания; в нижней — конец благопожелания и наименование монетного двора

الخاقان العادل و الملك الكامل ابو الغازى
عبد اللطيف بهادر خان خلد الله تعالى
ملكه و سلطانه ضرب شيرمرد فاخره بخارا

О. с. В картуше символ веры, кругом имя первых четырех халифов с титулом и благопожеланием каждому, как на монете № 4.

13, 36*. Абдуллатиф-хан, Самарканд, 952 г. х. (1545/46); город без даты (рис. 1, 13)¹⁵

Л. с. В картуше имя государя с частью титулов عبد اللطيف بهادر خان

У № 13 также и дата цифрами ٩٥٢. Кругом остальные титулы, благопожелание и наименование монетного двора الخاقان العادل و الملك الكامل ابو

الغازى خلد الله تعالى ملكه و سلطانه
У № 13 ضرب شيرمرد سمرقند
У № 36 ضرب شيرمرد نانکند

О. с. В картуше символ веры, кругом имена первых четырех халифов с их обычными эпитетами, как на монете № 1, и титулом امير المؤمنين у каждого.

14*, 15*, 16—18*, 19—20. Абдуллатиф-хан, Самарканд, 954 г. х. (1547/48), 955 г. х. (1548/49), 956 г. х. (1549) и без даты (рис. 1, 14—20)¹⁶.

¹³ Монеты этого типа в литературе подробно не описаны. Монеты, упоминаемые А. К. Марковым (Указ. соч., стр. 689—90) под № 39, 40, 51, 52, относятся именно к этому типу.

¹⁴ Монеты этого типа не только не описаны в литературе, но и вообще редки. Нам известна одна в ГИМ (№ 939674) и одна в Музее истории АН УзССР (№ 20/13).

¹⁵ Нам известна еще только одна самаркандская монета этого года и типа. Она упомянута А. К. Марковым (Указ. соч., стр. 689) под № 42. Наша монета, № 36, относится к числу очень редких: она, вероятно, упоминает новый монетный двор Шейбанидов, ранее неизвестный (ср. примеч. к № 8, 9, 34, 35, 37).

¹⁶ А. К. Марков (Указ. соч., стр. 689) под № 48 упоминает монету этого типа, но только 955 г. х. Монет этого типа названных годов много в Бухарском областном музее.

Л. с. Как у монеты № 13, только другой картуш и дата обозначена цифрами в поле.

О. с. Как у монеты № 1, только картуш другой.

21—23*, 24—27*. Абдуллатиф-хан, Самарканд, без даты (рис. 1, 21—27), два варианта ¹⁷

Л. с. Как у монеты № 13, только картуш иной и нет даты.

О. с. В картуше символ веры. Кругом имена первых четырех халифов: на монетах № 21—25 с эпитетами и титулом, как на монете № 13, а на монетах № 26—27 с титулом и благопожеланием каждому, как на монете № 4.

28*. Абдуллатиф-хан, Самарканд, без даты (рис. 1, 28) ¹⁸.

Л. с. Как у монеты № 13, только картуш другой и нет даты.

О. с. Как у монеты № 13, только картуш другой.

29*. Абдуллатиф-хан, Ташкент, 947 г. х. (1540/41) (рис. 1, 29) ¹⁹

Л. с. Как у монет № 8, 9, только другое наименование монетного двора.

О. с. Как у монеты № 1, только картуш другой.

30*, 31. Абдуллатиф-хан, Ташкент, 954 г. х. (1547/48) и 955 г. х. (1548/49) (рис. 1, 30, 31) ²⁰

Л. с. Как у монеты № 13, только другой картуш, а наименование монетного двора ضرب شيرمرد تاشكند

О. с. В картуше символ веры; кругом имена первых четырех халифов с их эпитетами, как на монете № 1, и общее благопожелание رضى الله عنه

32*, 33*. Абдуллатиф-хан, Ташкент, без даты (рис. 1, 32, 33) ²¹

Л. с. Как у монеты № 13, только другой картуш, а наименование монетного двора ضرب شيرمرد تاشكند

О. с. Как у монеты № 1, только картуш другой.

38*. Абдуллатиф-хан, наименование города стерто, 949 г. х. (1542/43) (рис. 1, 38) ²²

¹⁷ Этот тип монет у А. К. Маркова (Указ. соч., стр. 690) фигурирует под № 53—56. Первый вариант этого типа подробно описан Х. М. Фреюм (Ch. M. Freaum. Resensio numorum Muhammedanorum..., Petropoli, 1826, стр. 440, № 9).

¹⁸ Монеты этого типа редки. Упомянутая А. К. Марковым (Указ. соч., стр. 690) монета № 58 относится к этому типу.

¹⁹ Монеты этого типа не опубликованы. Известные нам экземпляры не имеют дат. У А. К. Маркова (Указ. соч., стр. 690) под № 59 названа ташкентская монета со стертой датой. Дата на ней есть — 955 г. х. Тип такой, как в нашем кладе. Монет этого типа особенно много в Бухарском областном музее.

²¹ Монеты этого типа редки. Нам известны еще две в ГЭ, на обеих дата 952 г. х. А. К. Марков (Указ. соч., стр. 689, № 45, 47) на второй ошибочно читает 953 г. х.

²² Монета представляет новый тип, неизвестный нам ни по публикации, ни среди просмотренных нами неопубликованных монет. Она обычна по содержанию и расположению надписей. Картуши лицевой и оборотной сторон по отдельности также известны, но вместе, на одной монете, они зафиксированы в чекане Абдуллатиф-хана впервые.

Л. с. Как у монеты № 13, только другой картуш, а наименование монетного двора после слов ضرب شيرمرد стерто.

О. с. Как у монеты № 13, только другой картуш.

39*. Абдуллатиф-хан, город?, без даты (рис. 1, 39)²³

Л. с. Как у монеты № 13, только другой картуш, а наименование монетного двора после слов ضرب شيرمرد полностью не читается.

О. с. Как у монеты № 4, только картуш другой.

40. Науруз-Ахмад-хан, наименование монетного двора стерто (рис. 1, 40)²⁴.

Л. с. В картуше имя и часть титулов государя نوروز احمد بهادر خان. Круговая надпись в значительной степени стерта, но сохранившуюся часть мы читаем и реконструируем не целиком (часть перед лакабом не ясна, а после него — стерта)

عدل خواقين الزمان و فضلهم [افضلهم]
معز الدين ...

О. с. В центральной части картуша символ веры. Кругом, в уголках, образованных фигурным картушем, то полностью, то частично имена первых четырех халифов, а в четырех сегментах картуша — их эпитеты и не уместившиеся в уголках части имен.

41*. Саид-Бурхан, Бухара, без даты (рис. 1, 41)²⁵

Л. с. В картуше имя и часть титула سيد برهان بهادر خان. Кругом остальные титулы, благопожелание и наименование монетного двора

الخاقان العادل و الملك الكامل ابو الغازي
خلد [الله] تعالى ملكه و سلطانه ضرب بخارا

О. с. В картуше символ веры; кругом имена первых четырех халифов с их эпитетами, как на монете № 1.

²³ Монета редкая, демонстрирует, как и предыдущая, новый тип: при обычном содержании и расположении надписей здесь новое сочетание картушей лицевой и оборотной сторон. Наименование монетного двора, от которого четко видны лишь две первые буквы, как бы «прижато» к картушу: очевидно, резчик штампа не сумел разместить надпись.

²⁴ Монета очень редкая. Обращает на себя внимание картуш лицевой стороны, не зарегистрированный на известных нам монетах Науруз-Ахмад-хана. Он близок картушу одной неопубликованной его монеты, хранящейся в Самарканде, в Республиканском музее культуры узбекского народа (ин. № 446), но там картуш двухлинейный, а на нашей монете — однолинейный. Наша монета поможет реконструкции совершенно новой надписи Науруз-Ахмад-хана, выявленной нами раньше, но не прочтенной из-за плохой сохранности единственной тогда монеты с этой надписью (Е. А. Давидович. Надписи на среднеазиатских серебряных монетах XVI в. — ЭВ, VII, 1953, стр. 36). Сейчас известно уже четыре (на двух — «Ташкент», на одной — дата 959 г. х.). Во всех случаях мы не можем прочесть ту часть надписи, которая расположена в левой верхней части поля. Арабисты О. Г. Большаков и В. Демидчик любезно согласились попытаться прочесть и реконструировать эту часть надписи.

²⁵ Монета чрезвычайно редкая. В натуре нам известна еще только одна монета Саид-Бурхана. Она такого же типа, но плохой сохранности, на ней не сохранилось наименование монетного двора. Этот экземпляр кратко, без описания, упомянут А. К. Марковым (Указ. соч., стр. 695, № 2) под рубрикой «Бухарская субдинастия».

42*. Тимур-Ахмад, Ташкент (рис. 1, 42)²⁶

Л. с. В картуше имя и часть титулов *تیمور احمد بهادر خان* Кругом остальные титулы (почти целиком обрезаны, но реконструируются), благопожелание и наименование монетного двора *الخاقان العادل والملک*

*الکامل] ابو الغازی خلد الله تعاله ملکه
و سلطانه ضرب شیرمرد تاشکند*

О. с. В картуше символ веры; кругом имена первых четырех халифов с их эпитетами, как на монете № 1.

43*. Тимур-Ахмад, Ташкент, без даты (рис. 1, 43)²⁷

Л. с. Как у монеты № 42, только другой картуш и часть благопожелания в надписи стерта.

О. с. Как у монеты № 42, только другой картуш.

44*. Династия Великих моголов, Хумаюн, Лагор, 946 г. х. (1539/40) (рис. 1, 44)

Л. с. В картуше имя государя с частью титулов *همايون محمد غازي*

Кругом остальные титулы, благопожелание (сохранились частично) и наименование монетного двора

*السلطان ... عظم الملک ... خلد الله ... و
سلطانه ضرب لاهور*

О. с. В картуше символ веры, кругом имена первых четырех халифов с титулом *امير المؤمنين* и благопожеланием *رضی الله عنهم* каждому.

45. Династия Джанидов, Имам-Кули-хан (рис. 1, 45)²⁸.

Л. с. В картуше имя государя с частью титулов *امام قلی بهادر خان*

Кругом стерто.

О. с. В картуше символ веры. Кругом стерто.

Сравнительная характеристика и анализ состава клада

Итак, клад состоит из 43 шейбанидских монет и 2 монет других династий. Состав клада хорошо виден из сводной табл. 1.

Самой поздней монетой является джанидская теньга. Именно она должна была бы определять время сложения клада. К сожалению, даты

²⁶ Монета чрезвычайно редкая. Вообще монеты Тимур-Ахмада не раз упоминались в литературе (В. Г. Тизенгаузеном, Х. М. Френом, В. В. Вельяминовым-Зерновым), а затем были подробно описаны и рассмотрены нами (Е. А. Давидович. Из истории Хисара..., стр. 30—36). Сейчас нам известно 10 монет Тимур-Ахмада (шесть в составе клада из Урта-Сарая; одна в ГЭ, инв. № 76; одна в ГИМ, инв. № 580910 и две в составе публикуемого клада), но описываемый экземпляр демонстрирует совершенно новый тип, не похожий на тип остальных девяти монет Тимур-Ахмада.

²⁷ Монета редкая. Экземпляр такого же типа хранится в ГИМ (инв. № 580910) и описан нами (Е. А. Давидович. Из истории Хисара..., стр. 30—31, табл. 2, 4, 5).

²⁸ Монета редкая, нам известен еще только один экземпляр этого типа (см.: Е. А. Давидович. История монетного дела..., стр. 25, тип. 19).

на ней нет, известная нам другая монета этого типа также не датирована. Имам-Кули-хан, от имени которого она чеканена, правил в 1611—1642 гг. До сих пор не были зарегистрированы клады шейбанидских

Таблица 1

Состав клада

Имя государя	Город	Дата по хиджре	Число монет	Имя государя	Город	Дата по хиджре	Число монет
Кучкунчи	Бухара	934	1		Ташкент	947	1
Абу-Саид	Бухара	—	1		Ташкент	954	1
Убайдулло	Бухара	944	1		Ташкент	955	1
	Самарканд	940	1		Ташкент	—	3
Абдулло I	Самарканд	—	1		?	—	2
Абдуллатиф	Балх	—	2		—	949	2
	Бухара	947	2		—	—	1
	Бухара	955	1	Науруз-Ахмад	—	—	1
	Бухара	—	2	Саид-Бурхан	Бухара	—	1
	Самарканд	952	1	Тимур-Ахмад	Ташкент	—	1
	Самарканд	954	1		—	—	1
	Самарканд	955	3	Хумаюн	Лагор	946	1
	—	956	2	Имам-Кули	—	—	1
	Самарканд	—	9				

серебряных монет XVI в. с такими поздними джанидскими теньгами. Нам известны два клада шейбанидских монет с небольшой примесью значительно более ранних джанидских: в одном случае — Баки-Мухаммад-хана с датой 1013 г. х. (1604/05 г.), в другом — Вали-Мухаммад-хана с датой 1019 г. х. (1610/11 г.)²⁹. Хронологический разрыв между шейбанидскими и джанидскими монетами в этих двух кладах также небольшой: из шейбанидских монет в них преобладают поздние, а из джанидских — ранние. Это дало основание предположить, что шейбанидские монеты просто продолжали обращаться при первых джанидских государях. В нашем же кладе несколько иная картина: основная масса шейбанидских монет относится к середине XVI в., а джанидская монета выпущена позднее первого десятилетия XVII в. Поэтому до появления дополнительных материалов с равным основанием можно высказать два предположения: 1) шейбанидские монеты середины XVI в. обращались в Средней Азии при Джанидах еще при Имам-Кули-хане (1611—1642) и, будучи высокопробными, попали в клад в связи с начавшейся интенсивной порчей джанидских монет; 2) джанидская монета Имам-Кули-хана попала в клад шейбанидских серебряных монет середины XVI в. случайно, с кладом (обстоятельства находки которого точно неизвестны) не связана, найдена поблизости или просто в другом месте; сам же клад сложился рано — в третьей четверти XVI в.

Наличие в кладе среднеазиатских тенег серебряной монеты, чеканенной в Лагоре от имени Хумаюна, само по себе очень интересно, но не должно нас удивлять. Нам известен еще один клад, в составе которого наряду со среднеазиатскими оказались монеты государства Великих моголов Индии. Этот клад найден был в Андижане, в 1914 г. поступил в Археологическую комиссию, в архиве которой и сохранилась его подробная опись: среди 230 монет было 4 тимуридских, 193 шейбанидских (всех государей до Абдуллатифа включительно) и 33 Великих моголов.

²⁹ Е. А. Давидович. История монетного дела..., стр. 105, примеч. 95; М. Е. Массон. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за время с 1917 по 1927 г.— Изв. Среднеазиатского музея, вып. 3. Ташкент, 1928, стр. 290—291.

Монеты Великих моголов чеканены от имени Бабура (933, 935, 936, 937 гг. х.) и Хумаюна (937, 944, 946 гг. х.); сохранились наименования и двух монетных дворов: Джаунпур и Герат³⁰.

Оба эти клада дополняют письменные свидетельства о торговле между Индией и Средней Азией³¹. Нам уже приходилось отмечать, что в Индию уходило значительное количество среднеазиатского серебра в виде монеты. Не менее существенно, что шейбанидские серебряные теньги использовались в Индии именно как монеты, причем вполне легально, так как правительство само пускало их в оборот, легализуя надчеканками (известны разновременные надчеканки с именем Акбара и надчеканки Кабула)³². Но вопрос об обратном движении серебряных монет из Индии в Среднюю Азию оставался открытым из-за отсутствия конкретных материалов. Теперь мы можем ответить на этот вопрос. Наличие серебряных монет династии Великих моголов в кладах местных тенег XVI в. может свидетельствовать о том, что эти иностранные монеты выполняли в Средней Азии функции денег. Их утверждению на рынках должно было способствовать то обстоятельство, что и весом и внешним видом они походили на шейбанидское серебро.

34 экземпляра из 45 (около 76%) собственно шейбанидских монет клада принадлежат чекану Абдуллатиф-хана (947/1540—959/1551). Такой состав типичен для кладов шейбанидских монет и объясняется особенностями денежного обращения в XVI в., когда новый государь объявлял серебряные теньги своего предшественника «старыми», в результате чего они получали заниженный на 10% курс. Так как «новым» монетам того же веса и пробы всегда грозил перевод в «старые», а их владельцам — потеря 10% наличности, то «старые» монеты, курсу которых уже не грозили перемены, ценили за эту «прочность» и старались попридерживать, припрятать.

Шейбанидские монеты клада четко делятся на две группы: общегосударственные, т. е. чеканенные от имени глав династии (40 экз.), и чеканенные от имени удельных владетелей (3 экз.).

До недавнего времени было известно 17 монетных дворов, на которых чеканились общегосударственные серебряные монеты Шейбанидов, причем лишь 15 наименований этих монетных дворов было прочтено³³. Изучение неопубликованных монет разных музеев СССР и дальнейшая работа над ранее известными монетами позволили прочесть наименование 20 монетных дворов (табл. 2). Две монеты клада (№ 34, 35), возможно, чеканены на новом, 21-м монетном дворе (если, конечно, это не особое, необычное начертание слова «Ташкент»)³⁴. До окончательного решения этого вопроса мы в табл. 2 этот монетный двор выделили как самостоятельный. Из 20—22 монетных дворов регулярно работали при всех или почти при всех государях четыре: Балх, Бухара, Самарканд и Ташкент. Монеты этих же четырех городов-уделов составляют основную часть публикуемого клада, лишняя раз свидетельствуя о том, что чекан их был

³⁰ Архив ЛОИА, ф. 1, 1914, д. № 64. См. также ОАК за 1913—1914 гг., стр. 221, 268.

³¹ Например, Дженкинсона, информация которого о торговле заслуживает большого внимания, см. сборник «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке» (Л., 1937), стр. 184.

³² Е. А. Давидович. К вопросу о курсе и обращении серебряных монет..., стр. 161—163; N. M. Lowick. Some countermarked coins of the Shaybanids and early Moghuls.— The Journal of the Numismatic Society of India, XXVII, ч. 2, 1965, стр. 161—169.

³³ Сводку монетных дворов Шейбанидов, известных к 1953 г., см.: Е. А. Давидович. Надписи на среднеазиатских серебряных монетах..., стр. 38 и табл.

³⁴ На одной монете ГЭ, кратко упомянутой А. К. Марковым (Указ. соч., стр. 692, № 100), чеканенной от имени Искандар-хана, тоже необычное, но и не совсем ясное начертание наименования монетного двора. Если это не искажение штампа неумелым резчиком, то можно считать, что перед нами 22-й монетный двор Шейбанидов.

Таблица 2

Монетные дворы Шейбанидов

Имя государя	Наименование монетного двора																						
	Андиган	Ахсы	Астрабад	Балх	Бухара	Герат	Исферанг	Кеш	Куфин	Мерв	Мешхед	Нимруз	Нияшапур	Самарканд	Серахс	Ташкент	?	Тун	Урду	Хисар	Ясы	Город стерт	
Мухаммад-Шейбани				+	+	+				+	+	+		+									+
Кучкунчи			+	+	+	+	+		+	+	+		+	+	+								+
Абу-Сайд				+	+	+		+			+			+									+
Убайдулло				+	+	+			+		+			+									+
Абдулло I				+	+	+					+			+									+
Абдуллатиф				+	+	+		+			+			+		+					+		+
Науруз-Ахмад		+		+	+	+					+			+		+							+
Пир-Мухаммад I	+	+		+	+	+					+			+		+							+
Искандар	+	+		+	+	+					+			+		+							+
Абдулло II				+	+	+					+			+		+							+
Абдулмумин				+	+	+					+			+		+							+
Пир-Мухаммад II				+	+	+					+			+		+							+

* Звездочкой отмечены серебряные монеты, имеющиеся в составе клада.

не только систематическим, но и наиболее обильным. Об этом же говорит состав других кладов и музейных коллекций.

Для изучения политической истории Средней Азии, характеристики государственного устройства при Шейбанидах, специфики отношений между центральной властью и удельными владельцами очень интересна и важна вторая группа шейбанидских монет клада — монеты с именами удельных владельцев Саид-Бурхана и Тимур-Ахмада.

О первом неоднократно упоминают письменные источники, связывая его имя с Бухарой. Бухара в государстве Шейбанидов была крупнейшим уделом, владельцы которого иногда становились главами государства, а Бухара тем самым — его столицей. Однако в те годы, когда на политической арене появился Саид-Бурхан, главами государства были сначала владелец Самарканда Абдуллатиф-хан (947—959 г. х.—1540—1551 г. х.), потом владелец Ташкента Науруз-Ахмад-хан (959—963 г. х.—1551—1556 г. х.) и, наконец, владелец Балха Пир-Мухаммад-хан I (963—968 г. х.—1556—1560 г. х.). Бухара была удельным владением Яр-Мухаммада, внука завоевателя Средней Азии Мухаммад-Шейбани-хана. Когда Пир-Мухаммад, владелец Балха, пришел в Бухару и хитростью овладел ею, Яр-Мухаммад бежал за помощью в Самарканд, к главе государства Абдуллатиф-хану. В 958 г. х. большое войско во главе с Абдуллатифом двинулось на выручку Яр-Мухаммада. В этом походе приняли участие многие султаны шейбанидского дома, в том числе и Саид-Бурхан. До Бухары войско не дошло, ибо по дороге осадило другой город, а после снятия осады и заключения мира с его владельцем поход был прекращен. Но балхский владелец вскоре сам оставил Бухару, вернув ее Яр-Мухаммаду. В тот же день в Бухару прибыл Саид-Бурхан и был признан соправителем Яр-Мухаммада. Так в середине 958 г. х. в Бухаре оказалось два правителя.

В 959 г. х. умер хакан Абдуллатиф-хан, и главой государства был провозглашен ташкентский владелец Науруз-Ахмад-хан. Тот сразу отправился в поход, некоторое время осаждал Самарканд, потом Кеш. Изпод Кеша он отправил в Бухару нарочного звать Саид-Бурхана. Последний выступил, но под Касаном потерпел поражение, а вскоре и сам Науруз-Ахмад счел за лучшее снять осаду и уйти. В раджабе 961 г. х. Науруз-Ахмад взял Самарканд. Бывший удельный владелец Самарканда, не сумев вернуть город силой, стал искать благосклонности самого Науруз-Ахмад-хана, и тот обещал отнять Бухару у Саид-Бурхана и передать ему. В этом же 961 г. х. Саид-Бурхан убил своего сопровителя Яр-Мухаммада и объявил себя единственным владельцем Бухары.

В раджабе 962 г. х. во исполнение своего обещания Науруз-Ахмад-хан осадил Бухару. Саид-Бурхан призвал на помощь Абдуллу (в будущем — Абудулло-хан II, много сделавший для централизации государства, развития торговли и пр.), обещая в случае успеха передать ему Бухару. Абдулло одержал победу над войском, высланным против него Науруз-Ахмад-ханом, после чего последний снял осаду Бухары и вернулся в Самарканд.

Саид-Бурхан выполнил свое обещание и, передав Бухару Абдулле, сам ушел в Каракуль. Но вскоре сумел вернуть себе Бухару. Ситуация изменилась в начале весны 963 г. х., когда взбунтовавшиеся эмиры сдали Каракуль Абдулле. Саид-Бурхан обратился за помощью к главе государства Науруз-Ахмад-хану, который, опасаясь активности Абдуллы, в этой помощи не отказал. Союзники осадили Каракуль, дело кончилось миром, и все удалились в свои уделы.

В конце 963 г. х. Науруз-Ахмад-хан умер. Главой государства провозгласили владельца Балха Пир-Мухаммад-хана I, дядю Абдуллы. В рад-

жабе 964 г.х. Абдулла осадил Бухару, Саид-Бурхан уже готов был сдать город, но еще до заключения мира был убит³⁵.

В результате сложных интриг и междоусобных войн Саид-Бурхан владел Бухарой сначала в качестве соправителя Яр-Мухаммада (958—961 гг. х.), а потом, с перерывами, самостоятельно (961—964 гг. х.). Главой государства он не был, монеты должен был чеканить не от своего имени, а от имени глав государства: Абдуллатиф-хана, Науруз-Ахмад-хана и Пир-Мухаммад-хана. Нам известны чеканенные в Бухаре монеты Абдуллатиф-хана за 958—959 гг. х. и Науруз-Ахмад-хана за 959—960 гг. х. Когда же Саид-Бурхан нарушил этот порядок и отчеканил монеты от своего собственного имени, тем самым наиболее чувствительным образом продемонстрировав свое непризнание центральной власти?

Отношения Саид-Бурхана с хаканами на разных этапах складывались различно. В 958—960 гг. х., очевидно, эти отношения были мирными, иногда даже союзническими. Тогда у Саид-Бурхана был соправитель. Известны бухарские монеты этих лет, чеканенные от имени хаканов. Можно поэтому полагать, что в 958—960 гг. х. Саид-Бурхан не чеканил монеты от своего имени. С 961 г. х. изменилось многое: Саид-Бурхан убил своего соправителя, хакан Науруз-Ахмад-хан вознамерился отнять у него Бухару, в 962 г. х. он осадил Бухару, а вскоре Саид-Бурхан передал свое владение другому лицу. В эти годы враждебных отношений с хаканом Саид-Бурхан вполне мог отчеканить монеты от своего имени, тем более что своего соправителя он устранил. В этом случае можно было бы считать, что вражда хакана Науруз-Ахмад-хана к своему бывшему союзнику была вызвана именно тем, что тот отчеканил монеты от своего имени. Иначе говоря, 961 г. х. и даже первая половина 962 г. х. — время, когда Саид-Бурхан мог выпустить свои монеты.

Появление монет с именем Саид-Бурхана можно предположительно отнести и к другому отрезку времени. Отношения между Саид-Бурханом и Абдуллой — бывшими союзниками — стали враждебными после того, как Саид-Бурхан отобрал у Абдуллы Бухару. В конце 963 г. х. хаканом провозгласили дядю Абдуллы Пир-Мухаммад-хана I. Нам удалось установить³⁶, что отнюдь не сразу и не все признали его хаканом. Группа шейбанидских султанов (в том числе ташкентские владетели) провозгласила главой государства Тимур-Ахмада, владетеля Хисара. Сохранились ташкентские монеты 963 г. х. и без даты, чеканенные от имени этого Тимур-Ахмада. Чекан этот не был кратковременным эпизодом: уже сейчас нам известны пять разных типов серебряных монет с именем Тимур-Ахмада (пятый, совершенно новый тип демонстрирует монета публикуемого клада, № 42), причем четыре типа выпущены в Ташкенте, что говорит именно о продолжительности этой акции. Между прочим, самые ранние из известных нам датированных монет Пир-Мухаммад-хана I в Ташкенте выпущены только в 964 г. х. Таким образом, с 963 г. х. в течение некоторого времени в государстве Шейбанидов было своего рода двоевластие.

Двоевластие оказалось самой подходящей обстановкой для усиления и активизации удельных владетелей, для появления и осуществления разных замыслов и претензий. В период, когда одни признали Ахмад-Тимура хисарского, другие — Пир-Мухаммада балхского, Саид-Бурхан вполне мог «признать» самого себя. Поэтому самым правдоподобным кажется выпуск монет с именем Саид-Бурхана именно в конце 963 или в 964 г. х.

³⁵ В. В. Вельяминов-Зернов. Монеты Бухарские и Хивинские. СПб., 1859, стр. 377—389.

³⁶ Е. А. Давидович. Из истории Хисара..., стр. 30—36.

1

2

4

5

7

34

35

10

11

Монеты клада

12

36

14

15

18

23

27

28

29

30

32

33

38

39

41

42

43

44

Н. А. СОБОЛЕВА

К ВОПРОСУ О МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА ОЛЬГЕРДОВИЧА

(по нумизматическим материалам ГИМ)

В конце XIII — начале XIV в. в Восточной Европе возвышается Великое княжество Литовское. Феодалные усобицы в Золотой Орде благоприятствовали наступательным походам литовских феодалов и присоединению к Великому Литовскому княжеству земель Западной и Юго-Западной Руси.

В результате одного из таких походов великий литовский князь Ольгерд (1345—1377) захватил в 1362 г. Киевщину с прилегающей к ней на левобережье Днепра Переяславщиной, выгнал из Киева князя Федора и посадил на его место своего сына Владимира Ольгердовича. Власть Владимира Ольгердовича над Киевщиной закрепила победа литовского войска над татарами в 1363 г. у Синих Вод¹.

Продолжительное княжение Владимира Ольгердовича в Киеве оставило мало следов в истории. Тем интереснее для нас источник, еще недостаточно изученный, — монеты Владимира Ольгердовича, обращавшиеся не только в его владениях, но, вероятно, и в различных областях Великого княжества Литовского².

В коллекции Государственного исторического музея хранятся восемь монет Владимира Ольгердовича. Одна из них поступила из Филателистической ассоциации (СФА), семь — из собрания А. М. Черносвитова. Об этой коллекции в общемузейной книге поступлений под № 72762 записано: «Коллекция русских монет золотых, платиновых, серебряных и медных, переименованных в инвентарных книгах, доставленных при коллекции (всего — 6044) из Ростовского государственного музея. Акт от 30/X—1931 года. Собрание А. М. Черносвитова».

Каким образом эти монеты попали в коллекцию А. М. Черносвитова, установить не удалось, поскольку его инвентарные книги, в которых об этом могло быть сказано, не сохранились.

Описание монет

Таблица I. 1. Л. с. В точечном ободке IS. Вокруг, также в точечном ободке, видны буквы О... ДН.

О. с. В ободке из точек знак Владимира Ольгердовича³.

¹ История Литовской ССР, ч. I. Вильнюс, 1953, стр. 172; Очерки истории СССР. XIV—XV вв. М., 1953, стр. 521.

² Г. Б. Федоров. Топография кладов с литовскими слитками и монетами. — КСНИМК, XXIX, 1949, стр. 71.

³ О знаке см. ниже. Одни исследователи полагают, что знак помещался на лицевой стороне монеты, другие — что на оборотной. В определении лицевой и оборотной сторон монет Владимира Ольгердовича автор данной работы исходит из указания Ф. Шреттера, что на лицевой стороне монеты должны помещаться титул или инициалы правителя. См. F. Schrötter. Wörterbuch der Münzkunde. Berlin — Leipzig, 1930, стр. 726 (Vorderseite).

Вес 0,42 г.

2. Л. с. В круглом ободке I·S. Круговая надпись в обратную сторону:
ВО·ЛОД·ННМ.

О. с. В ободке из точек знак Владимира Ольгердовича.

Вес 0,64 г.

3. Л. с. В едва заметном ободке из точек I·S. Вокруг буквы: Δ·ОЛ·НМРО·

О. с. В ободке из точек знак Владимира Ольгердовича.

Вес 0,55 г.

4. Л. с. В точечном ободке I·S. Круговая надпись стерта.

О. с. В ободке из точек знак Владимира Ольгердовича.

Вес 0,40 г.

Т а б л и ц а II. 5. Л. с. В точечном ободке IZ. Вокруг обратная, надпись:
ВОЛОД... Н...

О. с. Знак Владимира Ольгердовича.

Вес 0,52 г.

6. Л. с. В точечном ободке IS. Вокруг, также в точечном ободке обратная
надпись: ОЛОДАМ.

О. с. Знак Владимира Ольгердовича.

Вес 0,46 г.

7. Л. с. В ободке из точек какое-то подобие волнистых линий. Видны буквы кру-
говой надписи: ВО...НРО.

О. с. Знак Владимира Ольгердовича. Удар — два раза.

Вес 0,67 г.

8. Л. с. В ободке из точек татарская плетенка. Видны буквы круговой надписи
ННД

О. с. Знак Владимира Ольгердовича.

Вес 0,50 г.

Монеты плохой сохранности: некоторые буквы надписей читаются правильно, а некоторые — в обратном порядке; иногда вся надпись читается справа налево. Обратные стороны всех монет с изображением знака Владимира Ольгердовича мельчайшими деталями — лишней точкой, расположением лучей звездочки и т. д. — отличаются друг от друга. Монеты, описанные под № 1—7, можно отнести к первому типу, который выделил А. А. Ильин, изучая монеты Владимира Ольгердовича⁴, монету № 8 — ко второму типу.

Впервые описание монет Владимира Ольгердовича встречается у В. Б. Антоновича⁵, который определил, что чеканены они были в Киеве между 1364 и 1392 гг. По его мнению, на одной стороне этих монет изображен традиционный знак, встречающийся на литовских монетах, — видоизмененные колонны (ворота, знамя). На другой — изображение татарской тамги внутри кружка, составленного из точек. Сочетание тамги с видоизмененными литовскими «колюмнами» должно служить указанием, «что данные монеты чеканены в Киеве в то время, когда Киевское княжение, находясь уже под властью Великих князей литовских, сохраняло еще некоторые следы зависимости от ханов Золотой Орды»⁶.

Замечательный экземпляр монеты Владимира Ольгердовича из собственного собрания опубликовал Э. К. Гуттен-Чапский в 1875 г.⁷

Л. с. ВОЛОДНМРО ZO — в ободке из точек. В центре буква К.

О. с. В точечном ободке церковная хоругвь.

⁴ А. А. Ильин. Классификация русских удельных монет. Л., 1940, стр. 19.

⁵ В. Б. Антонович. О новонайденных серебряных монетах с именем Владимира. — Труды III АС, т. II. Киев, 1878, стр. 151—157.

⁶ Там же, стр. 154.

⁷ Удельные, великокняжеские и царские деньги Древней Руси. — Собрание графа Э. К. Гуттен-Чапского. СПб., 1875, стр. 4.

Описывая все известные к тому времени монеты Владимира Ольгердовича и согласившись с В. Б. Антоновичем в основном вопросе — о происхождении монет, И. И. Толстой утверждал, что на монетах помещены не литовские колюмны, а знамя предшественников Владимира Ольгердовича — великих князей Киевских, принятое впоследствии за изображение хоругви⁸.

Некоторые исследователи, в том числе Н. И. Петров, вместо татарской тамги в середине ободка из точек усматривали буквы, составляющие «инициалы собственных имен князей — великих князей литовских или наместников их, при которых княжил в Киеве Владимир Ольгердович»⁹.

Наибольшее внимание монетам Владимира Ольгердовича уделил К. В. Болсуновский. Он утверждал, что на одной стороне исследуемых монет изображен герб, заимствованный Владимиром Ольгердовичем у киевских и черниговских Рюриковичей вместе с властью над Киевским уделом. По поводу изображения на другой стороне К. В. Болсуновский говорит следующее: «Те черты, которые принимали за буквы, суть различные части одной и той же татарской тамги в виде двух сердец, а ошибка происходила от того, что части ее выходили на некоторых экземплярах в виде латинских букв ISC»¹⁰. Чеканка подобных монет, по его мнению, осуществлялась с 1356 по 1392 г.

На монетах с именем Владимира специально остановился М. Гумовский в работе о средневековых литовских монетах¹¹. В изображениях на одной стороне этих монет М. Гумовский, подобно многим своим предшественникам, усматривал хоругвь, а на другой стороне — татарскую тамгу, букву К или буквы KI, буквы IS, причем буквы К или KI он считал начальными от слова Киев, где находился княжеский монетный двор, а IS — неполноценной буквой К.

В 1925 г. В. А. Шугаевский на заседании секции нумизматики и глиптики Академии истории материальной культуры прочитал реферат о кладе монет Владимира Ольгердовича, найденном в Сосницком уезде Черниговской губернии. В. А. Шугаевский на одной стороне монет Владимира Ольгердовича видел герб Ольгердовичей, на другой — украшение в виде сердцеобразного плетения.

Вопросу об изображениях на лицевой и оборотной сторонах монет Владимира Ольгердовича уделил много внимания Н. П. Лихачев в большой и интересной работе по истории русской сфрагистики¹².

А. А. Ильин в одной из глав своей книги («Монеты Великого княжества Литовского») ¹³ один раздел — «Великое княжество Киевское» — посвящает монетам Владимира Ольгердовича, определяя время его правления 1362—1392 гг. А. А. Ильин выделяет три типа этих монет: на лицевой стороне, по его мнению, все они имеют знак великого князя Владимира Ольгердовича, а на оборотной — монеты первого типа имеют букву К с точкой или без точки посередине; монеты второго типа — крест с точками или без точек в углах; монеты третьего типа, которые намного легче первых двух, — плетенку.

⁸ И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского. СПб., 1882, стр. 217—221.

⁹ Н. И. Петров. О новооткрытой киевской монете XIV в. Харьков, 1908, стр. 4.

¹⁰ К. В. Болсуновский. Монеты киевских князей XIV столетия. Киев, 1909, стр. 8.

¹¹ M. Gumowski. Numizmatyka litewska wieków średnich. Kraków, 1920.

¹² Н. П. Лихачев. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. — Труды Музея палеографии, вып. II. Л., 1930, стр. 257—285.

¹³ А. А. Ильин. Указ. соч., стр. 19, 20.

Наконец, вопрос о монетах Владимира Ольгердовича не был обойден и в недавно вышедшей книге И. К. Кариса «Древние литовские деньги»¹⁴. За начальную дату правления Владимира Ольгердовича он принимает 1367 г. и считает, что «следовательно, с этого момента могли появиться его монеты». И. К. Карис утверждает, что плетенка, встречающаяся на монетах, — татарский знак — имеется только на ранних выпусках Владимира Ольгердовича, а на поздних монетах этого знака нет. Вместо него появляется буква К, которую он считает начальной буквой слова «князь».

Таким образом, по поводу интересующих нас монет было высказано довольно много разных предположений. По-разному исследователи отвечают на следующие вопросы:

1) с какого времени стал править Владимир Ольгердович и когда он начал чеканить монеты;

2) что изображено на лицевой и оборотной сторонах монеты;

3) когда сменяется изображение на одной из сторон.

Дату утверждения в Киеве Владимира Ольгердовича справедливо считали и датой присоединения Киевщины к Литовскому княжеству. Некоторые исследователи прямо называли 1362 г., ссылаясь на Густыньскую летопись. Напомню эту запись: «В лето 6769 (1361). В Киеве на княжении Федор. В сие лето поставиша во Львове первого бискупа Кристина. В лето 6770 (1362). Дмитрий, князь московский, согна из Галича московского князя Димитрия, а из Стародуба — Иоанна. В сие лето Ольгерд победи трех царков татарских и из ордами их, си есть Котлубаха, Качбея, Дмитра, и оттоли от Подоля изгна власть татарскую. Сей Ольгерд и инпяя руския державы во власть свою приял, и Киев под Феодором князем взял, и посади в нем Володимира, сына своего, и нача над сими владети, им же отцы его дань даяху»¹⁵.

Таким образом, в Густыньской летописи изгнание князя Федора из Киева и замена его Владимиром Ольгердовичем определенно датируются 1362 г. М. С. Грушевский возражал против этой даты, считая, что она не связана с записью об отнятии Киева у Федора, а относится лишь к завоеваниям Ольгерда на Руси. Упоминание же о захвате Киева у Федора под 1362 г. М. С. Грушевский считает комбинацией составителя Густыньского свода¹⁶.

Возможно, возражения М. С. Грушевского и небеспочвенны, но факт остается фактом: в летописи под 1362 г. указывается, что Ольгерд посадил в Киеве своего сына Владимира. Во всяком случае, если даже и не в один год Ольгерд «победи трех царков татарских и из ордами их» и посадил в Киеве сына своего Владимира, то, вероятно, эти события не могут по времени далеко отстоять друг от друга, так как летописец поместил их рядом. Битва у Синих Вод недалеко от Буга в 1363 г., когда Ольгерд наголову разбил татар, — факт, в достоверности которого никто не сомневается, — на наш взгляд, подтверждает это: захват Ольгердом Киева, находившегося в формальной зависимости от татар, при учете предыдущих завоеваний Ольгерда в южнорусских землях, побудил татар дать открытый бой Ольгерду.

Польский историк О. Халецкий тоже убежден, что разгром татар в 1363 г. и посадение Владимира Ольгердовича в Киеве находятся в несомненной взаимосвязи: «И посадение сына Ольгерда в Киеве, и занятие Подоля его братьями Кориатовичами остается действительно в связи

¹⁴ Jonas K. Karys. Senovės Lietuvių pinigai. Bridgeport, 1959, стр. 178.

¹⁵ ПСРЛ, т. II. СПб., 1843, стр. 350.

¹⁶ М. С. Грушевський. Історія України — Руси, т. IV. Київ — Львів, 1907, стр. 74, примеч.

с разгромом, который в 1363 г. великий князь учинил западным князьям распадающегося государства Кипчака у Синих Вод»¹⁷.

Вряд ли верно предположение И. К. Кариса, что Владимир утвердился в Киеве не раньше 1367 г., а до этого Ольгерд, завоевав Киев в 1362 г., оставил все по-прежнему, так как был занят спорами с Ливонским Орденом¹⁸. Во-первых, Ольгерд мог посадить в Киеве сына, а сам отправиться в поход; во-вторых, взаимные нападения Ордена и Литвы происходили буквально каждый год — и до 1367 г. и после.

Конец правления Владимира Ольгердовича исследователи также датируют по-разному: 1392 г.— А. А. Ильин¹⁹ и К. В. Болсуновский²⁰; 1394 г.— М. С. Грушевский²¹; 1395 г.— А. И. Барбашев²².

Очевидно, прав М. С. Грушевский. Его мнение по этому поводу основано на документе, свидетельствующем, что еще зимой 1394 г. Владимир Ольгердович подписался под одной официальной бумагой как князь киевский совместно с Витовтом и Скиргайлом, сменившим Владимира на киевском престоле²³.

Итак, наиболее вероятным временем правления Владимира Ольгердовича в Киеве следует считать годы с 1362/63 по 1394.

Относительно времени чеканки монет с его именем можно высказывать лишь предположения. Во всяком случае, чеканка их началась не ранее 60-х годов XIV в., так как 60-ми годами XIV в. датируются первые литовские монеты Ольгерда и Кейстута²⁴, а в Киевском княжестве выпуск первых монет вряд ли произошел раньше. Трудно согласиться с теми исследователями, которые считают, что Владимир чеканил монеты на протяжении всего своего правления, в течение 30 лет: их найдено слишком мало.

Думается, что мы получим ответ на вопрос о времени их чеканки, если примем во внимание изображение на лицевой стороне монет. Вместе с надписью там иногда в точечном, иногда в линейном ободке помещается или татарская плетенка, или буква. Почти все исследователи считали ее буквой К, а в плетенке видели татарскую тамгу. Н. П. Лихачев убедительно доказал, что плетенка — это не тамга, а татарский орнаментальный рисунок, встречающийся на золотоордынских монетах одновременно с настоящей тамгой²⁵. Буква К, по мнению М. Гумовского, А. А. Ильина и Н. П. Лихачева, являлась начальной буквой слова Киев.

Но если сравнить наши монеты с монетами Великого княжества Литовского, на одной стороне которых изображен всадник, а на другой — «колюмны» и между ними буквы, то можно заменить значительное сходство в буквах на монетах Владимира Ольгердовича и на литовских (рис. 1). Известный литовский нумизмат П. Каразия считал, что эти литовские монеты принадлежат Витовту, а буква — славянская начальная буква имени Витовта, т. е. В²⁶.

Возможно, Владимир Ольгердович также помещал на своих монетах начальную букву имени Витовта или в знак поддержки Витовта, вставше-

¹⁷ O. Halecki, *Geografia polityczna ziem ruskich Polski i Litwy (1340—1569)*.— *Sprawozdania Tow-wa Naukowego w Warszawie*, I—II, 1917, 2, стр. 13.

¹⁸ И. К. Карис. Указ. соч., стр. 178.

¹⁹ А. А. Ильин. Указ. соч., стр. 19.

²⁰ К. В. Болсуновский. Указ. соч., стр. 15.

²¹ М. С. Грушевский. Указ. соч., стр. 173.

²² А. И. Барбашев. Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы. СПб., 1885, стр. 67.

²³ М. С. Грушевский. Указ. соч., стр. 173.

²⁴ Г. Б. Федоров. Классификация литовских слитков и монет.— КСИИМК, XXIX, 1949, стр. 115.

²⁵ Н. П. Лихачев. Указ. соч., стр. 101—105.

²⁶ P. Karazija. *Aluonos Sklerių ir Kruminių lobiai*.— *Vitauto Didžiojo Kultūros Muziejaus Metraštis*, I. Kaunas, 1941, стр. 132.

го во главе всеобщего сопротивления политике Ягайла и Скиргайла с середины 80-х годов, или чтобы показать свою зависимость от него после того, как Витовт в 1392 г. стал правителем всего княжества Литовского.

Таким образом, чеканку монет с буквой в середине можно отнести или к концу 80-х годов XIV в., или к 1392 г., а очень небольшое количество их находок — объяснить непродолжительностью их чеканки.

Когда же появляется плетенка на монетах с именем Владимира? Этим монетам найдено еще меньше. Выпускать их могли уже после смерти Владимира, после битвы в 1399 г. при Ворскле, где Витовт был разбит татарами. Эту монету мог чеканить наместник Витовта в бывшем княжестве Владимира.

Рис. 1. Литовские монеты с изображением буквы В между колоннами

Очень интересен вопрос об изображении на оборотной стороне. Н. П. Лихачев приводит неопровержимые доказательства того, что знак на оборотной стороне — не хоругвь, а литовский герб. Сравнивая этот знак и знак на печати с именем Миндовга²⁷, а также знак, который находится на печати сына князя Владимира Ольгердовича — Андрея Владимировича²⁸, Н. П. Лихачев приходит к выводу, что изображенный на оборотной стороне монет герб — один из старинных видоизмененных литовских родовых знаков. Может быть, этот герб принадлежал какой-то ветви Ольгердовичей.

Точно такой же герб, по мнению некоторых исследователей, помещен на аналогичных монетах с именем Романа вместо Владимира. Впервые экземпляр подобной монеты описан К. В. Болсуновским. Князя Романа Михайловича К. В. Болсуновский считал предшественником Владимира Ольгердовича²⁹. А. А. Ильин также приписывал чеканку монет с именем Романа князю Роману Михайловичу Брянскому или Черниговскому³⁰. По мнению М. Гумовского, монеты с именем Романа чеканил Роман Федорович, внук Ольгерда, предок князей Кобринских, правивший в Киеве с 1400 по 1404 г.³¹ И. К. Карис также считает, что эти монеты принадлежали Роману, сыну князя Федора Ольгердовича, который якобы правил в Киеве с 1399 по 1403 г.³²

Выяснить личность Романа, чеканившего монеты до Владимира или после него, довольно трудно. Мог ли быть им Роман Михайлович Брянский или Черниговский? В 70-х годах XIV в. Ольгердовичи отобрали у Романа Михайловича его владения. Роман Михайлович выступает безземельным

²⁷ Н. П. Лихачев. Указ. соч., стр. 247.

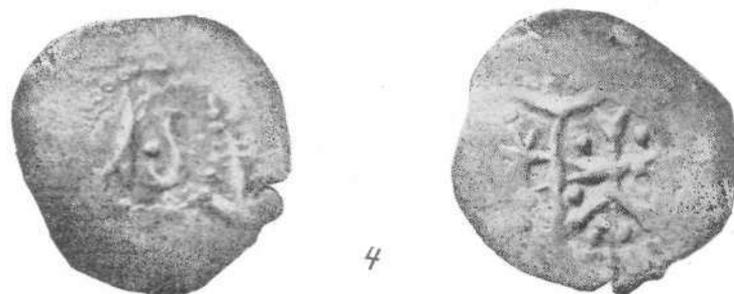
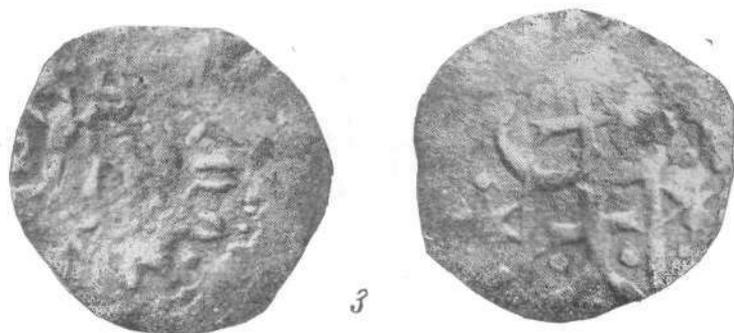
²⁸ Там же, стр. 258.

²⁹ К. В. Болсуновский. Указ. соч., стр. 15.

³⁰ А. А. Ильин. Указ. соч., стр. 21.

³¹ M. G u t o w s k i. Указ. соч., стр. 70, 73.

³² I. K. K a r y s. Указ. соч., стр. 180, 181.

Монеты Владимира Ольгердовича

5

6

7

8

Монеты Владимира Ольгердовича

или малоземельным князем. Как наместник Витовта он сидит в Смоленске и в этой роли погибает от руки Юрия, захватившего Смоленск в 1401 г. Старейшие русско-литовские летописи, рассказывая про этот эпизод, зовут Романа князем брянским, Тверской сборник — князем черниговским и даже великим. Любецкий Синодик описывает его как «великого князя Романа Михайловича чер[ниговского], убиенного от князя Юрия Смоленского»³³. Этот князь, по мнению М. Грушевского, происходил из северской династии³⁴. Таким образом, Роман Михайлович не связан родством с Ольгердовичами. Монеты же с изображением родового литовского знака мог чеканить только князь, имеющий отношение к этому роду.

К роду Ольгердовичей принадлежал Роман Федорович, князь Кобринский, внук Ольгерда, чеканивший, по предположению М. Гумовского и И. К. Кариса, монеты с именем Роман. Однако непонятно, какое отношение Роман Федорович имел к Киеву.

Следовательно, мы не можем с достоверностью назвать князя с именем Роман, который мог чеканить монеты, аналогичные монетам Владимира Ольгердовича, и править в Киеве до или после него. Нам кажется, прав В. А. Шугаевский, который отрицал существование монет с именем Романа и видел в надписях на монетах, приписываемых Роману, написание имени того же Владимира Ольгердовича.

К сожалению, в собрании отдела нумизматики ГИМ материал слишком ограничен для того, чтобы делать выводы по метрологии монет Владимира Ольгердовича. Во всяком случае, так как Киевское княжество являлось составной частью Великого княжества Литовского, его денежная система не могла отличаться от общелитовской.

Весовые данные публикуемых монет Владимира Ольгердовича, а также известные по литературе сведения о среднем весе этих монет (по К. В. Болсуновскому он равен 0,56 г; по М. Гумовскому — 0,60 г; по А. А. Ильину — 0,50 г; по И. К. Карису — 0,60 г) позволяют предположить существование взаимосвязи их и первых литовских монет с надписью «печать». Известно, что средний вес последних 1,00—1,17 г. А. А. Ильин упоминает и меньшие монеты Владимира Ольгердовича весом в 0,24—0,27 г³⁵. Очень заманчиво было бы считать эти монеты половиной более крупных, а крупные — половиной литовских монет с надписью «печать».

Новые находки монет Владимира Ольгердовича позволят проверить достоверность наших предположений.

³³ М. С. Грушевський. Указ. соч., стр. 451.

³⁴ Там же, стр. 66.

³⁵ А. А. Ильин. Указ. соч., стр. 19, 20.

Н. Ф. КОТЛЯР

КЛАД МОНЕТ ВЛАДИМИРА ОЛЬГЕРДОВИЧА

Монетный чекан Владимира Ольгердовича, киевского князя второй половины XIV в., представляет собой одну из загадок средневековой нумизматики. О его монетах мы знаем очень мало, до настоящего времени неясны их типология, метрология и эпиграфика. Очень немного можно сказать и о самом князе Владимире Ольгердовиче. Даже даты его появления на киевском княжеском столе и ухода из Киева поныне остаются дискуссионными¹.

М. С. Грушевский, исследовав источники записи в Густынской летописи, сообщающей об утверждении Владимира Ольгердовича в Киеве под 1362 г., пришел к выводу, что в действительности это произошло в 1363 г.² Эту дату принимаем и мы.

Утверждение на киевском столе представителя литовской династии, сына великого князя Ольгерда Гедиминовича, означало присоединение Киевщины к Литве. Предшественник Владимира, князь Федор, хотя и находился под политическим влиянием литовских князей, но формально подчинялся татарам: вместе с ним в Киеве сидел татарский баскак. Когда же на смену Федору пришел Владимир, Киевская земля вошла в состав Великого княжества Литовского³.

Письменные источники, в том числе и литовская «Хроника Быховца», не сохранили почти никаких сведений о правлении Владимира Ольгердовича в Киеве. Лишь в Софийской первой летописи под 1384 г. имеется следующая запись: «Того же лета прииде из Царьграда на Киев Дионисей епискуп Суздальский в митрополитех, хотя сести митрополитом на всей Руси, князь же Володимер Олгордович Киевский пзнима его и посла в заточенье; он же пребысть в заточенье и до смерти»⁴. В. Н. Татищев вкладывает в уста Владимира следующую обращенную к Дионисию речь: «Почто пошел еси в Царьград к патриарху ставитись в митрополиты без нашего совета? Се бо на Киеве есть митрополит Киприян и той есть всеа Руси. Пребуди убо zde, сидя в Киеве»⁵. Этот эпизод рисует Владимира Ольгердовича князем, стремящимся к независимости и возвеличению своего стольного града Киева.

В 1394 г. «князь великий Витовт пошел в землю Подольскую, а князь Владимир Ольгердович, который был в Киеве, не захотел покориться и

¹ См. выше, в статье Н. А. Соболевой, стр. 84—85.

² ПСРЛ, т. II. СПб., 1843, стр. 350; М. Грушевський. Історія України — Руси, т. IV. Київ — Львів, 1907, стр. 78.

³ Наиболее подробный очерк истории Киевской земли второй половины XIV в. содержится в упомянутом выше томе IV труда М. С. Грушевского.

⁴ ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, стр. 239.

⁵ В. Н. Татищев. История Российская, т. 5. М.—Л., 1965, стр. 159.

ударить челом великому князю Витовту... В том же году осенью вывел его (Владимира.— *Н. К.*) князь великий Витовт из Киева и дал ему Копыль, а в Киеве посадил Скиргайла Ольгердовича»⁶. По всей вероятности, непокорный Владимир был не по нутру властному Витовту и его заменили более сговорчивым братом. О том же событии в ретроспективном плане рассказывает и Никоновская летопись⁷.

О Владимире Ольгердовиче, княжившем в Киеве, как мы теперь знаем, в 1363—1394 гг., известно еще и то, что в 1385 г. он выдал свою дочь за Василия, сына тверского князя Михаила Алексеевича, и что в 1397 г. она умерла в Твери⁸.

На основании столь скудных данных невозможно сказать что-либо определенное о внутренней и внешней политике князя. Известно лишь, что он был властным, стремился к самостоятельности, о чем согласнo повествуют эпизод с Дионисием и стычка с Витовтом, стоявшая Владимиру киевского стола и ссылки в мизерный городишко Копыль в Минской земле. Владимир Ольгердович чеканил собственную монету, что также подтверждает эту характеристику князя. Понятно теперь, какой интерес представляют данные нумизматики, проливающие свет на неясную доселе фигуру Владимира, княжившего в Киеве как-никак 30 лет.

Обстоятельства и время обнаружения рассматриваемого здесь клада монет неизвестны. Мы знаем лишь, что он был найден в г. Соснице Сосницкого района Черниговской области. Один из владельцев клада, В. А. Шугаевский, определял дату находки между 1910 и 1912 гг., что известно из надписей на некоторых конвертиках, в которых хранятся монеты клада. В архивных записях и литературе находка Сосницкого клада датируется 1911 г.⁹ В архивных источниках указано, что клад насчитывал около 600 монет, но в настоящее время этот монетный комплекс содержит более тысячи монет.

Из сохранившихся заметок В. А. Шугаевского известно, что 1 сентября 1923 г. он приобрел у некоего Барбарова 2 татарские и 69 монет Владимира Ольгердовича, которые «происходят, видимо, из того же клада, что был приобретен в Соснице гр[афом?] Суворовым». После революции, судя по записям В. А. Шугаевского, клад находился в Черниговском госполитуправлении, а затем, не позже апреля 1925 г., он попал к В. А. Шугаевскому (в его заметках сказано, что в мае этого же года он уже послал джучидские монеты клада на определение Р. Р. Фасмеру в Эрмитаж). Из бумаг В. А. Шугаевского следует, что в том же году он выступил с докладом о Сосницком кладе в Нумизматической секции ГАИМК. Об этом докладе, не указывая его точной даты, упоминает и А. А. Ильин¹⁰. В дальнейшем рассматриваемый здесь клад оказался у киевского собирателя Е. Е. Юцевича, который в начале 1966 г. передал его для исследования в Институт археологии АН УССР.

Трудно предположить, чтобы в Соснице в 1910—1912 гг. могли быть

⁶ Хроника Быховца. М., 1966, стр. 73. В процитированном источнике нет хронологической сетки. В Густынской летописи (стр. 352) этот эпизод поставлен под 1392 г., но ее датировки, как не раз отмечалось исследователями, во многих случаях сомнительны. Год изгнания Владимира из Киева указан в соответствии с тем, что в документе от 18 февраля 1394 г. он еще выступает с титулом киевского князя, а Скиргайло — с титулом князя волынского, в конце же 1394 г. мы видим Скиргайла сидящим на киевском столе (см. М. С. Грушевский. Указ. соч., стр. 170—173, 474).

⁷ ПСРЛ, т. XI. СПб., 1897, стр. 26.

⁸ В. Н. Татищев. Указ. соч., стр. 160, 187.

⁹ Архив ЛОИА, ф. 2, 1923, д. 25, л. 26, 26 об.; д. 118, л. 2; 1925, д. 26, л. 5 об., 60—61, 93, 94; д. 27, л. 6 об.; Р. Р. Фасмер. Список монетных находок, зарегистрированных Секцией нумизматики и глиптики Академии истории материальной культуры в 1920—1925 гг.— СГАИМК, I, 1926, стр. 299, 305; II, 1929, стр. 302; Г. А. Федоров-Давыдов. Клады джучидских монет.— ИЭ, I, 1960, стр. 164, № 172.

¹⁰ А. А. Ильин. Классификация русских удельных монет. Л., 1940, стр. 19.

найлены два больших клада столь редких монет. Поэтому остается заключить, что в источниках и литературе речь идет о том же кладе, который был у В. А. Шугаевского. Знакомство с его заметками и изучение самих монет привели нас к выводу, что к Сосницкому кладу 1911 г. можно отнести 1021 монету, из них 969 (95%) принадлежат Владимиру Ольгердовичу. Клады монет XIV—XV вв. на территории УССР вообще невелики по объему. Автор этой статьи в настоящее время располагает достаточно полной сводкой украинских монетных находок XIV—XV вв., но среди них нет ни одного другого клада такой значительной численности. Да и монет Владимира Ольгердовича в этих кладах всегда было немного. В Гвоздовском кладе (1873 г.) Владимиру принадлежали две из восьми монет¹¹; в Киевском (1903 г.) — восемь (общее количество монет клада неизвестно)¹²; в Козелецком (1923 г.) — одна из семи¹³; в Таращанском (1897 г.) — две из трех¹⁴; в кладе из Червоного Двора (Литва, 1885 г.) — одна из 48¹⁵. К сообщению же К. В. Болсуновского, что в 1906 г. между Каневом и Трипольем найдено около 150 монет Владимира Ольгердовича, трудно отнестись с доверием: он был знаком лишь с пятью монетами этого несохранившегося клада, попавшими к коллекционеру Р. Лещинскому¹⁶, и основывался на «отзывах очевидцев».

Правда, не все находки монет Владимира Ольгердовича учтены; в настоящее время их известно (не считая, конечно, Сосницкого клада) не 19, как может показаться из нашего перечисления, а приблизительно 40—50. Если учесть, что монеты Владимира делятся на несколько типов, то этого их количества, даже собранного в одних руках, явно недостаточно для каких-либо выводов относительно метрологии, эпиграфики и пр. К тому же ни один из прежних исследователей не располагал всеми известными в его время монетами. По-видимому, с наибольшим материалом работал К. В. Болсуновский. Из его работ видно, что он знал — в натуре или в изображениях — примерно 25 монет.

В прошлом изучались главным образом только иконография и эпиграфика монет Владимира Ольгердовича. Были, правда, попытки выделить отдельные типы монет Владимира, но весовые характеристики их давались суммарные, общие для всех типов. Так, К. В. Болсуновский придерживался мнения, что вес монет Владимира колеблется между 0,495 и 0,625 г, а средний равен 0,560 г¹⁷. Определение среднего веса монет XIV в. особенно рискованно, поскольку обычно работа ведется с немногими экземплярами, что не дает права делать какие-то выводы. Так, среди шести описанных И. И. Толстым монет одна весила 0,83 г, одна — 0,8 г, три — по 0,6 г и одна — 0,33 г¹⁸. И. И. Толстой ограничился

¹¹ В. Б. Антонович. О новонайденных серебряных монетах с именем Владимира. — Труды III АС, т. II. Киев, 1878, стр. 151—157.

¹² К. В. Болсуновский. Монеты киевских князей XIV столетия. Киев, 1909, стр. 6.

¹³ Архив ЛОИА, ф. 2, 1925, д. 26, л. 130 об.

¹⁴ А. А. Сиверс. Топография кладов с пражскими грошами. Пг., 1922, стр. 21, № 56.

¹⁵ W. Wittig. Wykopalisko z pod Czerwonego Dworu. Warszawa, 1888.

¹⁶ К. В. Болсуновский. Указ. соч., стр. 3, 6. С этим сообщением связаны слова Н. И. Петрова, что около ста монет клада приобрел нумизмат Н. Г. Захарьевский (Н. И. Петров. О новооткрытой киевской монете XIV века. Харьков, 1908, стр. 1). В библиотеке Киевского университета находится «Альбом монетных снимков Н. Г. Захарьевского» (Киев, 1896), представляющий собой собрание протирок с монет главным образом из коллекции этого собирателя. На 21-м листе «Альбома» помещены протирки семи монет Владимира Ольгердовича, происходящих, по-видимому, из Канево-Трипольского клада.

¹⁷ К. В. Болсуновский. Указ. соч., стр. 7.

¹⁸ И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского. СПб., 1882, стр. 217—218.

указанием веса каждой монеты и не стал высчитывать средний вес по шести экземплярам. (Заметим, что он был бы равен 0,63 г. Из 969 монет Владимира в Сосницком кладе лишь одна достигает этого веса!)

На основании вычислений К. В. Болсуновского и сведений И. И. Толстого о весах известных ему монет польский нумизмат М. Гумовский сделал даже попытку определить стопу, единую для всех типов монет Владимира Ольгердовича. При этом М. Гумовский в качестве одного из основных аргументов привлек вес и пробу единственной монеты Владимира из клада, найденного в Червоном Дворе. По мнению М. Гумовского, в монетах Владимира содержится 0,45 г чистого серебра, их стопа совпадает со стопой позднейших монет Витовта (с буквой К между «колюмнами»). Отсюда М. Гумовский делает вывод, что киевские монеты Владимира — литовские квартники (их шло четыре на один пражский грош) и из киевской гривны серебра (163,73 г) их чеканили около 300 штук¹⁹. Как читатель убедится ниже, этот вывод весьма далек от истины.

Остановимся еще на двух вопросах, которые оживленно обсуждались в прошлом: 1) что изображено на лицевой стороне монет Владимира Ольгердовича и 2) как расшифровывается изображение в центре оборотной стороны одного из типов этих монет?

В. Б. Антонович, который ввел в научный обиход монеты Владимира Ольгердовича, определив две неизвестные ранее монеты из Гвоздковского клада 1873 г.²⁰, увидел в изображении на их лицевой стороне (табл. I, 1) видоизмененный литовский герб, «колюмны», и на этом основании датировал монеты временем правления литовских князей Кейстута и Витовта. В дальнейшем предположение В. Б. Антоновича было отвергнуто. И. И. Толстой признал в загадочном знаке «хоругвь», знамя предшественников Владимира Ольгердовича — киевских князей²¹. Н. И. Петров видел в рассматриваемом знаке киевские Золотые Ворота²². К. В. Болсуновский пришел к выводу, что изображение на лицевой стороне монет Владимира Ольгердовича представляет собой княжеский герб, «заимствованный им от киевских и черниговских Рюриковичей вместе с властью на киевский удел». По наблюдению К. Болсуновского, тот же герб продолжали употреблять сыновья Владимира, брянские князья, до середины XV в.²³ М. Гумовский²⁴ и А. А. Ильин²⁵ согласились с мнением, что на лицевой стороне монет Владимира помещена хоругвь, его княжеский знак.

Но в определении рисунка лицевой стороны монет Владимира Ольгердовича как унаследованного им от Рюриковичей княжеского знака есть существенный недостаток: известные нам родовые знаки Рюриковичей предшествующего периода совершенно не похожи на рассматриваемую здесь фигуру²⁶, и вряд ли эта фигура могла развиваться из них. Нам кажется, что знак на монетах Владимира Ольгердовича был создан специально для этого князя и представлял собой своеобразную монограмму, заключающую буквы К и В, т. е. начальные буквы слов «Киев» и «Владимир». Если повернуть монету Владимира Ольгердовича на 90° против часовой стрелки, то в княжеском знаке мы прочтем буквы К и В (табл. I, 2). Это явление прослеживается почти на всех монетах, сохранивших большую часть изображения лицевой стороны. Создатель

¹⁹ M. G u m o w s k i. Numizmatyka litewska wieków średnich. Kraków, 1920, стр. 71.

²⁰ В. Б. Антонович. Указ. соч., стр. 151—157.

²¹ И. И. Толстой. Указ. соч., стр. 221.

²² Н. И. Петров. Указ. соч., стр. 6.

²³ К. В. Болсуновский. Указ. соч., стр. 7, 8, 10, табл.

²⁴ M. G u m o w s k i. Указ. соч., стр. 66, 67.

²⁵ А. А. Ильин. Указ. соч., стр. 19.

²⁶ См., например, А. В. Орешников. Денежные знаки домонгольской Руси. М., 1936, табл. I.

княжеского знака достиг такого эффекта, удлинив «плечи» фигуры и продолжив перекладину нижнего креста до соединения ее с боковыми сторонами.

Изображение в центре кружка оборотной стороны одного из типов монет Владимира Ольгердовича также вызвало споры. В. Б. Антонович считал, что заметные на них как бы следы букв представляют собой татарскую тамгу²⁷. Ему возражал Н. И. Петров: по его мнению, на монетах помещены латинские буквы SI или русские CI и K. На этом основании он отнес часть монет Владимира к литовским князьям Кейстуту и Скиргайлу (Иоанну Ольгердовичу)²⁸. К. В. Болсуновский пришел к выводу, что никакие букв в центре рассматриваемых монет вообще нет и что «те черты, которые принимали за буквы, суть различные части одной и той же татарской тамги в виде двух сердец»²⁹. М. Гумовский высказал мнение, что во всех случаях следует читать буквы K (KI), а то, что принимали за S,— деформированная буквы K³⁰.

Сомнения и расхождения в выводах названных выше исследователей легко объяснимы малочисленностью материала, бывшего в их распоряжении. К. В. Болсуновский, например, закончил свое исследование о монетах Владимира Ольгердовича замечанием, что экземпляры с буквой K «остаются крайне редкими»³¹.

В рассматриваемом здесь Сосницком кладе находятся 192 подобные монеты. Изучив столь большое число монет, мы пришли к выводу, что во всех случаях на монетах этого типа изображена буква K— начальная буква названия города Киева. Несмотря на небрежную работу, невысокую технику резчика, буква K во многих случаях читается совершенно ясно (табл. I, 3—5), и палеографически ее начертание характерно для XIV в.³² На некоторых монетах K действительно напоминает латинские буквы IS, что объясняется как низкой техникой резьбы, так и манерой работы исполнителя штемпеля (табл. II, 6). Присудим теперь к описанию монет Сосницкого клада.

Владимир Ольгердович,

киевский князь в 1363—1394 гг. (969 экз.)

Тип I.

Л. с.: княжеский знак.

О. с.: крест в ободке, либо сплошном, либо из точек, вокруг легенда, указывающая на принадлежность монеты Владимиру (табл. II, 7) (720 экз.).

Несколько подробнее остановимся на легенде, тем более что принципиально легенды всех трех типов снабженных ими монет Владимира Ольгердовича не отличаются друг от друга.

В работах, посвященных монетам Владимира Ольгердовича, приводят такие легенды: ВОЛОДНМНРЬ, ВОЛОДНМНРОВО³³, ВОЛОДИМІРОВО, ВОЛОДИМІР³⁴, такие же легенды указывает М. Гумовский³⁵.

²⁷ В. Б. Антонович. Указ. соч.

²⁸ Н. Петров. Указ. соч., стр. 3—7.

²⁹ К. В. Болсуновский. Указ. соч., стр. 8.

³⁰ M. G u t o w s k i. Указ. соч., стр. 68, 69.

³¹ К. В. Болсуновский. Указ. соч., стр. 16.

³² И. И. Срезневский. Славяно-русская палеография XI—XIV вв. СПб., 1885, табл. на стр. 261. На этой же таблице мы найдем и начертание K в виде IS, которое было принято Н. И. Петровым за буквы CI.

³³ И. И. Толстой. Указ. соч., стр. 217, 218.

³⁴ К. В. Болсуновский. Указ. соч., стр. 8, 9.

³⁵ M. G u t o w s k i. Указ. соч., стр. 69.

Мы познакомились с 720 монетами этого типа и 197 монетами других типов Владимира Ольгердовича, имеющими легенды, и ни разу не встретили надписи в 10—12 букв, указанные в литературе. В подавляющем большинстве случаев легенда этих монет состоит не более чем из шести-семи букв: таковы возможности принятой на Киевском монетном дворе техники резания по металлу на небольшой поверхности заготовки штампея. Хотя в действительности из-за небрежной чеканки обычно можно прочесть не более трех-четырёх букв, легко рассчитать их максимальное количество по наличию свободного пространства между буквами легенды. Лишь в двух случаях из 900 легенда состояла из девяти букв. В одном случае (ВОВОДНМНО) она сохранилась полностью и находится на монете рассматриваемого здесь типа с крестом на оборотной стороне. Другая надпись из девяти букв помещена на монете с татарской тамгой; о таких монетах мы будем говорить дальше. Оба экземпляра отличаются выдающейся работой и являются исключением из правила.

Нетрудно понять исследователей монет Владимира Ольгердовича: имея в распоряжении несколько монет с обрывками легенд, они с той или иной долей фантазии реконструировали «полные» легенды, о чем открыто сообщает К. В. Болсуновский³⁶. Так желаемое невольно выдавалось за действительное.

Вот другие полностью получившиеся легенды монет с крестом: ВНЛНОР, ИНОМЛИР, ИЛНДЮ, ВОИРНЛ, ВИИРИЛ. Ниже мы приводим наиболее полно сохранившиеся легенды монет с крестом³⁷: ВЛОДИР (3 раза), ВОВОМИДО, ВЛИРНО (2), ВОІЛОИР, ВНОІЛР, ВЛАИР, ВЛОДИ, ВЛИО, ВЛИОР, ВЛИОЛ, ВОЛОИ, ВАНИ, ВИМИЛ, ВЛОИДР, ВОИ (более 10 раз), ВОИР (5), ВНО (4), ВЛО (4), ВОЛ (4).

В основе всех легенд действительно лежит имя Владимир (Володимер), но резчики штампея, то ли из-за отсутствия места на маленькой заготовке штампея, то ли по недостаточной грамотности (мы думаем, что сказались оба эти обстоятельства), каждый раз исполняли надпись, лишь отдаленно похожую на имя князя. Штампеи монет Владимира Ольгердовича исполнены на невысоком техническом уровне, резчики плохо рассчитывают пространство, часто соскальзывает резец. Во многих случаях встречаются перевернутые, обращенные не в ту сторону буквы, что свидетельствует о неопытности резчика, который забывал наносить на штампель зеркальное изображение будущей монеты. Часто (особенно это заметно на монетах другого типа — с буквой К на оборотной стороне) резчик путает буквы, например И и N. Чеканщики также были неумелыми — почти всегда, в результате наклона верхнего штампея в момент чеканки, на монете оттискивалась лишь часть изображений лицевой и оборотной сторон.

Размеры монет с крестом (как и других монет) Владимира неустойчивы и не обнаруживают заметной связи с весом монет. Наиболее часто встречающийся размер 13 × 12 мм.

На графике (рис. 1) отражены веса 709 (11 монет не полностью сохранились) монет с крестом. В пределах 0,20—0,30 г находятся 520 экземпляров, в пределах 0,26—0,30 г — 311, вес менее 0,20 г имели 84 монеты, более 0,30 г — 105. Согласно графику наиболее вероятный уставной вес монеты этого типа 0,26 г.

Среди этих монет выделяется небольшая группа — 12 легковесных монет (от 0,125 до 0,215 г) без легенд. На снимке (табл. II, 8) ясно

³⁶ К. В. Болсуновский. Указ. соч., стр. 7.

³⁷ В большинстве случаев легенды монет Владимира Ольгердовича написаны против часовой стрелки, только на монетах с татарской «тамгой» они читаются по часовой стрелке.

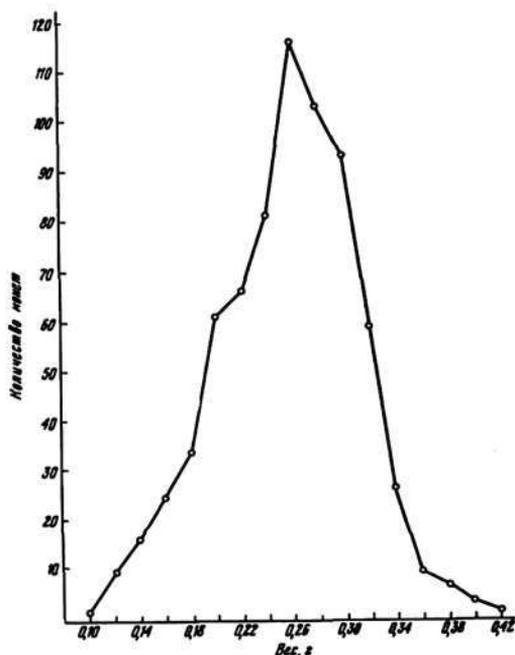

Рис. 1. Весовой график монет типа I

видно, что хотя штемпель оборотной стороны отпечатался на заготовке полностью, вокруг креста нет и следов букв. В дальнейшем мы еще вернемся к монетам этой группы.

Мы воздерживаемся от определения стопы монет Владимира Ольгердовича, поскольку неясно, из расчета какой весовой единицы (киевской или литовской гривны) они чеканились.

Хотя монеты типа I решительно преобладают в Сосницком кладе, в пумизматической литературе они наименее известны. К. В. Болсуновский вообще не знал монет Владимира Ольгердовича с крестом, о них лишь упоминают Н. И. Петров и М. Гумовский. Только А. А. Ильин, по существу впервые, описал две такие монеты с весами 0,24 и 0,27 г³⁸.

Тип II.

Л. с.: княжеский знак.

О. с.: буква К в ободке линейном или из точек, вокруг легенда (табл. II, 9).

К легендам монет этого типа в полной мере относится сказанное нами о легендах монет с крестом. Полные легенды сохранились на шести монетах: ННОІЛРО, ВНЛІРН, ВРНОНЛ (2 раза), ВІОНЛН, ВННОНР. Приводим наиболее полно получившиеся при чеканке легенды монет: ВОБН, НРНЛН, ВВН, НОЛОН, ЛІР, ВІО (3 раза), ВЛІО (3), ВЛНО, ННО (3), ВВНО, ВВНР (2), НЛР, ВІН, ВОПРО, ВВРІ, ВІІНО, ВНОІЛ, ВІЛЛ, ВІДМ, ВОВН, ВЛНРІ, ЛАМН, ВОВЛН.

Как и на монетах предыдущего типа, легенда состоит не более чем из шести-семи букв. И здесь видны неопытность и недостаточная грамотность резчика.

Размеры монет с буквой К весьма разнообразны, трудно увидеть их зависимость от веса. Наиболее частый размер 13 × 12 мм.

На графике (рис. 2) отражены веса 187 (из 192) монет Владимира Ольгердовича с буквой К на оборотной стороне. В противоположность

³⁸ А. А. Ильин. Указ. соч., стр. 19, 20.

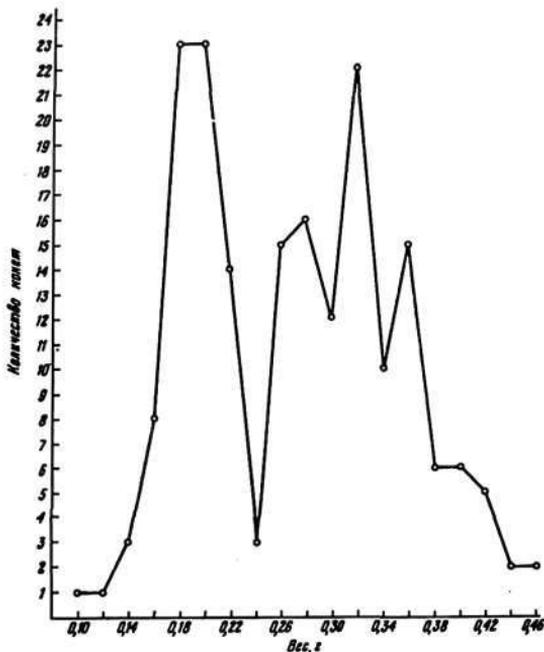

Рис. 2. Весовой график монет типа II

составляющим единую весовую группу монетам с крестом монеты типа II по весу распадаются на две группы. К первой относятся 73 монеты с весом до 0,22 г, из них в границах 0,18—0,20 г находится 46 экземпляров, 14 монет имеют вес 0,22 г, т. е. 60 монет из 73 — в границах 0,18—0,22 г. Легче 0,18 г — 13 экземпляров. Другая группа объединяет 111 монет, из них 80 в пределах 0,26—0,36 г, 21 — тяжелее. Между этими группами находятся 3 монеты весом 0,24 г. Согласно графику, наиболее вероятный вес монет первой группы 0,18—0,20 г, второй — 0,32 г.

Важно отметить, что разница между двумя группами монет с буквой К существует не только в весе. Монеты второй группы (с весом 0,32 г) сделаны тщательнее, именно на них мы прочли подавляющее большинство приведенных выше надписей. Эти монеты технически выполнены лучше монет с крестом. Монеты же первой группы типа II (весом 0,18—0,20 г) сделаны хуже монет второй группы, как правило, на них можно прочесть одну-две буквы. Резкое различие между двумя группами монет типа II говорит о том, что здесь не было постепенного снижения веса монет в процессе эмиссии — между этими двумя группами существует определенный разрыв во времени чеканки.

Монеты с буквой К были обнаружены в Гвоздовском кладе 1873 г. и стали первыми известными науке монетами Владимира Ольгердовича³⁹. Затем их описали И. И. Толстой, Н. И. Петров, К. В. Болсуновский, М. Гумовский, А. А. Ильин.

Тип III.

К следующему типу относятся монеты Владимира с изображением плетенки на оборотной стороне. К. В. Болсуновский считал, что они наиболее часто встречаются среди монет Владимира. Но М. Гумовский отметил, что монеты с плетенкой редки и их находят не так часто,

³⁹ К. В. Болсуновский. Указ. соч., стр. 8. 9.

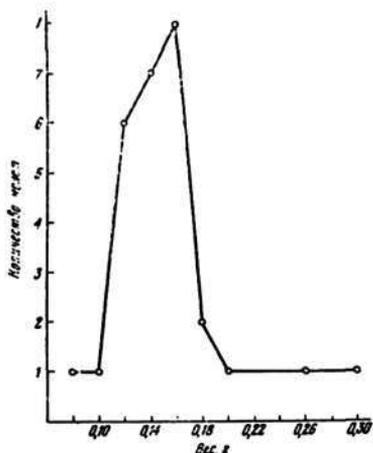

Рис. 3. Весовой график монет типа IV

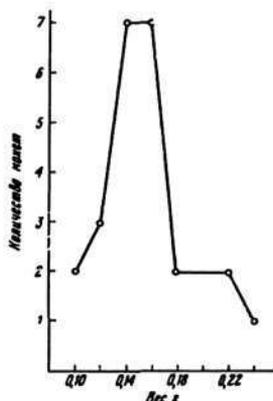

Рис. 4. Весовой график монет типа V

как монеты с буквой К (о монетах с крестом он вообще почти ничего не знал)⁴⁰. В пользу мнения М. Гумовского свидетельствует состав Сосницкого клада: на 720 монет с крестом и 192 с буквой К насчитывалось лишь 5 монет с плетенкой, описание которых мы и даем ниже.

1. Л. с.: княжеский знак.

О. с.: плетенка, известная по татарским монетам, вокруг надпись: ВО. ЛОНННН (третья буква не вышла).

Вес 0,22 г, размеры 13 × 12 мм (табл. II, 10).

2. Как предыдущая. Легенда: ЛНО (получилась не полностью).

Вес 0,26 г, размеры 13 × 12 мм (табл. II, 11).

3. Как предыдущая. Легенда: ОИЮМ (не полностью).

Вес 0,56 г, размеры 15 × 14 мм (табл. III, 12).

4. Как предыдущая. Легенда: ОНМ (не полностью).

Вес 0,58 г, размеры 16 × 14 мм (табл. III, 13).

5. Как предыдущая. Легенда: В. ОqNO (не полностью).

Вес 0,67 г, размеры 14 × 13 мм (табл. III, 14). Более грубой работы, чем остальные, плохо сохранилась.

Вес трех монет этого типа находится в пределах 0,56—0,67 г, двух — между 0,22 и 0,26 г. Монеты с плетенкой описаны в упоминавшихся работах Н. И. Петрова, К. В. Болсуновского, М. Гумовского и А. А. Ильина.

Кроме монет Владимира Ольгердовича известных ранее типов в Сосницком кладе оказались монеты его двух новых типов — брактеаты. Они отчеканены лишь одним штемпелем на мягкой подложке, так что выпуклому рельефу изображения соответствуют вмятины на противоположной стороне монеты.

Тип IV.

Брактеаты с изображением княжеского знака, легенда отсутствует (табл. III, 15). Они отчеканены, по всей вероятности, штемпелями лицевой стороны монет с крестом. На графике (рис. 3) приведен вес всех 28 брактеатов этого типа. Вес 21 из 28 находится в границах 0,12—0,16 г. Согласно графику, наиболее вероятный уставной вес монет этого типа помещается где-то между 0,14 и 0,16 г. Самый частый размер 11 × 10 мм.

Тип V.

⁴⁰ М. G u m o w s k i. Указ. соч., стр. 70.

Брактеаты с изображением креста в точечном ободке, в большинстве случаев легенда отсутствует (табл. IV, 16). На 7 из 24 монет этого типа видны буквы, следовательно, для их изображения использован штемпель оборотной стороны монет с крестом (табл. IV, 17). На графике (рис. 4) указан вес всех 24 брактеатсв этого типа. Вес 17 из 24 находится в пределах 0,12—0,16 г, 14 — между 0,14—0,16 г. В соответствии с графиком наиболее вероятный уставной вес монет этого типа находится между 0,14 и 0,16 г. Размеры чаще 11 × 10 мм.

Установление абсолютных дат начала и прекращения деятельности монетного двора Владимира Ольгердовича не представляется возможным, поскольку они не указаны ни на монетах, ни в письменных источниках. Поэтому речь может идти лишь о последовательности выпуска основных типов монет Владимира. К сожалению, в нашем случае оказалась неприменимой разработанная И. Г. Спасским методика разборки монет по штемпелям, которая обычно при определении хронологии не поддающихся точной датировке монет приносит успех⁴¹. Как мы уже упоминали, техника исполнения штемпелей и чеканки монет Владимира Ольгердовича даже для своего времени очень низка. Поэтому едва ли на десятой части монет отпечатки штемпелей различимы с ясностью, достаточной для их сличения. Кроме того, как правило, монеты чеканились штемпелями разной изношенности, поэтому даже при хорошем качестве рисунка одной стороны изображение другой может быть неразличимым.

При установлении последовательности выпуска монет Владимира Ольгердовича мы исходили главным образом из их метрологических и стилистических особенностей. Мы предлагаем считать первыми по времени выпуска монеты с плетенкой. Они сделаны тщательнее и более тяжеловесны. Автор настоящей статьи изучал монеты Червоной (Галицкой) Руси, продукцию Львовского монетного двора середины XIV — начала XV в.⁴² Червонорусские монеты — русские полугроши — обнаружили следующую закономерность: монеты первых выпусков сделаны наиболее аккуратно и отличаются самым большим весом, после чего начинается ухудшение техники исполнения и снижение веса монет. Хотя червонорусские монеты и типологически, и метрологически далеки от монет Владимира Ольгердовича, аналогии между ними уместны: и Львовский, и Киевский монетные дворы начали работать приблизительно в одно и то же время (вторая половина XIV в.), были основаны, как говорится, на пустом месте, следовательно, при участии приглашенных извне монетных мастеров. Со временем техника производства снижается из-за расширения производства в связи с растущими потребностями местного рынка в монете и привлечения на монетный двор неопытных мастеров. Тяжеловесность монет с плетенкой также является аргументом в пользу их раннего происхождения, поскольку в европейском монетном деле второй половины XIV в. вес монет неуклонно снижался.

М. Гумовский высказал верное, на наш взгляд, предположение, что монеты с плетенкой потому немногочисленны, что выпускались непродолжительное время. Он считает, что отношения зависимости Владимира Ольгердовича от татар прервались (следовательно, прервался и выпуск монет с плетенкой) со времени вступления на польский престол Владислава Ягелло (1386 г.)⁴³.

⁴¹ И. Г. Спасский. Анализ технических данных в нумизматике.— КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 69—75.

⁴² См. Н. Ф. Котляр. Проблемы и основные итоги исследований монет Червоной Руси.— НИС, 2, Киев, 1965, стр. 91—112.

⁴³ M. G u m o w s k i. Указ. соч., стр. 70.

Среди монет Владимира Ольгердовича с плетенкой три весят от 0,56 до 0,67 г, две — от 0,22 до 0,26 г. Мы предполагаем, что во время выпуска монет с плетенкой было произведено снижение их веса примерно вдвое. Наши же экземпляры с плетенкой весом 0,22 и 0,26 г в этом случае оказываются просто легковесными: при столь небольшом количестве монет данного типа в кладе роль случайностей особенно велика.

После монет с плетенкой начался выпуск монет с буквой К весом 0,32 г. Затем их сменили монеты с крестом. Эту последовательность подсказывает нам не только постепенно ухудшающаяся техника исполнения штемпелей, но и то, что в ряде случаев для изготовления брактеатов были использованы штемпели двусторонних монет с крестом (см. табл. IV, 16). Имело место и обратное явление: часть двусторонних монет с крестом выполнена при использовании штемпелей брактеатов (см. табл. II, 8). Подобное явление, как правило, наблюдается при близких по времени эмиссиях. В пользу нашего предположения говорит и то обстоятельство, что мы не смогли обнаружить факты использования общих штемпелей для чеканки монет с буквой К и брактеатов.

Можно допустить, что монеты с крестом были сменены брактеатами не сразу, что могла иметь место промежуточная эмиссия легковесных монет с буквой К (0,18 — 0,20 г), но она продолжалась недолго, о чем свидетельствует небольшое количество их в рассматриваемом нами кладе. Далее началась одновременная чеканка брактеатов с княжеским знаком и с крестом: на это указывает не только их одинаковый вес, но и тождественная техника изготовления.

Переход к чеканке брактеатов, как обычно бывает в таких случаях, был вызван постоянно возрастающей потребностью местного рынка в монете. Об этом косвенно свидетельствует огромное преобладание в кладе двусторонних монет с крестом, их небрежное изготовление — они могли подготовить почву для появления брактеатов.

Итак, мы предлагаем следующую схему последовательности выпуска монет Владимира Ольгердовича: 1) монеты с плетенкой; 2) тяжелые монеты с буквой К; 3) монеты с крестом; 4) легкие монеты с буквой К; 5) брактеаты.

Конечно, наша схема гипотетична, поскольку нет никаких свидетельств письменных источников о монетах Владимира Ольгердовича.

Переходим к описанию других монет Сосницкого клада.

Польша. Людовик Венгерский (1370—1382)

Денарий краковский. Л. с.: анжуйский гербовый щит с четырьмя крестами.

О. с.: орел⁴⁴.

Вес 0,31 г, размеры 12×11 мм.

Денарий краковский, подобен предыдущему, но над щитом буква L⁴⁵.

Вес 0,28 г, размеры 12×11 мм.

Владислав Ягелло (1386—1434)

Денарий. Л. с.: гербовый щит с шестиконечным ягеллоновским крестом, над щитом w.

О. с.: орел⁴⁶.

Вес 0,34 г, размеры 13×13 мм.

⁴⁴ M. Gumowski. Podręcznik numizmatyki polskiej. Kraków, 1914 (далее — Gum.), стр. 619, № 485; F. Piekoskiński. O monecie i stopie menniczej w Polsce w XIV i XV w. Kraków, 1878 (далее — Piek.), стр. 291, табл. II, 18.

⁴⁵ Piek., стр. 291, табл. II, 24, но с буквой h.

⁴⁶ Gum., стр. 171, № 511; Piek., стр. 292—293, табл. II, 30.

Денарий, подобен предыдущему, но над щитом вместо w точка⁴⁷.
Вес 0,25 г, размеры 11×11. Согласно Ф. Пекосиньскому, оба денария чеканены между 1389 и 1396 гг.

Литва. Витовт (1392—1430)

Денарий. Л. с.: «погонь» влево.

О. с.: гербовый щит с шестиконечным ягеллоновским крестом, следы легенды (быть может, VILNA?)⁴⁸.

Вес 0,37 г, размеры 13×13 мм.

Великое княжество Рязанское. Олег Иванович (1350—1402)

Джучидский дирхем с надчеканкой рязанского княжеского знака. Из пометки В. А. Шугаевского на пакетике с этой монетой известно, что Р. Р. Фасмер затруднялся ее определить. А. А. Ильин относит подобные монеты с рязанской надчеканкой к Олегу Ивановичу исходя из их веса — выше 1,30 г⁴⁹.

Вес нашей монеты 1,34 г, размеры 18×17 мм (табл. IV, 18).

Дирхемы (44 экз.). Определены в 1925 г. Р. Р. Фасмером

Джагатайды

Махмуд и Тимур, Самарканд, 791 г. х. Вес 1,44 г, размеры 17×16 мм.

Джучиды

Узбек, Хорезм, 720 г. х. Вес 1,1 г, размеры 16×15 мм.

Джанибек, Сарай ал-Джедид, 747 г. х. Вес 1,28 г, размеры 15×14 мм.

Абдуллах, Орда, 770 г. х. Вес 1,42 г, размеры 16×15 мм; Азак, 770 г. х. Вес 1,49 г, размеры 18×15 мм.

Токтамыш, Сарай, 78× г. х. Вес 1,34 г, размеры 18×15 мм; Сарай, без даты. Вес 1,34 г, размеры 19×15 мм.

Дирхем с двумя оборотными сторонами: 1) Сарай ал-Джедид, 782 г. х.; 2) Сарай, 770 г. х. Вес 1,1 г, размеры 17×17 мм.

Токтамыш, Сарай ал-Джедид, 782 г. х. Вес 1,48 г, размеры 17×15 мм; 792 г. х. Вес 1,32 г, размеры 17×17 мм; без даты. Вес 1,37 г, размеры 16×15 мм; без даты. Вес 1,2 г, размеры 17×15 мм; Азак ал-Махрусс, 783 (?) г. х. Вес 1,1 г, размеры 15×14 мм; Азак, 782 г. х. Вес 1,37 г, размеры 17×16 мм; 782 г. х. Вес 1,1 г, размеры 16×15 мм; 782 г. х. Вес 1,45 г, размеры 17×16 мм; со стертой датой. Вес 1,15 г, размеры 16×15 мм; Орда, 789 г. х. Вес 1,35 г, размеры 19×15 мм; 794 г. х. Вес 1,37 г, размеры 16×16 мм; без даты. Вес 1,34 г, размеры 16×15 мм; без даты. Вес 1,16 г, размеры 16×15 мм; без даты. Вес 1,12 г, размеры 14×13 мм; Крым, 790 (?) г. х. Вес 1,33 г, размеры 16×14 мм; 796 г. х. Вес 1,15 г, размеры 16×13 мм; 796 г. х. Вес 1,09 г, размеры 16×15 мм; 796 г. х. Вес 1,15 г, размеры 18×15 мм; 796 г. х. Вес 1,16 г, размеры 15×15 мм; 796 г. х. Вес 1,14 г, размеры 17×15 мм; × 94, т. е. 794 г. х. Вес 1,14 г, размеры 16×15 мм; без названия города и даты. Вес 1,20 г, размеры 15×14 мм; 1,30 г, размеры 15×14 мм. Вес 1,15 г, размеры 15×15 мм; без названия города, 794 г. х. Вес 1,33 г, размеры 16×15 мм; 794 (?) г. х. Вес 1,13 г, размеры 15×14 мм.

Дирхемы с двумя оборотными сторонами типа Хорезм, 786 г. х. Вес 1,26 г, размеры 17×15 мм; 786 (?) г. х. Вес 1,25 г, размеры 16×16 мм;

⁴⁷ G u m., стр. 171, № 511; P i e k., стр. 292—293, табл. II, 27.

⁴⁸ А. А. Ильин. Указ. соч., стр. 18; G u m., стр. 171, № 508.

⁴⁹ А. А. Ильин. Указ. соч., стр. 24.

786 г. х. Вес 1,26 г, размеры 16×15 мм; 1,14 г, 15×15 мм; 1,37 г, 16×15 мм; 1,35 г, 15×15 мм; 1,35 г, 15×14 мм; 1,24 г, 15×15 мм; 1,16 г, 16×15 мм.

Бек-Пулад, без названия города и даты. Вес 1,16 г., размеры 16×15 мм. Младшие дирхемы клада принадлежат Токтамышу, 796 г. х. (1393/94 г. н. э.).

В Сосницком клада были две монеты, которые мы не смогли определить.

1. Л. с.: животное, напоминающее геральдического льва, вправо.

О. с.: крест.

Вес 0,33 г, размеры 12×11 мм (табл. IV, 19).

Нам кажется, что это литовская монета XIV в., она похожа на помещенные А. А. Ильиным в разделе «Неприуроченные литовские монеты»⁵⁰.

2. Л. с.: какое-то растение.

О. с.: вырастающий из буквы М шестиконечный крест.

Вес 0,32 г, размеры 14×12 мм (табл. IV, 20).

Клад датируется концом XIV — началом XV в.

Сосницкий клад является ценным памятником монетного дела и денежного обращения Украины. Входящие в этот клад монеты Владимира Ольгердовича составляют необходимую для изучения киевского монетного чекана второй половины XIV в. нумизматическую базу. До находки и введения в научный обиход Сосницкого клада такой базы практически не существовало.

⁵⁰ А. А. Ильин. Указ. соч., стр. 22.

1

2

3

3

4

4

5

5

Монеты клада

6

7

8

7

9

9

10

Монеты клада

11

11

12

13

14

13

15

15

Монеты клада

16

16

17

17

18

18

Монеты клада

В. М. ПОТИН

КОРАБЕЛЬНИКИ НА РУСИ

Термин русских источников XV—XVI вв. «корабельник» («корабельный») уже давно связывается в специальной литературе с английским ноблем. Однако исследователи XIX в., да и большинство историков и нумизматов нашего столетия, использовали для суждения о роли нобля на Руси почти исключительно поздние источники, не ранее последней четверти XV в.¹ Только А. Л. Хорошкевич, говоря о ввозе золота и золотой монеты на Русь, использует и более ранние, западные источники². Однако и она не охватила всех данных, касающихся роли корабельников на Руси, что в значительной мере объясняется характером и хронологией избранной ею темы.

А. Л. Хорошкевич правильно датирует начало ввоза ноблей в Северо-Западную Русь XIV в.³; как будет показано ниже, эта датировка, высказанная предположительно, подтверждается конкретными свидетельствами источников. Еще С. И. Шодуар, по-видимому, допускал возможность раннего ввоза ноблей на Русь⁴. Из современных исследователей обращения золотой монеты на Руси только И. Г. Спасский говорит о значительном ввозе корабельников на Русь лишь в XVI—XVII вв. Он использовал результаты исследований английского нумизмата А. Томпсона об обращении розеноблей, однако выводы, касающиеся именно этого вида золотой английской монеты, перенес на все виды английских ноблей: «Со времени С. И. де Шодуара принято было считать, что это название («Корабельники». — В. П.) относится к английским розеноблям — большим, красивым и довольно тонким монетам весом до 7,5 г, чеканка которых начата в правление Эдуарда IV (1461—1483). Однако в Россию попадали, по-видимому, в основном не английские монеты, ввоз которых из Англии в XVI и XVII вв. постоянно встречал препятствия в английском законодательстве, а подражания розеноблям, чеканенные на континенте, преимущественно в Нидерландах, с такими же изображениями, как на английской монете, — розой на одной стороне и ладьей со стоящим в ней королем на другой»⁵.

¹ С. Шодуар. Обзорение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древних времен, ч. I. СПб., 1837, стр. 59—62; Д. И. Прозоровский. Монеты и вес в России до конца XVIII столетия. — ЗРАО, XII, 1865, стр. 340, 446, 448, 476, 479; И. И. Кауфман. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века. СПб., 1910, стр. 60—62; И. Г. Спасский. «Золотые» — воинские награды в допетровской Руси. — ТГЭ, IV, 1961, стр. 95; Он же. Русская монетная система. Л., 1962, стр. 97—98.

² А. Л. Хорошкевич. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М., 1963, стр. 298—305.

³ Там же, стр. 300.

⁴ С. Шодуар. Указ. соч., стр. 60, 61.

⁵ И. Г. Спасский. «Золотые» — воинские награды..., стр. 95; см. также: Он же. Русская монетная система, стр. 97.

Нет единства мнений и в вопросе о роли ноблей на Руси.

С. И. Шодуар писал об обращении английских ноблей в качестве золотой монеты почти повсеместно в Европе, в том числе и в России⁶. И. И. Кауфман, говоря о золотой монете на Руси XV в., утверждал: «Торгового денежного значения она тогда еще не имела, а служила для подарков и как материал для местных золотых изделий церковного и гражданского обихода»⁷. Почти на тех же позициях остается И. Г. Спасский⁸. Более осторожно высказывается А. Л. Хорошкевич, утверждая, что, по летописным сведениям, нобли употреблялись в качестве даров, а «имели ли они хождение в торговле XV в., на основании наших сведений сказать невозможно»⁹.

Вопросы поступления на Русь ноблей и их значения в экономической жизни Восточной Европы могут быть, если не полностью, то в значительной мере, решены при сопоставлении истории чеканки ноблей с данными источников о ноблях на Руси¹⁰. Сведения о кладах ноблей, о контрамаркированных ноблях и сравнение их обращения на Руси со значением этих монет в некоторых соседних странах должны подкрепить основные выводы.

Регулярная чеканка золотой монеты началась в Англии в период правления Эдуарда III (1327—1377). После кратковременного выпуска флорина около 1344 г. начинает чеканиться нобль, надолго ставший основным золотым номиналом страны. На лицевой стороне новой монеты изображен корабль¹¹, на котором высится непропорционально большая фигура короля с мечом в правой руке и гербовым щитом — в левой. На оборотной стороне — так называемый королевский крест, богато орнаментированный, с коронами и львами в углах. В центре креста помещена начальная буква имени короля¹². Легенда лицевой стороны первых ноблей Эдуарда III была «EDWARD DEI GRA REX ANGL Z FRAN DNS NYB» (Eduardus dei gratia Rex Angliae Franciae dominus Hyberniae); обычная надпись оборотной стороны, дававшаяся в сокращении: «JESVS TRANSIENS PER MEDIVM ILLORVM IBAT». Изображение лицевой стороны и само начало выпуска этой монеты иногда связывают с морской победой англичан над французским флотом при Слюн 22 июля 1340 г. (табл. 1, I). Такой тип ноблей сохранялся целое столетие, до 1460-х годов, если не считать некоторых изменений в титулатуре короля и весе монеты. Последний, первоначально достигавший 7,7 г, проявлял постоянную тенденцию к снижению. Кроме целых ноблей чеканились полунобли и четверти ноблей. Возникновение самого названия «нобль» (noble — благородный, превосходный) предположительно объясняют высоким качеством этих золотых монет.

При Эдуарде IV (1461—1470, 1471—1483) возникает новый тип нобля — розенобль, или ройял; на нем изображены роза на борту корабля,

⁶ С. Шодуар. Указ. соч., стр. 61.

⁷ И. И. Кауфман. Указ. соч., стр. 60, 61.

⁸ И. Г. Спасский. «Золотые» — воинские награды..., стр. 92, 93; Он же. Русская монетная система, стр. 98.

⁹ А. Л. Хорошкевич. Указ. соч., стр. 302.

¹⁰ История чеканки ноблей излагается здесь на основании следующих работ: S. Seaby. The story of the English coinage. London, 1952; (Th. Snelling). A view of the gold coins and coinage of England. London, 1763; H. E. Ives. Foreign imitations of the English noble. N. Y., 1941 (NNM, N 93); Он же. Counterstamps on English and Continental nobles.— The American numismatic Society Museum Notes, II. N. Y., 1947, стр. 53—64; A. Thompson. Continental imitations of the rose noble of Edward IV. BNJ, XXV, 1947, стр. 183—208.

¹¹ Корабль, но не ладья, как утверждает И. Г. Спасский («Золотые» — воинские награды..., стр. 95).

¹² Только нобли самого раннего выпуска Эдуарда III, чеканенные в Лондоне, имели в центре креста букву L (London), нобли, выпускавшиеся в занятом англичанами городе Кале, — букву C (Cale).

а также корабельный штандарт с начальной буквой имени короля. На оборотной стороне — обычный крест, в центре которого роза с расходящимися лучами солнца (табл. I, 2). Появление новых изображений — отражение событий войны Алой и Белой розы. Роза на солнце была принята Эдуардом IV после битвы при Мортимер Кроссе.

Описанный основной тип розеноблей имеет ряд вариантов. На лицевой стороне розеноблей Эдуарда IV под кораблем помещена начальная буква названия места чеканки; на монетах Генриха VII (1485—1509) корабль имеет два квадратных штандарта (с буквой H — HENRICVS и с изображением дракона), а поле оборотной стороны полностью заполняет огромная роза с гербовым щитом Франции в центре. На розеноблях Марии (1553—1558) и Елизаветы (1558—1603) изображение короля на корабле сменяется изображением королевы, при Елизавете — со скипетром и державой вместо меча и щита (табл. I, 3); при Марии (1553—1558), как и при Якове I (1603—1625), на оборотной стороне помещены новые легенды: «A DNO FACTV EST I STVD MIRAB IN OCVL NRIS» (A domino factum est istud mirabile in oculis nostis). При Якове I в 1619 г. заканчивается чеканка розеноблей.

Нобли и розенобли стали на долгое время калюбленной монетой многих европейских государств¹³. Это объясняется высоким качеством английских золотых и, несмотря на запрет, широким вывозом их из Англии¹⁴.

Около 1470 г. начали чеканиться энджелы (табл. II, 1), на одной из сторон которых был изображен корабль с воздвигнутым на нем крестом, на другой стороне — архангел Михаил (отсюда «энджел» — ангел), попирающий дракона¹⁵. С этого времени вплоть до правления Генриха VII (1485—1509) чеканились только энджелы и полуэнджелы. Лишь при Генрихе VII возобновилась чеканка розеноблей. Энджел был меньше по размеру и весу монетой, чем нобль; его обычный вес составлял 5,184 г.

Подражания английским ноблям появились еще в XIV в., они чеканились Эдуардом (1330—1376), известным под именем Черного принца, в Аквитании, королем Давидом II (1329—1371) в Шотландии, Валерандом, графом Сен Поль и Линьи (1371—1415). Наиболее значительной была чеканка ноблей в Нидерландах, во Фландрии, где их выпускали бургундские герцоги с конца XIV до конца XV в. В конце XVI в. чеканка таких подражаний возобновилась в Нидерландах — Генте, Оверисселе, Кампене, Гельдерне, Зеландии и Соединенных провинциях (табл. II, 2). Чеканка этих монет носила официальный характер, на них были указаны подлинные названия городов или областей, их выпустивших. На ноблях, чеканенных Марисей де Брима, графиней Меген (1572—1576), в Горкуме, сохранялось даже имя английского короля Генриха VI (1422—1461)¹⁶.

Подражания розеноблям получили широкое распространение лишь в конце XVI в., можно сказать, почти в единственной стране — в Нидерландах (табл. II, 3)¹⁷.

А. Томпсон делит континентальные подражания розеноблям Эдуарда IV на три группы: 1) монеты, датируемые временем около 1585 г., чеканенные на неизвестном монетном дворе; 2) монеты, чеканенные в 1585—1587 гг. в Горинхеме; 3) монеты, чеканенные в 1589—1591 гг. в Кюлемборге. Кроме того, имеются подражания розеноблям

¹³ Н. Е. Ives. Указ. соч., стр. 6.

¹⁴ А. Thompson. Указ. соч., стр. 184.

¹⁵ G. C. Brooke. English coins. London, 1932, стр. 148, 149, 156; P. Seaby. Указ. соч., стр. 43—44.

¹⁶ Н. Е. Ives. Указ. соч., стр. 20, 35, № 40.

¹⁷ Там же, стр. 12. Исключением является шотландский «нобль с чертополохом», где роза заменена цветком чертополоха — эмблемой Шотландии, а на корабле вместо фигуры короля помещен большой гербовый щит.

Эдуарда IV, выпущенные в ряде нидерландских городов и провинций с именем Филиппа II Испанского или без него, но с обязательным указанием места чеканки (табл. II, 4). Очень редки имитации розенобля Елизаветы I Английской (1558—1603), чеканенные уже упоминавшейся Марией де Бриме.

О ноблях на Руси конца XIV — начала XVII в. имеются следующие сведения:

1399 г. В расчетах между немецким двором в Новгороде и Дерптом упоминаются нобли¹⁸.

1403 г. Дерптский Совет сообщает Ревельскому Совету о присылке неким Генрихом Травельманом из Новгорода 30 ноблей и 25 слитков серебра¹⁹.

1404, 1406 гг. В расчетах между немецкими купцами в Новгороде и Дерптом называется значительное количество ноблей²⁰.

1406 г. Среди пересланных для временного хранения в Ревель драгоценностей, слитков серебра и золотых монет Немецкого двора в Новгороде упоминается шесть ноблей²¹.

1408 г. Упоминание о том, что у Германа Вестфеля в Новгороде было отнято пять ноблей²².

1409 г. Торговый двор в Новгороде сообщает Ревельскому Совету, что новгородские послы желают отправить магистру Ливонского Ордена, кроме 70 слитков серебра и 40 гельдерских гульденов, пять ноблей. В переписке Дерпта и Ревеля о конфискации русских товаров упоминаются нобли²³.

1409, 1410, 1411 гг. В расчетах между немецкими купцами в Новгороде и Дерптом упоминаются нобли²⁴.

1415 г. Торговый двор в Новгороде сообщает Ревельскому Совету о посылке ему денежной суммы, состоящей из 150 рижских марок серебра, 7 английских ноблей и 17 слитков серебра²⁵.

1415 г. Немцы, проживающие в Новгороде, дважды посылают ревельскому Совету слитки серебра и деньги, среди которых первый раз 107 английских ноблей, второй раз — 40 ноблей²⁶.

1424 г. Сообщение об уплате 18 ноблей за наем ганзейскими купцами так называемого Готского двора в Новгороде²⁷.

1434 г. В случае покупки немецкими купцами у русских непроверенных мехов они должны были платить штраф в английских ноблях²⁸.

1436 г. Новгородцы жалуются, что немецкие купцы привозят в Новгород фальшивые слитки и фальшивые нобли²⁹.

1447 г. Повторяется постановление 1434 г.³⁰

1476—1478 гг. Иван III получил в Новгороде от разных лиц большое количество корабельников (не менее 250 штук). Около этого же времени псковичи поднесли великому князю 800 корабельников³¹.

¹⁸ HUB, 6, № 269, стр. 148.

¹⁹ LUB, IV, Reval, 1859, № 1620, стр. 433; HUB, 6, № 269, стр. 148.

²⁰ HUB, 6, № 269, стр. 148, 149.

²¹ HUB, 5, № 738, стр. 387.

²² HUB, 5, № 883, стр. 463; А. Л. Хорошкевич. Указ. соч., стр. 301, примеч. 169.

²³ LUB, IV, № 1620, стр. 433; HUB, 5, № 882, стр. 462.

²⁴ HUB, 6, № 269, стр. 149.

²⁵ LUB, V, № 1998, стр. 53; № 2001, стр. 55; HUB, 6, № 269, стр. 149.

²⁶ HR, сер. I, т. VI, № 172, стр. 134; № 174, стр. 134; А. Л. Хорошкевич. Указ. соч., стр. 300—301 и примеч. 169.

²⁷ HR, сер. II, т. I, № 289, § 4, § 20, стр. 186—187.

²⁸ HR, сер. II, т. I, № 321, § 207.

²⁹ LUB, IX, № 80, стр. 42; М. Н. Бережков. О торговле Руси с Ганзой. СПб., 1879, стр. 167.

³⁰ Н. Е. Ives. Указ. соч., стр. 6.

³¹ ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 2, Л., 1925, стр. 515.

1482 г. Любек жалуется городу Висби на обиды, причиненные там несколькими любекским горожанам, в том числе на конфискацию «12 русских ноблей», принадлежащих Танеу Керкринку³².

1486 г. В разное время царю Менгли-Гирею и его родичам в Крым послано Иваном III 5 корабельников³³.

1496 г. Иван III посылает из Новгорода гонца к литовскому князю Александру с корабельником в качестве «поминка». Такой же дар был предназначен и супруге великого князя и дочери Ивана III Елене³⁴.

1497, 1498, 1499 гг. Иван III и его жена Софья посылают в Литву Елене корабельники³⁵.

1547—1548 гг. Новгородский владыка посылает в качестве подарков в Москву значительное количество корабельников (не менее 23). Часть их куплена в Новгороде и Пскове³⁶.

Конец XVI в. В Торговой книге рекомендуется: «А на товары золото емлите дороже своих денег в десятеро: ино станет угорской золотой по 17 алтын и 3 денги, корабельный по рублю и 10 денег, португальской по 5 рублей 8 алтын и 2 денги»³⁷.

1590-е годы. Английской московской компании разрешено вывезти на 500 фунтов английских денег в реалах (ноблях) или талерах за взвешенную из России рожь³⁸.

1591 г. Царь Федор Иванович посылает русским войскам за победу над татарами среди других наград корабельники³⁹.

1602 г. Борис Годунов получает от ганзейских городов дар в виде двуглавого орла, наполненного розеноблями и голландскими дукатами⁴⁰.

Эти данные о ноблях на Руси дают возможность установить, какие их разновидности получили название «корабельники». Название это встречается в русских источниках впервые в 1476 г.⁴¹, английские же розенобли начали чеканиться в первое правление Эдуарда IV, примерно в 1465—1470 гг. Если даже считать значительным преувеличением утверждение А. Томпсона, что английские розенобли включились в денежное обращение прибалтийских стран только в конце XVI в., вовлеченные потоком более многочисленных подражаний им⁴², то все же трудно предположить, что именно розенобли за одно десятилетие не только достигли Руси, но и столь укоренились в ее экономической жизни, что вызвали появление нового денежного термина. Такое предположение кажется тем более маловероятным, что, как мы видели, нобли уже с конца XIV в. ввозятся в новгородские земли. Правда, значительная часть западных ис-

³² НУВ, 10, № 1022, стр. 627.

³³ Сб. РИО, т. 41, 1884, № 14, стр. 54; № 15, стр. 56, 57.

³⁴ Сб. РИО, т. 35, 1882, стр. 213.

³⁵ Там же, стр. 239, 244, 245, 278, 289.

³⁶ Б. Д. Греков. Монастырское хозяйство XVI—XVII вв. (Памятники социально-экономической истории России). Л., 1924, стр. 90, 91, 92; Он же. Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома XVI—XVII вв.— В кн. Б. Д. Греков, Избранные труды, т. III. М., 1960, стр. 52, 53.

³⁷ С. Шодуар. Указ. соч., стр. 60.

³⁸ И. Любименко. История торговых отношений России с Англией, вып. 1. Юрьев, 1912, стр. 83.

³⁹ ЗОРСА, I, отд. III, стр. 117. По расчетам И. Г. Спасского по данным Торговой книги, корабельник должен был весить 7,15 г (корабельный тянет 3 алтына 3 денги).

⁴⁰ С. Шодуар. Указ. соч., стр. 61, 62.

⁴¹ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. М., 1958, стб. 1283, 1284, 1285.

⁴² A. Thompson. Указ. соч., стр. 183—199. Известны нобли и розенобли Эдуарда IV с контрамарками Риги первой четверти XVII в. (см. Н. Е. Ives. Указ. соч., стр. 57—59, 61). Однако такой хронологический разрыв можно, вероятно, рассматривать не столько как результат позднего притока монет, сколько как следствие их длительного обращения.

точников говорит о ввозе ноблей купцами Немецкого двора в Новгород или, наоборот, о вывозе отсюда ноблей в прибалтийские города — Дерпт и Ревель. Однако сравнительное обилие и регулярность этих сведений не оставляют сомнений, что нобли ввозились на Русь для торговли с русскими. Это же подтверждается и источником 1436 г., свидетельствующим о недовольстве русских ввозом «фальшивых» ноблей. Не менее интересно сообщение 1482 г. о конфискации на острове Готланд «12 русских ноблей». Выражение «Russische nobelen» совершенно равнозначно встречающимся в источниках выражениям «Englische nobelen», «Vlaemische nobelen», «Ungersche gulden», «Lubsche gulden» и т. п.⁴³ Во всех этих случаях названо место чеканки монет. Учитывая почти одновременную попытку Ивана III чеканить «золотые» — подражания венгерским дукатам⁴⁴ и присоединение Новгорода, связанного с балтийской торговлей и давно знавшего английские золотые монеты, можно думать о попытке чеканки на Руси подражаний ноблям.

О распространенности ноблей в Северной и Восточной Европе еще в XIV и первой половине XV в. и о возможности именно с ними связывать возникновение термина «корабельник» говорят некоторые клады. В литературе имеются сведения о трех находках на территории Польши, одной — в Чехословакии и одной — на белорусских землях. В Норвегии были найдены: в Осло семь ноблей Эдуарда III (1327—1377) и Ричарда II (1377—1399), в Вестфолле десять ноблей тех же правителей, в Эстфолле нобли Генриха V (1413—1422)⁴⁵. В Яворе в Силезии в 1726 г. был найден клад середины XIV в., состоявший из золотых флоринов, шезд'оров и ноблей⁴⁶. Из клада, найденного в Люблинском воеводстве и состоявшего из 30 золотых ноблей, известны только два экземпляра времени Генриха V⁴⁷. В Чехословакии в Кундратице были найдены три нобля XIV в.⁴⁸

В 1902 г. в г. Слуцке Минской губернии было найдено 20 золотых монет, из числа которых в Археологической комиссии были определены четыре — два нобля Генриха IV (1399—1413) и две восточные (патанские) монеты XIV в.⁴⁹

Письменные источники конца XIV — начала XV в. также говорят о ноблях в Польше и в прибалтийских государствах⁵⁰. В Рижской городской книге нобли упоминаются под 1408—1409, 1409—1410, 1411—1412, 1421—1422, 1431—1432, 1435—1436 гг.⁵¹ В письменных источниках, касающихся Пруссии, нобли также названы уже в 1399 и 1403 гг.⁵²

А. Л. Хорошкевич писал, что жалоба русских на ввоз в Новгород «фальшивых» ноблей, возможно, имеет в виду «и подделки английской монеты, изготовленные в других странах»⁵³. Выражение «подделки» не совсем точно, так как, вероятнее всего, дело шло о подражаниях англий-

⁴³ LUB, V, стр. 53; HUB, 5, стр. 212—213, 257, 303; 6, стр. 79; 8, стр. 747.

⁴⁴ Автором сдана в печать специальная статья, посвященная этому вопросу, «Угорский золотой Ивана III (к вопросу о начале Московской золотой чеканки)».

⁴⁵ H. Holst. Mynter og myntlignende metallpreg fra de Britiske fyrr: Norske funn, nedlagt etter år 1100. — Nordisk Numismatisk Arskrift, 1939, стр. 104, № 2; стр. 107—110, № 14; стр. 113—114, № 28.

⁴⁶ M. Gumowski. Moneta zlota w Polsce sredniowiecznej. Kraków, 1912, стр. 30.

⁴⁷ Numismatic Circular, Nov.-Dec., 1914, стр. 682.

⁴⁸ Nálezy mincí v Cechách, na Morave a ve Slezsku, II. Praha, 1956, стр. 140, № 2076.

⁴⁹ Архив ЛОИА, ф. I, 1895, д. 293, л. 293 об, 294; 1902, д. 206, л. 1, 4, 6; Архив ГЭ, ф. I, оп. 5, 1902, д. 15, л. 81; ОАК за 1902 г., стр. 121, 122, 166.

⁵⁰ M. Gumowski. Указ. соч., стр. 34.

⁵¹ A. von Bulmerincq. Kömmerci Register der Stadt Riga 1348—1361 und 1405—1474, I. Leipzig, 1909, стр. 90, 93, 100, 135, 180, 197.

⁵² F. A. Vossberg. Geschichte der Preussischen Münzen und Siegel. Berlin, 1843, стр. 76.

⁵³ А. Л. Хорошкевич. Указ. соч., примеч. 185 на стр. 304.

1

2

3

Корабельники

1

2

3

4

Корабельники

ским ноблям. Учитывая реакцию русской стороны, а также то, что в конце XIV в. чеканится значительное количество нидерландских ноблей, равных с английскими по величине, но из золота худшей пробы⁵⁴, можно предположить, что 1436 год — время первого знакомства Северо-Западной Руси с нидерландскими подражаниями ноблям. С конца XV в. в источниках имеется сравнительно мало упоминаний о корабельниках, хотя они и называются в документах Новгородского Софийского дома середины XVI в. и в Торговой книге конца этого же столетия. Широкое распространение нидерландские и другие подражания розеноблям получают лишь с конца XVI в.⁵⁵, поэтому их можно предположительно связать лишь с данными Торговой книги и сведениями, упомянутыми выше под 1591 и 1602 гг. Под корабельниками же середины XVI в. следует, вероятно, понимать английские розенобли или, что менее вероятно, подражания английским ноблям.

Таким образом, термин «корабельник», возникший в связи с поступлением на Русь английских ноблей, применялся, видимо, и к подражаниям им, а также к розеноблям, как английским, так и неанглийским.

Гораздо менее вероятно, что название «корабельник» использовалось для обозначения «энджелов»: имеющиеся сведения о весе корабельников и их стоимости, терминология западных источников, касающаяся новгородской торговли, почти не позволяют сомневаться, что они чеканились в совершенно другой весовой норме. Однако и энджелы, естественно, могли иногда проникать на территорию Русского государства.

Торговая книга конца XVI в. называет не только вес корабельника («3 алтына 3 денги», т. е. около 7,15 г), примерно равный весу монет типа нобля, но и его стоимость в рубль и 10 денег, или 35 алтын. Расходные книги Новгородского Софийского дома 1547—1548 гг. называют примерно такую же стоимость корабельника — 36 алтын⁵⁶. Различие в цене на один алтын, возможно, объясняется местными или временными условиями, или тем, что в источниках подразумеваются две разновидности ноблей. Но в том, что здесь имеются в виду нобли, а не энджелы, нет сомнений. Упомянутые в летописных сведениях 1476—1478 гг. в огромном числе «корабельники» также могли быть только монетами типа нобля, так как энджелы, как мы знаем, начали чеканиться лишь около 1470 г.

Нет сомнения, что корабельник был прежде всего монетой, имевшей значение в международной торговле, особенно прибалтийских стран с Северо-Западной Русью. Тот факт, что новгородцы и псковичи поднесли многочисленные золотые корабельники Ивану III, свидетельствует, вероятно, о том, что эти монеты на Руси служили также важным средством накопления. Исходя из данных, говорящих об использовании дукатов, золотых, во внутренней торговле Русского государства, можно думать, что и корабельники-нобли ничем не отличались от них в этом отношении⁵⁷. Однако, имея вес, почти вдвое больший, чем дукаты, значительно более редкие и оригинальные по рисунку, корабельники чаще использовались в качестве денежных даров, «поминков».

⁵⁴ Н. Е. Ives. Указ. соч., стр. 9.

⁵⁵ Там же, стр. 12.

⁵⁶ Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 90.

⁵⁷ О значении золотых монет на территории Русского государства в XVI—XVII вв. см.: В. М. Потин. Термины русского денежного обращения в иностранных словарях XVI — первой четверти XVII века. — Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1964 год. Л., 1965, стр. 29, 30.

А. С. М Е Л Ь Н И К О В А

ПСКОВСКИЙ И НОВГОРОДСКИЙ ДЕНЕЖНЫЕ ДВОРЫ В СЕРЕДИНЕ XVII в.

Псковский и Новгородский денежные дворы, просуществовав почти 200 лет, в конце 20-х годов XVII в. были закрыты. Время закрытия первого устанавливается из грамоты псковских таможенных голов 1632 г., где сообщается, как о недавнем прошлом, о переделке иноземцами привозного серебра в деньги, «как был во Пскове денежный двор». Теперь, когда двора не стало, иноземцам стали давать в таможене взамен серебра деньги «из московской присылки»¹.

Количество новгородских и псковских копеек времени Михаила Федоровича вкладах монет XVII в. очень невелико по сравнению с монетами московской чеканки; последние датированные новгородские копейки относятся к 1617 г. Копейки с этой датой наиболее многочисленны среди прочих новгородских копеек. Они отличаются очень плохой сохранностью, на монетах можно различить только фрагменты рисунка и надписи. Эти материалы позволяют думать, что и в Новгороде после 1617 г. чеканка монет продолжалась недолго. Очевидно, Псковский и Новгородский денежные дворы были закрыты одновременно в конце 20-х годов XVII в.

Закрытие периферийных денежных дворов в XVII в. знаменовало наступление нового этапа в истории русского денежного хозяйства — этапа максимальной централизации всего денежного производства, сосредоточения чеканки монет в одном центре, лишения частных лиц права заказывать монету из своего серебра. Снабжение монетного двора сырьем для чеканки монет и распределение готовой продукции полностью монополизировались правительством. Ефимки становятся к середине века заповедным товаром. Псковский и Новгородский денежные дворы были носителями прежних традиций XVI в.: их деятельность почти целиком зависела от заказов торговых людей, сдававших в передел свое серебро. Ликвидация Псковского и Новгородского дворов была неизбежной при проведении новой политики в денежном деле.

Однако денежная реформа 1654—1663 гг. потребовала небывалого расширения монетного производства. В начале реформы, когда правительство еще надеялось усовершенствовать русскую денежную систему, об открытии дополнительных денежных дворов не было и речи. Собирались даже закрыть Старый денежный двор в Москве, а всю чеканку сосредоточить в одном месте, на Новом денежном дворе в Москве. Однако неудачи первых месяцев реформы заставили отказаться от перво-

¹ Е. В. Чистякова. Социально-экономические взгляды Ордина-Нащокина (XVII в.).— Труды ВГУ, вып. XX, 1950, стр. 14.

начальных замыслов и начать чеканку медных копеек, для чего были пущены в ход еще четыре денежных двора. Два из пяти денежных дворов находились в Москве: один — оставленный от дореформенного времени денежный двор, получивший наименование «Старый»², второй — Новый денежный двор, названный Английским из-за размещения его в зданиях бывшего Английского торгового двора. Остальные — вновь открытые денежные дворы в Новгороде, Пскове и, наконец, в крепости на Западной Двине — Кукунойсе (Царевичев-Дмитриев город), отнятой у шведов в 1656 г.³

Как сказались новые порядки в организации этих пяти денежных дворов, нельзя ли усмотреть в самом факте их появления в середине XVII в. некоторого отступления от ранее проводимых принципов централизации денежного дела? В этой связи, естественно, наибольший интерес представляет судьба двух самых крупных периферийных дворов — Псковского и Новгородского.

Недолгий период их деятельности в середине XVII в. оставил нам замечательные по значению и до сих пор не оцененные по достоинству письменные и нумизматические памятники. Значение этих источников выходит за рамки интересующей нас темы; они существенно дополняют известные до сих пор скудные и разрозненные сведения о денежном деле России XVII столетия. Наибольший интерес представляют приходно-расходные книги псковским четвертным расходам и доходам за 7164 г. (1 сентября 1655 г. — 31 августа 1655 г.) и за 7167 г. (1 сентября 1658 г. — 31 августа 1659 г.)⁴. Среди прочих сведений здесь содержатся ежедневные записи о деятельности Псковского денежного двора, открытого в годы реформы 1654—1663 гг. Записи содержат полные и систематические сведения о самых разнообразных сторонах деятельности Псковского денежного двора. До нас дошел лишь один памятник подобного рода, но относящийся к более раннему времени — Книги Новгородского денежного двора 1610—1611 гг.⁵ Псковский документ отображает новую эпоху в организации денежного дела и является одним из главных источников для ее изучения.

О деятельности Новгородского денежного двора в те же годы сообщает обширное донесение 1659—1660 гг. служилого московского человека Никиты Зузина царю. Записка очень интересна бытовыми подробностями и содержит много чрезвычайно ценных сведений о внутреннем устройстве двора⁶.

Много интересных данных о Псковском и Новгородском дворах, в документах почти всегда упоминающихся вместе, мы находим в многочисленном актовом материале, по большей части также неизданном.

Изучение огромного количества медных копеек псковского и новгородского чекана, хранящихся в собрании ГИМ и в других музеях, раскрыло некоторые стороны работы этих денежных дворов, не нашедшие отражения в письменных источниках.

Указ о возобновлении деятельности Псковского и Новгородского денежных дворов последовал 15 сентября 1655 г. Однако в псковских книгах имеются сведения об открытии двора в марте 1655 г. «По госуда-

² А. С. Мельникова. Старый московский денежный двор во время денежной реформы 1654—1663 гг. — Археографический ежегодник за 1964 г. М., 1965, стр. 77—84.

³ А. С. Мельникова. О чеканке монет в Кукунойсе в середине XVII в. — СА, 1964, № 3, стр. 141—148.

⁴ Архив ПОКМ, № 295/49, 298/49. Пользуемся случаем поблагодарить И. Г. Спаского, предоставившего в наше распоряжение выписки из книг Псковского денежного двора.

⁵ АЮБ, т. II, № 129, § 1—3.

⁶ А. С. Мельникова. Из истории денежного дела в России. — Советские архивы, 1967, № 3, стр. 93—99.

реве цареви и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца грамоте за приписью дьяка Аникея Чистого, какова прислана во Псков в прошлом 163 году марта в 27 день, велено во Пскове делать медные деньги алтынники и грошевики и двуденежники, а мастером от дела велено давать против государева указу по три рубля с полтиною от пуда»⁷.

Сентябрьский указ 1655 г. содержит более конкретные распоряжения об организации работы на дворе. «Государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Великия и Малыя Россіи самодержцу холоп твой Гришка Куракин с товарищи челом бьет. В нынешнем, государь, во 164 году, сентября в 15 день в твоей государевой, царевой и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя Россіи самодержца грамоте писано к нам, холопом твоим, велено послать твои государевы грамоты в Великий Новгород и во Псков, чтоб в Великом Новгороде и во Пскове медные деньги грошевики и двуденежники и денежники делать наспех, днем и ночью с великим радением. А денежных мастеров в Великом Новгороде и во Пскове велети б прибрать многих людей, чтоб деньги вскоре наделать..., а что будет зделано, и те деньги велети б присылать к Москве»⁸.

По указу 27 марта на Псковском дворе должны были чеканиться медные алтынники, грошевики, двуденежники и денежники; в сентябрьском указе алтынники не названы. Однако алтынники на Псковском и Новгородском дворах чеканились. Они называются в составе продукции Новгородского двора в 1656 г.⁹ В музейных собраниях сохранились алтынники Псковского двора. Они изданы И. Г. Спасским¹⁰. Медные алтынники времени реформы в нумизматических собраниях — большая редкость. Очевидно, их чеканили в ограниченном количестве. Немного в наших собраниях и грошевиков (двухкопеечников).

Из всех чеканившихся на периферийных денежных дворах монет разных номиналов до нас дошли в большом количестве только копейки (двуденежники). Медные копейки чеканились по образцу и стопе серебряных копеек. Их весовая норма такая же, как и серебряных копеек, — 0,45 г. Псковские копейки на лицевой стороне имели традиционное для русских монет XVI—XVII вв. изображение всадника, но не с копьём, а с железом в руках — по образцу крупных номиналов первых лет реформы. Надпись на оборотной стороне воспроизводила новый титул царя, впервые появившийся на серебряных рублях и медных полтинах 1654 г.: «Царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя Россіи самодержец». На псковских копейках этот титул дополнялся включением еще и «Белой Россіи». Буква П под ногами коня на лицевой стороне означает место чеканки (Псков). Псковские монеты отличаются четкими рисунками и надписями. В собрании ГИМ хранится 16 586 псковских копеек.

На новгородских копейках изображался всадник с копьём, в длинных одеждах. Знаком денежного двора здесь были буквы НО (Новгород). Легенда новгородских копеек также содержала новый титул царя: «Государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя Россіи самодержец» и «Государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержец». Новгородских копеек сохранилось меньше, чем псковских. В ГИМ их хранится всего 109.

⁷ Архив ПОКМ, № 295/49, л. 206.

⁸ ЦГАДА, Разрядный приказ, Московский стол, стб. 864, л. 7.

⁹ ЦГАДА, Разрядный приказ, Московский стол, стб. 864, л. 173.

¹⁰ И. Г. Спасский. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. и денежные реформы 1654—1663 гг. — Археографический ежегодник за 1959 г. М., 1960, табл. II, 9.

Алтыны и грошевики ничем, кроме веса, не отличались от копеек; алтынники имели вес трех копеек, грошевики — двух копеек.

Монеты следующего номинала, чеканившиеся согласно указу, — денежные, или деньги ($1/2$ копейки), — встречаются в музейных собраниях чаще, чем алтынники и грошевики, но реже, чем копейки. Они отличаются от копеек рисунком — всадник изображался с саблей в руках. Денежники чеканились на всех денежных дворах времени реформы. Хотя знаков денежных дворов здесь не ставили, нетрудно выделить среди них деньги Новгородского и Псковского денежных дворов по характерным стилистическим особенностям.

В музейных собраниях хранится еще один вид продукции Новгородского денежного двора — серебряные копейки. От медной новгородской копейки они отличаются только знаками денежного двора: НО/ГРД. Вес серебряных копеек соответствует весовой норме медных копеек. Немногочисленные новгородские копейки с буквами НО/ГРД (в собрании ГИМ их всего 4) — единственные известные нам серебряные монеты, чеканку которых с уверенностью можно отнести ко времени реформы. В письменных источниках встречаются сообщения о выплате различных сумм серебряными копейками. Известно, что в торговых сделках с иностранцами в России и за ее пределами, а также в Сибири запрещалось пользоваться медными копейками. Следовательно, в годы реформы какое-то количество серебряных копеек находилось в обращении. Были ли это старые запасы, чеканилось ли некоторое количество серебра на денежных дворах, за неимением источников сказать нельзя: в письменных документах, как уже говорилось, сведений об этом нет, а серебряные копейки Алексея Михайловича не имеют дат. И. Г. Спасский считает, что в Москве во время реформы должна была производиться более или менее регулярная чеканка серебряных копеек¹¹. Достоверно известен лишь факт эпизодических чеканок серебра на Новгородском денежном дворе.

Псковский денежный двор начал работать с октября 1655 г. В приходно-расходных книгах псковских четвертных доходов и расходов указываются суммы, уплаченные в первых числах октября за работы по устройству двора, очевидно сильно пострадавшего за время его бездействия. Десять плотников два дня «в избе мост мостили, окна просекали, бабины ставили». Затем они три дня делали кузницу и опечки к горнам, а каменщики два дня делали горны. Покупается трепаная пенька на канаты, лес на дрова. В октябре же начинается и чеканка монет. Об этом свидетельствуют две записи в книгах о выдаче «на корм денежного дела работником», по 50 рублей 2 октября и 22 октября 1655 г.

У нас нет никаких сведений о местоположении Псковского двора в середине XVII в. Известно только, что в 1659 г. на денежный двор привозили амбар из-за реки Великой. Очевидно, он помещался там же, где был в конце XVI в., — между Трупеховскими и Петровскими воротами. Ничего не известно также о размерах двора, о расположении построек во дворе. Однако можно с уверенностью сказать, что по размерам, по размаху работ он должен был если не превосходить, то и не уступать Старому денежному двору в Москве. Об этом свидетельствует в первую очередь обилие монет псковской чеканки. В собрании ГИМ их хранится 16 586, в то время как медных копеек других денежных дворов, действовавших во время реформы, насчитывается гораздо меньше: копеек Старого денежного двора (со знаком М^о) — 3414, копеек Нового денежного двора (со знаком МД) — 175, новгородских копеек — 109 и кукейнойских (со знаком ЦА) — 259. В кладе медных копеек, найденном

¹¹ И. Г. С п а с с к и й. Указ, соч., стр. 128.

в Новгородской области и хранящиеся в Новгородском историко-художественном музее (№ 251)¹², повторяются те же соотношения; псковские копейки — 2611, копейки Старого денежного двора — 1541, Нового денежного двора — 79, новгородские — 301, кукунойские — 188.

Наглядное представление о размахе работ на Псковском дворе дает большое количество разновидностей типов псковской медной копейки. Почти за каждым типом стоит отдельная пара маточников. Насчитывается около 30 маточников лицевых и около 70 маточников оборотных сторон псковских копеек, изготовленных за сравнительно короткий срок действия двора — всего за 9 лет (1655—1663). Для сравнения укажем количество типов монет других денежных дворов времени реформы. На Старом денежном дворе их было 71, на Новом — 52, в Кукунойсе — 24, а в Новгороде — всего 7. Изготовление маточников, с которых переводятся чеканы, было одной из самых сложных работ на денежном дворе, требующей от исполнителя (так называемого резца) профессиональных навыков и таланта художника. Резцы, как правило, оплачивались выше других категорий рабочих. Двум псковским резцам за изготовление четырех маточников и чеканов, переведенных с них, было уплачено четыре рубля, в то время как, например, плотникам, работавшим на денежном дворе, платили по три копейки на день. На Псковском денежном дворе в годы реформы работали два резца — Самуил Иванов и Архип Федоров. Известно, что на Новом денежном дворе в Москве, где количество рабочих превышало 600 человек, был только один резец.

Число рабочих на Псковском дворе должно было также достигать значительной цифры. О числе рабочих мы можем судить по суммам, предназначенным «на корм» денежным мастерам. В октябре, ноябре, декабре 1655 г., январе 1656 г. давалось «на корм» по 100 рублей в месяц (по 50 рублей в первых и последних числах месяца). Затем «кормовые» суммы теряют свое однообразие. Мы встречаем суммы в 50, 60, 80, 114, 132 рубля на месяц, причем эти деньги выдаются в три, четыре, пять приемов. За 1657 г. сведений не сохранилось, а в 1658 г. опять наблюдается четкий порядок: деньги «на корм» денежным мастерам поступают приблизительно раз в неделю. Увеличивается общее количество «кормовых» денег за месяц — уже не 50—80, а 500—600 рублей. За этими цифрами, несомненно, стоит увеличение числа денежных мастеров и объема работ на денежном дворе.

Исходя из размеров «кормовых» сумм, можно подсчитать приблизительные нормы обработки меди на денежном дворе в месяц. В 1655—1656 гг. на месяц выдавалось от 50 до 100 рублей; известно, что мастерам платили по 3 рубля с полтиной с пуда перерабатываемой меди. Следовательно, в месяц обрабатывалось приблизительно от 15 до 30 пудов меди. В 1658 г. в источниках указывается увеличившаяся сумма «кормовых» денег — 500—600 рублей за месяц. Месячная выработка меди соответственно возросла приблизительно до 150—180 пудов. Имеются и другие свидетельства о расширении Псковского двора к 1658 г. Голове денежного двора Ивану Дмитриеву в 1656 г. был выдан на мелкие расходы по денежному двору только один рубль, а в 1658 г. другой голова, Сергей Поганкин, получил на мелкие расходы 696 рублей 23 алтына. В сентябре 1658 г. кузнецы сделали на денежном дворе четыре новых волока, а четыре старых волока подправили (на волочильных станах тянули проволоку — «прутовую медь», которая служила заготовкой для чеканки монет). В октябре того же года делали новую караульную избу при дворе; в 1659 г. покупали каменную плиту для печей.

¹² В. Л. Янин. Монетные клады Новгородского музея. — НЭ, II, 1961, стр. 150, № 13.

В августе 1659 г. территория денежного двора увеличилась. «По приказу боярина и воеводы князя Ивана Андреевича Хованского с товарищи Дворцового приказу подьячему Федору Шаблавиному за дворовое место и за яблони и за строение, что взято у него на государев Денежный двор тридцать пять рублей. Дано», — записано в приходно-расходных книгах¹³.

Из приходно-расходных книг мы узнаем, что во главе Псковского денежного двора стоял голова, выбираемый на год из числа гостей. В 1655 г. это был Иван Дмитриев, в мае 1656 г. его сменил Игнат Лялин. В 1658 г. головой был Сергей Иванович Поганкин, представитель видной купеческой фамилии в Пскове. В 1661—1662 гг. должность головы занимал Никита Михалев. Сведений о последующих годах у нас нет, а последним головой Псковского двора был гость Федор Торопчин. Административные функции выполняли также выборные из торговых-ремесленных сотен два целовальника, избираемые ежегодно. В 1658 г. целовальниками были Михаил Минин и Семен Рышков, в 1659 г. — Фома Парфеньев и Иван Афанасьев. Имена других целовальников неизвестны.

На дворе также существовал штат сторожей. Из приходно-расходных книг известно, что для них строилась специальная караульная изба. Возможно, в ней они жили постоянно — во всяком случае, такой порядок существовал в это же время на Новом денежном дворе в Москве. Псковский двор по устройству не отличался от прочих русских денежных дворов XVII в. В июне 1663 г. он был закрыт вместе с другими «медного денежного дела» дворами.

Новгородский денежный двор в одном из документов 1661 г. назван «Новым». Возможно, это название появилось в связи с тем, что денежный двор в Новгороде во время реформы был размещен в новом помещении, а не в старом денежном дворе. Но «Новым» Новгородский денежный двор мог быть назван и в связи с возобновлением его деятельности после 30-летнего перерыва.

Первые сведения о деятельности Новгородского денежного двора после сентябрьского указа 1655 г. содержатся в грамоте от 9 июня 1656 г. Из нее следует, что денежный двор работал уже на полную мощность: из Новгорода в Москву доставляются готовые деньги; велено «впредь в Великом Новгороде и во Пскове мелкие медные деньги делать наспех, днем и ночью, и что будет вpredь мелких денег сделано, и те деньги по тому же велено посылать к тебе, великому государю, на стан, не замотчав»¹⁴.

Самые подробные сведения о состоянии Новгородского двора относятся к более позднему времени. Они содержатся в вышеуказанной «отписке» московского служилого человека Никиты Зузина, направленного в 1659 г. в Новгород «к боярину и воеводе ко князю Григорью Семеновичу Куракину в товарищи»¹⁵. Из этого документа мы узнаем, что Новгородским денежным двором, как и всеми русскими денежными дворами, руководил голова, так же, как и везде, выбираемый на один год из числа гостей. В 1657 г. головой был Денис Иванов, в 1658 г. — Иван Денишин, в 1659 г. — Василий Никифоров, в 1660 г. — Андрей Земский. Имена других голов неизвестны. В помощь голове здесь также избирались целовальники, но в новгородских документах они обычно упоминаются по одному. В 1656 г. целовальником был Гаврила Сидоров, в 1659 г. — Еким Пискулин, в 1660 г. — Яков Андрианов, в 1662 г. — Ульян Пискулин. Очевидно, при восстановлении двора в 1655 г. был

¹³ Архив ПОКМ, ф. 298/49, л. 207.

¹⁴ ЦГАДА, Разрядный приказ, Московский стол, стб. 864, л. 173.

¹⁵ ЦГАДА, Разрядный приказ, Безгласный стол, стб. 80, л. 84—98.

восстановлен и старый порядок управления двором, зафиксированный в 1617 г.: «Для береженья велено быти на денежном дворе выбрав сына боярского доброго, да гостю или торговому человеку лутшему и целовальником, колким человеком пригоже, а радети целовальников выбрати городом, а выбрав и взяти за руками и к крестному целованию привести»¹⁶. В источниках середины XVII в. мы не встречаем упоминаний о «сыне боярском добром» на Новгородском дворе, но в остальном организация управления двором осталась без изменений.

По словам Зузина, Новгородский денежный двор представлял в 1659 г. весьма неприглядную картину. На дворе не осуществлялось никакого контроля за мастерами, они «ходят повольно з двора на двор и их ни в чем не обсматривают». Царило неприкрытое воровство. Денежные мастера установили очень высокие нормы «угара» — потерь в процессе плавки меди. Норма угара определялась контрольной плавкой определенного количества металла, которая называлась «опытом». Разница между первоначальным весом сырья и весом готовой продукции определяла степень угара сырья. При поступлении сырья на денежный двор подсчитывали, исходя из «опыта», количество готовой продукции, которое должно было получиться из этого сырья с вычетом норм угара. Норма угара бралась в ее денежном выражении и называлась «угарными деньгами». При подсчете теоретической нормы выхода готовой продукции из поступившего сырья высчитывалось еще неизбежное количество брака, получавшегося в процессе чеканки монет (так называемые приделочные деньги)¹⁷.

Ларешный целовальник Новгородского денежного двора посадский человек Яков Андреев обратился 27 августа 1660 г. к новгородскому воеводе князю Григорию Семеновичу Куракину с жалобой на воровство денежных мастеров и предложил провести на денежном дворе «истинный опыт» — контрольную плавку для определения нормы угара меди. При участии Зузина этот «опыт» был проведен в августе-сентябре 1660 г. Он показал, что старая норма угара была завышена. По подсчетам Зузина, денежные мастера в течение многих лет крали «в угар» огромные суммы — в год на одного мастера приходилось по 600, 800 и 1000 рублей. Согласно новому «опыту», «прибыли казне учинилось 15000 рублей». Контрольная плавка вызвала недовольство мастеров денежного двора. 60 мастеров — по определению Зузина, «заведомых и уличенных воров» — начали оспаривать новый «опыт», писать доносы на Якова Андреева и Зузина. Эти мастера «из двора сошли самовольством», а десять старых мастеров остались на денежном дворе, согласившись делать деньги по новому «опыту», и дали в том присягу. Было набрано еще 90 новых денежных мастеров из новгородских посадских людей.

Эти цифры позволяют приблизительно определить численность рабочих на Новгородском дворе. На 100 денежных мастеров должно было бы приходиться около 100 человек подсобных рабочих — по примеру других денежных дворов XVII в., в частности Нового денежного двора в Москве. Следовательно, на Новгородском денежном дворе в 1660 г. могло насчитываться около 200 человек. Это сравнительно небольшая цифра, и ей вполне соответствует скромное количество новгородских копеек, дошедших до нас (109 в собрании ГИМ и 288 в Новгородском музее). Еще беднее новгородские монеты разновидностями типов и, следовательно,

¹⁶ И. Г. Спасский. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г.— МИА, № 44, 1955, стр. 259.

¹⁷ «Приделочные деньги, кои приделываются у мастеров сверх указного числа, что никакою мерою мастером... угадать невозможно, либо меньше, либо больше указного числа выдут из дела» (ЦГАДА, Разрядный приказ, Безгласный стол, стб. 80, л. 80).

маточниками. Здесь насчитывается всего семь различных типов лицевых и оборотных сторон. К тому же две оборотные стороны идентичны оборотным сторонам медных копеек Старого денежного двора в Москве, из чего можно заключить, что сюда присылали готовые маточники или чеканы из центральных денежных дворов. Один из них воспроизводит более полный, новый титул царя: «Государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя и Белья России самодержец»; на другом — короткий титул: «Царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси». Вероятно, присланные штемпели должны были служить образцом для местных резчиков, но по каким-то причинам их использовали для чеканки. Вероятнее всего предположить, что на Новгородском денежном дворе не хватало квалифицированных мастеров и, в частности, резчиков маточников.

С новыми мастерами, набранными после проведения «истинного опыта» с 5 сентября по 1 декабря 1660 г., было отчеканено денег на сумму 400 000 рублей. В месяц, следовательно, должно было чеканиться около 130 000 рублей, в год — 1 600 000 рублей. Подсчет этот, разумеется, весьма приблизителен, так как объем готовой продукции зависел от множества неизвестных нам причин — обеспечения сырьем, срочных заказов и т. д.

Описанный Зузиным случай воровства на Новгородском денежном дворе был не единственным. Зузин подробно описывает «денежное воровство» головы двора Василия Никофорова. Это очень любопытное дело освещает многие интересные подробности работы денежного двора в Новгороде.

Голова Василий Никифоров (в подлиннике — Микифоров), избранный из числа гостей на 1659 г., «в своем году сидя», присваивал много денег. Из «угарных» денег он взял 10 000 рублей, из «приделочных» — 15 000 рублей 50 копеек. Помимо этого он нарушил закон, не разрешавший покупку сырья никому, кроме доверенных лиц, действующих от имени денежного двора. «По великого государя указу меди не велено покупать никакову чину людям наугородцем, кроме денежного двора», за нарушение этого указа полагалась смертная казнь¹⁸. Однако ловкий голова сам покупал медь якобы для денежного двора, сам собирал таможенные пошлины при покупке, сам вел записи о покупках в приходно-расходных книгах, а книги держал не на денежном дворе, а дома, где «что хотел, то и писал в своих книгах». На денежном дворе он «объявлял» только часть купленной для двора меди; другую часть он, не записывая в книгах, отдавал мастерам, а приготовленные из нее деньги забирал себе. Помимо прямой покупки меди «на себя» он находил и другие способы для ее приобретения. Принимая как голова денежного двора медь у поставщиков на таможенном дворе, он передавал ее мастерам в дело, указывая заниженный вес. Утаенной меди к моменту разоблачения головы «объявилось» 60 пудов, из которых вышло 20 000 рублей. Все «лишние» деньги голова забирал себе, а, чтобы не возникло подозрения, чтобы мастера «молчали ему во всем», присвоенные суммы списывал в угар.

Василий Никифоров не только скупал «на себя» медь, но и продавал казенную медь с денежного двора под видом вывоза бракованной меди для обмена. Делал он это при содействии целовальника Екима Пяскулина; с двора медь свозил дворовой человек головы Петрушка Иванов.

Все эти злоупотребления были обнаружены потому, что «в год» Василия Никифорова у денежных мастеров оказалась очень большая недостача — 100 000 рублей с лишком, несмотря на то что они «работали

¹⁸ ЦГАДА, Разрядный приказ, Безгласный стол, стб. 80, л. 88.

у него днем и ночью бесперестанно». Денег в его году получилось мало «для того, что на него делали деньги». Выдал Василия Никифорова «товарищ ево... и складчик с ним в медной покупке, торговый человек новгородец Дорошка Семенов». Он пожаловался на Василия Никифорова таможенному голове новгородцу торговому человеку Афанасию Микляеву, а тот сообщил князю Куракину. Начатое сыскное дело велось очень вяло, необходимые улики не собирались. Сам же Василий Никифоров в 1660 г. поехал в Москву требовать, чтобы ему выдали деньги за изъятую у него медь, якобы «чистую», т. е. добытую законным путем. В Москве ему поверили, даже заплатили за медь. Зузин требует в своей «отписке» довести до конца сыскное дело. Заодно с Василием Никифоровым он обвиняет «голов прежних лет» Ивана Денишина и Дениса Иванова с товарищами в том, что они вместе с Василием Никифоровым много лет крали государственную казну. Эти люди, говорится в донесении Зузина, восстанавливают население Новгорода против царских чиновников; новгородцы приходят «в приказ с большим шумом и невежеством, всячески бесчестят нас, называют наши выборы и дела наши воровскими». С головами денежного двора, по словам Зузина, связано еще несколько человек, активных участников новгородского восстания 1650 г. Эти жалобы Зузина на новгородцев — очень любопытные свидетельства обострения классовой борьбы в Новгороде в 60-х годах XVII в., наблюдаемого по всей стране в годы этой неудачной денежной реформы, вызвавшей небывалую дороговизну в голод¹⁹.

После вскрытых злоупотреблений на Новгородском денежном дворе по приказу воеводы Г. С. Куракина и по выбору «всего Новгорода земских людей» был назначен новгородец, посадский человек, который должен был вместе с вновь избранным головой Андрианом Земским обследовать денежный двор. В результате обследования в денежной казне двора был обнаружен убыток на сумму около 50 000 рублей, списанных в «приделочные» и «угарные» деньги. Проведение «истинного опыта», о котором упоминалось выше, замена денежных мастеров должны были упорядочить работу Новгородского денежного двора.

О дальнейшем существовании Новгородского денежного двора сведений не сохранилось. В июне 1663 г. он был закрыт вместе с другими «медного денежного дела» дворами, маточники и чеканы с него были переданы в Москву, в Приказ Большой казны.

Организация периферийных денежных дворов в Пскове и Новгороде отличается некоторым своеобразием по сравнению с центральными денежными дворами в Москве.

Все денежные дворы в Русском государстве в XVII в. находились в ведении Приказа Большой казны. Московские денежные дворы оказались в наиболее тесной зависимости от него. Через Приказ Большой казны комплектовалась рабочая сила, утверждались голова и целовальники, присылались стрельцы для охраны двора; получением сырья, распределением готовой продукции также распоряжался только Приказ Большой казны. Он же служил высшей судебной инстанцией для работников денежных дворов²⁰.

Многие функции Приказа Большой казны на местах выполняли воеводы. Через них, очевидно, производился набор рабочих. Так было на Новгородском денежном дворе, когда в августе-сентябре 1660 г. назначенный воеводой для ревизии денежного двора посадский человек набрал 90 новых мастеров. Денежные мастера набирались из вольных торговых людей: «А денежных мастеров для того дела берут из вольных и

¹⁹ К. В. Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.—Л., 1936.

²⁰ ЦГАДА, Дела Английского Нового денежного двора в Москве, ф. 361/1.

торговых людей, кто похочет»²¹. Однако нам известно, что на денежных дворах в XVII в. использовался принудительный труд, в частности на Новом денежном дворе в Москве мы встречаем денежных мастеров, которым «велено быть у денежного дела», кузнецов из других городов, закрепленных за денежным двором²². Ни в псковских, ни в новгородских источниках нет упоминаний об использовании на денежных дворах принудительного труда. Может быть, использование такого труда имело место только во время реформы, когда в Москве работали два больших денежных двора, которым не хватало рабочей силы.

Документы Псковского и Новгородского дворов не указывают, какие существовали категории рабочих. Все они объединены общим названием «денежные мастера». На русских денежных дворах XVII в. рабочие обычно делились на кузнецов, волочильщиков, тянувших проволоку, бойцов, которые эту проволоку резали и плющили, приготавливая заготовки для будущей монеты. Конечный и самый ответственный момент в процессе изготовления монеты — чеканку монет на этих заготовках производили чеканщики, самая основная и многочисленная категория рабочих денежного двора. При каждом волочильщике работали три и при каждом чеканщике два подсобных рабочих — «подкладчики». Денежные мастера были разбиты на станицы — производственные артели, включающие все специальности рабочих, необходимые для производства монет. Надо полагать, что такой порядок существовал в середине XVII в. и на периферийных денежных дворах, где техника чеканки монет не отличалась от Московской.

Положение денежных мастеров в Пскове и Новгороде в общих чертах совпадало с положением столичных мастеров. Московские денежные мастера при поступлении на работу присягу в том, что они будут честно работать; за них же ручались поручители; поручные записи на каждого денежного мастера хранились на денежном дворе²³. Хотя в псковских и новгородских источниках нет упоминаний о порядке приема на денежный двор мастеров, а сказано лишь, что десять старых мастеров Новгородского денежного двора в 1660 г. давали присягу о том, что они будут делать деньги по «новому опыту», нет оснований считать, что в Новгороде и Пскове был какой-либо другой порядок. Так же, как и в Москве, денежные мастера должны были подчиняться определенной дисциплине. На Новом Московском денежном дворе, например, мастерам запрещался самовольный уход со двора, в праздничные дни их отпускали со двора по особому разрешению. Недаром работники денежных дворов, говоря о своей работе, обязательно сообщают, что они работают «днем и ночью беспрестанно». О том, что такие же порядки распространялись и на периферийные денежные дворы, косвенно сообщает отписка Зузина. Он возмущается нарушением общепринятых правил, когда после уличения в «воровстве» денежные мастера Новгородского двора, 60 человек, «из двора вышли самовольством, и записи им выданы и во всем и послаблено», вместо того чтобы «наказанье учинить за их воровство».

Судопроизводством периферийных денежных дворов ведали воеводы. В их власти было решать это дело на месте или передавать его дальше, в Москву. Так, в Новгороде воевода начал сыскное дело против головы Василия Никифорова. Так же, как для московских денежных дворов, высшей судебной инстанцией здесь был Приказ Большой казны.

²¹ Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1909, стр. 98.

²² ЦГАДА, Дела Английского Нового денежного двора, ф. 361/1.

²³ Г. Котошихин. Указ. соч., стр. 98; ЦГАДА, Дела Английского Нового денежного двора, ф. 361/1.

Нет прямых доказательств об утверждении воеводами администрации периферийных денежных дворов. Это можно предположить, исходя из функций воеводы в городе. Во всяком случае, нет никаких свидетельств и о том, что в эти дела вмешивался Приказ Большой казны, как это имело место в Москве.

Весьма существенная разница между московскими и периферийными дворами существовала в порядке снабжения дворов сырьем для чеканки монет. Если в Москве денежные дворы получали медь только через Приказ Большой казны, который имел свой штат поставщиков меди, то в Новгороде и Пскове снабжением сырьем занимался сам денежный двор. Право покупать медь имели только денежные дворы. Новгородские источники свидетельствуют, что под страхом смертной казни «по великого государя указу меди не велено покупать никакова чину людям наугордцем, кроме денежного двора»²⁴. О правилах медной торговли сообщает также грамота от 12 февраля 1662 г. тихвинскому архимандриту, которому новгородский воевода велит «заказ учинить крепкой, у которых людей есть продажная красная медь, и они б на сторону никому не продавали, и в отвоз никуда не возили, а продавали б тое медь целовальнику Ульяшку Пискулину, а деньги за тое медь он, Ульяшка, учнет давать по цене безволокидно; а будет тихвинцы посадские или приезжие люди учнут медь таить и на сторону продавать, и в отвоз возить, а после про то сыщется, и тое медь возмут на великого государя безденежно, а тем людям, кто медь на сторону продаст или в домах таит, и по указу великого государя учинят наказанье без пощады»²⁵.

В псковских приходно-расходных книгах в записях о покупке меди указываются покупки от 2—3 (таких записей большинство) до 160 пудов меди. Основную массу продавцов меди составляли посадские торговые люди. Крупным купцом был посадский человек псковитин Ананья Меньшиков, продавший 25 сентября 1658 г. на Псковский двор 160 пудов 70 гривен меди. Он торговал медью с 1655 г., «как завелся во Пскове денежный двор» ездил за медью в Ригу, Колывань, Ругодив, ездил сам и «приказчиков своих посылал»²⁶. Среди продавцов меди здесь несколько раз встречается фамилия и псковского стрельца Нефедка Калачника, который продал в 1658 г. 2 пуда 24 гривенки меди; он же продавал на денежный двор пеньку. В 1663 г. он купил в Риге 10 берковцев меди для денежного двора²⁷. Много меди — 56 пудов 37 гривенок — продал в 1658 г. на Псковский двор посадский человек Анкидин Алексеев. Среди продавцов меди упоминаются и иногородцы: Василий Челищев из Торопца, продавший 10 пудов 38 гривенок, Максим Ушаков из Пустозера, продавший 9 пудов 9 гривенок, Василий Юлферов из Ростова, продавший 14 пудов 18 гривенок, Семен Худеяров из Ярославля, продавший 100 пудов меди. Медь продавали иногда и случайные люди, неторговцы, например солдаты, приказной избы сторож Филька Хрисанфов, сокольничий воеводы князь Тимофей Иванович Щербаков, который продал на денежный двор 1 пуд 36 гривенок меди.

Денежный двор старался регулировать покупку меди. Закупали медь иногда сами целовальники денежного двора, но, очевидно, только в пределах России. За границу ездили купцы, «подрядчики» денежного двора: «Как зачался во Пскове Денежный двор, из Денежного двора от верных голов целовальников за свейской неметцкой рубеж в города медь купить на Псковский денежный двор не посылан никто, а подряжа-

²⁴ ЦГАДА, Разрядный приказ, Безгласный стол, стб. 80, л. 88.

²⁵ ААЭ, т. IV, стр. 179, № 131.

²⁶ Русско-шведские экономические отношения в XVII в. Сборник документов. М.—Л., 1960, № 165, стр. 250.

²⁷ Там же, стр. 251.

лись де на поупку тое меди на Денежный двор... псковичи торговые люди... и та медь поупана на Денежный двор у них, посадских людей»²⁸.

В сентябре 1663 г. в Псковской съезжей избе был проведен опрос всех «подрядчиков» с целью выяснить условия торговли медью со Швецией. Были опрошены 24 человека: 8 псковичей, 12 ивангородцев, 3 пещера и 1 новгородец. Большинство «подрядчиков» указывают 1663 г. как время их торговых операций: лишь один Ананья Меньшиков начал ездить за медью за границу с 1655 г.²⁹ Очевидно, штат «подрядчиков» денежного двора не был постоянным.

О порядке «подряда» сообщает запись в псковских приходно-расходных книгах: Семену Худеярову было выдано «вперед на медную поупку» 600 рублей. Он должен был поставить «по договору за те деньги медь по последнему зимнему пути в нынешнем 167 году дощатую и шкилевую по шти рублей, а горелую по пяти рублей с полтиною пуд. И тое медь Семен Худеяров отдал на денежный двор дощатые 100 пуд против договору сполна»³⁰.

Кроме «подрядчиков» и целовальников снабжали денежный двор медью и продавцы меди, не связанные с двором специальным договором. Не случайно в книгах Псковского двора при перечне поставщиков меди лишь об одном из них — ярославце Семене Худеярове сообщается как о «подрядчике». Очевидно, денежный двор скупал медь у всякого, кто продавал ее; но регулярное поступление меди на денежный двор должны были обеспечивать подрядчики.

О поупке меди на Новгородском денежном дворе подробных сведений не имеется. Однако в деле головы Василия Никифорова, изложенном выше, есть ряд деталей, позволяющих считать, что порядок приобретения меди в Новгороде был таким же, как и в Пскове. В донесении Зузина указывается также, что на Новгородский денежный двор «подряжались многие торговые люди наугородцы» для «медной поупки».

Главными центрами медной торговли в документах называются Рига, Ругодив, Колывань, Выборг, Псков, Новгород. Основным поставщиком меди на русский рынок была Швеция. Русско-шведская торговля медью осложнялась установлением в 1655—1656 гг. королевской монополии на торговлю медью. «Уставная» цена на медь значительно превышала среднюю рыночную цену меди — 100—110 ефимков за берковец, в то время как «на стороне» медь стоила 65—90 ефимков за берковец. Но поупка меди помимо королевской казны, «тайным образом», без получения специальных грамот на вывоз меди за границу, каралась конфискацией всех товаров купца. «Подрядчики» Псковского денежного двора жаловались в сентябре 1663 г. в Псковской съезжей избе на затруднения, на многократную конфискацию у них шведскими чиновниками купленной «тайным образом» меди³¹. Во время русско-шведских переговоров в марте 1661 г. русские купцы жаловались на то, что у многих из них в Риге, Колывани и Ругодиге «поупная медь отымана насильством и иные товары иманы на Свейскую корону»³².

Медь у иностранных купцов поупалась на серебряные деньги. Очевидно, и денежный двор платил за медь серебром. Названная в документах цена за пуд меди — 6 рублей, несомненно, указана в серебряных копейках. На медные деньги пуд меди стоил 7 рублей 50 копеек. На Новгородский денежный двор в 1659—1660 гг. подряжались

²⁸ Там же, стр. 249.

²⁹ Там же, № 165, стр. 250.

³⁰ Архив ЦОКМ, № 298/49, л. 479.

³¹ Русско-шведские экономические отношения в XVII в., № 165, стр. 249—251.

³² Русско-шведские экономические отношения в XVII в., № 135, стр. 196.

торговые люди новгородцы и «просили по семи рублей медными деньгами»³³. Но, вероятно, покупка меди на медные деньги не могла быть широко распространена, так как ими нельзя было пользоваться при торговле с иностранцами.

Для снабжения всех пяти денежных дворов требовалось огромное количество меди; покупка меди за границей очень интенсивно поглощала запас серебра. «Царского величества подданные» посылались в страны Европы с товарами и с казной «для ефимочной покупки», но торговля эта была сопряжена с большими трудностями. Во время переговоров в октябре 1662 г. в Посольском приказе по вопросу русско-шведской торговли русское правительство предъявляло претензии Швеции в том, что королевские чиновники «ефимков де и золотых царского величества торговым и иным людям вывозить не дадут, а только де дают царского величества торговым людям, чем бы им до рубежа в провозех и в харчах доехать»³⁴.

Чтобы избежать утечки серебра за пределы страны, русское правительство поощряло в торговле медью натуральный обмен. А. Л. Ордин-Нащокин в одном из своих посланий в Приказ тайных дел широко развивал эту идею³⁵. Он предлагал получать у иностранных купцов медь в обмен на лен и пеньку — товары, пользующиеся большим спросом на внешнем рынке. Медные деньги Ордин-Нащокин считал нужным использовать для покупки льна и пеньки в пределах России. В качестве примера неудачной торговой сделки он приводил операцию новгородских целовальников, которые купили 1000 пудов меди на серебряные деньги, по 6 рублей за пуд. Если бы, по его подсчету, истраченные новгородцами 6000 серебром перевести на медные деньги, «по чему в порубежных городах выменивают серебряные деньги на медные», и полученные медные деньги использовать на покупку льна и пеньки, которые затем обменять за границей на медь, то получилась бы тройная прибыль по сравнению с новгородской покупкой.

Некоторые купцы действительно меняли медь на товар. В 1658—1659 гг. псковский торговец-скупщик Алексей Балаксин менял свои товары на шведскую медь, которую он затем продавал в Псков на денежный двор³⁶. Так же поступали ивангородские купцы: Иван Сергеев в 1660 г. в Колывани выменял за свои товары 6 берковцев меди, Филька Шаверов купил в Колывани меди 3 берковца, «а менял на товар», Никита Шелковников в Выборге также выменял на свой товар 10 берковцев меди. Купец Ивашко Выморский из Печер по подряду с Псковским денежным двором выменял на гостином дворе в Пскове медь за товар³⁷. В бытность свою воеводой в Куkenойсе в 1660 г. Ордин-Нащокин также менял товары на медь по поручению правительства «купить медь у торговых и у всяких чинов свейских людей, сколько добыть мочно, ценою не в передачу». Ордин-Нащокин купил в Пскове «повольною ценою» лен и пеньку, другую часть меди он собрал «по роскладу» с крестьян дворцовых сел «в Лифлянтех». Купленные и собранные лен и пенька были проданы в Риге, а на вырученные деньги куплена медь. Несколько месяцев спустя Ордин-Нащокин покупает в Пскове на медные деньги 900 берковцев льну и пеньки; часть товара он продает за ефимки, часть непосредственно обменивает на медь, для «прибыли на государевы денежные дворы»³⁸.

³³ ЦГАДА, Разрядный приказ, Безгласный стол, стб. 80, л. 86.

³⁴ Русско-шведские экономические отношения в XVII в., № 145, стр. 218.

³⁵ Русско-шведские экономические отношения в XVII в., № 134, стр. 194, 195.

³⁶ З. Д. Рухманова. Русско-шведская торговля на Балтике в середине XVII в. — Скандинавский сборник, т. II. Таллин, 1957, стр. 53.

³⁷ Русско-шведские экономические отношения в XVII в., № 165—166.

³⁸ Русско-шведские экономические отношения в XVII в., № 134, стр. 194, 195.

В 1660 г. был послан царский указ в пограничные торговые города «новгородцем и псковичем и русских городов на Двине торговым людем», запрещающий торговать «с немцы льном и пенькой..., а торговати б иным всяким русским товаром»³⁹. Эта мера должна была способствовать развитию натурального обмена этих товаров на серебро и медь.

В порядке распределения готовой продукции периферийных денежных дворов наиболее ярко сказались изменения в денежном хозяйстве России середины XVII в. Вместе с исчезновением права свободного заказа исчезает и право денежного двора распределять готовую продукцию без ведома центральных властей. Когда в 1655 г. открывались Псковский и Новгородский денежные дворы, предполагалось, что вся готовая продукция с этих дворов будет посылаться в Москву. В указе от 15 сентября 1655 г., учреждающем открытие этих денежных дворов, сразу определяются взаимоотношения дворов и центральной власти: «А что будет зделано, и те деньги велети б присылать к Москве», т. е. в распоряжение приказа Большой казны. Грамота от 9 июля 1656 г. новгородского воеводы Г. С. Куракина говорит о пересылке денег непосредственно к царю, находившемуся тогда при действующей армии: «Указал ты, великий государь... мелкие медные деньги, которые деланы на Москве и в Великом Новгороде и во Пскове присылать к тебе, великий государь, на стан тотчас, не замешкав... И впредь на Москве и в Великом Новгороде медные мелкие деньги велено делать наспех, днем и ночью, а что будет впредь денег зделано, и те деньги по тому же велено присылать к тебе, великий государь, на стан не замочав. И о том в твои государевы отчины в Великий Новгород и во Псков велено послать твои государевы грамоты»⁴⁰.

Из Новгорода и Пскова отправлялось в Москву огромное количество денег. Псковские приходно-расходные книги сообщают, что 16 января 1659 г. из Пскова в Москву было направлено 36 подвод с медными копейками. 22 марта того же года — 19 подвод, 4 июля 1659 г. — 24 подводы. Среди денег, выданных в 1659 г. из Иноземного приказа, упомянута «государева казна», «что прислана из Великого Новгорода денежного двора с целовальником с Гавриилом Сидоровым, медных денег алтынников и грошевикув и двуденежников четырнадцать тысяч двести шестьдесят один рубль пятнадцать алтын»⁴¹. Если периферийные дворы не отправляли в Москву готовые деньги, то местные воеводы получали из Москвы инструкции об их распределении. Так, в царском указе от 20 апреля 1662 г. в Новгород приказывается воеводе князю Борису Александровичу Репнину «держат в запасе четыреста тысяч рублей, а что сверх тех запасных денег зделовые, те де деньги присылать к великому государю к Москве. И от запасных денег, что велено оставить в Великом Новгороде... сколько доведется великого государя жалованья твою полку ратным людем, которым не дано, дать. А что за тем в остатке будет, и тех денег прислать к великому государю к Москве»⁴².

В другой царской грамоте, датированной декабрем 1661 г., содержится распоряжение о выдаче денег с Новгородского денежного двора на постройку церкви: «И мы, великий государь... велели церковь вознесения Господня и святого чудотворца Саввы Вишерского построить из наших, великого государя, дворцовых новгородских доходов, а чего на то церковное строение и на всякие запасы каменщиком и работником, на поденной корм денег не достанет, и те деньги дати с Нового денежного двора» (имеется в виду Новгородский двор)⁴³.

³⁹ Там же.

⁴⁰ ЦГАДА, Разрядный приказ, Московский стол, стб. 864, л. 173.

⁴¹ Там же, л. 173.

⁴² ЦГАДА, Разрядный приказ, Новгородский стол, стб. 127, л. 207—208.

⁴³ ААЭ, т. IV, стр. 178.

Очевидно, какую-то часть готовой продукции воеводы могли распределять по своему усмотрению. Псковские источники постоянно сообщают о выдаче с денежного двора «на корм» солдатам действующей армии различных сумм — от 3 до 10 000 рублей, «по отписке стольника и воеводы князя Ивана Андреевича Хованского». Большая часть готовой продукции периферийных дворов использовалась для нужд действующей армии, но денежные суммы брались со двора не только на оплату служилых людей. В Псковских книгах за 1656 г. есть запись, где говорится о выдаче с денежного двора по приказу воеводы князя И. А. Хованского «в четвертные расходы» 3000 рублей.

Псковский и Новгородский денежные дворы финансировались из четвертных доходов. Записи в приходно-расходных книгах псковских четвертных доходов и расходов не оставляют в этом никаких сомнений. Вряд ли Новгородский двор мог быть исключением из этого правила, хотя новгородские источники прямо об этом не говорят. Из четвертных доходов голова денежного двора регулярно получал определенные суммы для оплаты работников, на мелкие расходы. Подрядчики денежного двора из четверти же снабжались серебряными деньгами для покупки сырья. Какие-то суммы, как мы видели, иногда поступали с денежных дворов в четвертные доходы по распоряжению воеводы.

* * *

Денежные дворы в Пскове и Новгороде в середине XVII в. были очень сходны по своей организации, отличаясь друг от друга только по масштабам. Псковский денежный двор в годы реформы производил больше продукции, чем все остальные дворы, вместе взятые. Об этом наглядно свидетельствует огромное количество псковских медных копеек в наших музейных собраниях. Напротив, Новгородский денежный двор давал очень небольшое количество продукции. Очевидно, здесь сказывалось состояние города, так и не оправившегося к середине XVII в. после шведского разорения. Повальное воровство и бесконтрольность мастеров и администрации Новгородского двора, которые, по словам Зузина, «похотели воровски твой государев денежный двор поставить без дела», также, вероятно, способствовали захуданию двора.

В организации работы периферийных денежных дворов в Пскове и Новгороде нашли отражение новые черты, определившиеся в русском денежном хозяйстве к середине XVII в.: максимальное подчинение денежных дворов центральной власти, монопольное право правительства обеспечивать сырьем денежные дворы, чеканить монеты и распоряжаться готовой продукцией. Сам факт открытия периферийных денежных дворов после 30-летнего перерыва отнюдь не свидетельствует об отступлении правительства от проводимой им политики централизации денежного дела. Это было только временной мерой, вызванной необходимостью выпустить как можно больше обесцененной монеты, для того чтобы правительство смогло выйти из финансовых затруднений.

И. Г. СПАСКИЙ

НУМИЗМАТИКА В ЭРМИТАЖЕ

Очерк истории Минцкабинета — Отдела нумизматики

Для многих тысяч посетителей Эрмитажа, знакомящихся с ним в выставочных залах, значительная и даже наиболее крупная по объему хранения часть нашего музея — Отдел нумизматики — мало заметна. Его собственные выставки занимают только галерею длиной в 100 м и один большой зал в третьем этаже Зимнего дворца; немногие витрины с монетами и медалями встречаются на больших комплексных выставках других отделов. Все это, разумеется, не дает никакого представления о поразительном богатстве нумизматических фондов Эрмитажа, составляющих почти половину всего, что хранится в нем.

Историки, нумизматы и археологи всего мира хорошо знают об этой нумизматической сокровищнице СССР, но и для них содержание нумизматического собрания все еще остается малоизвестным, так как до настоящего времени в печатных каталогах отражена лишь ничтожная часть его богатейших коллекций.

Мы рассчитываем, что наша работа окажется полезной не только как очерк истории старейшего нумизматического хранилища страны, объединившего в себе сотни известных в прошлом собраний, но и как краткий указатель его нынешних коллекций — своего рода исторический путеводитель по фондам и проспект будущего большого эрмитажного каталога.

В отделе нумизматики Эрмитажа хранятся богатые коллекции медалей, орденов, всевозможных знаков и значков, жетонов, печатей и т. п. Но главное, что создает мировую славу нумизматическому собранию Эрмитажа, — это, конечно, его коллекции монет. О них главным образом и пойдет речь в этой работе.

Вполне понятно, что кто-то, как принято говорить, собрал эти сотни тысяч различных монет всего мира, от самых древних до новейших. Но каково в данном случае совершенно конкретное значение этого слова? Допустим, многие монеты последних двух столетий могли попасть в Эрмитаж даже вскоре после их выпуска. Но кто, где, когда и как собирал для нас гораздо более старые монеты — тех далеких времен, когда ни музеев, ни коллекционеров монет и в помине не было?

У монет есть свой срок «действительной службы» — от очень короткого до ста с лишним лет. После него они перестают быть деньгами, но не теряют материальной ценности — даже медь, не говоря уж о золоте или серебре, — как драгоценное сырье для новых монет или для ювелирного ремесла. А между тем подбор монет самой глубокой древности в хороших музеях ничуть не уступает по полноте и разнообразию коллекциям современных монет, поступающих теперь во многие музеи прямо с монетных дворов. Что же спасло большое количество древних

Рис. 1. Юбилейная медаль Эрмитажа.
Медальер А. Кнорре

Но именно такие «невыребованные», никому не ведомые клады разных эпох, оставшись на века (или навсегда!) в своих тайниках, и составляют тот фонд старинных и древних монет, на который может претендовать нумизматика. Только редкостный, безумно счастливый случай способен время от времени обнаруживать такие сокровища древних неудачников. Казалось бы, на что уж тут рассчитывать? А между тем клады открываются и открываются из года в год, и ни случайные находки когда-то потерянных монет, ни довольно скудная пока нумизматическая добыча археологов при раскопках древних городищ или могил не составляют и тысячной доли дошедших до нас древних денег. Совершенно невозможно представить, какой огромный запас кладов все еще остается в земле — для будущих находок.

В наш век мощной землеройной техники, несомненно, значительно больше, чем в предшествующие века, потревоженных древних сокровищ остается незамеченным и уходит в отвалы; даже газетная хроника уже не раз отмечала случаи, когда вывезенные с землей или строительным мусором монеты счастливо открывались буквально в последний момент.

Нумизматика несомненно несет пока что немалые потери, и никуда от этого не уйдешь; но и копают теперь, и пахут не в пример больше и глубже, чем когда-то, а главное — выше и глубже стала культура народных масс, поэтому улучшается и постановка информации о находках.

Американские нумизматические журналы недавно начали рекламировать как новинку электронной техники кладоискатель: купите — и вам откроются все сокровища мира! Похоже, что это изобретение пока обогащает только предпринимателя; но прибор, который действительно помог бы нумизмату или археологу быстро обследовать отводимую под разработку территорию, можно себе представить.

Любительское собирание монет началось с наиболее древних. Поражавшие своей необычностью античные монеты из кладов Италии заинтересовали когда-то первых коллекционеров эпохи Возрождения. Потом стали собирать уже и более поздние, иностранные и отечественные, а там обратились и к новейшим, уже как только они появились, — на правах будущих древностей. Постепенно установившийся и непрерывно возрастающий спрос превратил в конце концов старинные монеты в товар, ценный дороже их металла: уничтожать их по-прежнему стало нелепо — порою даже ничтожный медяк оказывался дороже золота.

драгоценных монет от вполне разумного и оправданного для своего времени уничтожения?

Значительные массы монет всех видов с самых древних времен с поразительной регулярностью «дезертировали» из денежного обращения своего времени и затаивались в виде сокровищ-кладов. Каждый раз это были то «лишние», в данный момент не нужные деньги, то деньги, которым временно могла угрожать какая-то опасность, но они всегда тайно припрятывались владельцем в твердом расчете на близкое будущее. Бесчисленное множество таких кладов, несомненно, исправнейшим образом возвращалось к владельцам, и сам опыт как будто подтверждал высокую надежность такого хранения.

Сложился нынешний мировой рынок антикварной монеты с его сетью специальных фирм, охватившей весь мир, международными аукционами, каталогами-ценниками, фальсификаторами древностей и их разоблачителями-экспертами...

Зародившись задолго до появления первых общественных музеев, любительское собирательство сослужило совершенно неоценимую службу исторической науке, спасая от гибели сотни тысяч нечаянно переживших свое время монет, драгоценных памятников прошлого, сохраненных кладами. В течение двух-трех последних столетий на основе накопленного собирателями векового опыта и не без влияния со стороны антикварного рынка возникла и получила быстрое развитие особая наука о монетах — нумизматика. Наиболее широко она занимается теперь историей денежного обращения, но монеты по-прежнему дают неисчерпаемый материал и для политической истории, и для истории культуры и искусства, заняв место среди наиболее достоверных источников исторического познания. Если для коллекционера составление возможно более полной коллекции представлялось высшей, конечной целью, то для науки весь многомиллионный фонд монет, хранящихся в виде государственных и частных коллекций во всем мире, при нынешнем развитии информации служит орудием, средством познания.

Только когда наука взяла нумизматику в свои руки, был разгадан главный, замечательный «секрет» кладов, которые очень долго рассматривались только как источник для формирования и пополнения коллекций и поэтому безжалостно разрушались без сколько-нибудь удовлетворительной фиксации их состава. В настоящее время сравнительное изучение состава кладов стало самым перспективным и увлекательным направлением в нумизматике. Дело в том, что именно клады до предела упрощают и даже гарантируют составление полной мировой коллекции всех когда-либо существовавших монет и основанную на фактах, а не на догадках и домыслах их систематизацию.

Монетный состав денежного обращения проходит как бы через определенные циклы; он сменяется полностью только в результате реформ или, если обращение происходит за пределами выпустившего монеты государства, по-своему реагирует на такие смены. А между реформами происходит длительное увеличение массы однородных монет в обращении. Поэтому даже один клад, зарытый в самом конце такого цикла, может содержать фактически полный набор всех его монет в данном металле (смешанные клады очень редки). Точно так же и клады, зарытые на стыке циклов, дают надежные ориентиры для построения коллекции, а повторные находки кладов подтверждают и уточняют выводы изучения.

Очень часто любительские коллекции не переживают своих создателей, распадаются, и их монеты снова и снова идут из рук в руки... А в таком «обращении» бывают и немалые потери. Многие собиратели приходили к убеждению, что только музей способен сохранить вложенные ими в собирание труд, заботу и любовь. Самые прославленные, поражающие своей полнотой собрания монет в музеях сложились в основном из огромного количества выдающихся и скромных, больших и маленьких коллекций. Таково и несравненное нумизматическое собрание Эрмитажа.

Переход ведущей роли в нумизматике к музеям и науке, на которую они опираются, не уменьшил число друзей и почитателей нумизматики. Множество людей во всем мире продолжают с увлечением заниматься своими коллекциями, приобщаясь через них к дыханию истории и находя в работе с ними удовлетворение и радость. Нельзя сказать, что у сегодняшних любителей и музеев никогда не возникало взаимные претензии и обиды — иногда вполне основательные, а иногда и рожденные недомыслием. Но те и другие понимают главное: насколько должна

Я. В. Брюс. Гравюра XVIII в.

Х. Д. Френ. Литография

быть прочной их связь и как полезны они могут быть друг для друга.

Металлическая монета едва ли не во всех языках своим названием помогла сконструировать обозначение для понятия «деньги». Только монеты были деньгами, пока не появился у них коварный попутчик — бумажные деньги. Наметившийся после первой мировой войны упадок значения монеты из драгоценных металлов в денежном обращении не был временным явлением. После второй мировой войны стало очевидным, что не только «золотой век», но и «серебряный» для денег кончился. Почти все государства мира отказались от ценных металлов в обращении; даже больше других упорствовавшие США недавно расстались с серебром и заменили его «сендвичами» — плакированной медью. Если кое-где и появляются скромные тиражи серебра или золота, то это либо своеобразные «поминки» по прошлому, либо чисто коммерческое начинание, игнорирующее выставленный на кружках номинал. В обращении работают монеты, выделываемые из самых дешевых сплавов и металлов, да и нужны они лишь в сфере городского транспорта и самой мелочной, в частности автоматизированной, торговли и размена. Это не деньги, а только знаки денег.

Когда-то полноводная река монетного дела, оставившая для нумизматики такие мощные отложения старинной и древней монеты, иссякла и превратилась в слабый ручеек. У монет наших дней, несомненно, блестящее будущее, и они на славу поработают в музейных экспозициях: в самом деле, сколько предстоит показывать первых монет и сколько последних! Но у науки с ними будет немного работы: ее основной материал в прошлом.

До возникновения Эрмитажа роль главной нумизматической сокровищницы в нашей стране принадлежала Минцкабинету Кунсткамеры Академии наук. Окончательное освоение коллекций монет и медалей бывшего академического собрания завершилось Эрмитажем только сравнительно недавно. Очерку истории эрми-

тажного собрания вполне уместно предпослать краткие сведения о его предшественнике¹.

Минцкабинет Кунсткамеры возник на основе личной коллекции одного из первых известных нам русских нумизматов-любителей — Петра I. Он начал собирать старинные монеты еще юношей в Москве. Для его петербургского «кабинета» была приобретена первая крупная коллекция иностранного происхождения — античные монеты гамбургского «Люддерсова кабинета», купленные за 500 ефимков (талеров) в 1717 г. (После смерти Петра, в 1738 г., для Кунсткамеры купили и остальные монеты этого собрания вместе с каталогом). В архиве Академии наук сохранились описи поступлений первых лет; в них имеются сведения и о кладах, которые присылались из разных концов страны. В течение многих лет за Кунсткамерой законодательно было закреплено право на получение кладов — по крайней мере находимых на казенных землях.

В течение первых десятилетий своего существования Кунсткамера купила, получила в дар по завещанию, приобрела в порядке конфискации многие сложившиеся в конце XVII и начале XVIII в. замечательные для своего времени коллекции Москвы и Петербурга: боярина, воеводы и губернатора смоленского и казанского П. С. Салтыкова (умер около 1719 г.), генерал-фельдцейхмейстера Я. В. Брюса (1670—1735), который собирал восточные и русские монеты, купца-заводчика П. В. Меллера (умер в 1748 г.), попавших в опалу графа А. И. Остермана (1686—1747), составившего богатую коллекцию русских монет с подробным каталогом и первую в России коллекцию китайских монет, и П. И. Мусина-Пушкина (?—1742) и многие другие.

В основе таких поступлений за немногими исключениями лежали монеты из находок на территории России — в наибольшем количестве монеты русские начиная с XIV в., а также римские, сасанидские и кувшинские, татарские, средневековые и позднейшие западноевропейские. Но известно, что Я. В. Брюс приобретал отдельные редкости своего собрания и за границей. Благодаря сохранившимся старым каталогам Кунсткамеры в собраниях Эрмитажа могут быть опознаны некоторые монеты, коллекционная связь которых с именами их прежних владельцев прослеживается от конца XVII в.

Довольно регулярно поступали в Кунсткамеру образцы текущей русской чеканки, в особенности Петербургского монетного двора — с того

А. И. Остерман. Медаль И. К. Гедлингера

П. К. Сухтелен. Медаль Э. Лундгрена

¹ См. И. Г. Спасский. Очерки по истории русской нумизматики. — Нумизматический сборник (ТГИМ, вып. XXV). М., 1955.

времени, как его руководителем стал И. А. Шлаттер (1708—1768). Но не следует думать, что с этого времени можно было не заботиться о новейших монетах: Монетный двор, отослав, скажем, рубленик 1735 г., считал свою миссию выполненной, но стараниями множества коллекционеров собиралась серия из нескольких десятков интересных разновидностей, чеканенных разными штемпелями и гуртильными кольцами.

Во время пожара 1747 г. нумизматическая коллекция была вынесена из горящего здания Кунсткамеры солдатами и сохранена. Тем не менее впоследствии на этот пожар был свален ущерб, нанесенный ей советником канцелярии Академии наук И. Л. Таубертом. Раздаренные им многие редкие монеты были увезены за границу.

Кунсткамера была первым очагом научных нумизматических исследований в России. В 1745 г. опубликован на латинском языке ее первый каталог, составленный Г. Я. Кером и Х. Крузиусом². Особенно ценный труд, вдохновленный М. В. Ломоносовым, был выполнен его помощником в исследованиях по русской истории, хранителем академической русской коллекции А. И. Богдановым, который разработал основы научной классификации монет XIV—XVI вв., установив основные центры чеканки русских феодальных княжеств. Списки «богдановского» каталога русской коллекции Кунсткамеры на несколько десятилетий стали руководством для ученых и для любителей, пока А. Д. Чертков на основе этого труда не создал свое известное руководство³.

Академический Минцкабинет долго сосуществовал с эрмитажным собранием, постепенно уступая ему первенство, особенно после того, как началось оказавшееся в итоге весьма плодотворным для науки дробление на самостоятельные части единого ранее собрания Академии. В 1818 г. восточные монеты перешли к возглавленному крупнейшим ориенталистом Х. Д. Френем Азиатскому музею. При Френе и его преемнике с 1842 г. Б. А. Дорне восточная коллекция интенсивно и целеустремленно пополнялась. Этому способствовали специальные нумизматические поездки Дорна, П. И. Лерха и других специалистов в Персию, на Кавказ, в Бухару, появление первых монет из раскопок, начало собирания грузинских и армянских монет, приобретение коллекции собрания известного ориенталиста Н. В. Ханыкова (1822—1878) и т. д.

Составленный Френем каталог мусульманских монет был продолжен Дорном, а на смену остермановскому каталогу китайских монет, к сожалению до настоящего времени не отысканному, пришел новый научный каталог, составленный С. И. де Шодуаром (1790—1858). В 1864 г. в коллекции Азиатского музея было уже больше 22 тыс. монет, преимущественно мусульманских государств⁴, а в 1930 и 1931 гг. огромная 38-тысячная коллекция перешла к Эрмитажу, который тем временем успел составить и собственную богатую коллекцию восточных монет.

В 1894 г. вся нумизматическая коллекция — около 35 тыс. монет — упраздненного академического Музея древнеклассической археологии перешла к Эрмитажу⁵. Наиболее солидной составной частью этого собрания была принесенная в дар Академии наук в 1823 г. богатейшая античная коллекция генерала П. П. Сухтелена (1788—1833), составление

² *Musei Imperialis Petropolitani*, vol. II, partes 2, 3. СПб., 1745.

³ А. Д. Чертков. Описание древних русских монет. М., 1834.

⁴ В. Дорн. *Das Asiatische Museum der Kaiserlicher Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg*. СПб., 1846; Акад. Б. Дорн. Азиатский музей. — ЗАН, т. V, 1864; Т. В. Станюкович. Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.—Л., 1953; Азиатский музей Российской академии наук. 1818—1918. Краткая памятка. Пг., 1920.

⁵ А. И. Гримм. Минцкабинет. — ЗАН, т. V, 1864.

Генерал П. П. Сухтелен.
Литография 1824 г.

которой начал еще в XVIII в. его отец граф П. К. Сухтелен (1751—1836)⁶. Начиная с середины XIX в. уже непосредственно из Кунсткамеры в Эрмитаж передавались отдельные части оставшегося в ней академического собрания.

Слияние коллекций Кунсткамеры и Эрмитажа сделало отдел нумизматики наследником и продолжателем собирательских, научных и просветительских традиций старейшего русского государственного нумизматического собрания. Многие хранители академических коллекций одновременно работали в Эрмитаже или привлекались, подобно Х. Д. Френу, для научной обработки его коллекций.

В XVII—XVIII вв. в «высшем обществе» считалось признаком утонченной образованности иметь в библиотеке бюсты древних философов и «кабинет медалей» — особое помещение или хотя бы шкаф с древними монетами, медалями, геммами и т. п. Позже эта мода незаметно исчезла, но и до наших дней некоторые национальные книгохранилища включают в свой состав «кабинеты медалей», давно переросшие в крупнейшие собрания, национальные нумизматические сокровищницы, например в Париже и Брюсселе.

Таким был и управляемый библиотекарями Академии наук ее Минцкабинет; так возник некогда и при библиотеке Эрмитажа ее поначалу скромный Минцкабинет. Зависимость его от библиотеки сводилась к тому, что его хранители принадлежали к персоналу библиотеки и совмещали библиотечную работу с занятиями в Минцкабинете или работая только в нем, назывались библиотекарями.

⁶ А. Н. Норцов. Архив графов Канкриных-Ламберт-Сухтелен. Тамбов, 1910, стр. 25—54. Указание автора названного труда, что нумизматическая коллекция П. К. Сухтелена была приобретена Эрмитажем, неверно. В действительности в Эрмитаж поступила только его библиотека. См. также: *Voyage de deux Françaises... fait en 1790—1792*, t. III. Paris, 1796, p. 115 (описание коллекции П. К. Сухтелена). Это была универсальная коллекция, включавшая и хорошее русское собрание. Перенеся свои интересы на одни античные монеты, П. П. Сухтелен использовал другие разделы коллекции для обменов. Каталог античной коллекции П. П. Сухтелена хранится в Эрмитаже.

Академик П. Паллас. Гравюра Ф. Крюгера

В наше время, говоря о дворянском этапе русской историографии, забывают о том, что интерес Екатерины II к русской истории носил серьезный характер и выразился в ее довольно обширных исторических трудах. Проявляла она некоторый интерес и к нумизматике, главным образом в историко-иллюстративном плане.

Может вызвать улыбку сохранившаяся запись о происходившей «при волосочесании» беседе на нумизматические темы⁷, однако один из интереснейших кладов серебряных русских слитков XIII в. появился в эрмитажной коллекции при Екатерине⁸ и, вероятно, только потому, что рязанский губернатор был осведомлен об увлечении царицы русскими древностями.

В конце 80-х годов XVIII в. в Эрмитаже хранилось уже немало монет из русских, восточных и, по всей вероятности, средневековых западноевропейских находок и кладов⁹. В сохранившейся старейшей описи западноевропейских монет они записаны тремя группами, каждый раз с собственной нумерацией¹⁰. Состав групп позволяет предположить лежащие в их основе клады, а между тем с 1804 по 1840-е годы ни один клад западных монет в Эрмитаж не поступал.

⁷ Дневник А. В. Храповицкого с 18 января 1782 г. по 17 сентября 1793 г. М., 1901, стр. 223.

⁸ М. П. Сотникова. Рязанский клад литовских серебряных слитков в собрании Эрмитажа. — СГЭ, XII, 1957, стр. 15.

⁹ И. Г. Георги. Описание столичного города Санкт-Петербурга, ч. II. СПб., 1794 (первое издание на немецком языке — 1790 г.), стр. 512.

¹⁰ АГЭ, оп. I, 1840, № 11.

Первые хронологические вехи в истории нумизматики в Эрмитаже — покупка Екатериной II в 1771 г. минцкабинета капитана кавалергардов М. К. Бремзена за 1000 рублей¹¹, доставка в Петербург из Ливорно в 1775 г. антиков, среди которых находились «разные медалионы и древние монеты числом 474»¹², и поступление в 1784 г. «кабинета» А. Д. Ланского вместе с его библиотекой¹³. В 1786 г. был приобретен за 20 тыс. рублей «кабинет натуральной истории и нумизматики» академика П. Палласа (1741—1811)¹⁴; известно, что только годом ранее Паллас занимался западноевропейскими средневековыми монетами клада, найденного в Псковской губернии¹⁵.

В целом в первые годы существования Эрмитажа шло еще только довольно хаотическое накопление нумизматического материала. Вероятно, из-за того что музейная документация носила в то время случайный характер, мы не имеем никаких указаний относительно состава первых поступлений, которые даже и хранились довольно долго вне Эрмитажа. Так, в 1787 г. секретарь Екатерины А. В. Храповицкий записал в дневнике: «Привез из Мраморного дома все медали в Эрмитаж, и приказано, чтобы дал в них расписку»¹⁶; годом позже он отметил поднесение им императрице семи римских «медалей»¹⁷. Медальми назывались тогда и монеты.

Один из свидетелей рождения Эрмитажа, А. А. Нартов, датировал «заложение Картинной галереи в императорском дворце в Санктпетербурге» 1767 г.¹⁸ (Принятая ныне дата — год доставки в Зимний дворец купленной в Берлине крупной коллекции картин Гоцковского¹⁹.) Так же условен и «день рождения» Минцкабинета. Во всяком случае, важным рубежом в его истории следует признать начало систематической хранительской работы над каталогами.

Еще в 1773 г. начал работать в Эрмитаже в должности младшего библиотекаря А. И. Лужков, на которого и было возложено попечение о нумизматической коллекции и о собрании резных камней²⁰. В 1789 г. Екатерина приказала «принять» Лужкова в Академию наук — «за тщание... в разборе антиков и медалей» и увеличить ему жалованье²¹; к этому же времени относится и упоминание о Лужкове в письме великой княгини Марии Федоровны (22 сентября 1789 г.): он работает над каталогом «весьма старательно, что делает ему честь» (рис. 2)²². В том же

¹¹ Запись в архиве А. А. Ильина (Эрмитаж); С. Панчупдзе в. Сборник биографий кавалергардов 1762—1801 гг. СПб., 1904, стр. 71.

¹² ЦГАДА, Гос. Архив, разр. XVII, д. 279, л. 3, 4, донесение М. Мордвинова об антиках, привезенных из Ливорно. Сообщение В. Ф. Левинсон-Лессинга.

¹³ О. Э. Вольценбург. Библиотека Эрмитажа, Л., 1940, стр. 13.

¹⁴ Дневник Храповицкого..., стр. 357; П. Свиньин. Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей, кн. IV. СПб., 1821, стр. 18.

¹⁵ И. Г. Спасский. Очерки..., стр. 66, 67.

¹⁶ Дневник Храповицкого..., стр. 30. Из датированного 1 января 1788 г. письма Екатерины II к Н. Б. Юсупову следует, что незадолго до того «на каком-то чердаке» было найдено около 15 000 старинных монет, но неизвестно, пригодились ли они для эрмитажной коллекции (см. О роде князей Юсуповых, ч. II. СПб., 1867, стр. 242).

¹⁷ Дневник Храповицкого..., стр. 101.

¹⁸ Е. С. Щукина. Медальерное искусство в России XVIII в. Л., 1962, стр. 80.

¹⁹ Эрмитаж за 200 лет. 1764—1964. Л., 1966, стр. 3.

²⁰ С. А. Гамалов-Чураев. Александр Иванович Лужков, библиотекарь и хранитель Эрмитажа. — Библиологический сборник, т. II, вып. 1. Пг., 1916; в ЦГИАЛ имеется только карточка на дело о службе Лужкова; она называет годом начала его службы 1773, а не 1772 (как у Гамалова-Чураева). Ф. Кабинет с. в., оп. 318, Московское отделение, 15 2639 (1773): Об определении на службу А. И. Лужкова и об увольнении от таковой; см. также: Записки А. М. Тургенева. — Русская старина, т. 52, 1886, стр. 67. Он приблизительно называет 1811 или 1812 г. как год смерти Лужкова, имя которого не запомнил.

²¹ Дневник Храповицкого..., стр. 179.

²² Сб. РИО, т. 15, 1875, стр. 162.

Catal. Nov.			Catal. vet.			
Quant.	Monna.	Monna.	Quant.	Monna.	Monna.	Monna.
				<i>Consularis ex Argent.</i>		
				<i>A. B. V. R. I. T.</i>		
1				Caput Roma. Quingua accor- gante sole s. A. S. Roma		
				<i>A. C. L. I. T.</i>		
2				Salus sca. S. H. V. S. S. figura muliebris stans cum torquen- te M. A. C. L. I. T. III VIR. MICE		
4				Caput salutis. us-figura muliebris stans in istra columnae in proflam hedi dextra perpendiculari tenet M. A. C. L. I. T. III VIR. VAL. E. S.		
5				Numus eadem ferramineas		
6				Idem Numus.		
				<i>A. C. L. I. T. ALII</i>		
7				Caput muliebre. B. A. L. O. S. I. P. I. A. cornuorum C. ALII		
				<i>A. C. M. I. L. I. T.</i>		
				<i>SCAURE</i>		
8				Supplex cum camelo infra R. E. T. A. R. I. T. A. S. I. P. I. A. A. E. D. C. V. R. ad utramq. latitudi- s. C. = Currus triumphalis supra M. V. P. S. A. C. A. E. C. V. R. infra cos? (s. Auguribus) ad latitud. C. A. P. I. V.		
9				Idem Numus integrum et aliud monetae.		
				<i>A. C. M. I. L. I. T.</i>		
10				Caput cum veteta CONCORDIA P. A. L. L. I.		

Рис. 2. Опись античных монет, составленная А. И. Лужковым

году по желанию царицы на Монетном дворе изготовили для Эрмитажа коллекцию медалей, отчеканив их разными сохранившимися на нем старыми штемпелями²³, что можно поставить в связь с занятиями Лужкова

²³ Екатерина II нередко заказывала Монетному двору изготовление коллекций медалей ее царствования. Послав в 1763 г. свою коронационную медаль в подарок родному городу — Штеттину, она затем трижды посылала туда золотые медали, в 1788, 1793 и 1796 гг., всего 24 экземпляра. На этом основании Штеттинский магистрат напоминал о себе и преемникам Екатерины и регулярно получал образцы выпускавшихся медалей, всегда в золоте, вплоть до начала царствования Александра II, откликнувшегося на очередное напоминание посылкой медной медали... (Geh. Justizrath Ritzschky. Die Sammlung russischer Denkmünzen in Stettin. — Baltische Studien, B 32. Stettin, 1882, S. 338). В 1781 г. коллекция золотых медалей царствования Екатерины была послана Бюффону (Сб. РИО, т. 23. СПб., 1878, стр. 210, письмо к Ф. М. Гримму).

русской частью коллекции монет: медали в те времена не отделялись в коллекциях от монет и как бы возглавляли годовые группы.

К концу 80-х годов, когда А. И. Лужков еще не успел справиться с русским собранием, относятся записи об осмотре Эрмитажа И. Г. Георги. Перенесенная в построенное Ю. Фельтеном в 1775 г. здание (фасадом к Неве) библиотека царицы, ранее находившаяся в Зимнем дворце, во время посещения Георги помещалась в третьем этаже на галерее Овального зала (на месте нынешней Советской лестницы) и в смежных с нею комнатах; но шкафы-витрины с монетами стояли тогда в парадных залах второго этажа²⁴. В 1795 г. библиотека была перемещена в нижний этаж Эрмитажа, а нумизматическая коллекция еще около десяти лет оставалась на прежнем месте.

Георги отметил, что «собрание российских монет приумножалось и ныне еще приумножается от времени до времени целыми собраниями монет и медалей чужестранных государств и республик, также и естественно собранными, выкопанными или найденными». Далее он указал, что размещенные на выдвижных лотках двух шкафов монеты русской коллекции «еще не все были приведены в порядок и расписаны», почему он остановился лишь на полноте собрания русских медалей²⁵. Еще в двух шкафах лежали древние «монеты иностранных государств» — греческие и римские, которые находились в относительном порядке. Георги обратил внимание на хороший подбор монет римских императоров. Здесь же лежали «татарские, персидские, арабские и других государств, по большей части выкопанные из земли». Еще одну группу — число шкафов не указано — составляли иностранные монеты и медали нового времени²⁶.

В конце 1797 г. А. И. Лужков ушел на покой, и на должность библиотекаря Эрмитажа, хранителя библиотеки, коллекций древностей и Минцкабинета был принят в январе 1798 г. Карл (Егор Егорович) Келер (1765—1837), начавший свою службу в Петербурге только годом ранее. Ставший в 1817 г. ординарным академиком по части греческих и римских древностей, Келер возглавлял Минцкабинет до 1837 г.²⁷

В 1802 г. Александр I поручил музей заботам камергера графа Д. П. Бугурлина (1763—1829). Приступая к упорядочению сильно запущенного хозяйства Эрмитажа, он начал со сбора сведений о составе и состоянии всех коллекций, предложив хранителям представить соответствующие данные. В датируемой 1803 или 1804 г. его докладной записке приведены следующие данные относительно Минцкабинета.

1. Древние медали (т. е. древнегреческие, римские и византийские монеты) — 225 золотых, 1549 серебряных и 2562 бронзовые.

2. Медали (монеты и медали) нового времени — 563 золотые, 3407 серебряных и 434 бронзовые. По-видимому, этот раздел включал и восточные монеты, которые нигде больше не упомянуты.

3. Русские старинные золотые медали — 59. Из сопоставления с другими данными о русских монетах выясняется, что речь идет о золотой чеканке допетровского времени, т. е. о так называемых золотых — монетовидных наградных знаках. Среди них, по всей вероятности, было немало «новоделов» екатерининского времени.

4. Допетровские серебряные монеты — 5794; русские монеты и медали начиная с петровского времени — 208 золотых, 112 серебряных, 152 бронзовые; отдельная коллекция рублей, полтин и четвертаков — 330²⁸.

²⁴ И. Георги. Указ. соч., стр. 437.

²⁵ Там же, стр. 511.

²⁶ Там же, стр. 512, 513.

²⁷ Архив АН СССР, ф. 4, оп. 5, № 18/289-1 (послужной список); Некролог — ЖМНП, 1838, ч. XVII, стр. 224; ч. XIX, стр. 738, 739; 1839 г., ч. XXII, отд. III, стр. 4—8

²⁸ АГЭ, ф. I, оп. 2, 1804, № 13.

Е. Е. Келер. Гравюра

Вероятно, именно тогда, при подготовке наспех сведений для Бутурлина, и были составлены К. Келером две сохранившиеся старейшие инвентарные описи — античных и византийских (с частью листов, писанных еще при Лужкове) и западноевропейских монет (рис. 3).

Таким образом, в 1803—1804 гг. в коллекции Эрмитажа насчитывалось больше 15 тыс. монет и медалей. Фактически их было больше, так как Келер был довольно небрежен в подсчетах и, как удалось выяснить, в некоторых случаях вместо количества монет указывал число номеров инвентарной книги, хотя там под одним номером нередко значилось несколько монет. Возможно, кроме того, что имевшиеся в Эрмитаже дублиеты монет в ведомость не попали, как не значившиеся в инвентаре.

В 1805 г. вошло в силу подготовленное Бутурлиным Положение об Эрмитаже²⁹. Минцкабинет, коллекция резных камней и библиотека при реорганизации вошли в состав I отделения музея. Положение предусматривало увеличение штата сотрудников — хранителей. Келер должен был получить двух: помощника библиотекаря и переписчика каталогов.

1804 год является важнейшей вехой в истории Минцкабинета: им датированы наиболее ранние документы эрмитажного архива, относящиеся к нумизматике. Было положено начало ведению музейного учета — по крайней мере была заведена специальная книга (рис. 4) для регистрации новых поступлений³⁰. Первая запись в ней сделана 9 мая 1804 г.: в Эрмитаж было прислано 20 золотых монет, найденных в г. Пинсье шляхтичем Рыдзевским и поднесенных им государю. В знак «высочайшего благоволения» Рыдзевскому послали перстень, а в книгу записали на французском языке, на котором велась регистрация до 1838 г., только 12 монет, определенных как поздневизантийские.

В течение многих лет в книгу записывали только то, что признавалось нужным для коллекции, а дублиеты должны были регистрироваться особо. Как позволяют судить сохранившиеся позднейшие описи 1840—1850-х годов, дублиеты монет и медалей с ведома управлявшей Эрмитажем При-

²⁹ 1-е Полное собрание законов, 1830, № 21714.

³⁰ АГЭ, ф. 1, оп. 1, 1804, № 5. Копия и все следующие тома книги поступлений — в отделе нумизматики.

		Cofares ex 0		
Naphtali 182	182	basil. s. constant. n. duo Imperatores una orationem tenentes. A. Christy cum Libro 116. X. Rex Romanorum M. p. 117. — ex auro fabulino	1	Табл. 306.
	183	MILITAE DE RE BOTANIC. Imperator cum loro stans Dextra laeviori partem ianicius, S. globum crucigerum tenens A. Christy in sella sedens cum Libro Evangeliorum 116. X Rex Romanorum	1	
Johannes Ludwig 184	184	Imperator cum loro dextra laborans S. globum crucigerum tenens supra capite Dextra ianiciam imperatorem A. Christy in sella sedens, dextra proterens Pletrum Evangeliorum — ten. IC XC — — Jan. 184 p. 184.	1	
	185-88	Quatuor auri. Auri. in Goldm. incognita. —	4	
	89-90	Duo auri incognita Roman. — — —	2	
			319	

Рис. 3. Опись византийских монет, составленная Е. Келером

дворной конторы обменивались на предметы, нужные для коллекций довольно узкому кругу высокопоставленных собирателей. Вероятно, так ушли и дублеты Пинского клада 1804 г. Поскольку в первой книге поступлений (1804—1835) какие-либо пополнения за счет обменов не отмечены, остается невыясненным, какой характер имел этот обмен.

Только недавно путем тщательного анализа всех данных удалось установить, что среди 12 золотых монет, записанных 9 мая 1804 г. как византийские, в Эрмитаж пришли 4 древнейшие русские золотые монеты князя Владимира Святославича Киевского. Уже в 1805 г. они были впервые упомянуты в литературе³¹. А из ликвидированных тогда дублетов этого поступления, по всей вероятности, происходят еще два таких же редчайших златника Владимира: около 1820 г. они были приобретены двумя петербургскими собирателями — Я. Я. Рейхелем и вслед за ним графом Н. П. Румянцевым. Один из них вернулся в Эрмитаж еще в

³¹ Ph. Krug. Zur Munzkunde Russlands. SPb., 1805; Ф. Круг. Критические размышления о древних русских монетах. СПб., 1807.

середине XIX в. с купленной у наследников Рейхеля коллекцией, а второй — в 1931 г., из Академии наук.

Книга поступлений Минцкабинета после 1804 г. не прерывалась и стала своеобразной летописью. Она рассказывает о развернувшемся в первые два-три десятилетия XIX в. соревновании между минцкабинетами Эрмитажа и Кунсткамеры. Последний постепенно утрачивал свое традиционное значение первого национального хранилища. Делавшиеся известными губернаторам и прочим властям монетные находки поступали во все большем количестве в Эрмитаж, минуя Министерство народного просвещения, которое в силу ранее издававшихся распоряжений должно было принимать от разных ведомств монетные находки и передавать их в Академию наук.

На стороне Эрмитажа было и то преимущество, что в 1805 г. он уже располагал определенными ассигнованиями, которые в первые годы имели, впрочем, довольно случайный характер. С 1821 г. по настоянию Келера уже отпускалось ежегодно по 3 тыс. рублей на приобретение, а в особых случаях они делались за счет Придворной конторы. Академия же могла рассчитывать в основном только на добротные приношения. Но и их Эрмитаж привлекал с большей силой: не всегда они были вполне бескорыстными, поскольку даритель мог рассчитывать на какой-либо знак «монаршей милости» — перстень, табакерку, а то и орден. Не все могли позволить себе такую независимость, как боевой генерал Сухтелен, сделавший выбор между императорским музеем и музеем Академии наук в пользу последнего.

Минцкабинет Эрмитажа долго оставался частью императорского собственного музея, почти недоступного для ученого или даже для высокопоставленного любителя (рис. 5). Возрождение интереса двора к Эрмитажу сказалось в том, что в 1805 г. в здании развернулись большие строительные работы. В связи с этим монеты были убраны со второго этажа и сам Минцкабинет перенесли в более изолированные комнаты третьего этажа Эрмитажа. Здесь его и застала война 1812 г. Нависшая над столицей угроза вызвала подготовку императорского музея к эвакуации, монеты и медали были упакованы в ящики, но тем временем надобность в эва-

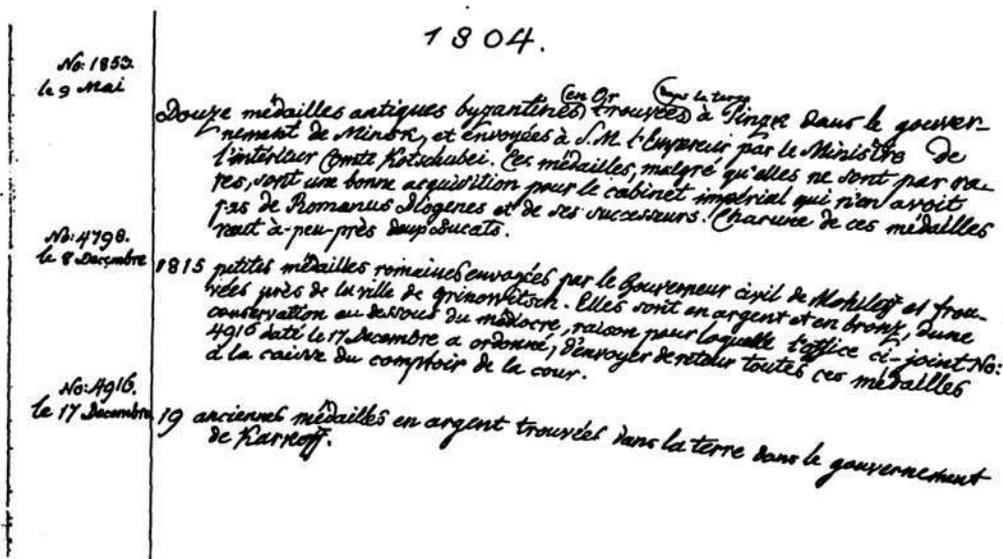

Рис. 4. Первые записи поступлений 1804 г.

Рис. 5. Монетный шкаф-медалье XVIII в.

куации отпала. Треволнения военного времени были долго ощутимы в Минцкабинете; по словам известного петербургского собирателя Л. Панснера, довольно неодобрительно относившегося к эрмитажным хранителям, даже еще в конце 20-х годов коллекция была размещена неудовлетворительно и некоторые ее части оставались «нераспакованными»³².

Минцкабинет оставался в третьем этаже эрмитажного здания в течение всего управления Келера. Около 1820 г. занятые Минцкабинетом комнаты упомянул в своем описании Эрмитажа П. П. Свиньин. Его внимание привлекли восточные монеты, древнерусские серебряные слитки, вероятно, Рязанского клада (других еще быть не могло), ефимки — талеры с русскими клеймами 1655 г. и наградные золотые медали петровского времени³³. Последние больше всего интересовали Свиньина как собирателя. На плане эрмитажного путеводителя 1838 г., выпущенного через год после смерти Келера³⁴, помечены эти же три зала Минцкабинета, выходящие окнами во двор Эрмитажа.

³² Л. Панснер. Табличное обозрение русских монет. Симбирск, 1900, стр. 87 (первое издание — 1832 г.).

³³ П. Свиньин. Указ. соч., ч. IV, стр. 56.

³⁴ Livret de la Galerie Imperiale de l'Ermitage de Saint Petersburg. SPb., 1838.

Изолированное помещение не убергло Минцкабинет от неприятностей. Условия охраны музея заставляли тогда желать лучшего; за время управления Келера в Минцкабинете дважды похозяинчили дворцовые воры, в которых не было недостатка среди населявшей подвалы и чердаки дворца бесчисленной дворни.

В конце 1827 г. из взломанного монетного шкафа были похищены 32 золотые и серебряные монеты боспорских царей. По счастью, столичная полиция арестовала перехватившего краденое торговца и успела вернуть в Эрмитаж 18 монет; часть их была изъята уже в Москве. Большую помощь в розысках оказали привлеченные Келером петербургские любители; одному из них при этом основательно досталось. Увидев у торговца столь редкие монеты (которые он сам и не собирал), купец С. А. Еремеев купил все наличные 15 штук и 13 незамедлительно передал Публичной библиотеке, а две отправил в дар Обществу истории и древностей при Московском университете. Как записал в своем дневнике словоохотливый петербургский любитель нумизматики Г. И. Лисенко, Еремеев подвергся «хотя и маловременному, но грабежу и аресту полицейскому...»³⁵

Второй раз беда стряслась в 1837 г., за месяц до смерти Келера. На этот раз пострадал шкаф с западноевропейскими монетами и медалями нового времени, из которого вор выбрал золото³⁶. Следственное дело полностью не сохранилось и обрывается на сообщении полиции о заложенных в Ссудной кассе вскоре после кражи семи пакетах с иностранными золотыми монетами. Список с беглыми описаниями 67 похищенных монет и медалей при сравнении с нынешним собранием дает основания признать, что и на этот раз если не все, то часть похищенного была разыскана.

Реорганизация 1805 г. не принесла Минцкабинету результатов, которых можно было ожидать от нее. Новые поступления под нажимом Придворной конторы регистрировались довольно аккуратно, но каталогизация основной коллекции оставалась неудовлетворительной. В сравнительно лучшем положении были античные монеты, составлявшие предмет научных интересов К. Келера; в этой части и пополнение коллекции ранее всего приняло наиболее действенный и целеустремленный характер. На смену небрежно составленной описи 1803—1804 гг. в 1830-е годы пришел подробный каталог античных и византийских монет (на бумаге 1828 г.; рис. 6), но поступавшие в коллекцию новые монеты в него дополнительно вноситься не могли и учитывались только краткими записями книги поступлений. Точно так же не был продолжен и каталог восточных монет, к сожалению не сохранившийся или, во всяком случае, не разысканный, составленный приглашенным для этого в 1817 г. Х. Д. Френом. На некоторые более значительные поступления составлялись иногда довольно подробные описи.

Работа с западноевропейской коллекцией началась, по-видимому, только после 1817 г., когда в Минцкабинете появился новый сотрудник, Ф. Б. Грефе. Нет никаких намеков на существование каталога русской коллекции, несмотря на то что помощником Келера с 1805 г. был Ф. И. Круг — специалист по русским монетам.

Если для систематической части коллекции своего рода «каталогом» служила сама раскладка в определенном порядке монет на лотках шкафов, то состояние дублетов с каждым годом приобретало все более запущенный характер, и в этой части Придворная контора, несмотря на самые категорические требования, ничего достигнуть не могла. Прихо-

³⁵ И. Г. С п а с с к и й. Очерки..., стр. 83.

³⁶ ИГИАЛ, ф. 469, оп. 8, № 388, 1837.

N ^o	Classes Numorum	Met- or mo-
5006.	<p><i>A. Duo Imperatores quidam stantes</i>.....</p> <p><i>R. Christus capite nimbato. Utrinq; in area, TC. XC In ambitu, KERO.</i></p>	An. II.
5007.	<p><i>A. Figura quaedam barbaro typo impressa</i>.....</p> <p><i>P. In area, M. Q., infra, II.</i></p>	M. M.
5008.	<p><i>A. Duae figurae mutilatae stantes</i>.....</p> <p><i>Inscriptio evanuit</i>.....</p> <p><i>R. Christus aut Sanctus quidam nimbatus stans</i>.....</p> <p><i>In area superiori, hinc, X. inde T. in area inferiori monogramma A. Numus vltioris notae, circum scissus.</i></p>	M. M.
5009	<p><i>A. Imperator quidam trabeatus stans</i>.....</p> <p><i>In area inscriptio hinc deleta, inde, ΔΕΣΠΟΤΗ</i>.....</p> <p><i>R. Deipara manibus expansis stans. In area, MP. DV.</i></p>	M. M.
5010.	<p><i>A. Imperator quidam iuxta tripodem, sive tabulam stans</i>.....</p> <p><i>intra ejus scura littera P. Inscriptio in area hinc prorsus evanuit; inde, ΔΕΣΠΟΤΗ</i>.....</p> <p><i>R. Deipara sedens. Iuxta caput</i>.....</p>	M. M.

Рис. 6. Каталог античных и византийских монет. 1828 г.

дится признать, что Келер не так уж был и виноват в этом. Практически в Минцкабинете некому было и работать. На попечении двух хранителей-библиотекарей были не только Минцкабинет и другие коллекции — геммы и антиков (древностей), но и большая библиотека; к тому же оба были связаны еще и с Академией наук, которая с каждым годом все больше отвлекала их от хранительских обязанностей; в особенности это касалось Круга. Все его интересы были в Академии, где русская коллекция была не в пример лучше, чем в Эрмитаже. Келеру приходилось дважды на длительный срок оставлять Эрмитаж, когда его отправляли в научные командировки на юг России, а в последние годы жизни он длительно болел и месяцами не бывал в Эрмитаже. Впору было справляться с самой необходимой текущей работой.

Келеру принадлежит несколько опубликованных Академией наук исследований об античных монетах и геммах. Подобно Ф. И. Кругу и многим преемникам обоих, Келер имел собственную коллекцию — античных монет Северного Причерноморья. За год до его смерти она была приобретена Эрмитажем. Составлена она была в значительной мере во время командировок Келера с научными целями. Как и всякий активный собиратель, он довольно энергично занимался куплей-продажей. В воспоминаниях С. А. Еремеева, опубликованных впервые в 1841 г., рассказано о покупке им у Келера за 400 руб. сребреника Владимира, открытого в 1823 г. в Ростовском уезде (на городище Саркела — Белой Вежи) и тогда же доставленного Келеру³⁷, только недавно вернувшемуся из поездки, во

³⁷ Газета «Северная пчела», 1841, № 146.

время которой он побывал и в Ростове-на-Дону. В Эрмитаже в то время при наличии четырех золотых монет Владимира еще не было ни одного сребренника... К счастью, проданная монета, пройдя через несколько рук, в конце концов все-таки оказалась в Эрмитаже.

В записках Г. И. Лисенко, человека весьма увлекавшегося нумизматикой, оплакивается расхищение Келером эрмитажного Минцкабинета³⁸, что, впрочем, несколько не мешало самому Лисенко покупать у Келера монеты. Известный одесский нумизмат Н. Н. Мурзакевич в своих воспоминаниях посвятил Келеру следующие строки: «В это время (1834 г. — *И. С.*) академик Келер уже обрелся в действительном умопомешательстве. Не даром И. П. Бларамберг (известный одесский ученый-нумизмат. — *И. С.*)... Келера называл m-g Colère и «конфузионным советником». Хроника скандальная разносила одно время слухи, что консерватор Минцкабинета Келер обличался в присвоении эрмитажных монет. Академическое заблуждение ума и воли нарекли сумасшествием»³⁹.

Как бы там ни было, нельзя не сказать здесь, что именно Келер заложил основу замечательной коллекции монет Северного Причерноморья, составляющей ныне гордость Эрмитажа. Его интересы ограничивались античной нумизматикой, а монеты Северного Причерноморья были его страстью. В Эрмитаже сохранились написанные его рукой по-французски два тома черновика широко задуманного корпуса монет царей Восточной Римской империи и Ольвии и Тира, над которыми Келер с увлечением работал многие годы. На внутренней стороне обложки первого тома по-немецки написано: «Заново улучшен, умножен и переписан в ноябре 1816», второй помечен 1817 г., но в сплошь перемаранном и испещренном вставками тексте имеются многочисленные ссылки на монеты, привезенные Келером с юга в 1821 г.; есть и более поздние исправления.

Интересны пометки о местонахождении описанных монет: помимо многочисленных упоминаний «императорского кабинета», т. е. Эрмитажа, называются «кабинет императрицы-матери» — Марии Федоровны (1759—1828), вдовы Павла I, кабинеты Академии наук, уже упоминавшегося генерала П. П. Сухтелена, графа Н. П. Румянцева (1754—1826), графа Северина Потоцкого (1762—1829), барона С. И. де Шодуара (1790—1858), графа Мантейфеля⁴⁰, князя М. П. Баратаева (1784—1856), генерала А. А. Бетанкура (1758—1824), графа А. Г. Куселева-Безбородко (1800—1855), графа (с 1831 г. князя) В. В. Кочубея (1812—1850), Я. Я. Рейхеля (1780—1856), Веселовского (?), князя... «одного любителя» и Публичной библиотеки в Петербурге; князя М. С. Воронцова (1782—1856) и И. П. Бларамберга (1772—1831) в Одессе; И. А. Стемповского (1789—1832) в Керчи. В Москве Келер знал коллекцию графа Головкина⁴¹ и З. П. Зосимы (?—1827). Упоминаются и десятки нумизматических собраний Франции, Англии, Австрии, государств Германии и Италии; неоднократно названа венская коллекция Апостола Зено (1668—1750)⁴². Сведения о мно-

³⁸ См. И. Г. Спасский. Очерки..., стр. 81.

³⁹ Николай Никифорович Мурзакевич. 1806—1883. Автобиография. Примечания и биографический очерк князя В. Дабижа. СПб., 1886, стр. 95.

⁴⁰ Возможно, сенатор, граф А. Мантейфель. См. А. Норцов. Указ. соч., стр. 38.

⁴¹ Это мог быть либо П. Г. Головкин (?—1821), либо Ю. А. Головкин (1749—1846), посланник в Неаполе в царствование Екатерины, позже в Китае и в Вене; при Павле несколько времени возглавлял Комерцколлегию. С его смертью род Головкиных пресекается. См. А. Бобринский. Дворянские роды, внесенные в общий гербовник..., ч. I. СПб., 1890, стр. 747. Э. Кларк, описывая Москву в 1800 г., подробно остановился на коллекциях графа Головкина, вероятно, второго, но нумизматику не назвал (E. D. Clarke. Reise durch Russland und die Tartarei in den Jahren 1800—1801. Weimar, 1817, S. 145—150). Не отмечается нумизматика у Головкина и в Voyage de deux Français en Allemagne... fait en 1790—1792, v. III (Paris, 1796, p. 339—340).

⁴² Sondermünzenauktion Sammlung Apostolo Zeno. Dorotheum. Wien, 1935.

А. Я. Италинский.
Гравюра П. Бетеллин

И. А. Стемповский

Ф. И. Круг. Литография

гих монетах Келер получал в письмах известного итальянского нумизмата Д. Сестини (1750—1832). Пометки «мой кабинет» довольно редки.

К рукописи Келера относится и сохранившийся в библиотеке отдела нумизматики «келеровский альбом» с многочисленными рисованными таблицами тех же монет.

Наиболее замечательным делом Келера было приобретение для Эрмитажа в 1834 г. известной коллекции бывшего керченского градоначальника И. А. Стемповского. Н. И. Веселовский, опубликовавший документы архива Археологической комиссии по этому делу, недоумевал отно-

сительно сил, воспрепятствовавших вывозу коллекции за границу⁴³. Согласно завещанию Стемповского, она переходила в собственность его друга, французского консула в Риге Меффреди, который обязывался продать ее Королевскому кабинету в Париже. Этот план был разрушен рапортом Келера на имя министра двора в феврале 1833 г. тотчас, как Келер узнал о содержании завещания. Несмотря на происки бывшего шефа Стемповского и Меффреди, всесильного М. С. Воронцова, Николай I, которому было доложено дело, приказал не выпускать коллекцию за границу, оценить ее и выкупить для Эрмитажа. Меффреди должен был удовольствоваться 25 тыс. руб. ассигнациями, что примерно соответствовало оценке, предложенной Келером (7813 руб. серебром)⁴⁴. В 1834 г. Келер ввел в эрмитажную коллекцию около 850 монет, выбранных из 2500 монет Стемповского.

Коллекция самого Келера тоже была хорошим пополнением для эрмитажной: в ней были 2 электровые, 53 серебряные и 761 бронзовая монеты. При Келере была приобретена в 1828 г. и ценная коллекция античных монет почетного члена Академии художеств А. Я. Италинского (1743—1827), собранная им в Италии, где он в течение многих лет состоял дипломатическим представителем России при нескольких дворах⁴⁵. Сохранившийся каталог (на итальянском языке) позволяет опознать в нынешнем собрании некоторые из монет Италинского⁴⁶.

Начиная с первого десятилетия XIX в. прослеживается зарождение одной традиции, которой мог бы позавидовать нынешний Эрмитаж: многие чиновники русской дипломатической службы доставляли в Эрмитаж монеты, собранные ими за границей, преимущественно на Ближнем Востоке. В 1810 г. у надворного советника С. Ямпольского была приобретена довольно значительная коллекция античных монет (181, в том числе 20 золотых). К сожалению, упоминаемый в деле иллюстрированный каталог не нашелся⁴⁷. В 1821 г. группу античных монет принес в дар служивший при Константинопольской миссии Г. А. Катакази (1793—1867). Особенно значителен был дар чиновника Я. Ваценко, собравшего в Турции и Персии в 1827 г. 513 монет. 104 из них Келер ввел в коллекции Эрмитажа⁴⁸. В 1830 г. доставил 17 монет, «найденных в Валахии и Молдавии», чиновник Маврос⁴⁹. В 1829 г. дважды присылал по 20—30 монет из Бургаса и Адрианополя состоявший при армии хранитель Царского арсенала К. И. Седжер⁵⁰, о котором речь будет ниже.

Значительно слабее пополнилось в те же годы русское собрание Минцкабинета, хотя с 1805 г. в нем работал Филипп Иванович Круг (1764—1844), являвшийся в те годы наиболее видным знатоком русских монет. Он был назначен на должность библиотекаря указом от 15 апреля⁵¹.

⁴³ Н. И. Веселовский. О приобретении для имп. Эрмитажа нумизматической коллекции И. А. Стемповского. — ИТУАК, вып. 52, 1915.

⁴⁴ ЦГИАЛ, ф. 469, оп. 8, № 207.

⁴⁵ См. Очерк истории Министерства иностранных дел 1802—1902. СПб., 1902. Приложение, стр. 15, 16, 20.

⁴⁶ ЦГИАЛ, ф. 469, оп. 8, № 60, 1828, копия в Эрмитаже.

⁴⁷ АГЭ, оп. 1, 1810, № 1. Дела Придворной конторы по Эрмитажу до начала 20-х годов не обнаружены.

⁴⁸ ЦГИАЛ, ф. 469, оп. 8, № 67, 1828.

⁴⁹ Там же, № 929, 1830. Возможно, это был перешедший на русскую службу в 1828 г. сын молдавского господара Н. Г. Маврос (умер в 1868 г.), коллекция которого впоследствии перешли к Бухарестскому музею. См. D. A. Sturdza. Übersicht der Münzen und Medaillen des Fürstentums Romäien (Moldau und Walachei). Wien, 1874. Dem Andenken des Generals Nikolaus von Mavros, welchem das Bukarester National-Museum den ansehnlichsten Theil seiner Münz- und Antiken-Sammlung verdankt; Брокгауз и Эфрон, т. 35, стр. 289.

⁵⁰ ЦГИАЛ, ф. 469, оп. 8, № 86, 87, 1829; АГЭ, ф. 1, оп. 1, 1829, № 14, 17.

⁵¹ Архив АН СССР, ф. 88, оп. 1, № 139. Этот очерк позволяет исправить ошибки, допущенные в «Очерках по истории русской нумизматики».

Ф. И. Круг приехал из Германии в 1796 г. Под влиянием известного собирателя русских монет, ректора Московского университета профессора Ф. Г. Баузе (1752—1812) он пристрастился к этому занятию, расставшись с привезенной с родины иностранной коллекцией. В Московский период своей жизни Круг имел возможность совершить несколько больших путешествий по России, повсюду знакомясь с собирателями и разыскивая старинные монеты.

В Москве Круг начал свой замечательный для того времени труд о денежном обращении Древней Руси, который закончил уже в Петербурге, куда переселился в августе 1803 г. Сюда влекла его русская коллекция Кунсткамеры, которую он знал скорее всего по какому-нибудь списку «богдановского» каталога. В Петербурге Круг сразу же сблизился с Келером и, заканчивая свой труд, получил доступ к монетам Эрмитажа. Вероятно, к этому времени относится составление им подробного отзыва о коллекции Баузе, предложенной тогда Эрмитажу, но последним отклоненной⁵².

Еще в 1804 г., когда стало известно о предстоявшем увеличении штата Минцкабинета, было решено пригласить на работу в Эрмитаж Ф. И. Круга. Одновременно с зачислением в Эрмитаж он был избран адъюнктом Академии, а осенью того же года Академия опубликовала его труд, упомянутый выше. В этой книге он приглашает читателей доставлять в Эрмитаж имеющиеся у них старинные монеты. Некоторые приходившие в Минцкабинет в отсутствие Келера предписания Придворной конторы адресовались Кругу, но его участие в работе Минцкабинета мало ощутимо.

По мере быстрого продвижения в Академии (в 1815 г. он стал ординарным академиком) Круг отдалялся от Эрмитажа, более числясь, чем рабо-

Н. П. Румянцев. Гравюра И. Матюшина

Генерал-прокурор А. А. Вяземский.
Гравюра

⁵² Архив АН СССР, ф. 88, оп. 1, № 105. См. И. Г. Спасский. Очерки..., стр. 80. Коллекция Баузе состояла только из монет допетровского времени. Круг считал ее тогда лучшей из известных ему (Биография Баузе.— Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета, ч. I. М., 1855, стр. 68—89).

тая в нем. Русской коллекции Кунсткамеры он отдавал явное предпочтение, что и не удивительно.

9 июня 1817 г. по не вполне ясным причинам К. Келер, согласно его прошению, был уволен из Эрмитажа, и Круга, без его ведома и согласия, назначили библиотекарем вместо Келера, а на освободившееся место помощника библиотекаря тем же приказом был зачислен профессор университета Ф. Б. Грефе. Но Круг, который, как он сам потом рассказывал, узнал о своем назначении из газеты, неожиданно для Придворной конторы заупрямился, мотивируя свой отказ тем, что он не считает себя достаточно компетентным для занятия подобной должности в Эрмитаже⁵³.

Результатом редкостной несговорчивости Круга и выходом из затянувшегося на месяцы «правительственного кризиса» явилось возвращение Келера — на новую, вновь созданную для него должность начальника I отделения Эрмитажа. Круг остался при прежних обязанностях, но с новым званием и большим жалованьем; остался на положении помощника библиотекаря и Ф. Б. Грефе, которому были поручены в Минцкабинете западноевропейские монеты.

Среди петербургских собирателей Круга, как и Келера, с которым он был дружен, пользовался дурной репутацией. Молва обвиняла его в присвоении русской коллекции графа Н. П. Румянцева, которая будто бы была не подарена Кругу, как он утверждал, а лишь временно передана ему владельцем для разбора и упорядочения, и не была возвращена после его смерти в 1826 г. Множество зlostных разговоров вызывало и то, что вся русская коллекция Кунсткамеры годами находилась у него дома.

С Н. П. Румянцевым Круга связывали отношения многолетней дружбы и глубочайшего уважения, граничившего с обожанием со стороны Румянцева, о чем свидетельствуют его многочисленные письма к Кругу⁵⁴. Действительно, в письмах, посланных уже не выходявшим из дому Румянцевым за три-четыре недели до смерти, он называл коллекцию своей и даже интересовался работой столяра, делавшего для нее шкафик. Тем не менее нет оснований не верить Кругу, написавшему в завещании, что Румянец подарил ему коллекцию «незадолго до смерти».

Круг часто навещал больного; когда он долго не приходил, Румянец посылал за ним слугу с запиской. Задумав сделать такой подарок другу, больной старик мог позаботиться и о шкафе. Во время одного из последних посещений Круга воля Румянцева могла быть высказана, скорее всего, в присутствии его брата и душеприказчика С. П. Румянцева, который не только никогда не подымал вопроса о «возвращении» коллекции (что было бы более чем уместно, так как согласно воле покойного учреждался исторический музей его имени), но настойчиво предлагал именно Кругу возглавить этот музей.

Что касается академической коллекции, то в том, что Круг работал над нею дома, а не в холодных залах Кунсткамеры, ничего необычного по тем временам не было. Точно так же и Х. Д. Френ, занимаясь восточными монетами Кунсткамеры, годами хранил их у себя дома. Взвзвсившись составить новый каталог русских монет, Круг работал над ним несколько лет и в 1835 г. возвратил коллекцию, причем по его настоянию была произведена приемка ее от него по старому каталогу, составленному Ф. И. Шубертом⁵⁵, хранителем Минцкабинета с 1800 по 1819 г.

⁵³ Архив АН СССР, ф. 88, оп. 1, № 141, л. 1, 4.

⁵⁴ Архив АН СССР, ф. 88, оп. 2, № 115.

⁵⁵ Там же, оп. 1, № 145. Академик Ф. И. Шуберт (1758—1825) — отец известного нумизмата и картографа Ф. Ф. Шуберта.

В 1844 г. Академия наук приняла в дар согласно завещанию Ф. И. Круга его коллекцию, включавшую и монеты Румянцева, а через 100 лет монеты Круга пришли туда, где он начинал свою работу в Петербурге, — в Эрмитаж. Его завещание можно назвать исповедью нумизмата — в нем речь идет только о монетах: спокойно и неторопливо Круг рассказывает как пристрастился к русским монетам, как, сведя знакомство с торговцами в московском Серебряном ряду, уносил от них домой тяжелые мешки с допетровскими монетами, чтобы, выбрав все интересное, продать остаток в ту же лавку. Среди своих московских приобретений Круг отмечал монеты, купленные у Баузе, у графа И. А. Остермана (1725—1811), младшего сына упоминавшегося выше опального собирателя-вельможи⁵⁶, рассказывает, как удачно добыл подбор редчайших пробных монет XVIII в. у фон Бока, одного из наследников барона Х. Миниха (1688—1768), ведавшего в 1740-х годах Монетной канцелярией.

От Румянцева Кругу достался интереснейший уникум — сестрорецкий рубль 1771 г. А. А. Куник считал, что эта монета не была принята вместе со всей коллекцией⁵⁷, но возможно, что она просто затерялась в Кунсткамере; между тем среди поступлений 1930-х годов в Эрмитаже имеется рубль, очень похожий на румянцевский.

В своей книге Ф. И. Круг первым выступил против общепринятого тогда мнения о нищенской экономике Древней Руси. Он же высказался за принадлежность русской нумизматике единственного известного в то время экземпляра «ярославова серебра» и признанных в Эрмитаже византийскими монетами четырех златников Владимира. Считается, что позже он не устоял перед нумизматами, отрицавшими русскую принадлежность спорных монет. Однако около 1817 г., когда споры об этих монетах шли во всю, он переложил златники из византийской коллекции в русскую, а в описи, составленной в Эрмитаже через год после увольнения Круга, златники открывают русское собрание как древнейшие монеты великого князя Владимира Святославича⁵⁸.

Среди пополнений русского собрания Минцкабинета Эрмитажа в рассматриваемое время можно отметить подаренные в 1810 г. известным собирателем графом А. И. Мусиным-Пушкиным (1744—1817) и А. Л. Нарышкиным (1760—1826) два редких золотых допетровского времени. В 1826 г. поступили 3 гривны и 2 «рубля» (т. е. полтины), происходившие, по всей вероятности, из новгородской находки 1821 г. В 1829 г. Публичная библиотека передала Эрмитажу очень большую коллекцию русских медных монет XVIII—XIX вв., которых до того в Минцкабинете было совсем мало. В библиотеке она составила из приношений двух петербургских кушцов — любителей русской нумизматики М. Агеева и уже знакомого нам С. А. Еремеева. В 1831 г. была куплена у вдовы генерального прокурора екатерининских времен князя А. А. Вяземского (1727—1793) сохранившаяся довольно значительная часть его коллекции, в которой были и русские монеты. Часть ее раньше купил Я. Я. Рейхель, коллекция которого впоследствии тоже поступила в Эрмитаж. По словам Георги, в 90-х годах XVIII в. коллекция Вяземского считалась одной из лучших в Петербурге.

⁵⁶ В Эрмитаже хранится интересный каталог коллекции шведских медалей И. А. Остермана.

⁵⁷ См. сообщение А. А. Куника в ЗАН, т. 35, 1879, Протоколы, стр. 56. Там же А. А. Куник повторил рассказ Шуберта о появлении новоделов сестрорецкого рубля, вызывающий большие сомнения.

⁵⁸ Биографические сведения о Ф. И. Круге см.: P. K r u g. Forschungen in der ältesten Geschichte Russlands, Bd. I. SPb., 1848 (биография, составленная А. А. Куником, там же завещание Круга); ЖМНП, 1845, кн. 45, отд. 3, стр. 52—64; РБС. Кнаппе — Кюхельбекер, стр. 451—454 (в других случаях ссылки на РБС не приводятся).

В бумагах Круга сохранились записи, сделанные при разборе нескольких доставлявшихся в Эрмитаж кладов русских монет XVI—XVII вв. Один, весом более пуда, в виде медного кувшина, доверху насыпанного серебряными копейками от времени Михаила Федоровича до 1702 г., был найден в земле во дворе псковского ордонансгауза в 1836 г.

Довольно регулярно поступали в Эрмитаж образцы чеканившихся в Петербурге медалей, хотя право получать их с елизаветинского времени принадлежало Кунсткамере.

Западноевропейскими монетами, от которых тогда не отделялись в собрании и медали, в Мишцкабинете занимался с 1817 г. Федор Богданович Грефе (1780—1851), классик по специальности, совмещавший службу в Эрмитаже с профессурой в университете и с работой в Академии наук. После избрания его в 1820 г. академиком он с 1821 г. стал хранителем Мишцкабинета Кунсткамеры. В университете Грефе ведал кафедрой греческой словесности, излагая лекции по-латыни за незнанием русского языка. В 1821 г. во время учиненного Руничем в университете погрома, Грефе был в числе профессоров, решительно отказавшихся осудить опальных коллег. Как видно, Рунич поостерегся связываться с академиком, да еще служащим в императорском музее. Грефе оставался в университете до смерти. Среди его трудов имеется только одно оставшееся неопубликованным нумизматическое сочинение: *Nummi consulares gentium Romanorum qui in Museo Academico conveniuntur*⁵⁹.

Собрание Эрмитажа до 1837 г. пополнилось немногими поступлениями западноевропейских монет и медалей. Документами не отмечен ни один клад, хотя поздние клады этих монет (XVI—XVII вв.), как известно, совсем нередки. В 1815 г. в книгу поступлений записали доставленные генерал-адъютантом И. М. Вяземским из Вены золотые и серебряные монеты нового времени, в 1829 г.—приобретенные за 2 тыс. руб. 38 золотых монет XVII—XVIII вв. Западные европейские монеты составляли и большую часть упоминавшейся выше коллекции А. А. Вяземского (50 золотых и 1207 серебряных). Наконец, в 1834 г. на аукционе в Гамбурге было приобретено 67 медалей и монет XVI—XVII вв. из коллекции Эссена⁶⁰, в 1836 г. у приехавших из Голландии В. ван Флита и Цальма — довольно богатая, как показывает сохранившаяся опись, коллекция «осадных монет» (нотклиппы) многих городов Голландии. Отметим еще покупку 1828 г. у приезжего иностранца Закхи золотой медали 1821 г. в память коронации генерала Итурбида в Мексике. Она положила начало интересной коллекции медалей и монет государств Америки, интенсивное формирование которой происходило во второй половине столетия.

Восточное собрание Эрмитажа долго не имело сколько-нибудь заинтересованного в нем хранителя. В 1817 г. уже имевшиеся монеты были разобраны приглашенным для этого Х. Д. Френом, который составил каталог, отделив дублеты. В 1829 г. Эрмитаж получил 445 замечательных золотых и серебряных монет так называемой персидской контрибуции, составляющих очень интересную часть собрания монет Ирана. Обязанное Туркманчайским договором 1828 г. выплатить крупную сумму в персидской монете, правительство Персии для ускорения подготовки необходимой суммы организовало чеканку на монетном дворе золотых и серебряных монет небывало крупных размеров. Таким образом, поступившая в конце концов на Петербургский монетный двор масса монет представляла собой

⁵⁹ Архив АН СССР, ф. 4, оп. 5, № 18 (289, 62), службой список; В. В. Григорьев. Императорский С. Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870, стр. 19, 37, 228, примеч. 71, 120, 371; Санкт-Петербургские ведомости, 1851, № 119 и 276.

⁶⁰ G. H. Essen. Sammlung von Münzen verschiedener Länder und Zeit. Altona, 1834.

конгломерат всевозможной «нормальной» монеты и новых необыкновенных монет. Отдельные группы монет этого же происхождения поступали и позже. Интересно отметить, что, вероятно, по предложению Френа, производившего отбор для коллекций Эрмитажа и Азиатского музея, было разрешено желающим приобретение на Монетном дворе небольших коллекций персидских монет, о чем было объявлено в газетах ⁶¹.

В 1831 г. в книгу поступлений были записаны наградные русские и турецкие золотые и серебряные медали, выпущенные обеими сторонами в связи с посылкой русских вооруженных сил в помощь Турции, и присланная русскому императору султаном Махмудом III усыпанная бриллиантами большая золотая медаль.

М. И. Броссе в составленном им кратком очерке истории восточного собрания (по 1879 г.) упоминает о восточных монетах коллекции А. Я. Италлинского. В сохранившихся документах они не отмечены. Единственный клад восточных монет поступил в 1836 г. из Нижнего Новгорода — 232 татарские монеты.

В 1833 г. состоялось поступление особого рода: из Академии наук по указанию царя была передана в Эрмитаж часть конфискованной нумизматической коллекции Варшавского университета, в которой были и восточные монеты; как указывал Броссе, она включала прошедшую через несколько рук коллекцию московского антиквара Л. Венга (L. Wängg), составленную им в Уфе в 1813 г., вернее всего, за счет какого-то клада джучидских и небольшого числа халифских монет ⁶². Другая часть варшавской коллекции в те же годы была передана Академии художеств ⁶³. В Эрмитаже несколько лет эти монеты оставались в полном покое: Келер, как с ним бывало, не обращал внимания на повторные требования Придворной конторы отобрать нужное для Эрмитажа, а дублеты вернуть в Кунсткамеру. Эта коллекция распалась, по-видимому, лишь в 50-х годах XIX в., когда началась подготовка к составлению нового каталога; восточные монеты ее разбирались именно тогда. Через 100 лет после конфискации Советское правительство возвратило Польше нумизматическую коллекцию, равноценную привезенной в Эрмитаж в 1833 г.

С 1827 по 1834 г. по инициативе Келера в Эрмитаж были вытребованы через министерство народного просвещения описи всех государственных нумизматических коллекций страны, что оставило очень интересные для истории нумизматики в России документы в архиве Эрмитажа, где сохранились некоторые невозвращенные описи. Наиболее серьезно занимались собиранием монет тогда все университеты страны; Московский мог вместо описи послать свой печатный каталог ⁶⁴, большая, тщательно составленная опись поступила из Харькова. Разные по объему коллекции были во многих лицах и гимназиях, особенно в юго-западном крае. В Эрмитаж попали даже описи, охватывавшие всего три — пять монет.

По-видимому, Келер имел при этом в виду пополнение коллекции Эрмитажа, но длительная болезнь и смерть помешали ему осуществить

⁶¹ «От департамента Горных и соляных дел. На здешнем Монетном дворе продаются желающим полные коллекции монет из сумм, полученных от Персии по Туркманчайскому трактату с описанием оных. Каждая коллекция заключает в себе восемь золотых, частью весьма огромных монет весом около 2½ фунтов и пять серебряных монет. Коллекция стоит три тысячи пятьсот рублей ассигнациями». — Русский инвалид, 1829, № 51; аналогичное объявление в «Северной пчеле».

⁶² M. Brosset. Collection numismatique orientale de l'Ermitage Imp., 1852—1879. — Mélanges asiatiques tirés du Bulletin de l'Académie Imp. des sciences de St.-Petersbourg, v. VIII, 1880, p. 642; см. В. Дорн. Указ. соч., стр. 31—32 и 229. Л. Венг умер около 1825 г.

⁶³ С. Н. Кондаков. Юбилейный справочник имп. Академии художеств, 1764—1914. СПб., 1914, стр. 100.

⁶⁴ Список медалей и монет, находящихся в Минцкабинете имп. Московского университета. М., 1826.

Авансы или списки.	№.	Сумма
Торжара 30.	24	Родство медалей южнорусских по Высочайшему повелению от казанцев по южнорусскому Обществу-Великопольскому Карлсрутеру:
	1	Тридцать медальончиков медных 16 ^л в пика
	2	Тридцать серебряных медальончиков работы Карлсрутера.
	3	Тридцать бронзовых медальончиков 16 ^л в пика
		<u>Французские медали:</u>
		Золотая одна
	4	Серебряных две
		Бронзовая одна
		<u>Русские медали:</u>
	5	Золотых девять.
	6	Бронзовых тридцать девять.
	7	Два медальона серебряных медалей
	8	Серебряные, золотые, медные, железные, стальные медали
		<u>Медальки ковчежские:</u>
	9	Золотых две.
	10	Тридцать семь серебряных
		Сп. дано 1839. № 5.

Рис. 7. Расписки Шардиуса, Седжера и Фрейтага в книге поступлений 1839 г.

этот план. Единственным реальным результатом оказалась упомянутая выше передача большой русской коллекции медных монет XVIII—XIX вв. из Публичной библиотеки: вместо того чтобы составлять опись, которую настойчиво требовало министерство, там предпочли расстаться с самой коллекцией.

В середине 1837 г. К. Келер, длительная болезнь которого приняла безнадежный характер, уволился, не имея уже возможности лично произвести сдачу дел назначенному начальником I отделения Карлу Ивановичу Седжеру (1788—1840). Тогда же вышел в почетную отставку по Эр-

митажу и Ф. И. Круг⁶⁵. Из старого хранительского состава остался только академик Ф. Б. Грефе, на которого в ближайшие годы и легло руководство Минцкабинетом.

В связи с предстоявшим обновлением личного состава Придворная контора запланировала некоторые организационные перемены, предусматривавшие большее разграничение библиотеки и Минцкабинета; Грефе было дано звание помощника начальника I отделения по ученой части, но старая структура сразу же была восстановлена, и Грефе остался в Минцкабинете, куда были назначены новые хранители — профессор университета Федор Карлович Фрейтаг (1800—1859), работавший до 1850 г., и Фридрих Луи (Лев Александрович) Шардиус (1795—1855) — из Минцкабинета Кунсткамеры, с «оставлением при прежних должностях», т. е. в порядке совместительства. Кроме того, в штате Минцкабинета появилась новая должность — «унтер-офицер для чищения монет»⁶⁶. (Должности технического персонала замещались в Эрмитаже отставными гвардейскими унтер-офицерами «хорошего поведения».)

О Фрейтаге, служба которого в Эрмитаже не оставила сколько-нибудь заметных следов, сохранился весьма неодобрительный отзыв Н. Н. Мурзакевича, знавшего его по Одессе, но В. В. Григорьев, напротив, считал его ученым с глубокими знаниями⁶⁷. В Эрмитаже заботам Фрейтага были доверены только римские монеты (рис. 7), и бывал он в Минцкабинете не каждый день.

Л. А. Шардиус, как позволяют судить составленные им каталоги Минцкабинета Кунсткамеры, был весьма исполнительным работником; в 1835 г. он, между прочим, принимал от Круга русскую коллекцию Кунсткамеры. Но главной его страстью была не нумизматика, а собирание автографов. Свою коллекцию (около 5000 экз.) он завещал Дерптскому университету, где она хранится и теперь⁶⁸. В Эрмитаже Шардиус стал хранителем русских и западноевропейских монет, приняв последние от Ф. Б. Грефе, который получил возможность заниматься более близкими его интересам древнегреческими монетами. Хранение «беспризорных» восточных монет принял на себя новый начальник I отделения К. И. Седжер.

В ноябре 1837 г. Придворная контора предложила Седжеру начинать приемку ранее находившихся в ведении Келера нумизматических и иных коллекций от Грефе в присутствии назначенного Келером его представителя⁶⁹. Организация приемки ввиду крайне запущенных во время болезни Келера дел Минцкабинета требовала времени, чтобы привести в порядок хранительские документы и разобраться в них. Между тем для Минцкабинета, только начавшего работать в новых условиях и с новыми хранителями, декабрь 1837 г. оказался полным тяжелых неожиданностей.

Около 1 декабря была обнаружена упоминавшаяся выше кража, а в ночь с 17 на 18 декабря запылал Зимний дворец; грозная опасность нависла над зданием Эрмитажа⁷⁰. Прибежавшие в Минцкабинет первыми чиновники Придворной конторы разбили несколько стекол в шкафах и стали второпях выбирать из них все золото, не заботясь о каком-либо порядке⁷¹. Здание музея сумели отстоять от грозившего ему огня, но

⁶⁵ АГЭ, ф. I, оп. 1, 1837, № 13.

⁶⁶ Там же, № 13, л. 14.

⁶⁷ Николай Никифорович Мурзакевич..., стр. 113; В. В. Григорьев. Указ. соч., стр. 231, 232.

⁶⁸ Б. Грановский. Неизвестные автографы классиков.— Советская музыка, 1953, № 8, стр. 41 сл.

⁶⁹ АГЭ, ф. I, оп. 1, 1837, № 13, л. 14.

⁷⁰ См. В. Глинка. Новые данные о пожаре Зимнего двора 1837 г.— ТГЭ, т. III, Л., 1959, стр. 217 сл.

⁷¹ ЦГАИЛ, ф. 469, оп. 8, № 388; АГЭ, ф. I, оп. 1, 1837, № 13, л. 16, 18.

после пожара нужно было время, чтобы навести порядок в коллекциях, а ГрEFE между тем, в течение долгого времени понукаемый Придворной конторой, занимался всевозможными справками по ходу следствия о краже. 27 декабря, через 10 дней после пожара, скончался К. Келер. В комиссии по приемке коллекций его представлял сперва старший сын, Андрей, а с начала 1838 г. второй сын, Василий.

В 1838 г. наиболее организованно прошла приемка Седжером от ГрEFE западноевропейских монет и медалей по имевшемуся каталогу, который в связи с кражей был тщательно выверен. Данные о количестве монет в делах не сохранились. Затем передавались различные не нумизматические коллекции, а в ноябре Седжер привял восточные монеты — по каталогу Х. Д. Френа 1817 г. его же описи «персидской контрибуции» и по вновь составленной описи позднейших поступлений на 800 предметов, включавшей и варшавские монеты. Оставалось принять античную коллекцию и русские монеты.

Основное собрание античных монет, как указывалось, имело созданный не позднее 1830 г. подробный каталог; однако Седжер, ссылаясь на отсутствие каталога, произвел приемку по описи, которая составлялась в соответствии с раскладкой монет в шкафах, с указанием в трех графах количества золотых, серебряных и бронзовых монет. Каталога монет Северного Причерноморья, по-видимому, не было вовсе. Таким образом, в этой части приемка сохранила для нас количественные данные, хотя разбивку на основное собрание и дублиеты приходится признать довольно условной.

Как показывает сличение каталога и описей, в коллекцию попали многочисленные новые поступления 1830-х годов; вероятно, после пожара большое количество золотых монет, ранее числившихся в дублиетах, заняло место в основной коллекции. Согласно описи коллекция древнегреческих монет включала 3384 экз. (72 золотые, 1135 серебряных и 2177 бронзовых); кроме того, указана отдельно хранившаяся вторая коллекция — может быть, какое-то невключенное большое поступление — 674 монеты (соответственно 8, 134 и 532) и еще три группы монет: плохой сохранности, фальшивых, поддельных и копий работы Беккера — 773 экз. В основном собрании римских и византийских монет числилось 6089 экз. (302, 2561 и 3226), в «1-м добавлении», в трех отдельных группах — 1161 монета (48, 400 и 713) и во «2-м добавлении», состоявшем тоже из нескольких групп, — 1513 монет (621 серебряная и 892 медные).

Монеты Северного Причерноморья были записаны тремя группами — 622 экз. (26, 42 и 554), 643 экз. (2, 41 и 600) и 616 экз. (3 серебряные и 613 бронзовых). Можно думать, что первая составляла основное собрание, вторая — скорее всего, оставшуюся не включенной коллекцию Келера и третья — дублиеты. В целом можно считать, что основное собрание античных монет составляли 10738 монет и 4736 дублиетов.

По таким же описям было принято и русское собрание. Какие-либо его каталоги в документах не упоминаются вовсе. Монет допетровского времени было только 877, и основную массу их составляли, как и следовало ожидать, серебряные. Золотых указано 47, в том числе и 4 златника Владимира. Следовательно, золотых XVI—XVII вв. оказывается меньше, чем было показано в сводке 1804 г. По всей вероятности, это объясняется новым построением коллекции, при котором особенно обильные золотые царевны Софьи вводились в коллекцию монет Петра. Древнерусских слитков стало уже 19. Жалкое впечатление оставляют данные о коллекции монет XVIII и XIX вв. — 322 экз. (69 золотых, 214 серебряных и только 36 медных). В отдельных описях значится 5331 дублет допетровского времени и 1028 — XVIII и XIX вв. Еще одна опись охватывает 7632 медные монеты XVIII и XIX вв. — несомненно, коллекцию Публичной библиотеки.

Ф. А. Жиль. Литография

Б. В. Кене

С. И. де Шодуар. Гравюра

Коллекция русских медалей, отделенных от монет, состояла из 502 экз., больше половины составляли золотые. К их основному собранию можно причислить и 126 оловянных медалей: в свое время утонченные нумизматы очень ценили оттиски медальных штемпелей в оловс, дающие наилучшую проработку рельефа. 418 медалей числилось в дублетах.

Отсутствие сведений о количественном составе западноевропейского собрания и основной части восточного не позволяет назвать общее количество монет и медалей, находившихся в Минцкабинете во время его передачи.

К. И. Седжер недолго оставался руководителем I отделения и Минцкабинета: в 1840 г. он умер. При нем Минцкабинет получил обильные пополнения античного собрания: в 1838 г. купили за 80 тыс. ассигнациями у одного из активнейших нумизматов начала XIX в., уже упоминавшегося С. И. де Шодуара (1790—1858)⁷², коллекцию из 5132 монет, описанную в пяти томах каталога, и небольшую, но ценную группу монет из коллекции умершего в 1837 г. бывшего русского генерального консула в Генуе К. Е. Гейдекена (163 монеты)⁷³. После смерти владельца ее купил Я. Я. Рейхель, который согласился продать Эрмитажу по его выбору часть монет.

В 1839 г. было уплачено 20 тыс. руб. наследникам обергофмаршала двора К. А. Нарышкина (1786—1838) за коллекцию с каталогом, который не сохранился. Коллекция самого Седжера была куплена у его наследников в 1841 г. В 1838 г. правитель канцелярии керченского градоначальника Д. В. Карейша подарил Эрмитажу 107 монет — преимущественно Северного Причерноморья. В том же году был доставлен из Керчи клад, найденный у горы Митридата, а в следующем году — клад римских монет IV в. из Замостья.

Из поступлений в другие части собрания отметим клад — больше тысячи пражских грошей — из Брест-Литовска и приобретенную тоже в 1839 г. коллекцию еще одного умершего Нарышкина — обер-егермейстера Дмитрия Львовича (1764—1838). В ней были и медали, и монеты средневековые, римские и японские, и русский слиток. В том же году в дар от австрийского императора поступила коллекция из 574 медалей, отчеканенных хранившимися в Вене старыми штемпелями. В 1841 г. было дослано еще 146 медалей.

В течение 1839 г. в Придворную контору было представлено несколько томов вновь составленных каталогов — западноевропейских монет и медалей и античных монет. Написанные на обеих сторонах листов и не оставлявшие места для дополнительных записей, такие каталоги быстро старели.

Начальником I отделения после Седжера стал Ф. А. Жиль (1801—1865), не принимавший, как и Седжер, непосредственного участия в работе Минцкабинета, но проявлявший большую заботу о нем. Как старшего хранителя Седжера сменил Ф. Б. Грефе, оставивший заведывание Минцкабинетом Кунсткамеры и получивший в Эрмитаже еще одно звание — почетного директора кабинетов медалей и антиков. Как раз к этому времени относится запись о нем в бумагах одного петербуржца — С. Ю. Дестуниса: «Грефе не знал не только нумизматики, но и русского языка...»⁷⁴

В том же году, вероятно, вследствие слишком очевидной запущенности русского собрания появился в Минцкабинете хранитель русских монет — Виктор Федорович Нумерс (1807—1858), ранее служивший столоначальником в Департаменте Государственного казначейства. За Шардиусом осталось хранение западноевропейских монет и медалей, но с 1845 г. он расписывался в книге поступлений уже и за восточные монеты, от которых, как видно, отказался Грефе и для которых в Эрмитаже все еще не было квалифицированного хранителя.

В 1845 г. в работе Минцкабинета принял участие только что переехавший из Берлина в Петербург Бернгард (Борис Васильевич) Кене (1817—1866), развивший бурную деятельность и остававшийся в течение

⁷² Биографический очерк, см. ТМНО, т. I, 1898, стр. 392—394.

⁷³ К. Е. Гейдекен завещал коллекцию восточных монет Азиатскому музею. См. В. Догл. Указ. соч., 75, 513.

⁷⁴ Отдел рукописей ГПБ, фонд Дестуниса, № 15—а, л. 13.

пяти лет помощником начальника I отделения по части антиков и Минцкабинета⁷⁵. Это звание делало довольно неопределенными его взаимоотношения с Грефе, имевшим, как указывалось, звание почетного директора Минцкабинета. В 1850 г. Кене оставил Минцкабинет — возможно, не совсем по собственному желанию — и перешел во II отделение Эрмитажа. Несмотря на сильных покровителей, вопрос о его возвращении после смерти Грефе в 1851 г. не возникал.

Кене оставил несколько сохранивших известную ценность работ по античной и западноевропейской нумизматике; он был автором изданного на средства вдовы В. В. Кочубея (1812—1850) каталога его выдающейся коллекции⁷⁶ и положил начало изучению русских находок западноевропейских средневековых монет. Представляют ценность и некоторые его мелкие публикации по русской медалистике; но опыты его в русской нумизматике были не только неудачны, но даже скандальны — как по легкомыслию, так и по недопустимому в научной дискуссии высокомерному тону⁷⁷. Именно они привели Кене как ученого к банкротству, выжив с полной отчетливостью спекулятивный характер его публикаций. В этом отношении его лучше всего обрисовывают слова А. А. Куника: «Для того чтобы быть нумизматом-исследователем, г-ну Кене недостает бездельницы — ученой методы»⁷⁸.

Своей проницательностью, искательством, угодливостью по отношению к «сильным мира сего» и неразборчивостью в средствах Кене вызывал глубокую антипатию большинства петербургских ученых. Он был одним из инициаторов учреждения Петербургского археолого-нумизматического общества, но и оттуда должен был уйти⁷⁹. К людям, подобным Кене, могут быть отнесены слова об Эрмитаже в ходившем по рукам в 1870-х годах стихотворении, в котором разбирались достоинства и недостатки тогдашних российских нумизматов:

Сей пантеон веков былых,
Сие святилище науки,
Ученых обойдя своих,
Досталось иноземцам в руки⁸⁰.

Действительно, после Лужкова мы не встретили еще не одного русского имени среди хранителей Минцкабинета. Разумеется, не звучание фамилии определяет заслуги человека перед наукой той страны, в которой он работал. В. В. Стасов, вмешавшийся в ученый спор, горячо защищал русского ученого А. А. Куника — силезца по происхождению — от нападок чужака Кене, а один из авторов приведенного стихотворения тоже имел нерусскую фамилию. Нужно сказать, что и «руссификация» Эрмитажа, начавшаяся в 1860-х годах, проходила не очень гладко и вызвала такие жертвы, как самоубийство Ф. А. Жилия⁸¹.

⁷⁵ Н. И. Веселовский. История имп. Русского археологического общества, 1846—1896. СПб., 1896, стр. 16 сл.

⁷⁶ В. Кене. Описание Музеума покойного князя В. В. Кочубея, т. I, II. СПб., 1857. Рец. П. С. Савельева. См. ИАО, т. III, 1861, стр. 263—266.

⁷⁷ См. Ст. Владимиров. Научный скандал.— Русский вестник, т. 27, 1860, стр. 46—50.

⁷⁸ А. А. Куник. Разыскания о славяно-византийских монетах.— ИАО, т. III, 1861, стр. 13.

⁷⁹ Н. И. Веселовский. История имп. Русского археологического общества, стр. 17—21.

⁸⁰ См. В. Маркевич. Стихотворения археологов Е. Е. Люценко и В. Г. Тизенгаузена.— ИТУАК, № 44, 1910, № 45, 1911.

⁸¹ Н. И. Веселовский. История имп. Русского археологического общества, стр. 21—23.

Самому Кене в цитированном стихотворении дана самая убийственная характеристика:

Различных государств кресты
На шее у него болтались,
Развешанные в три ряды.
Тут было все: медали, знаки,
И даже, наконец, звезда
Персидской бешеной собаки.

Повсюду возбуждая смех,
Является он с ними в баню.
Хотя тщеславие есть грех,
Но кто ему не отдал дани?

Как прирожденный паразит,
На все чужое очень падкий,
Он в этом сонмище стоит
Томим стяжанья лихорадкой.

Берлинский партикулярист,
Шпион по иностранной части,
Как самозванный геральдист
Добился он на службе власти⁸².

Автор стихотворения намекал на незадачливую деятельность Кене по «улучшению» московского и харьковского гербов⁸³.

Кене собрал ценную личную библиотеку по нумизматике и геральдике, сфрагистике, генеалогии и истории орденов. Она сохранилась и в 1930 г. поступила в Эрмитаж из Государственного книжного фонда, кажется, из строгановской библиотеки.

Пополнения в 1840-х годах по-прежнему более всего развивали античное собрание. В 1844 г. у наследников Ф. П. Аделунга (1768—1843) была куплена его коллекция, состоявшая из 860 греческих и римских монет. Еще одна коллекция, составленная тоже Аделунгом, поступила в Эрмитаж в 1933 г. из Павловского дворца, для которого она была куплена имп. Марией Федоровной (монеты этой коллекции упоминал в названном выше труде К. Келер). В 1845 г. у вдовы бывшего генерального консула в Молдавии Рюкманна купили собранную им там небольшую коллекцию, в которой особый интерес вызывают семь античных золотых медальонов — почти несомненно из какого-то молдавского клада. В 1849 г. подполковник греческой службы Смолениц поднес Эрмитажу 254 античные монеты, и у вдовы придворного камердинера Сфрагопуло была куплена его коллекция — 180 монет. (Через несколько лет были приобретены монеты еще одного дворцового камердинера-коллекционера.)

Все чаще предлагались нужные для собрания одиночные монеты, а в 1845 г. в книге поступлений в первый раз была записана монета, полученная в обмен на дублеты. Ее доставил И. А. Бартоломей, который и в дальнейшем очень много делал для улучшения эрмитажного восточного собрания.

Западноевропейское собрание в 1841 г. пополнилось комплектом галер за 1825—1838 гг., подаренным баварским посланником. От русских консулов из Гамбурга, Веймара, Мюнхена и Брюсселя также приходили посылки с медалями. Придворный историограф сардинского короля доктор Чибрарио в течение нескольких лет присылал в Эрмитаж группы сардинских монет и медалей.

⁸² ИТУАК, вып. 44, стр. 77, вып. 45, стр. 70, 71.

⁸³ Л. В. Иллешевич. Краткий очерк истории харьковского дворянства. Харьков, 1885, стр. 120; 3-е Полное собрание законов, т. VII, 1887, № 4835.

Для Петровской галереи, нумизматическая часть которой впоследствии перешла в Минцкабинет, в 1849 г. было заказано на Монетном дворе несколько десятков золотых «новоделов» петровских медалей. Безостановочно поступали медали текущих выпусков.

В 1840-х годах Эрмитаж отклонил предложение купить русскую коллекцию упоминавшегося выше Г. И. Лисенко, умершего в 1842 г. Представленные душеприказчиками три тома его каталога-дневника были возвращены, а уже в советское время два из них куплены библиотекой Эрмитажа, а один — Публичной библиотекой. Коллекция Лисенко в основном не представляла большого интереса. Редкая греческая медаль в честь адмирала Ушакова еще при жизни Лисенко перешла к Рейхелю и с его коллекцией впоследствии попала в Эрмитаж; но бесследно исчезла где-то в Москве уникальная золотая медаль думного генерала Аггея Шепелева за Троицкий поход 1683 г.⁸⁴ Один ефимок Лисенко продавался в США в 1920-х годах и в настоящее время находится в частной коллекции в Нью-Йорке.

В эрмитажной коллекции тоже опознаются некоторые монеты по каталогу Лисенко — еще один ефимок, несколько серебряных монет с «личным клеймом» этого собирателя — довольно крупным овалом с буквами «Г. Л.» (рис. 8). В последние годы по почерку на конвертиках удалось опознать несколько сотен медных монет Лисенко в одной партии, поступившей в 1926 г.

Из брошюры Броссе и данных архива Эрмитажа можно отметить среди поступлений тех лет в восточное собрание довольно странную находку в 1843 г. близ Царского Села — две серебряные грузинские монеты, царицы Русудан (XIII в.) и Георгия XII (XVIII в.), и две восточные монеты Закавказья конца XVIII в. — вернее всего, чьи-нибудь потери. В 1845 г. Шардиус записал в книгу поступлений несколько десятков китайских монет, присланных в конце 1844 г. Варраном (Warrand). В 1847 г. было приобретено 46 джучидских монет времени Джанибека — Токтамыша из находки того же года в Саратове, а в 1849 г. — два ценных клада: 14 золотых индийских из развалин Сарая и 200 саманидских дирхемов из клада, найденного близ Смоленска у дер. Дубровинка.

В начале 1842 г. старое здание Эрмитажа освобождали на время строительства в связи с начавшимися работами по возведению нового здания, которое, по проекту архитектора Л. Кленце, должно было сомкнуться с ним в единый блок. Как и библиотека, упакованный в ящики Минцкабинет был перенесен в Мраморный дворец и размещился там в четырех комнатах второго этажа вдоль Набережной. Здесь он был развернут и оставался до 1846 г., пока не начался ремонт и там.

Библиотеку на этот раз перевезли в Таврический дворец, а Минцкабинет и коллекция резных камней вернулись в Эрмитаж. Их поместили подальше от строительных работ — во Французской галерее Малого Эрмитажа, которая была построена Кваренги в 1804 г. над пандусом (наклонным ходом) из первого этажа ламатовского здания и находилась на месте одной из нынешних галерей у Висячего сада. Но уже в следующем году было признано необходимым убрать коллекцию и отсюда; камни перенесли на антресоли тогдашнего (еще не перестроенного) Павильонного зала, а нумизматическую коллекцию в начале 1848 г. переместили снова на третий этаж старого Эрмитажа, в комнаты «у балюстрад», в которых находилась когда-то библиотека. Несмотря на частые перемещения, работа в Минцкабинете надолго не прекращалась.

⁸⁴ См. Ю. Б. Иверсен. Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц, т. II. СПб., 1883, стр. 330, 331.

Рис. 8. Клеймо
Г. И. Лисенко на монете

В конце 1840-х и в 1850-х годах деятельность Минцкабинета заметно оживилась, так как в Эрмитаже начал складываться сильный и квалифицированный хранительский коллектив нумизматов. С 1847 г. к работе в нем был привлечен ученый ориенталист академик Марий Иванович Броссе (1812—1880), автор исследований о монетах Армении и Грузии, который после смерти Ф. Б. Грефе занял руководящее положение в Минцкабинете. В книге поступлений кроме его расписок с 1850 г. ненадолго появились расписки в приеме античных монет пришедшего в эрмитажную библиотеку из Публичной еще в 1840 г. Эдуарда Гаспаровича Муральта (1808—1898), но с 1850 г. в Эрмитаже начал работать хранителем классических древностей приглашенный из Дерптского университета профессор Лудольф Эду-

ардович Стефани (1816—1887)⁸⁵, впоследствии академик и видный деятель Археологической комиссии. В его ведение и перешли после Грефе монеты античного собрания. Античная нумизматика, как показывают опубликованные работы Стефани, никогда не была предметом его специальных интересов, но эрмитажное собрание древнегреческих монет многие годы оставалось в его ведении и пополнялось довольно активно.

В связи с предстоявшим новым размещением в 1851 г. была утверждена новая инструкция по управлению Эрмитажем. Ею предусматривалось, что Минцкабинет под главенством начальника I отделения будет иметь трех хранителей — восточных монет (Броссе), древностей и римских монет (Стефани) и монет и медалей нового времени (Шардиус). Таким образом, фактически намечалось только два хранителя, поскольку Стефани в основном занимался классической археологией. Особый хранитель для римских монет не предусматривался, тем не менее В. Ф. Нумерс, числившийся по штату библиотеки, продолжал заниматься в Минцкабинете, как и прежде.

Последняя, предсмертная расписка Ф. Л. Шардиуса датирована январем 1855 г., и с февраля к В. Ф. Нумерсу ненадолго перешли и его обязанности. После смерти В. Ф. Нумерса в 1858 г. в Минцкабинет снова пришел из библиотеки Э. Г. Муральт, который, оставаясь в ее штате, до 1864 г. был хранителем западноевропейских монет и медалей нового времени, расписываясь в их приеме в книге поступлений и работая над каталогом, хотя на освободившееся штатное место хранителя этих монет в 1860 г. был зачислен Александр Иванович Grimm (1819—1884), начавший работу в Эрмитаже годом раньше, вне штата. В действительности он занялся римскими монетами, расписываясь только в их приеме и сразу же приступил к работе над каталогом. В 1876 г. к его обязанностям прибавилось хранение так называемых собственной библиотеки и Арсенала (коллекций оружия).

В академическом Минцкабинете Grimm в 1859 г. занял место, освобожденное Аристом Аристовичем Куником (1814—1899), работавшим

⁸⁵ Некролог — ЖМНП, 1887, июль, стр. 74, 75; Исторический вестник, т. XXIX, 1887, сентябрь, стр. 695.

там с 1840 г. после Ф. Б. Грефе. Оставив академический Минцкабинет, Куник стал в Эрмитаже хранителем Петровской галереи и Галереи драгоценностей (позже — Русского отделения), одновременно приняв в свое ведение и русское собрание Минцкабинета, которое он вел до 1899 г., уделяя ему много внимания. Позже, после смерти Гримма, он снова стал хранителем академического собрания русских монет, не оставляя работу в Эрмитаже.

Можно сказать, что только с появлением А. А. Куника⁸⁶ русская нумизматика заняла в Эрмитаже достойное место. Первые шаги нового хранителя были далеко не легкими. Выступив против фантастических измышлений Кене о монетах Олега, он вызвал оскорбительно-высокомерные высказывания Б. В. Кене не только о себе, но и обо всем коллективе нумизматов Эрмитажа в целом. Выше упоминалась статья В. В. Стасова (под псевдонимом Ст. Владимиров), который сурово проучил Кене. Но и сам А. А. Куник, побуждаемый Жилем, ответил блестящим исследованием⁸⁷, зачеркнувшим измышления Кене и принципиально решившим один из самых мучительных тогда вопросов русской нумизматики — о древнейших монетах.

Позже Куник вдохновил И. И. Толстого на фундаментальное исследование об этих монетах⁸⁸. Благодаря Кунику Толстой получил в свое распоряжение почти весь известный в то время фонд этих монет: в Эрмитаж были выписаны на время монеты из Киевского университета и некоторых частных собраний. Не обошлось при этом и без недоразумений: ни Толстой, ни Куник не могли понять, куда делась присланная польским собирателем К. Стрончинским монета; Кунику пришлось «купить» ее, уплатив названную владельцем цену. Загадка открылась только в 1948 г., когда чинивший поврежденный монетный шкаф столяр обнаружил плотно засевший в щели доски конвертик с пропавшей монетой.

Таким образом, при наличии только двух штатных хранителей — Броссе и Гримма — Минцкабинет был обеспечен теперь хранителями-специалистами по основным его разделам. В ближайшее время этот коллектив заметно изменил характер работы Минцкабинета.

Еще в конце 40-х годов началась разработка проекта размещения музея после окончания отделочных работ в новом роскошном здании. Первоначально предполагалось отвести под нумизматическую коллекцию три зала второго этажа — вправо от центрального зала над вестибюлем Теребеневского, тогда главного подъезда, вдоль Миллионной улицы (нынешние залы Рубенса, угловой зал рисунков и зал оружия). Все собрание было решено хранить в заново изготовлявшихся двускатных витринах. Витрины красного дерева с бронзой можно видеть на выставках отдела нумизматики и теперь. Ножками их служат позолоченные кариатиды двух видов — «греческие» и «египетские». Для витрин с русскими монетами Ф. А. Жиль предлагал «des femmes en сарафан et повойник», одобрения, по-видимому, не получившие.

5 февраля 1852 г. состоялось торжественное открытие Эрмитажа после перестройки. Нумизматическая коллекция в конце концов получила только два зала — нынешний зал оружия и угловой двусветный зал, часть витрин для которого была изготовлена специально, с учетом конфигурации его стен (рис. 9, 10). На балконе этого зала разместилось несколько шкафов с дублетами, шесть шкафов с нумизматической библиотекой и

⁸⁶ А. С. Лаппо-Данилевский. Арист Аристович Куник.— АИИ, 1914, стр. 1455—1479.

⁸⁷ А. А. Куник. О русско-византийских монетах Ярослава I Владимировича с изображением св. Георгия Победоносца. СПб., 1860.

⁸⁸ И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты вел. княжества Киевского. СПб., 1882.

столы сотрудников. В этом помещении Минцкабинет, вскоре изменивший название, оставался до июня 1941 г. (второй зал еще в 1929 г. был освобожден для другой выставки).

Пышно отделанный Монетный зал, как надолго прозвали его в Эрмитаже, правду сказать, мало отвечал своему назначению. Не говоря уже о его темных, почти совсем не освещенных закоулках, даже в витринах у окон миниатюрные экспонаты гнетуще подавлялись масштабами архитектуры и роскошью отделки.

Несмотря на то что основная часть коллекций была разложена под стеклами витрин, а скорее именно по этой причине, из-за неудобств, связанных с наблюдением за посетителями в залах, заставленных высокими, в рост человека витринами, — выставка Минцкабинета вскоре для обычных посетителей была закрыта. Только часть восточных монет в 13 витринах была выставлена в течение нескольких лет в Лоджиях Рафаэля⁸⁹.

С 1854 г. в Эрмитаже развернулись работы по инвентаризации всех его коллекций. На балконе Монетного зала к этой работе приступили несколько позже, в 1857—1859 гг. Силами названных выше хранителей и двух привлеченных со стороны ученых за несколько лет было составлено большое число научных каталогов, охвативших все собрание. Был приведен в порядок и дублетный фонд.

М. И. Броссе к 1861 г. закончил каталоги восточных и византийских монет и различных групп монет Леванта — крестовых походов, Кипра, Родоса, а также средневековых западноевропейских монет. Л. Э. Стефани закончил каталог древнегреческих монет. На этом его связи с Минцкабинетом, по-видимому, оборвались: в дальнейшем за приемку античных монет в книге поступлений расписывался Броссе. А. И. Гримм еще в 1859 г., получая сдельную оплату, начал работу над каталогом римских монет, написав к 1862 г. десять томов его. Э. Г. Муральт был автором каталога западноевропейских монет и медалей нового времени и особого каталога «медалей знаменитых мужей» (*Les Hommes célèbres*), а над каталогом монет Прибалтики в 1860 г. работал предложивший безвозмездные услуги преподаватель латинского языка Петришуле Ю. Б. Иверсен, много лет спустя ставший хранителем Монетного отделения. Но первое знакомство с ним Эрмитажа было неудачным: подойдя к окончанию работы, Иверсен потребовал вознаграждения или отдачи ему каталога; Жиль отказался иметь с ним дело. А. А. Куник завершил в 1861 г. каталог русских монет и медалей.

В 1859 г. по разрешению Александра II была впервые произведена продажа дублетов, притом очень крупная. Дублеты польских монет и медалей купил известный нумизмат, граф Эмерик Карлович Гуттен-Чапский (1828—1896)⁹⁰. Чапский предложил свою действительно бескорыстную помощь Эрмитажу и написал четыре тома каталога польских монет и медалей. Этот труд был тесно связан с классическим изданием Чапского⁹¹. Во время этой работы окончательно прекратила самостоятельное существование коллекция Варшавского университета, значительная часть которой, несомненно, ушла в дублеты. Так, Польша вернула себе часть этой коллекции; великолепное собрание польских монет и медалей Гуттен-Чапского (рис. 11) стало частью созданного им в Кракове Музея —

⁸⁹ Ф. А. Жиль. Музей императорского Эрмитажа. СПб., 1861; M. Grosset. Указ. соч., стр. 652.

⁹⁰ A. J e l s k i. S. p. Emeryk hrabia Czapski.— *Wiadomosci numismatyczno-archeologiczne*, III, 1896, n. 3, стр. 125—131.

⁹¹ *Catalogue de la collection des médailles et monnaies polonaises du comte Emerik Hutten-Czapski*, I—V. SPb. et Cracovie, 1871—1916.

Академик Л. Э. Стефанн

Э. Г. Муральт

Ф. П. Аделунг. Литография

ныне Национального музея, чудом спасенного во время гитлеровского нашествия.

В 1864 г. в связи с очередным изменением структуры музея оборвалась зависимость Минцкабинета от библиотеки. На смену прежним I и II отделениям пришло новое административное деление музея, и Минцкабинет стал самостоятельной частью Эрмитажа, получив новое название — Отделение монет и медалей или Монетное отделение, как на

Академик А. А. Куник

Э. К. Гуттен-Чапский.
Гравюра К. Кастелли

многие годы прозвали его в Эрмитаже. Его руководителем — старшим хранителем — был назначен М. И. Броссе, оставшийся в этой должности до 1879 г. А. И. Grimm получил официальное звание помощника хранителя.

Во второй половине столетия пополнение нумизматической коллекции Эрмитажа приобрело небывалый размах в связи с успешно развивавшейся деятельностью Археологической комиссии, взявшей после 1859 г. в свои руки учет монетных находок в стране. Каждая монета и каждый клад, доставленные в комиссию, предлагались Эрмитажу. На клад долго смотрели лишь как на источник пополнения систематических коллекций; из них выбиралось все интересное, а остаток возвращался или даже отсылался для утилизации на Монетный двор. Позже оставшиеся в распоряжении комиссии монеты передавались в коллекции Археологического общества, Исторического и других музеев. Но постепенно вызревало понимание особого значения кладов, и фиксация их состава становилась более совершенной. По соглашению с комиссией хранители Эрмитажа передавали ей данные о разобранных кладах.

Архивы Археологической комиссии, которые хранятся в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР, и Эрмитажа имеют огромное количество ценных документов для топографии монетных находок на территории нашей страны. С учреждением комиссии постоянным и контролируемым источником пополнения коллекций — главным образом античными монетами — стали археологические раскопки. Деятельность комиссии приобрела такую известность, что все чаще владельцы старинных монет начали обращаться к ней с предложениями.

В Эрмитаже теперь стали особое внимание обращать на те части собрания, которые не могли пополняться за счет находок внутри страны, поскольку каждый вид монет, как известно, имеет «естественный» ареал. С 1850-х годов устанавливаются постоянные связи отделения с зарубежными антикварными фирмами, кото-

Рис. 9. Зал монет и медалей. Акварель Л. Премацци

рые по выбору Эрмитажа в аукционных каталогах доставляли все в большем количестве недостававшие в коллекциях монеты и медали.

Упорядочение дублетного фонда, произведенное одновременно с каталогизацией собрания, позволило более активно производить и обмен дублетами — впрочем, с довольно ограниченным кругом хорошо известных Эрмитажу собирателей. В 1862 г. были произведены и первые выдачи монет из дублетного фонда другим музеям — музею Одесского общества истории и древностей и Московскому публичному музею.

Уже в годы, непосредственно предшествовавшие учреждению Археологической комиссии, поступление в Эрмитаж монетных находок заметно усилилось благодаря интересу к нумизматике графа Л. А. Перовского (1792—1856), министра внутренних дел в 1841—1852 гг. и министра уделов и управляющего Кабинетом с 1852 г. Еще в 1853 г. от него как от собирателя в обмен на дублеты была получена редкая херсонесская монета, а в дальнейшем его имя встречается в книге поступлений в связи с передачей кладов из его министерств. Так, в 1854 г. были присланы им 183 римские и 87 парфянских монет. Но наиболее замечательным пополнением эрмитажного античного собрания была коллекция самого Перовского, купленная у его сына в 1857 г. за 15 тыс. руб. Каталога она не имела и состояла из различных монет; наиболее ценной частью ее было собрание превосходных по сохранности монет Северного Причерноморья, в котором только золотых монет было около 150, в том числе 6 пантикапейских. По заключению Стефани, это приобретение сделало Эрмитаж обладателем лучшего в мире собрания таких монет.

В 1857 г. была куплена коллекция майора серба Коста-Янковича, состоявшая из 200 монет. В 1858 г. у наследников Я. Я. Рейхеля вместе с его известной коллекцией западноевропейских монет, к которой мы

¹ Нумизматика и эпиграфика, VIII

Рис. 10. Второй зал монет и медалей. Акварель К. Ухтомского. 1860 г.

возвратимся ниже, было куплено еще 1620 античных и восточных монет, но точные сведения о составе этой группы не сохранились⁹².

В 1858 г. состоялся обмен дублетами с владельцем еще одной прославленной коллекции монет Северного Причерноморья — князем А. А. Сибирским (1824—1879), сотрудником Перовского по раскопкам в Крыму. Н. Н. Мурзакевич, знакомившийся с его коллекцией во время посещения Петербурга в 1837 и 1851 гг., записал в последний раз, когда он имел возможность осмотреть также и коллекцию А. С. Уварова (1824—1884): «Оба любителя не щадили денег на увеличение своих минцкабинетов, действительно, прекрасных. И все это потихоньку шло к ним из Керчи»⁹³.

Считается, что коллекция А. А. Сибирского, известная по иллюстрированному каталогу 1860 г.⁹⁴, была целиком приобретена после его смерти Х. Х. Гилем и от него перешла к великому князю Александру Михайловичу, который в 1917 г. увез ее за границу, где и теперь время от времени на аукционах появляются монеты этого собрания⁹⁵. Однако многие первоклассные монеты Сибирского точно опознаются в собрании Эрмитажа. Небольшая часть их была уступлена в 1899 г. самим Гилем, а купивший коллекцию великий князь, не питая особого интереса к своему приобретению, сразу же передал ее на хранение в Эрмитаж, разрешив хранителю Е. М. Придику работать над ней в связи с под-

⁹² [F. Gille]. *Ermitage Imperial. Cabinet numismatique. Collection Reichel*. SPb., 1858; M. Grosset. Указ. соч., стр. 646 — упоминаются только четыре мароканские монеты этого собрания.

⁹³ Николай Никифорович Мурзакевич..., стр. 206, 221.

⁹⁴ Каталог монет Боспора Киммерийского и исследования об истории и древностях Боспорского государства, сочинение кн. А. С. СПб., 1860 (то же с полным именем автора — на французском языке, в том же году).

⁹⁵ Например, *Monnaies greques antiques provenant des collections de S. A. I. le Grand-duc Alexandre Mikhaïlovitch... etc.*. Naville et Cie. Geneve, 1922.

готовкой корпуса монет Северного Причерноморья. В 1914 г. владелец получил только часть своих монет; она-то и была увезена за границу, тогда как все остальное хранилось в Эрмитаже⁹⁶ и после 1920 г. было введено в собрание А. Н. Зографом.

Но еще одну часть монет А. А. Сибирского ни Х. Х. Гиль, ни великий князь вообще никогда не держали в руках: вложивший все свое состояние в коллекцию и издание ее каталога, собиратель в последние годы жизни так нуждался, что был вынужден заложить в Ссудной кассе часть своих золотых монет, которые так и не мог уже выкупить. После смерти А. А. Сибирского ими завладел скупщик, а затем долгим и сложным путем многие из них пришли в Эрмитаж — главным образом в составе Строгановского собрания.

Стоит отметить, что точно так же опознаются в эрмитажном собрании и некоторые монеты еще одной первоклассной коллекции монет Северного Причерноморья, о судьбе которой после смерти владельца сведений не сохранилось: это коллекция упоминавшегося выше князя В. В. Кочубея (рис. 12)⁹⁷.

Как указывалось, в 50-х годах прошлого века в поисках пополнений Эрмитаж вышел и на заграничный антикварный рынок. В 1869 г. была куплена отличная коллекция афинских монет известного археолога и нумизмата Э. Бейле (1826—1874) в количестве 425 экз.

Заметно активизировалось благодаря непрерывному притоку кладов пополнение западноевропейского собрания, которое приобретало все более универсальный, всеобъемлющий характер, подтягивая более слабые разделы. Наиболее мощно пополнялся фонд средневековых монет за счет кладов, но построение систематической коллекции их оставалось делом будущего.

Затяжная дискуссия о принадлежности монет с именами русских князей в связи с одной из версий их происхождения вызвала в 1830—1840-х годах повышенный интерес русских собирателей к средневековым монетам балканских государств. Первые древнеболгарские монеты появились в русских коллекциях вскоре после русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Но в 1850—1860-х годах, по-видимому, не без влияния окончательного решения вопроса о древнерусских монетах, которое сняло интерес к болгарским и сербским, собиратели начинают «сбрасывать» их. Они предлагались и Эрмитажу, который иногда приобретал небольшие группы и одиночные монеты. Несколько экземпляров в разное время передал Минцкабинету Ф. А. Жиль, близко к сердцу принимавший дискуссию между Куником и Кене; были такие монеты и в коллекции упоминавшегося выше Коста-Янковича.

В 60-х годах появился в Петербурге и стал часто навещать в

⁹⁶ АГЭ, оп. V, 1917, № 28, л. 11.

⁹⁷ Указание Д. И. Прозоровского о приобретении Эрмитажем коллекции Кочубея (Д. И. Прозоровский. Свод сведений, относящихся до техники и истории медальерного искусства, ч. I. СПб., стр. 134—135) не соответствует действительности.

Рис. 11. Клеймо Гуттен-Чапского на монете

Эрмитаж македонец, турецкий подданный С. И. Веркович⁹⁸, называвший себя археологом и писателем, но в основном занимавшийся сбытом доставлявшихся ему откуда-то древностей. Свое знакомство с Эрмитажем Веркович начал с поднесения 60 южнославянских монет. Тогда же влились в коллекцию славянские монеты собрания Рейхеля. После этого она почти не пополнялась до 1896 г., когда с коллекцией А. Б. Лобанова-Ростовского пришла еще одна группа славянских монет⁹⁹. Значительные пополнения ей принесли Строгановское собрание и в особенности приобретенная в 1964 г. у внучки И. И. Толстого его коллекция.

В те же годы начала заметно расти коллекция монет и медалей государств Америки. В 1851—1853 гг. от разных лиц поступали группы американских монет; в 1857 г. граждане США Рандольф и Кларк поднесли Эрмитажу комплект монет их родины, а в 1860 г. парижский коммерсант Пепке прислал в дар хорошую коллекцию монет Чили. В дальнейшем особенно ценную помощь в комплектовании собрания оказал неаполитанский и португальский консул в Мехико Гейдзиг. С 1863 по 1867 г. ежегодно от него приходили посылки с большим количеством золотых, серебряных и медных монет и медалей. Когда выяснилось, что в 1867 г. таможенники в Пуэбло не устояли перед содержимым одной из посылок, он не успокоился, пока не собрал все пропавшее. В 70-х годах были получены две посылки от имени президента республики Перу с несколькими десятками монет и медалей. Наиболее значительное и ценное пополнение имело место в 1883 г., когда у американского гражданина русского происхождения Поджайского была куплена прекрасная коллекция медалей США, включавшая больше 250 предметов. Несколько лет спустя у него же было куплено несколько западноевропейских медалей¹⁰⁰.

Интересно отметить, что определенное количество крупных серебряных монет некоторых южноамериканских государств конца XVIII и начала XIX вв. в эрмитажной коллекции происходит из кладов, найденных на территории России; например, в 1911 г. был доставлен Археологической комиссией довольно крупный клад такого рода из г. Карасубазара. Эрмитаж отобрал из него 51 монету. Известны находки подобных кладов и в Поволжье.

Очень большое количество западноевропейских монет поступало от женева торговца Куна, лейпцигского Фосса и афинского Ламброса (венецианские монеты). С 1858 г. Соре из Женевы в течение нескольких лет доставлял одну за другой партии монет Швейцарии — всего около 600 монет. У него же была куплена и известная дюреровская медаль 1508 г. (женская головка).

Были приобретены изобиловавшая золотыми монетами XVI—XVII вв. большая коллекция Фадеева в 1855 г.¹⁰¹ и менее значительные — Корецкого (1856), Оберндорфа (1858) и Зарудного (1861). Западные монеты входили и в коллекцию, выборочно приобретенную в 1859 г. у вдовы генерал-лейтенанта И. В. Ольдерогге (1790—1855)¹⁰². С помощью Перов-

⁹⁸ Исторический вестник, 1889, т. XXXVIII, октябрь, стр. 203—205.

⁹⁹ См. И. В. Соколова. Древнеболгарские монеты в музеях СССР.— Византийский временник, вып. XIII, 1958.

¹⁰⁰ Коллекция Поджайского продавалась в 1907 г. в Амстердаме. См. Collection de Mr. R. Erentzel à Londres, Ch. Podhaiski. New York... J. Schulmann. Amsterdam, 1907.

¹⁰¹ В 1855 г. в Петербурге умер генерал-лейтенант П. М. Фадеев. Он упоминается в «Воспоминаниях А. М. Фадеева» (Одесса, 1897), но занятия его нумизматикой не отмечены, хотя другие нумизматы называются — Е. П. Фадеева, генерал И. Н. Инзов (1768—1854). Коллекция Инзова (462 монеты) после его смерти за отсутствием наследников долго хранилась в Херсонском казначействе, в 1874 г. была предложена Эрмитажу, но за отказом Придворной конторы оплатить пересылку так и не была доставлена.

¹⁰² Петербургский некрополь, т. III, стр. 319

Академик М. И. Броссе

Л. А. Перовский. Литография

А. А. Сибирский

ского в 1855 г. поступили богатый клад золотых монет и талеров XVI—XVII вв. (неизвестного происхождения) и еще несколько кладов. В 1851 г. из Академии наук были переданы в Эрмитаж около 300 западноевропейских медалей.

Все ранее названное затмевалось приобретением у наследников Я. Я. Рейхеля его огромной коллекции (около 40 тыс. монет и медалей), описанной в нескольких томах систематического каталога¹⁰³, из-

¹⁰³ Die Reichelsche Münzsammlung in Sanct-Petersburg, Bd. II—IX. Spb., 1842—1847.

данного в 1842—1847 гг., который, впрочем, к 1858 г. значительно устарел, так как Рейхель энергично пополнял коллекцию до последних дней жизни. В находящемся в Эрмитаже собственном экземпляре каталога Рейхеля на дошитых между страницами листах записано множество дополнительных экземпляров монет. Более точные сведения о составе коллекции Рейхеля приведены в изданной Жилем справке¹⁰⁴. Одних только золотых было принято больше 2500 экз. В 1859 г. у наследников Рейхеля были куплены и несистематизированные остатки его коллекции.

Рис. 12. В. В. Кочубей.
Медаль В. Кульриха

Яков Яковлевич Рейхель (1780—1856) возглавлял в Петербурге Экспедицию заготовления государственных бумаг. К собиранию монет он пристрастился около 1820 г. и вскоре стал признанным лидером петербургских собирателей, к мнению которого прислушивались порою, пожалуй, больше, чем следовало, например в вопросе о древнерусских монетах, которые он упорно не желал признавать. Большую роль сыграл Рейхель в организации Петербургского археолого-нумизматического общества, учрежденного в 1846 г. Сын медальера, выросший на Варшавском монетном дворе и сам начинавший трудовую жизнь у монетных прессов, он отлично разбирался в вопросах монетной техники. Безошибочно распознавая весьма обильные в его годы подделки, он и завоевал высокий авторитет у коллекционеров¹⁰⁵.

Рейхель по частям или целиком скупил многие распадавшиеся в его время русские коллекции — Вяземского, К. Е. Гейдеkena, генерала Ф. Д. Сухарева, купца А. И. Северина, Е. Г. Флуга (1792—1849), С. А. Еремеева, Розенберга и др. Начал он собирать очень широко, покупая любые монеты, но главное внимание уделял западноевропейским и после них русским, с другими при случае легко расставался. Свою русскую коллекцию, состоявшую из 4700 тщательно подобранных монет, описанных в первом томе его каталога, он продал Эрмитажу в 1851 г. Это было самое крупное пополнение русского собрания в 50-х годах.

Не попала в Эрмитаж с этой коллекцией только одна, особо интересная монета, по вполне понятным причинам не упомянутая и в каталоге Рейхеля. Автор штемпелей известного рубля Константина 1825 г., он не был бы ни медальером, ни собирателем, если бы не сумел обеспечить свою коллекцию образцом новой монеты, а она, вопреки всем расчетам ее проектировщика и исполнителя, приобрела самый однозный характер даже прежде, чем работа над оснасткой ее чеканки была

¹⁰⁴ [F. Gille]. *Ermitage Imperial. Cabinet numismatique. Collection Reichel*. SPb. 1858.

¹⁰⁵ В. Коehnе. *Jakob von Reichel und seine Sammlung.*— *ZfMSuWK*, N. F., H. 1. Berlin, 1859, S. 1; П. С. Савельев. Я. Я. Рейхель.— *ИАО*, т. III, 1861, стр. 458.

закончена. Ни в каталог, ни в Эрмитаж она, естественно, понасть не могла. Рейхель на честное слово уступил ее своему старому сопернику в собирательстве генералу Ф. Ф. Шуберту, к которому мы еще возвратимся, и тому волей-неволей пришлось сочинить фантастическую историю о том, как эта монета, выигранная кем-то в игорном доме за границей, случайно попала к нему.

В приход монеты из-за границы как-то поверить можно было. Министр финансов Е. Ф. Канкрин, чтобы обезопасить себя от настойчивости высокопоставленных коллекционеров, распустил слух, что отчеканенные монеты были сразу же отосланы Константину в Варшаву, а штемпели уничтожены. Таинственный рубль долго был модной темой в петербургских салонах, и один из завсегдатаев их, обергофмейстер А. И. Сабуров (1797—1866), любивший рассказывать, как он, будучи юным гусарским корнетом, скакал, сломя голову, из Петербурга к Константину в Варшаву с депешей о смерти Александра I, вдруг «вспомнил», что он-то и отвозил образцы рублей новому императору. Какая важность, что для их изготовления не было и часу времени! Все знали, что резиденция Константина в Варшаве была разгромлена во время восстания 1830 г. — кое-как сходились концы с концами¹⁰⁶...

В 1852 г. в эрмитажном русском собрании рядом со старыми четырьмя златниками легли первые пять сребреников Владимира — из знаменитого Нежинского клада 1852 г. находка нежинского пахаря Сергея Бориса, попав в руки волостного писаря, в несколько дней разошлась по рукам, однако лицей князя Безбородко быстро сообщил о ней в Киевский учебный округ — и началась охота! Действовавшему в интересах Округа лицу и поставленным на ноги черниговским губернатором городничему с полицией из 200 монет клада удалось собрать около половины. Раньше всего пять сребреников были поднесены проезжавшему тогда через Киев царю генерал-губернатором Д. Г. Бибиковым, а три десятка монет попали в Киевский университет¹⁰⁷.

Не теряли времени и устремившиеся в Нежин коллекционеры, торговцы-антиквары и просто счастливые владельцы припрятанных сребреников. Вскоре нежинский аптекарь Отто Цитра письменно предлагал графу С. Г. Строганову, незадолго до того безуспешно посетившему Нежин, свой сребреник — за покровительство Цитре-младшему, корнету Кирасирского ее высочества великой княгини Елены Павловны полка... Строганов, видимо, не поддался соблазну: Адольф Цитра выше чина корнета так и не поднялся¹⁰⁸. Сребреник достался кому-то другому, а в 1917 г. оказался в Эрмитаже.

Монеты, собранные городничим для губернатора, были отосланы из Чернигова в Харьков профессору университета А. П. Зернину (1820—1866) для составления научного описания и лишь в январе 1853 г. через обергофмаршала двора графа Шувалова в Эрмитаж поступили «28 очень древних русских монет из Черниговской губернии со следующими к ним рисунками и описанием» (3 монеты, видимо, прибавились уже после занятия Зернина, описавшего только 25 штук).

Пометка в книге поступлений показывает, что все монеты были признаны дублетами (!). Прежде чем они получили должную оценку, три из описанных и зарисованных Зерниным ушли из Эрмитажа: одну отдали в Оружейную палату, где она находится и ныне, другая досталась

¹⁰⁶ См. И. Г. Спасский. По следам одной редкой монеты. Л., 1965.

¹⁰⁷ Я. Волошинский. Описание древних русских монет, принадлежащих Минцкабинету имп. Университета св. Владимира, из числа найденных близ Нежина в мае месяце 1852 г. Киев, 1853.

¹⁰⁸ Гимназия высших наук и Лицей князя Безбородко. Изд. 2. СПб., 1881, отд. 2-й, стр. CLIX.

великому князю Алексею Александровичу; ее местонахождение, как и еще одной монеты, остается неизвестным.

В 1858 г. вернулся в Эрмитаж пятый златник Пинского клада 1804 г. в составе рейхелевской западноевропейской коллекции: ведь для Рейхеля это была сербская монета! Вместе со златником пришел и еще один «сербский» сребреник. В составленный в конце 1850-х годов каталог русских монет вошли только сребреники, поднесенные Бибиковым, да еще экземпляр Рейхеля, а «дублиеты» каким-то образом оказались на многие годы забытыми, и А. А. Куник, выпуская в 1860 г. свою книгу, несомненно, еще не знал о них. По-видимому, их разыскали только в 1870 г., когда И. И. Толстой занимался в Эрмитаже подготовкой своей монографии.

В 1852 г. у московского профессора М. П. Погодина (1800—1875)¹⁰⁹ было приобретено его «Древлехранилище» — музей, коллекции которого были распределены между разными учреждениями. К Эрмитажу перешла нумизматическая коллекция смешанного состава (русские, восточные, византийские, западные — около 2000 экз.), доставшаяся владельцу от московского купца-любителя А. А. Медынцева. В ее русской части наиболее интересен сребреник Ярослава — второй, ставший известным, экземпляр; первый появился в коллекции А. И. Мусина-Пушкина еще в 1792 г., третий был найден в погребении близ Дерпта в 1838 г.

Под влиянием непрекращавшихся споров о древнерусских монетах Погодин, сперва очень гордившийся своим приобретением, разуверился в его подлинности. В Эрмитаже эта монета, почерневшая и сломанная, тоже не вызвала доверия: ввиду плохой сохранности она даже не была внесена в опись погодинской коллекции и надолго затерялась на задворках собрания, среди подделок и всякого монетного хлама. Только около 1925 г. А. А. Ильин обратил на нее внимание и, убедившись в подлинности, включил в основное собрание, по догадке отнеся ее к раскопкам А. К. Ивановского в Петербургской губернии, во время которых действительно такая монета была найдена.

Начиная с 50-х годов удивительно быстро стало расти собрание древнерусских слитков. В 1852 г. были получены 12 гривен из новгородской находки 1851 г. в котловане фундамента строившегося здания Дворянского собрания, в 1854 г. — 4 слитка из Риги, 20 — из Псковской губернии и 5 — из Сарая. В 1860 — 1890-х годах этот приток не ослабевал. Несомненная заслуга в этом принадлежит А. А. Кунику, очень внимательно следившему за находками и старавшемуся получать для Эрмитажа все, что было возможно.

В 1852 г. было узаконено право Эрмитажа на получение обязательных экземпляров всех чеканившихся на монетных дворах страны монет, а через несколько лет — и образцов медалей, которые, впрочем, и до того поступали почти полностью, так как окончательное утверждение получали в императорском дворце.

Для восточного собрания, насчитывавшего к приходу М. И. Броссе только 2415 монет, в 1851 г. было получено из дублетов академического собрания больше 300 монет, недостававших в коллекции; поступило 334 джучидские монеты с описью, составленной в 1840 г. П. Д. Демезоном (1807—1873)¹¹⁰. Биограф Демезона Н. И. Веселовский был неправ, утверждая, что Демезон никогда не занимался нумизматикой¹¹¹.

¹⁰⁹ Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета, ч. II, стр. 230—277; Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 12. СПб., 1898, стр. 346—356.

¹¹⁰ М. Grosset. Указ. соч., стр. 645.

¹¹¹ Н. И. Веселовский. История имп. Русского археологического общества, стр. 23—26.

М. П. Погодин

Я. Я. Рейхель

А. И. Гримм. Гравюра К. Кастелли

В 1852 и 1853 гг. у торговца монетами Провоторова по частям купили монеты известной казанской коллекции Д. Н. Неелова, систематизированной в свое время Х. Д. Френом,— 569 бактрийских, саманидских, тахиридских и других монет¹¹², а у Публичной библиотеки были откуплены восточные монеты доставшейся ей по завещанию коллекции петербургского купца-любителя К. И. Новикова (1786—1852)¹¹³. В 1869 г. у вдовы Новикова были приобретены и остальные монеты его коллекции.

¹¹² М. Brosset. Указ. соч., стр. 649.

¹¹³ Петербургский некрополь, т. III, СПб., 1912, стр. 268.

Большую ценность представляла приобретенная в 1854 и 1855 гг. двумя частями коллекция директора Ровенской гимназии И. В. Росковпенко (1809—1889) — около 1000 монет, собранных им в годы службы в Грузии. В 1856 г. было куплено 12 золотых монет у Р. Гассинга (1814—1858), который как собиратель был, по-видимому, связан с П. К. Сухтеленом¹¹⁴. Небольшое количество редких восточных монет было и в коллекции Перовского.

В 1859 г. куплена сравнительно небольшая, но отборная по составу коллекция — 243 грузинские, армянские и сасанидские монеты археолога А. Е. Люценко (1806—1884). 34 монеты в том же году были куплены у Х. Д. Френа и 18 золотых монет — у действительного статского советника Буняковского, по-видимому, известного математика В. Я. Буняковского (1804—1889).

В 1855 г. М. И. Броссе снова отбирал нужные монеты из дублетов Азиатского музея. Около сотни различных монет — от куфических до монет Абд ал Кадира, собранных в Северной Африке, — подарил в 1853 г. французский нумизмат, главный хирург французской армии в Африке Гийон; более 600 тщательно подобранных монет — грузинских, армянских, куфических, сасанидских и других прислал в Эрмитаж в течение нескольких лет с Кавказа И. А. Бартоломей (1813—1870). Из Оружейной палаты передали собравшиеся там отдельные восточные монеты, в числе которых была особенно редкая золотая китайская, и издавна хранившийся там десятифунтовый мешок с «турецкими» монетами, оказавшимися кладом джучидских монет 713—730 гг. хиджры. Русский консул в Бейруте Мухин в 1858 г. прислал 40 монет, а Ф. А. Жиль из своего путешествия по Кавказу привез около 200 монет.

Редкий год проходил без того, чтобы не поступили один-два клада восточных монет. В 1851 г. поступили 402 куфические монеты из клада, открытого в Киеве на Печерске, в следующем году — 21 монета (бактрийская, сасанидские и византийские) из Красноуфимского уезда; еще один клад джучидских монет был прислан из Саратовской губернии.

Мелкими партиями и поодиночке Броссе также приобретал много восточных монет. Только у одного из постоянных поставщиков — татарина Грикулова — за несколько лет было куплено около 100 почти исключительно золотых монет — индийских, сасанидских, куфических и др.

После покупки в 1852 г. составленной за годы службы в Китае коллекции переводчика Азиатского департамента, а впоследствии преподавателя университета З. Ф. Леонтьевского (1799—1874), состоявшей более чем из 500 китайских и японских монет, заметно улучшилось дальневосточное собрание. Через 40 лет в Эрмитаж пришла и часть этой коллекции, оставшаяся у Леонтьевского до смерти (243 монеты) и купленная у наследников. Еще одна небольшая коллекция китайских и японских монет (70 экз.) куплена в 1860-х годах у Н. Рынчинского, а у Юшкова китайские монеты были получены в 1859 г. в обмен на дублеты.

К 1879 г. в систематической коллекции было около 7000 восточных монет.

В 1861 г. Ф. А. Жиль заложил основу эрмитажного собрания орденов. Находясь в Париже с целью пополнения коллекции оружия, он соблазнился выставленной у торговца Кретли большой группой орденов различных государств Европы, купил ее и поручил Кретли подобрать для него новую партию. Однако в Петербурге он встретил настолько

¹¹⁴ Р. Гассинг похоронен в одной ограде с графом П. К. Сухтеленом (Петербургский некрополь, т. I, стр. 545).

Ю. Б. Иверсен. Гравюра К. Кастелли

В. Г. Тизенгаузен

А. К. Марков. Плакета А. Грилихеса

неодобрительное отношение к своей инициативе, что предпочел оплатить из своих средств новую посылку из Парижа. Увольняясь из Эрмитажа в 1863 г., он оставил их там как подарок. Несколько интересных знаков было приобретено им или получено в подарок для Эрмитажа от разных лиц. Из Капитула орденов Жиль вытребовал полный комплект образцов русских орденских знаков, включая и знаки официалов (чиновников капитула). Среди приобретенных в Париже наиболее значитель-

ную группу составляли многочисленные испанские знаки отличия времени Герильи и Карлистской войны¹¹⁵.

Почти все названные поступления охвачены каталогами, работа над которыми была завершена около 1862 г. Но и эти каталоги, составлявшиеся частично все еще на французском языке, быстро старели, так как тоже не оставляли возможности вносить в них на соответствующие даты монет места новые пополнения. В 1864 г. коллекция Эрмитажа насчитывала около 100 тыс. монет и медалей. Предшествовавшая составлению каталогов систематизация коллекций на многие годы определила структуру отделения как хранилища.

Достигший глубокой старости, М. И. Броссе в 1879 г., как бы подытоживая сделанное им в Эрмитаже, опубликовал справку о восточной коллекции¹¹⁶ и уволился, а в следующем году умер. Старшим хранителем был назначен А. И. Grimm, а его помощником стал уже упоминавшийся Ю. Б. Иверсен, «помирившийся» с Эрмитажем и зачисленный в 1877 г. без содержания сверх штата, с оставлением при занимаемой должности. Но могучий темп, в котором стало протекать пополнение восточного собрания, вынудил Эрмитаж тогда же искать хранителя для восточных монет. В 1882 г. на временную работу был приглашен из Археологической комиссии обладавший глубоким знанием восточной нумизматики Владимир Густавович Тизенгаузен (1825—1902), который вел собрание по 1885 г. и не прекратил заботу о нем и позже¹¹⁷. Интересно отметить, что «для души» он, как показывает одно его шуточное стихотворение, собирал античные монеты¹¹⁸.

А. И. Grimm недолго руководил отделением. В начале 1884 г. он умер; Ю. Б. Иверсен первое время числился исполняющим должность старшего хранителя и был официально утвержден в ней только в 1886 г.

Юлий Богданович Иверсен (1823—1900) более всего известен многочисленными публикациями в области истории русской медали, сохраняющими ценность, так как он был единственным ученым, успевшим поработать над ныне не существующими старейшими фондами Архива монетного двора (во время первой мировой войны все документы XVIII в. были эвакуированы и погибли от пожара). Нельзя не отметить, что работы Иверсена на многие годы определили несколько странный характер русского собирательства в этой области: полное пренебрежение к историко-художественной стороне дела, систематизация по императорам, а не по датам фактического изготовления медалей и безмерное увлечение всевозможными «вариантами» — в металле, в более или менее бессмысленных сочетаниях разновременных штемпелей и т. п. В. Г. Тизенгаузен и Е. Е. Люценко добродушно подтрунивали в своем поэтическом обзоре над страстным увлечением Иверсена «печными вьюшками».

Еще одним увлечением Иверсена было собирание жетонов — начиная от расчетных марок пивных и кончая собачьими номерами городских управ. Как классик по образованию, Иверсен был знаком с античной нумизматикой; хорошо разобрался он и в западноевропейской, преиму-

¹¹⁵ См. И. Г. Спасский. Иностранцы и русские ордена до 1917 г. Л., 1963.

¹¹⁶ M. Brosset. Collection numismatique orientale de l'Ermitage Imp. 1852—1879.— *Mélanges asiatiques*, 1879, p. 641—665.

¹¹⁷ В. Р. Розен. Памяти В. Г. Тизенгаузена.— ИАН, т. 16, 1902; ЗООИД, т. XXIV, 1902.

¹¹⁸ «Оставлю я свои затеи монеты собирать царей прославленной Пантикапен... Что для меня теперь Фарнак, что образина Эвпатора, что Рискупорид, что Спарток и прочие цари Боспора! Не лучше ль их тебе прислать? Сии проклятые нумизмы расстраивают организмы и не дают нам ночи спать» (см. ИТУАК, т. 44, 1910, стр. 64—89).

щественно нового времени, но все возраставший фонд средневековых монет оставался необработанным. После смерти Ю. Б. Иверсена¹¹⁹ у его сына в течение нескольких лет были приобретены его коллекции западноевропейских монет (более 3000 экз.) и медалей (1701 экз.), и в послереволюционные годы поступили и остатки — жетоны, слепки и т. п.

При Иверсене начал работать помощником хранителя Алексей Константинович Марков (1858—1920), в лице которого Эрмитаж получил одного из самых выдающихся своих нумизматов, ученого-специалиста по восточной, западноевропейской и русской нумизматике. Его многолетняя работа составляет целую эпоху в жизни отделения монет и медалей. В значительной мере его энергии, инициативе и организаторскому таланту обязан Эрмитаж великолепными пополнениями — в первую очередь восточного и западноевропейского собраний, а также библиотеки, о которой он постоянно проявлял особенно большую заботу.

А. К. Марков — первый после Лужкова хранитель с русской фамилией — получил блестящее востоковедческое образование в парижской Ecole des langues orientales и в Петербургском археологическом институте. Его заинтересованность в материале нумизматики была заинтересованностью не собирателя, а исследователя. Как чиновник императорского Эрмитажа, он имел самые «безупречные» данные: в числе его предков были даже последние грузинские цари! Многим окружающим он, с его неторопливостью и сибаритскими привычками, мог казаться человеком с ленцой, лишь «от скуки» отбывающим свою службу в Эрмитаже. Но в своих научных трудах и в практической музейной и педагогической деятельности он предстает перед нами как крупный и талантливый исследователь, труженик, учитель многих русских нумизматов в Археологическом институте и как великолепный организатор, постоянно сохранявший в работе чувство перспективы.

Началом работы А. К. Маркова в Эрмитаже считается 1888 год, когда он был зачислен исправляющим должность хранителя; но его расписки в книге поступлений свидетельствуют, что он приступил к работе как доброволец двумя годами ранее, еще в 1886 г., вскоре же после Тизенгаузена, а его кандидатура обсуждалась еще в середине 1884 г. Из одного письма И. И. Толстого к упоминавшемуся выше петербургскому нумизмату-любителю Х. Х. Гилью (наставнику Толстого) видно, что претендентами на должность в Эрмитаже тогда назывались кроме Маркова Гиль и служивший в Азиатском музее египтолог О. Е. Лемм, причем за Гиль хлопотал сам Толстой, а Марков «до чрезвычайности не нравился» известному черносотенцу, организатору «Священной дружины», министру двора графу И. И. Воронцову-Дашкову, от которого зависело окончательное решение¹²⁰.

К счастью, выбор пал все-таки на А. К. Маркова. К 1896 г. он закончил свой фундаментальный труд «Инвентарный каталог мусульманских монет» (в дальнейшем получивший четыре прибавления)¹²¹ и составил опись дублетов. А. К. Марков положил начало организации систематической коллекции монет западноевропейского средневековья, но рост фонда опережал его возможности.

Русское собрание по-прежнему вел А. А. Куник, но и в этой области инициатива постепенно переходила к А. К. Маркову.

¹¹⁹ Некролог — Исторический вестник, май 1900, стр. 757.

¹²⁰ Отдел рукописей ГПБ, № 904 (Х. Гиль), № 339, л. 32. Письмо И. И. Толстого, в котором приводится выписка из письма Н. П. Кондакова Васильчикову, от 21 июня 1884 г.

¹²¹ А. К. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет имп. Эрмитажа (1896) и Прибавления 1—4 (1896—1906). Литограф. издание.

Во второй половине XIX в. стало поступать неизмеримо больше, чем прежде, кладов. Археологическая комиссия, аккуратно и справедливо расплачивавшаяся с владельцами, быстро завоевала доверие, и в ней собирались находки со всей необъятной страны; каждый клад предлагался Эрмитажу. От многих из них по материальным соображениям приходилось вообще отказываться, из многих выбирали недостававшие в коллекциях монеты, но немало было и таких находок, которые оставались в полном составе в Эрмитаже.

Сведения о кладах, проходивших через Археологическую комиссию, можно найти в ее отчетах и в ряде топографических обзоров монетных находок, которыми к настоящему времени охвачена значительная часть архивного фонда Археологической комиссии. Не задерживаясь на этом наиболее регулярном источнике пополнения коллекций Эрмитажа, мы далее проследим в основном только переход к Эрмитажу монет из более или менее известных частных и общественных коллекций.

В эти десятилетия античное собрание по интенсивности пополнения решительно уступило первенство восточному. Быть может, сказалось то, что после отхода Л. Э. Стефани от работы в отделении в нем не стало хранителя, для которого античные монеты составляли бы основное содержание его научных интересов. Из кладов античных монет нельзя не назвать знаменитый Анадольский клад 1895 г., состоявший из 979 золотых монет Филиппа II, Александра Македонского и Лисимаха и Филиппа III¹²². Время от времени поступали монеты из раскопок, производившихся Археологической комиссией на юге; часто приобретались отдельные, нужные для коллекции монеты, но поступления более или менее крупных собраний с 1860-х годов в течение нескольких десятилетий почти не отмечались в книге поступлений.

В 1862 г. у некоего Балашевича были приобретены 73 античные монеты, входящие в разнообразную по составу группу монет. Есть основания думать, что это был Ю. Ф. Балашевич — археолог-любитель и даже поэт и одновременно тайный агент русской политической полиции в Лондоне. По донесениям жандармерии известно, что, проживая в Вильно, он усердно собирал старинные монеты; в 1860—1870-х годах он, выдавая себя за польского эмигранта графа Альберта Потоцкого, содержал в Лондоне антикварную лавчонку и по заданию III отделения осуществлял слежку за русскими и польскими эмигрантами и даже — без всякого успеха — пытался войти в доверие к К. Марксу¹²³.

В 1863 г. торговец монетами Ламброс доставил из Афин 163 монеты, в 1870 г. фирма Эггер в Вене — 11, а Роллену в Париже было уплачено только за 7 монет 1870 руб. В 1865 г. в обмен на дублеты боспорских монет от одесского собирателя И. И. Куриса были получены греческие и римские монеты, в 1874 г. приобретена небольшая коллекция у московского профессора Гельдрейха и от Археологической комиссии получено около 100 боспорских монет.

В 1880 г. впервые был установлен контакт — в виде обмена дублетами — с известным собирателем К. Н. Лишиным (1851—около 1905)¹²⁴, составившим свою коллекцию за многие годы дипломатической службы на Ближнем Востоке — в Константинополе, Адрианополе и Бейруте, а с 1902 г. — в Абиссинии (рис. 13). В 1892 г. у него было куплено 80 греческих монет, а в 1906 г. его дочь, графиня О. К. Капнист, по

¹²² Е. М. Придик. Анадольский клад золотых статеров 1895 г. — ИАК, вып. 3, 1902, стр. 58—92.

¹²³ Красный архив, т. 6, 1924, стр. 253.

¹²⁴ См Г. А. Милорадович. Родословная книга черниговского дворянства, т. II, 1901, ч. 4, стр. 110; Очерк истории Министерства иностранных дел 1802—1902. СПб., 1902, Приложения, стр. 24 (назначение министром-резидентом в Адисс-Абебе, 23 марта 1902 г.).

выбору Эрмитажа продала 480 греческих и 97 римских монет из его коллекции; в 1909 г. она получила 10 тыс. руб. за его известную фракийскую коллекцию¹²⁵.

В 1884—1886 гг. покупались небольшие группы античных монет у Тамбовского, Лебедева и жителя Керчи Кириакова; неоднократно доставлял монеты упоминавшийся выше Веркович. В 1888 г. куплено 46 греческих монет у какого-то архимандрита Геннадия, в 1889 г.—35 античных монет у известного московского собирателя И. И. Горнунга (1827—

Рис. 13. Коллекционный конвертик К. Н. Липина

1901), большая русская коллекция которого тогда же была приобретена великим князем Георгием Михайловичем¹²⁶ и И. И. Толстым. В 1891 г. поступило 25 античных монет из коллекции капитана Мошнина. В 1894 г. Академия наук передала античные монеты бывшего собрания Кунсткамеры — из Музея древнеклассической археологии. Было получено 2706 греческих и 15 тыс. римских и византийских монет.

В 1895 г. в обмен на несколько дублетных золотых медалей от директора Института восточных языков Н. А. Иванова было получено 100 селевкидских тетрадрахм и драхм и 60 медных селевкидских монет и несколько греческих. Из коллекции камер-юнкера В. Н. Вырубова по его предложению были выбраны в 1897 г. 84 монеты.

За тот же период в византийскую коллекцию поступило девять золотых монет от названного выше Балашевича, а в 1890 г. у доктора Макриди-паши в Константинополе было приобретено за крупную сумму восемь редких монет. В том же году состоялось наиболее значительное и ценное приобретение: в Париже была куплена за 70 тыс. франков известная коллекция Фотиадес-паши¹²⁷, насчитывавшая 1050 монет. В том же и следующем годах поступили клады из Богодуховского и Бердянского уездов. Из 201 золотой монеты первого клада в Эрмитаже оставили 53, второй составляли редкие серебряные монеты Константина XII.

В 1896 г. Эрмитажу досталось 515 византийских монет (почти половину их составляли золотые) из приобретенной казной в полном составе коллекции предметов искусства и нумизматики князя А. Б. Лобанова-Ростовского (1824—1896). Кроме византийских монет, собранных им во время дипломатической службы в Константинополе в 1859—1866 и 1878—1879 гг.¹²⁸, в его коллекции были также русские и славянские — всего 2013 экз. Книги Лобанова-Ростовского пополнили библиотеку отделения.

¹²⁵ Collection C. N. Lischin. Monnaies grecques. Thrace. Catalogue accompagné de planches en phototypie. Macon, 1902.

¹²⁶ ЦГИАЛ, ф. 590, оп. I, № 93, ч. 2, стр. 360—361 (1889 г.).

¹²⁷ Monnaies byzantines de la collection Photiadès Pacha décrites par W. Froehner. Paris, 1890.

¹²⁸ Исторический вестник, 1896, № 10 (некролог).

Наиболее замечательно пополнялось восточное собрание. Много оди-
ночных монет по-прежнему приобреталось у отдельных любителей; про-
должали время от времени приходить отборные монеты от И. А. Барто-
ломея с Кавказа. Золотые куфические, испано-омейядские, альмохадские
и фатимидские монеты были в упоминавшейся коллекции Балашевича.

В 1864 г. возглавлявший тогда Восточное отделение Русского архео-
логического общества граф Петр Павлович Шувалов (1819—1901) при-
нес в дар Эрмитажу свою превосходную систематическую коллекцию му-
сульманских монет, включавшую купленную им около 1858 г. коллекцию
Маурина¹²⁹, оставив у себя кроме греческих и римских лишь сасанид-
ские и аршакидские монеты. Эрмитажу досталось 1219 монет (в том
числе больше 100 золотых) — восточных и испанских Омейядов, Аббасидов
Тахиридов, хорезмшахов, Бувейхидов и др. Одновременно было получено
еще несколько фунтов неразобранных различных монет, среди которых
оказались и вызвавшие одобрение Куника русские.

Оставшиеся у Шувалова 5892 монеты в 1925 г. из шуваловского
дома-музея тоже поступили в Эрмитаж.

В 1868 г. 18 халифских и ортукидских монет было куплено у
М. А. Гамазова (1812—1893), управляющего Учебным отделением во-
сточных языков при министерстве иностранных дел; в 1869 г. состоялся
обмен с князем П. Г. Гагариным¹³⁰, от которого были получены золотые
фатимидские и персидские монеты. В 1870 г. у статского советника
Шарбе¹³¹ куплено 17 восточных монет.

Отметим здесь и два несостоявшихся приобретения, о которых мож-
но пожалеть: в 1869 г. русский консул в Марселе князь А. В. Трубецкой
(тоже любитель нумизматики, собиравший средневековые монеты)¹³²
сообщил о полученном им предложении купить для Эрмитажа составлен-
ную в Индии в 30-х годах XIX в. коллекцию генерала Курта, одного
из соратников Ж. Аллара, командовавшего армией магараджи сикхов
Раджен-Синга в Лахоре. Покупка не состоялась, но в архиве Эрмитажа
осталась копия датированного 1848 г. каталога, включающая краткие
описания 490, преимущественно кушанских монет.

В 1871 г. Эрмитаж отклонил предложение наследниц князя М. П. Ба-
ратаева (1784—1856) купить его известную коллекцию грузинских мо-
нет¹³³, и она вскоре была приобретена Берлинским музеем. Возможно,
что в довольно сдержанном и по сути неодобрительном отзыве о ней
М. И. Броссе сказалося излишне ревнивое отношение его к чьим-либо,
кроме его собственных, занятиям грузинской нумизматикой: в Восточном
отделении Русского археологического общества однажды разбиралась его
обида на И. А. Бартоломея, усомнившегося в правильности какого-то
положения Броссе и тем нанесшего, по мнению последнего, оскорбление
Академии наук!¹³⁴ Другие монеты восточной части коллекции Баратаева
растворились в различных русских собраниях.

¹²⁹ Владелец коллекции восточных монет саратовский дворянин Маурин упомя-
нут в рукописи Г. С. Саблукова «Собрание монет Кыпчакской орды 1843 г.» (см. Опи-
сание рукописей Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского. Вып. IV. Археология,
этнография и нумизматика. Казань, 1959, стр. 42, № 1, 509).

¹³⁰ См. Н. И. Веселовский. История имп. Русского археологического обще-
ства, стр. 442.

¹³¹ Действительный статский советник А. Шарбе, 1812—1873. — Петербургский не-
крополь, т. IV, стр. 504.

¹³² *Catalogue des monnaies du moyen age... composant la collection du prince Ale-
xandre Troubetzkoï.* Paris, 1860. О Трубецком см. также: И. Г. С п а с с к и й. По сле-
дам одной редкой монеты.

¹³³ М. П. Баратаев. Нумизматические факты Грузинского царства. СПб.,
1844 (с таблицами, выполненными по примененному Баратаевым способу металло-
пластики); Некролог М. П. Баратаева. — ЖМНП, ч. 91, 1856, отд. VII, стр. 107, 108.

¹³⁴ ЗАНО, т. I, 1849, стр. 258.

И. И. Горнунг. Гравюра К. Кастелли

И. А. Бартоломей

А. И. Лобанов-Ростовский.
Гравюра К. Адта

Замечательное приобретение было сделано в 1883 г. — коллекция бывшего главного инженера и директора индийских железных дорог А. Гранта, состоявшая из 379 бактрийских, кушанских и индийских монет. Разбиравший это поступление В. Г. Тизенгаузен дал ему исключительно высокую оценку¹³⁵. В 1884 г. 30 золотых, серебряных и медных восточных монет было получено в порядке обмена на дублеты русских монет от графа И. И. Толстого, в 1885 г. куплено около 150 монет у Лебедева.

¹³⁵ Архив ЛО Института народов Азии АН СССР, ф. 52, оп. I, № 10, л. 19.

В 1885 г. по настоянию Тизенгаузена в Берлине у аукциониста Вайля были куплены за 2200 руб. 84 золотые монеты, выбранные по каталогу продававшей коллекции князя А. Г. Гагарина (?—1894)¹³⁶, члена Восточного отделения Русского археологического общества с 1857 г., а в 1895 г. у его сына А. А. Гагарина, служившего в Бейрутском консульстве, — еще 84 монеты, собранные А. Г. Гагариным там же, в Бейруте, между 1882 и 1894 гг.

В 1886—1888 гг. были приобретены группы восточных монет у Тончиевского, у бывшего судьи Кокандского уезда П. П. Бенедиктова и у доктора Слунина, вернувшегося из путешествия по Востоку. В 1888 г. В. Г. Тизенгаузен, находившийся в Париже, сообщил о предстоявшей распродаже хорошо известной ему коллекции Шарля Делеюза¹³⁷ и настоятельно рекомендовал не упустить возможность приобрести недостающие в коллекции монеты. Деньги были отпущены, и Тизенгаузен купил 83 золотые монеты.

Выдающимся событием было приобретение в 1888 г. собрания умершего в 1870 г. Ивана Алексеевича Бартоломея, не раз упоминавшегося выше. За долгие годы военной службы он собрал на Кавказе и в Персии превосходную коллекцию, получившую известность благодаря опубликованию ее в 1873 г.¹³⁸ Бартоломей завещал коллекцию своей сестре Львовою с условием не продавать монеты за границу. Вскоре после его смерти Берлинский музей предложил новой владелице 25 тыс. руб.; готовая согласиться, она обратилась за советом к старому соратнику и другу покойного князю А. И. Шаховскому (?—1900), который, услышав, что она согласилась бы отдать коллекцию любому русскому покупателю и за 20 тыс., и желая обеспечить выполнение воли завещателя — уберечь собрание от всяких случайностей, немедленно уплатил, не питая при этом никакого интереса к нумизматике, названную сумму, а затем предложил Эрмитажу купить у него монеты, уступив еще 3 тыс. руб. А. К. Марков выше всего оценивал сасанидскую часть этой коллекции (11 золотых, 959 серебряных и 31 медная); 1051 монета была аршакидская, 240 — бактрийские¹³⁹.

В 1889 г. по настоянию Маркова была куплена в Лондоне составленная в Бомбее коллекция Жерсона да Кунья¹⁴⁰ — 290 монет, из которых 133 были золотые, в 1891 г. — 168 испано-омейядских монет (6 золотых и 1 медная) у мадридского банкира Валентина Хилья. В 1891 и 1892 гг. индийские торговцы монетами Чандра Малл и Лакми Дасс из Пенджаба дважды доставляли в Эрмитаж бактрийские и другие монеты по заказу А. К. Маркова.

Из присланных на просмотр самаркандским купцом Мирзой Бухариновым монет А. К. Марков выбрал девять золотых и медных, в том числе золотую Эвтидема. Бухаринов был собирателем и в 1887 г. в качестве гостя присутствовал на заседании Восточного отделения Археологического общества¹⁴¹. Из такой же посылки, полученной из Ташкента от Таджи

¹³⁶ A. Weyl. 50-er Auction-Katalog. Verzeichniß der reichhaltigen Sammlung orientalischen Münzen nebst Münzen und Medaillen von Europa, Afrika, Amerika, Asien und Australien des Fürsten G... Berlin, 1885.

¹³⁷ Collection de m. Charles de l'Écluse. Monnaies orientales. Monnaies des croisades et bibliothèque numismatique. P. Chevalier et van Peteghem. Paris, 1888.

¹³⁸ B. Dorn. Collectiön de monnaies sassanides de feu le lieutenant-général J. de Bartholomaei, représentant d'après les pièces les plus remarquables. SPb., 1873 (2-е ed. — 1875) Некролог И. А. Бартоломея — ЗООИД, т. VIII, 1872.

¹³⁹ А. К. Марков. Приобретение нумизматической коллекции И. А. Бартоломея вмп. Эрмитажем. — ВАИ, вып. IX. СПб., 1892.

¹⁴⁰ J. Gerson da Cunha. Catalogue of the coins in the Numismatique Cabinet belonging to J. Gerson da Cunha. Bombay, 1888.

¹⁴¹ ЗВОРАО, т. II, 1888, Протоколы, I—XII, 1887.

А. И. Шаховской

Х. Х. Гиль. Гравюра К. Кастелли

Н. Ф. Петровский

Мухамедова, для Эрмитажа было оставлено еще восемь золотых — индийских, сасанидских и др.

Документы 1893 г. знакомят нас с еще одним ташкентским собирателем — Акрамом Аскарковым, собравшим огромную коллекцию восточных монет¹⁴². Его наследники обратились к туркестанскому губернатору с

¹⁴² В 1887 г. А. Аскарков был награжден серебряной медалью Русского археологического общества. См. Н. И. Веселовский. История имп. Русского археологического общества стр. 205; Б. В. Лунины. О пумпзматической коллекции узбекского собирателя древностей Акрама Аскаркова.— История материальной культуры Узбекистана, вып. 5. Ташкент, 1964, стр. 236—246.

просьбой содействовать в продаже оставшейся после главы семьи коллекции. Только систематизированная часть ее включала 17 золотых, 1498 серебряных и 13535 медных монет; через Археологическую комиссию она была доставлена на просмотр в Эрмитаж, а неизвестное количество не систематизированных монет Маркову, ввиду «громоздкости», пришлось просматривать в помещении комиссии. Для Эрмитажа были отобраны 464 монеты. А. К. Марков очень высоко оценивал это пополнение, давшее много ранее неизвестных монетных типов. В наибольшем количестве были отобраны монеты Илеков (268) и Джагатаидов (71).

Замечательным, самого высокого класса пополнением была принятая в 1892 г. коллекция генерала Александра Впсариевича Комарова (1823—1904)¹⁴³. Он начал собирать восточные монеты в молодости, под влиянием И. А. Бартоломея, с которым начинал службу на Кавказе. Затем она продолжалась в Туркестане, Закаспийском крае и в Персии; всюду он неустанно разыскивал монеты, покупая зачастую целые клады.

Одно из самых примечательных пополнений его коллекции принесла ему победа над друководимым английскими инструкторами афганским отрядом в сражении у Кушки в 1885 г. На другой день после сражения сопровождавшие отряд Комарова туркменские джигиты принесли на продажу множество старинных монет, захваченных ими в лагере противника: это оказалась коллекция английского капитана Лассоз, брошенная им на произвол судьбы...

Коллекция Комарова, получившая особенную известность после посвященных ей публикаций В. Г. Тизенгаузена¹⁴⁴, справедливо считалась одной из лучших частных коллекций России. Она состояла из 2034 монет, и Марков считал, что до $\frac{3}{4}$ ее войдут в состав основного собрания. Кроме 306 сасанидских, 7 кушанских и 2 дабвейхидских, все остальные монеты принадлежали множеству мусульманских династий. А. К. Марков посвятил этой коллекции восторженный отзыв и дал подробный разбор ее, перечислив и многие ее уникалы, например чеканенный по типу сасанидских монет динар 70 г. омайядского наместника Хорасана Абдаллаха ибн Хазима, хорезмский динар-хорезми ($\frac{1}{6}$ динара) 781 г. джагатайского султана Сююргатмышы со вторым именем Тимура и мн. др.

А. К. Марков утверждал, что назначенная Комаровым цена коллекции в 2500 руб., при которой монеты в среднем оценивались немного более чем по рублю, была занижена в несколько раз. В 1906 г. у вдовы А. В. Комарова было куплено еще 15 золотых римских и 39 восточных монет.

В те годы складывалась еще одна коллекция восточных монет, очень сходная с собранием Комарова по составу да и по происхождению — командира 2-й Закаспийской стрелковой бригады полковника Н. П. Линеви́ча (1838—1908), впоследствии известного генерала. В архиве Эрмитажа нет никаких упоминаний о переходе монет Линеви́ча к Эрмитажу, но, по мнению А. А. Быкова, некоторые ее монеты можно опознать по публикациям¹⁴⁵ в восточном собрании Эрмитажа среди монет с определениями, написанными рукой Маркова.

¹⁴³ Военная энциклопедия, т. XIII. СПб., 1913, стр. 64; ЗВОРАО, т. XVI, 1906, Протоколы, 30 сентября 1904 г.

¹⁴⁴ В. Г. Тизенгаузен. Новое собрание восточных монет А. В. Комарова.— ЗВОРАО, т. III, 1889, стр. 51; Он же. Нумизматические новинки. ЗВОРАО, т. VI, 1892, стр. 229.

¹⁴⁵ Военная энциклопедия, т. XIV, 1914, стр. 627; В. Г. Тизенгаузен. Восточные монеты Н. П. Линеви́ча.— ЗВОРАО, т. IV, 1890, стр. 289—320; Он же. Нумизматические новинки.— ЗВОРАО, т. VI, 1892; Он же. Новые нумизматические приобретения Н. П. Линеви́ча.— ЗВОРАО, т. IX, 1896, стр. 223—242.

В 1891 г. русский консул в Кашгаре Н. Ф. Петровский (1837—1908), имя которого прочно связано с принадлежащей Эрмитажу замечательной коллекцией хотанских древностей, принес в дар 100 монет, подобранных так, что А. К. Маркову не пришлось ни одну из них выводить в дублеты.

В 1892 г. у тифлисского собирателя А. А. Гассиева в первый раз по выбору купили 46 недостававших в собрании сасанидских монет, позже он присылал группы восточных монет в 1905 и 1906 гг., в 1907 г. у него куплены 1 золотая и 115 серебряных сасанидских, а в последний раз в 1913 г. он продал Эрмитажу античные монеты¹⁴⁶. В 1891 г. дважды присылал монеты директор Ташкентской гимназии Н. П. Остроумов; 12 сасанидских монет в тот же год было куплено вместе с античными у капитана Мошнина; в 1892 г.— 21 монета у ротмистра Шубинского и отобрано 80 из хранившихся в Археологической комиссии после смерти Е. Ф. Каля (1861—1891)¹⁴⁷ его монет, собранных в Средней Азии. Значительно позже в Эрмитаж пришла и основная часть его коллекции (2 золотые, 191 серебряная и 186 медных), принесенная им в дар Археологическому обществу — вместе с коллекцией последнего¹⁴⁸.

В 1896 г. семь редких монет подарил Эрмитажу через Археологическую комиссию преподаватель Николаевской инженерной академии генерал А. А. Иохер (1833—1901)¹⁴⁹; тогда же куплены у главного врача Инвалидного дома имп. Павла I в Петербурге доктора С. А. Кауфмана¹⁵⁰ 52 золотые турецкие монеты XVI—XIX вв. У Х. Х. Гиля (1837—1908) в 1895 г. было приобретено 48 сасанидских и 19 других монет, а в 1896 г.— 14 восточных монет из сохранившейся у наследников в течение почти 100 лет известной в свое время коллекции графа Н. П. Шереметева (1751—1809)¹⁵¹, которая была продана в 1895 г. графиней Шереметевой (по имени не названной)¹⁵²; в том же 1896 г. у вдовы доктора Ахуна — 11 монет из составленной им в Персии коллекции и у собирателя И. А. Баласа — 19 сасанидских и куфических монет; впоследствии, с 1901 по 1906 г., у последнего много раз покупались группы восточных и античных монет. В 1897 г. в дар от члена Археологического общества и председателя Русского исторического общества А. А. Половцева (1832—1909) поступило 14 монет; его коллекция (146 монет) в 1922 г. пришла в Эрмитаж из Музея Штиглица. В том же году куплены у Гамрикели 52 сасанидские монеты; в Париже у Михрана Сиводжяна — коллекция восточных стекол (экзагий) в количестве 122 экз., в 1898 г. там же у Феардена — 113 сасанидских монет.

В 1899 г. в Лондоне продавались на аукционе монеты известной коллекции бывшего министра просвещения Турции Субхи-паши, которая еще

¹⁴⁶ См. А. А. Гассиев. К древней нумизматике. Описание объяснительное древнегреческих и римских монет, собранных в Закавказье в 1879—1889 г. Тифлис, 1890.

¹⁴⁷ Исторический вестник, т. XLVI, 1891, стр. 860.

¹⁴⁸ В. Г. Тизенгаузен. Нумизматические заметки.— ЗВОРАО, т. II, 1889, стр. 374. В обзоре Нумизматического кабинета Общества это поступление не отмечено (см. Н. И. Веселовский. История имп. Русского археологического общества).

¹⁴⁹ Исторический вестник, т. XXXIII, 1901, стр. 413.

¹⁵⁰ Российский медицинский список, изд. Медицинским департаментом Министерства внутренних дел на 1904 г. СПб., 1904, стр. 155. Доктор С. А. Кауфман упомянут в справочнике Н. В. Белозерского 1903 г. (Н. В. Белозерский. Справочная книга для коллекционеров памятников старины в России. СПб., 1903, стр. 54), хотя монеты не названы как предмет его собирательства.

¹⁵¹ См. И. Г. Спасский. Очерки..., стр. 79.

¹⁵² ЦГИАЛ, ф. 590, оп. I, № 93, ч. 2, стр. 360, 361 (перечень приобретений великого князя Георгия Михайловича). Можно отметить, что в 1893 г. умер из Шереметевых — Владимир Алексеевич (1847—1893), женой которого была пережившая его графиня Е. Г. Строганова. См. А. Барсуков. Род Шереметевых, кн. 7. СПб., 1899, Родословие, № 125.

в 1876 г. была отклонена Эрмитажем. По заказу А. К. Маркова фирма Спинка доставила из нее 29 монет. Тогда же парижская фирма Роллена прислала для просмотра и отбора до 2 тыс. золотых и серебряных монет с заранее назначенной средней ценой тех и других, и 237 из них отобрал Марков для Эрмитажа. В 1888 г. он еще раз пересмотрел дублиеты университетского собрания, а в 1891 г. добился права провести несколько очень эффективных обменов на дублиеты. Уходили ценужные музею монеты, и вместо них собрание пополнялось недостававшими в нем. Таким способом из Берлинского музея в 1892 г. было получено 114 монет, из Иенского герцогского кабинета — 16, из Мадридского музея 1894 г. — 74 испаномейядские монеты.

В те же годы составивший свою коллекцию во время службы в Туркестане Е. А. Литинский предложил А. К. Маркову выбрать из нее для Эрмитажа все, что он найдет нужным, и возместить взятое дублиетами. В собрание вошло 160 его монет. Подобный же обмен состоялся в 1895 г. с А. С. Измайловым, от которого получено 18 различных монет.

Из Археологической комиссии непрерывным потоком шли на просмотр клады восточных монет, включая и такие огромные, как Муромский 1868 г., опись части которого содержит больше 11 тыс. монет. В отчете Маркова за 1888—1896 гг. указано, что за это время он разобрал 123 клада. За это же время собрание мусульманских монет от 7 тыс. в 1878 г. выросло до 20 тыс., а число представленных в нем династий соответственно увеличилось от 45 до 184.

Дальневосточное собрание в 1866 г. пополнилось переданной в дар Эрмитажу коллекцией китайских монет директора Азиатского департамента П. Н. Стремоухова (1823—1885); в 1888 г. В. Г. Тизенгаузен с большим одобрением отзывался о коллекции из 53 японских золотых и серебряных монет XVII—XIX вв., присланной в дар через великого князя Георгия Михайловича японским императором. (В виде ответного подарка в Японию была отослана коллекция из 200 русских монет XIV—XIX вв.) В 1893 г. бывший русский консул в Хакодате Г. А. Де Волап подарил пять японских монет XVI—XIX вв.

В 1897 г. поступил еще один подарок «на высшем уровне» с Дальнего Востока — 18 монет и слитков от короля Сиам. В 1870—1880-х годах у разных лиц было куплено несколько ямбов — китайских серебряных слитков XIX в., а один древний, найденный в Вятской губернии, поступил через Археологическую комиссию. Позже, в 1914 г., еще один ямб был найден в Чердынском уезде Пермской губернии. В 1896 г. от наследников З. Ф. Леонтьевского пришли оставшиеся после него монеты. В 1901 г. 340 китайских монет купили у С. А. Араповой.

В западноевропейском собрании Эрмитажа после получения большой рейхелевской коллекции определились с большей или меньшей полнотой все основные государственные группы монет Европы и Америки. Во второй половине века велось весьма планомерное выравнивание частей собрания. Поток кладов, передававшихся из Археологической комиссии, продолжал развивать наиболее мощные коллекции, которые и сложились в основном за счет монет таких же кладов — обычного для территории России состава. Разумеется, клады давали по-прежнему очень интересный материал; например, в 1878 г. из клада, открытого близ Гатчины, поступило несколько двухдалерных шведских плит XVII в., а в 1901 и 1902 гг. в Археологической комиссии было выбрано еще 17 плит разных достоинств из числа добытых во время дноуглубительных работ в Рижском заливе. Было из чего выбирать: из Риги было доставлено 47 пудов 32 фунта плит — 79 штук. Но в целом наиболее частые клады монет XVI—XVII вв. уже исчерпывали свои возможности, и многие из них, даже состоявшие из золотой или талерной монеты, возвращались Эрмитажем не-

тронутыми, так как все, что в них было, уже имелось в соответствующих коллекциях.

Нужно также сказать, что даже самые богатые части коллекции из-за специфического подбора монет вкладах развивались несколько односторонне. В них прекрасно были представлены золото и полноценная серебряная монета XV—XVII вв. почти всей Европы, но и здесь некоторые государства составляли исключение, подобно Англии и Франции, если они в тот период, когда формировались клады, не допускали вывоз своей монеты за границу. Почти не находились вкладах средние и мелкие серебряные монеты многих государств, не говоря уже о меди, обращение которой имело, как правило, местный характер. Медная монета долго оставалась наиболее слабым местом коллекций нового времени: сказывалась традиция XVIII в., когда коллекции составлялись избирательно и часто по своему составу получали названия «дукатенкабинетов» и «талеркабинетов».

Активное пополнение коллекций велось теперь в основном за счет заказов, которые делались фирмам Западной Европы на основании публикуемых каталогов. Кроме Ламброса и Роллена монеты доставляли теперь братья Эггер (Вена), Фейер (Будапешт), Хесс и Гамбургер (Франкфурт-на-Майне), Мерцбахер (Мюнхен), Кубе (Берлин) и др. В последней четверти столетия установились прочные связи со Спинком в Лондоне и Шульманом в Амстердаме. Это были чистые, «бездублетные» пополнения, целиком поглощавшиеся коллекциями.

Несколько раз по заказам Маркова доставлялись более или менее значительные группы брактеатов, в русских находках почти неизвестных, но в 1890 г. его порадовал первый — и до настоящего времени все еще единственный — клад отечественный, найденный в Хотине¹⁵³.

В 1899 г., несмотря на отмеченную выше несколько одностороннюю полноту коллекций, перед Эрмитажем открылась совершенно фантастическая возможность еще улучшить подбор золотой и талерной монеты. В 1898 г. во время ремонта полов, производившегося на хорах большого Успенского собора Киево-Печерской лавры, был открыт тайник, в котором в течение почти двух столетий находилась накопленная веками огромная монастырская казна.

В нескольких больших оловянных флягах и деревянной кадучке было сыпано больше 1½ пуда золотой и 16½ пудов крупной серебряной монеты. Все это было спрятано в беспокойные годы начала XVIII в., и тогда же в монастыре был инсценирован пожар, на который и свалили уничтожение архива и казны; донося об этом царю, бедные «погорельцы» даже просили «вспомоществования» — и получили его. Остается только гадать, как могло случиться, что сокровище, хранение которого было доверено нескольким лицам, время от времени проверявшим его сохранность, после проверки 1758 г. было начисто забыто¹⁵⁴.

Монастырское начальство быстро оценило открывшиеся перед ним возможности и поспешило отпечатать составленный доморощенными нумизматами каталог на русском и немецком языках¹⁵⁵; судьба клада, каза-

¹⁵³ В. М. Потин. Клад брактеатов из Поднепровья.— ИИС, I. Киев, 1963, стр. 109—127.

¹⁵⁴ См. Н. И. Петров. Археологическая находка на хорах в Великой церкви Киево-Печерской лавры.— Чтения в Церковно-археологическом обществе при Киевской духовной академии, вып. II. Киев, 1899; С. Яремич. Памятники искусства XVI и XVII ст. в Киево-Печерской лавре. Киев, 1900; Он же. Еще о памятниках искусства Киево-Печерской лавры.— Сб. Археологическая летопись Южной России, т. II. Киев, 1900, стр. 95—97 и 171—180.

¹⁵⁵ Список старинных золотых и серебряных монет и медалей, принадлежащих Киево-Печерской лавре. Verzeichniß der an Lavra in Kiew gehörigen alten Gold- und Silber Münzen und Medaillen. Киев, 1899.

лось, была решена. А. К. Маркову стоило больших усилий пробить созданную церковниками «оборону». Получив доступ к кладу, он в большой спешке выправил лаврский каталог¹⁵⁶ и, вернувшись в Петербург, стал добиваться получения клада для Эрмитажа. В декабре 1899 г. он снова отправился в Киев и привез клад в полном составе — 6198 золотых монет и медалей и 9890 серебряных монет, почти исключительно талеров.

Из средств Министерства двора монастырю было уплачено 65 тыс. руб., но деньги для этого даны были только в долг. Монетное отделение должно было возратить их за счет собственных ресурсов. В течение нескольких лет велась обработка поступления, нужные монеты вводились в коллекции и выделялись дублиеты, и в 1906 г. Шульману было передано для реализации из состава клада 3284 золотые и 7365 талерных монет¹⁵⁷, а в 1910 и 1911 гг. фирме Хесса было продано большое количество дублиетов из старого фонда¹⁵⁸, и с долгом было не только покончено, но открылась возможность и для дальнейших закупок за границей.

Огромное пополнение золотом и талерами получили коллекции монет многих государств Европы. В кладе оказались и «салтаней» — турецкие золотые монеты; даже античное собрание пополнилось великолепным позднееримским золотым массивным медальоном императоров Констанция II и Константа середины IV в., вероятно попавшим в Лавру из какого-то украинского клада. В собрание медалей легла уникальная, ранее вовсе неизвестная золотая медаль в честь князя Константина Острожского.

Изумительное пополнение получило и русское собрание — около 250 ефимков — контрамаркированных в 1655 г. в Москве талеров десятков государств Европы. Несмотря на то что А. К. Марков тщательно отбирал для Эрмитажа все ефимки из кладов, их до 1899 г. в коллекции было не более 40—50. Благодаря Лаврскому кладу эрмитажное собрание ефимков не имеет себе равных. Было в кладе еще три русских золотых XVII в. и редкая золотая наградная медаль в 10 червонцев 1702 г., имевшая наиболее позднюю дату во всем кладе.

Русское собрание по-прежнему быстрее всего наращивало коллекцию слитков, клады которых то и дело открывались в разных концах страны. Однако далеко не всегда А. А. Кунику удавалось оставлять их в Эрмитаже в полном составе. На Монетный двор в эти годы слитки уже обычно не отправлялись, но часть их попадала в коллекцию Археологического общества и в частные коллекции собирателей, близких к Археологической комиссии. «Воссоединение» многих кладов произошло значительно позже, когда после Октябрьской революции собрание Эрмитажа объединило большинство крупнейших петербургских коллекций. Но к 1900 г. в Эрмитаже было уже около 200 слитков.

Зато собрание древнейших русских монет надолго застыло на месте. За весь рассматриваемый период оно пополнилось только одним сребреником, купленным в 1888 г. у Х. Х. Гиля¹⁵⁹, который, ведя коллекцию Толстых и великого князя Георгия Михайловича, делал для них большинство закупок и при этом иногда обслуживал и Эрмитаж.

Посло «признания» этих монет русскими вокруг них возник невероятный ажиотаж, о котором свидетельствует шоявившееся в те годы мно-

¹⁵⁶ То же название, только на русском языке. Киев, 1899.

¹⁵⁷ Doubles de l'Ermitage Impérial à St. Pétersburg. Monnaies d'or et d'argent des Pays-Bas septentrionaux et meridionaux J. Schulmann. Amsterdam, 1906.

¹⁵⁸ Doubletten des Kaiserlichen Münzcabinet der Eremitage in St. Petersburg. Münsen und Medaillen verschiedenen Länder. A. Hess Nachf. Frankfurt a. M., 1911.

¹⁵⁹ Х. Х. Г и л ь. Некролог. — НС, т. I, М., 1911, стр. 621—624.

жество подделок, порою изготавливавшихся со знанием дела. Каждый собиратель мечтал пополнить коллекцию хотя бы одной монетой. Второй клад сребреников, открытый в Киеве в 1876 г., был начисто расхвачан киевскими собирателями (два из них — Н. А. Леопардов и С. В. Бодилевский — впоследствии передали свои собрания киевским музеям). Без следа разошелся по рукам и найденный около 1871 г. на Кипбурнской косе клад золотых византийских монет, в котором было несколько златников Владимира. Два попали в петербургские коллекции Толстого и великого князя Георгия Михайловича: цена, уплаченная последним за его монету, — 1300 руб. — говорит сама за себя.

В 1896 г. за счет клада, найденного в Лукнической волости Шавельского уезда, в коллекции появилось 18 древнейших литовских анонимных монет XIV в. Собрание русских монет XIV—XV вв. более всего пополнилось из Рузского клада 1892 г. и клада из дер. Городнищи Коломенского уезда, но в целом оно все еще значительно отставало от многих частных коллекций.

Единственная крупная и во многих отношениях замечательная коллекция русских монет «царского и императорского периодов» была приобретена вместе с подробным каталогом за 14 тыс. руб. в 1869 г. у петербуржца Карла Федоровича Шролля. Многочисленные пометки составителя на полях каталога называют десятки имен коллекционеров, монеты и медали которых переходили к Шроллю. Многие покупал он и за границей, куда часто ездил. Одна из интереснейших его вещей — сестрорецкий рубль 1771 г. на широком кружке — пришла к нему от А. И. Мусина-Пушкина (1774—1817); по словам Лисенко, тоже несколько раз упомянутого на полях каталога в качестве бывшего владельца монет, Шролля начал собирать еще в 1820-е гг. Известно, что у А. Ф. Прейсса (1803—1891) он выменял русские монеты на свою коллекцию польских.

К. Ф. Шролля. Гравюра К. Кастелли

Генерал Ф. Ф. Шуберт

Известно о Шролле на редкость мало: в документах Эрмитажа он назван «архангельским уроженцем», но жил явно в Петербурге многие годы. Последние письма его в переписке А. А. Куника датируются 1870-ми годами; около этого времени занимался медалями Шролля Кене¹⁶⁰. В оглавлении изданного в 1882 г. Ю. Б. Иверсенем миниатюрного альбома портретов «Любители русских древностей» Шролл назван среди живых¹⁶¹.

С этой коллекцией в Эрмитаж пришли десятки интереснейших золотых XVI и XVII вв., наградных золотых и серебряных медалей Петра I, включая и усыпанную бриллиантами Калишскую медаль, и уникальную рублевую плиту Екатеринбургского монетного двора 1725 г. с мемориальной надписью о воеводе Беклемишеве, при которой сохранилась даже расписка 1852 г. в получении 335 руб. «купецкой вдовой Агафьей Лаптевой» (рис. 14).

Купленная Шроллем коллекция петербургского купца И. П. Лаптева (1774—1838) в свою очередь сложилась из коллекций князя П. В. Лопухина (1746—1827) и герцога А. Вюртембергского (1771—1833).

В 1872 г. Эрмитаж отклонил предложенную за 30 тыс. руб. самую крупную в то время частную коллекцию Петербурга упоминавшегося генерала Ф. Ф. Шуберта (1789—1865), в которой тогда находился и единственный (рейхелевский) экземпляр константиновского рубля 1825 г. Эта коллекция объединила в себе ряд распавшихся в свое время петербургских собраний— генерала В. Х. Дерфельдена (1735—1819), генерал-аншефа В. В. Фермора (1702—1771), часть коллекции Х. В. Миниха (1696—1768), особенно богатой редкими пробными монетами XVIII в. Есть основание предполагать, что к Шуберту перешла и коллекция полковника В. И. Карлгофа (1796—1841), собиравшего только русские золотые монеты и ефимки. Коллекцию Шуберта в 1874 г. купили при содействии Х. Х. Гиля Д. И. и И. И. Толстые. В 1917 г. она перешла к Эрмитажу как дар И. И. Толстого-младшего, но без монет XIX в., проданных его отцом на аукционе во Франкфурте-на-Майне в 1913 г.

Несколько раньше, в 1864 г., отказались от приобретения крупной коллекции западноевропейских монет графа А. С. Строганова (1818—1864), которая все-таки впоследствии досталась Эрмитажу.

Из отдельных особенно интересных для русского собрания приобретений нужно отметить купленный в 1864 г. у известного рижского собирателя Готхарда Минуса уникальный червонец Ивана III и его сына-соправителя Ивана Ивановича, отчеканенный по образцу венгерского червонца. Эта монета уже давно волновала умы собирателей. Минусу она досталась от другого рижского собирателя, бургомистра Германа¹⁶²: среди хранящихся в Эрмитаже зарисовок монет, сделанных в 1830-х годах Г. И. Лисенко, имеется ее изображение с пометкой «В Риге у г. Германа». Такой же рисунок сохранился и среди бумаг Ф. И. Круга¹⁶³, а из письма Н. П. Румянцева, в котором этот рисунок был послан, видно, что Румянцев мечтал купить эту монету еще в 1825 г. и рисунок ее получил от К. Е. Гейдеkena¹⁶⁴. В 1835 г. монета коллекции Германа была описана как особая редкость в петербургских газетах¹⁶⁵. В 1854 г. Эрмитажу был подарен гальванослепок этой монеты, уже принадлежавшей Минусу, а в 1864 г.

¹⁶⁰ Б. Кене. Наградные медали Петра Великого в коллекции г. Шролля.— Древности. Труды Московского археологического общества, т. III, вып. 1. М., 1870, стр. 62.

¹⁶¹ Д. А. Ровинский. Подробный словарь русских гравированных портретов, т. II. СПб., 1889, стр. 1846.

¹⁶² Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde der Ostseeprovinzen Russlands, 1875. Riga, 1876, S. 6—11.

¹⁶³ Архив АН СССР, ф. 88, оп. 1, № 119, л. 107.

¹⁶⁴ Там же, оп. 2, № 115, письмо № 226.

¹⁶⁵ Санкт-Петербургские ведомости, 1835, № 261, стр. 1047—1049.

Продажа ^{Гос} Имперу фредоро.
виза Шролю и Гюдуу Плату
Екатеринбургский рубль
1725^н году. Десять
триста тридцать
пять рублей серебром
столна получила 1859^н
года 7^е Декабря 1859^н
года ~~слова~~ ~~слова~~ ~~слова~~

Рис. 14. Расписка о продаже екатеринбургской
пята 1725 г.

была куплена сама монета. Через десять лет вся коллекция Минуса была распродана в Вене на аукционе¹⁶⁶.

В 1870 г. на Монетный двор были доставлены из Оружейной палаты хранившиеся там штемпели пробной полтины Петра I 1699 г., и ими были отчеканены только три «новодела», один из которых поступил в Эрмитаж. В 1879 г. родился еще один редкий «новодел»: на Монетном дворе с 1827 г. хранились незакаленные штемпели так называемого рейхелевского рубля Николая I. Потерпев неудачу с портретным константиновским рублем в 1825 г., Я. Я. Рейхель решил снова попытать счастья в 1827 г. и вырезал штемпели с портретом Николая, но тот забраковал их еще по оловянному оттиску¹⁶⁷. В 1879 г. по ходатайству великого князя Георгия Михайловича их закалили и отчеканили шесть монет. Одну из них получил Эрмитаж. (Возможно, в следующие годы было отчеканено еще некоторое количество этих монет — они встречаются чаще, чем можно было бы ожидать.)

В том же 1879 г. в коллекцию лег, наконец, и рубль Константина. Хранившиеся в секретном Архиве министерства финансов с 1825 г. в самой строгой тайне пять опальных монет были рассекречены, и одна попала в Эрмитаж. Оставив себе еще одну из пяти, Александр II остальные раздарил. Его монета, хранившаяся в Зимнем дворце, позже была передана Эрмитажем Историческому музею. Еще в 1873 г. упомянутый выше А. В. Трубецкой подарил в Эрмитаж экземпляр «парижского» модельного константиновского рубля — к слову сказать, не менее редко, чем подлинный, — но он без записи в книгу поступлений был положен в не имевшую каталога коллекцию подделок. А. А. Ильин после 1920 г. извлек его оттуда и ввел в собрание, так как ошибочно считал его подлинной монетой.

¹⁶⁶ Die Gothard Minus'sche Thaler und Medaillensammlung. Die Adolf Preiss'sche Sammlung von Münzen und Medaillen der Baltischen Provinzen. Bearb. von F. Wesener. Br. Egger. Wien, 1874.

¹⁶⁷ А. А. Маркова слыхала от отца, А. К. Маркова, «предание», сохранявшееся среди нумизматов Эрмитажа, о том, что Николай увидел на проекте Рейхеля отрубленную голову и был очень раздражен им.

О. Ф. Ретовский

В 1884 г. министерство финансов передало в Эрмитаж и хранившиеся в его архиве вместе с монетами штемпели константиновского рубля. В 1917 г. А. К. Марков получил оставшиеся там 17 оловянных оттисков, сделанных в процессе работы над штемпелями, и оригинальный проектный рисунок рубля на пергаменте.

Во второй половине XIX в. в коллекции Эрмитажа иностранные медали все еще не отделялись от монет и в каталогах описывались вместе с ними под своим годом. Исключение составляли только коллекция «знаменитых мужей», подбиравшаяся из любых медалей в алфавитном порядке фамилий изображенных на них лиц (не относившихся к правящим семействам), и коллекция русских медалей, которой с особым увлечением занимался Ю. Б. Иверсен. Ее пополнение медалями текущих выпусков имело самый регулярный характер. В 1866 г. был приобретен золотой знак члена Комиссии нового уложения 1766 г., принадлежавший депутату Янову и сохранивший массивную золотую цепочку, на которой полагалось его носить. Много медалей, включая и уникальные золотые петровского времени, пришло в Эрмитаж с упоминавшейся выше коллекцией К. Ф. Шролля. В 1882 г. была куплена за 1 тыс. руб. уникальная золотая медаль, отчеканенная в 1814 г. в Екатеринбурге по заказу владельца Верхнейвинского прииска А. И. Яковлева на обкованном в форме кружка самородке золота (1 ф. 34 зол.), добытом на прииске в присутствии владельца в 1813 г.

В 1901 г. в Эрмитаж была доставлена золотая медаль с кольцом для ношения Екатерины II — «Поборнику православия», замечательная тем, что она была найдена водолазом при обследовании в Чесменской бухте остатков погибшего в знаменитом сражении корабля «Св. Евстафий». В Эрмитаже имеются несколько золотых экземпляров этой недатированной медали разных размеров и такие же серебряные медали обычного типа солдатских наград, все с ушками, но никаких данных о наградном значении золотой медали не было известно. Характер находки позволяет относительно датировать и твердо признать эти медали награжденными.

В 1890 г. у А. А. Шумахера куплен весьма редкий экземпляр подлинной наградной медали 1802 г. — каргопольского купца П. Баранова,

по-видимому, брата известного руководителя Российско-американской компании. Подобные медали известны обычно только в медных оттисках, так как каждая чеканилась в золоте только в одном экземпляре, а многие именные штемпели уничтожались. В 1896 г. Ю. Б. Иверсен настоял на покупке большой золотой медали в память открытия памятника Петру I на Сенатской площади в 1782 г., так как по данным, сообщенным продавшем ее лицом, он пришел к заключению, что это был экземпляр создателя памятника — Фальконе.

Разные по величине группы медалей приобретались в 1862 г. у Никитиной, в 1863 г. у епископа Ульмана¹⁶⁸, в 1887 г. у князя Голицына (около 150 медалей) и в 1897 г. 61 медаль у Лемма. Можно думать, что во всех слишком кратких записях об этих приобретениях имеются в виду иностранные медали. Несколько раз отмечалась присылка групп медалей из-за границы.

Разборка кладов, в огромном количестве присылавшихся из Археологической комиссии, все сильнее загружала двух хранителей отделения, оставляя все меньше времени для нормальной работы над коллекциями, в которых насчитывалось уже около 175 тыс. монет и медалей. Ю. Б. Иверсен не раз поднимал вопрос об увеличении числа сотрудников отделения, но только в 1898 г. на должность ассистента был принят Евгений Мартынович Придик (1865—1935). В следующем году он стал хранителем античных монет, однако его работа в отделении вскоре прервалась: в начале 1904 г. он стал старшим хранителем отделения древностей вместо умершего Г. Е. Кизерицкого, и отделение надолго осталось без специалиста по античной нумизматике. Только в 1919 г. Е. М. Придик возвратился в отдел нумизматики и работал до 1930 г., оставив несколько исследований по античным монетам.

После смерти Ю. Б. Иверсена старшим хранителем был назначен А. К. Марков, остававшийся руководителем отделения до 1920 г.¹⁶⁹ На освободившуюся должность хранителя тогда же был принят Отто Фердинандович Ретовский (1849—1925) (рис. 15), бывший преподаватель Феодосийской гимназии. Годы работы в Крыму сделали нумизмата-любителя крупным специалистом. Не имея востоковедческой подготовки, он тем не менее стал автором ценного исследования о монетах Гиреев и о генуэзско-татарских. Еще одну область его научных интересов составляла нумизматика трапезундских Комнинов. В 1903 г. Ретовский собирался продать известному московскому собирателю П. В. Зубову (1862—1921)¹⁷⁰ свое превосходное собрание монет Гиреев (1094 экз.); А. К. Марков настоял на приобретении его Эрмитажем. Собрание генуэзско-татарских монет купил у Ретовского автор известного корпуса монет Италии король Виктор-Эммануил, коллекция монет Прибалтики была продана в

Рис. 15. Экслибрис
О. Ф. Ретовского

¹⁶⁸ Вероятно, К. Х. Ульман (1793—1871), один из руководителей евангелической лютеранской консистории в Петербурге. См. А. В. Морозов. Каталог моего собрания русских гравюр и литографий, т. IV. СПб., 1913, стр. 1115.

¹⁶⁹ ZfN, Bd XXXVI, 1926, S. 155—158; ТГЭ, т. IV, 1961, стр. 6, 7.

¹⁷⁰ Некролог — Среди коллекционеров, кн. 1, 1922, стр. 38, 39.

1912 г. на аукционе за границей¹⁷¹. Незадолго до смерти Ретовский продал Эрмитажу коллекцию монет Тевтонского ордена и Пруссии, а коллекция трапезундских монет и ценное собрание западноевропейских медалей были приобретены у наследников¹⁷².

В 1905 г. А. К. Маркову удалось получить первые небольшие ассигнования на оплату сотрудника «по вольному найму»: для приведения в порядок дублетного фонда, из которого подбиралась очередная партия монет для реализации за границей, был привлечен преподаватель латинского языка одной из гимназий Петербурга Вальтер Рихардович Фохт (1864—1941), работавший в 1905 и 1906 гг.

В 1908 г. общее неудовлетворительное состояние инвентаризации в масштабах всего музея привело к созданию специальной комиссии. Ее конкретной задачей было выработать предложения по организации учета, но она затрагивала и многие другие наиболее важные вопросы — вплоть до правового положения музея и проблемы будущих кадров хранителей.

В рапорте, представленном в связи с организацией комиссии, А. К. Марков привел сведения о составе и состоянии коллекций и указал на самые неотложные задачи, стоявшие перед отделением: «изгнание» медалей из монетных коллекций; решительная чистка последних от многочисленных подделок и «новоделов» (по подсчетам Маркова, их было там около 2 тыс.); улучшение построения коллекций и систематизации монет в них; наконец, выработка такой формы каталогов, которая позволяла бы, расширяя коллекции, пополнять одновременно и каталог записями на соответствующих местах. Монеты лежали в коллекциях в соответствии с каталогами 1850—1860-х годов, но почти все, что поступило в течение второй половины столетия, отмечалось, и то не всегда, только в книгах поступления и оставалось неразобраным и не присоединенным к коллекциям. Большое количество дублетов, несмотря на возможность продавать их время от времени, тоже отнимало время и силы сотрудников.

Марков указывал, что им уже выделено из коллекций около 11 тыс. медалей, и монеты раскладываются в заведенных им металлических коробочках — пока еще без этикеток. Следует отметить, что при этой раскладке, по-видимому, были окончательно утрачены данные о происхождении большого числа монет эрмитажного собрания, хотя наличие старых книг поступлений во многих случаях оставляло возможность сохранить их.

Считая, что в коллекциях находится значительное количество дублетов, еще подлежащих выделению, Марков приводил следующие данные: греческие монеты — 20 580, римские — 15 000, византийские — 8000, сасанидские 3000, мусульманские — 17 675, восточные стекла — 1237, армянские монеты — 86, грузинские — 400, дальневосточные — 5200, колониальные — 3000, польские — 3500, голландские — 5000, других западноевропейских государств — 57000, медали западные — 11000, жетоны — 1000, русские монеты удельного периода — 2500 и монеты Новгорода и Пскова — 3000, монеты XVI—XIX вв. — 10600, русские медали — 3000. Только мусульманские монеты были охвачены составленным Марковым «Инвентарным каталогом», но вне этой коллекции оставалась только что полученная тогда огромная коллекция В. В. Вельяминова-Зернова, к которой мы вернемся ниже.

В результате Монетное отделение получило наибольшие ассигнования, 7 тыс. руб. в год, и на наибольший срок, на 5 лет, в расчете на то,

¹⁷¹ A. Hess Nachf. Auktionskatalog von Münzen und Medaillen verschiedenen Länder... und Münzen der Baltischen Provinzen. F. a. M., 1912.

¹⁷² ZfN, Bd. XXXVI, 1926, S. 289—293; O. Retowski. Die Münzen der Komnenen von Trapezund.— HC, t. I. M., 1911.

что за этот срок все будет сделано; два года спустя уже спокойно говорили о том, что понадобится 15 лет, если не будет слишком больших новых поступлений.

В 1909 г. в отделении под руководством Маркова и Ретовского работали уже четыре внештатных сотрудника: вновь приглашенный В. Р. Фохт занимался каталогами античных монет Африки и селевкидов до 1910 г., когда он стал профессором Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине. В том же году начал работать «по вольному найму» Степан Артемьевич Гамалов-Чураев (1857—1923), бывший преподаватель древних языков, а затем директор гимназии в г. Вознесенске. В 1912 г. он был «причислен к Эрмитажу без содержания», т. е., продолжая получать оплату «по вольному найму», уже считался служащим Эрмитажа. В 1916—1918 гг. он возглавлял библиотеку Эрмитажа, а в 1919 г. возвратился в отдел нумизматики и занимался античным собранием и монетами Грузии и Армении. Занимаясь с 1915 г. в архиве Министерства двора, он собирал материал по истории Эрмитажа и опубликовал посвященные ей две статьи. Несколько его нумизматических работ увидело свет уже в советское время.

Каталогизацией монет домусульманской Индии и кушанов в 1909—1910 гг. занимался Константин Иосифович Симоналович; в 1911 и 1912 гг. он уже писал каталог польской коллекции, не успев закончить его из-за отъезда на службу в Пекин. Наконец, каталогом итальянских и французских медалей занимался «кандидат на классную должность» Г. Б. Мейер (умер в 1912 г.), который в 1911 г. переключился под руководством Маркова на работу по интенсивно пополнявшейся библиотеке.

В 1910 г. прибавился еще один «инвентарщик», как назывались в документах вольнонаемные инвентаризаторы, — Валентин Андреевич Шугаевский, ученик А. К. Маркова по Археологическому институту. Он работал по 1917 г. и занимался каталогом монет Рима. Впоследствии он получил известность как автор ряда исследований по денежному обращению Украины.

В том же 1910 г. сразу после окончания Университета в качестве «причисленного» начал работать Роман Романович Фасмер (1888—1938). В 1920 г. он сменил А. К. Маркова на посту хранителя восточного собрания и выполнил большое число исследований по восточной нумизматике, опубликованных в СССР и за границей. Разработанная им методика исследования кладов восточных монет оказала плодотворное влияние на аналогичные исследования и в других областях нумизматики¹⁷³. Еще одним новым сотрудником «по вольному найму» был работавший по 1912 г. доцент Петербургского университета Василий Михайлович Алексеев (1881—1951), который занимался монетами дальневосточного собрания. Фактически его занятия в Эрмитаже начались раньше: первая публикация их вышла еще в 1907 г.¹⁷⁴

Занимаясь огромной организационной работой по отделению и находя время вести большую хранительскую и исследовательскую работу над восточным собранием, А. К. Марков уже просто не имел никакой возможности уделять достаточное количество времени работе над глубоко интересовавшим его огромным фондом западноевропейских средневековых монет. В течение ряда лет, даже располагая специальными ассигнованиями, ему не удавалось подобрать специалиста соответствующей квалификации. Только в 1912 г. начал работать над каталогами западноевропейских монет Николай Павлович Бауер (1888—1942), который в дальнейшем стал хранителем западноевропейских монет и работал

¹⁷³ ТГЭ, т. IV (нумизматика), 1961, стр. 7, 8.

¹⁷⁴ В. М. Алексеев. Описание китайских монет и монетовидных амулетов, находящихся в нумизматическом отделении имп. Эрмитажа. СПб., 1907.

в Эрмитаже до 1938 г., выполнив ряд ценных исследований по русской и европейской нумизматике. По ряду соображений, связанных с отчетностью по ассигнованиям, удобнее было начать каталогизацию западно-европейского отделения с монет нового времени; тем не менее Н. П. Бауер, движимый личными научными интересами, заметно продвинул вперед первичную систематизацию фонда средневековых монет.

В 1913 г. окончанием польского каталога занимался по вольному найму К. Б. Пляге, а в 1914 г. работу над дальневосточным собранием после В. М. Алексеева продолжил Николай Александрович Невский (1892—1945), работавший до отъезда в Китай в 1915 г. Вернувшись на родину только в 1929 г., он с 1934 по 1938 г. работал в отделе Востока Эрмитажа и уделял внимание и нумизматическим коллекциям. В 1962 г. он был посмертно удостоен звания Лауреата Ленинской премии за работу «Тангутская филология»¹⁷⁵. Одновременно с Н. А. Невским начал работу над каталогом русских монет «императорского периода», т. е. от времени Петра I, Владимир Яковлевич Криваксин, который в 1917 г. закончил его, вписав последние монеты последнего императора Николая II¹⁷⁶.

Еще в 1915 г. началась подготовка коллекций к эвакуации, и в конце 1917 г. С. А. Гамалов-Чураев сопровождал первую партию ящиков в Москву. Нормальная работа музея на несколько лет прервалась.

Выше уже было названо несколько собирателей, античные монеты которых переходили к Эрмитажу после 1900 г. Фракийская коллекция К. Н. Лишина была выдающимся пополнением эрмитажного античного собрания между 1900—1917 гг. Неоднократно доставляли монеты в этот же период А. А. Гассиев, живший в Елизаветполе «надзиратель за казенными землями»¹⁷⁷, и петербуржец И. А. Балас. После 1900 г. в документах Эрмитажа встречаются имена неоднократно продававших античные монеты барона К. Ф. Таубе, Н. В. Белозерского, впоследствии ставшего сотрудником Эрмитажа, и Н. И. Репникова. У Н. И. Казаринова были выбраны из коллекции 22 недостававшие монеты Тирры; подобным же образом в 1912 г. Н. И. Владыкин разрешил выбрать из его коллекции около 150 античных и византийских монет. В 1900 г. у профессора Вюрцбургского университета П. Вольтерса куплена коллекция из 60 тессер; директор Керченского городского банка А. В. Новиков в 1901 г. передал в дар коллекцию античных свинцовых гирек, в 1912 г. была получена завещанная умершим за границей уроженцем Одессы Делием античная коллекция, включавшая 68 золотых монет.

Различные группы монет приобретались у Фабрициуса, Николаева, киевского коллекционера Т. В. Кибальчича и у вдовы полковника Яснецкого. В 1911 г. у Б. Ф. Лемеш-Лемешинского в Одессе куплено несколько десятков монет, в числе их 11 золотых, а в 1914 г. у собирателя А. Черкеса в Житомире — несколько древнееврейских монет.

Из года в год доставлял группы монет Б. Т. Миндизов из Москвы, имевший, по-видимому, какие-то связи с Болгарией: в одном из его писем упоминается предстоящая поездка туда; среди купленных у него монет было много фракийских. Неоднократно доставляли монеты торговцы Л. Гохман из Очакова и Т. Марджанов из Аккермана. Но особенно большие закупки осуществлялись у Нури-бея в Константинополе: с 1904

¹⁷⁵ Л. Л. Громковская. Невский Н. А. — Бюллетень Архива востоковедов (Институт народов Азии АН СССР, ЛО), вып. III, Л., 1963, стр. 29—52.

¹⁷⁶ В. Я. Криваксин с 1899 г. был членом Московского нумизматического общества.

¹⁷⁷ Н. В. Белозерский. Справочная книга для коллекционеров памятников старины в России (преимущественно монет). СПб., 1903, стр. 39. Здесь же см. многие упоминаемые ниже имена собирателей.

по 1914 г. им прислано больше 1000 монет. В 1916 г. в последний раз были переведены деньги за монеты за границу — в Лондон Спинку за монеты Иудей.

Расширяя свои возможности делать закупки за границей и одновременно расчищая свой дублетный фонд, в 1914 г., всего за месяц до начала войны, Эрмитаж продал венской фирме братьев Эггер огромную партию античных и византийских дублетов — больше 18 тыс. штук.

Наиболее видным пополнением, пришедшим из Археологической комиссии, был золотой Туапсинский клад 1915 г., состоявший из статеров Лисимаха¹⁷⁸.

Для восточного собрания А. К. Марков, как уже указывалось, приобрел ценную коллекцию монет Гиреев у О. Ф. Ретовского в 1903 г. В том же году у владельца одной из лучших в России восточных коллекций, уже упоминавшегося П. В. Зубова, было куплено из числа его дублетов 20 золотых мусульманских монет (замечательное собрание Зубова было завещано им Историческому музею). Позже от П. В. Зубова были приобретены подбор колониальных монет. Золотые монеты династии Суфи были куплены в 1900 г. у А. Г. Ковалева, 10 золотых монет Ихшидидов в том же году доставил русский консул в Иерусалиме А. Г. Яковлев, а в 1906 г. от него снова были получены монеты. Несколько десятков монет, в том числе много сасанидских, куплено в 1907—1908 гг. у В. П. Городецкой (у нее приобретались и античные монеты). Около 50 монет купили в 1909 г. у П. П. Невзорова. В 1914 г. в коллекцию вошло 17 динаров из клада, открытого на склоне городища Афрасиаба.

Наиболее замечательным пополнением была огромная, отлично упорядоченная и снабженная каталогом коллекция академика В. В. Вельяминова-Зернова (1830—1904)¹⁷⁹ — 18 тыс. восточных монет, принесенных в дар вдовой собирателя согласно его воле, выраженной в предсмертном письме. Привезя коллекцию из Киева, А. К. Марков писал в рапорте, что эта коллекция является «самой большой и самой полной из всех существующих собраний этого рода у частных лиц и может быть оценена от 30 до 40 тыс. рублей».

Великий князь Сергей Михайлович в 1911 г. подарил 54 индийские монеты; в следующем году Марков осуществил обмен дублетами с Мадраасским музеем. По-прежнему отбирались монеты по аукционным каталогам, а в некоторых случаях для просмотра присылались и сами монеты. Небольшие группы приобретались у Х. Х. Гиля (1903), В. П. Рот (1907) и Н. В. Белозерского (1911).

Для дальнейшего развития дальневосточного собрания заметное значение имела купленная в 1914 г. казной коллекция псковского купца Ф. М. Плюшкина (1837—1911)¹⁸⁰. Это был поистине подвижник собирательства. Не имея образования и достаточных знаний, он покупал едва ли не все, что только ему предлагали, — целые коллекции и отдельные вещи. В его собрании предметов искусства, археологии и нумизматики превосходные вещи перемежались с убогими подделками, но то и другое было одинаково дорого ему.

Часть монет была оставлена Псковскому музею, а около 38 тыс. досталось Эрмитажу. Н. А. Невский, обрабатывавший это поступление, ввел в собрание 33 ямба и много китайских монет. В русское собрание

¹⁷⁸ А. Zograph. The Hoarse Hoard.— NC, Ser. V, v. 5, p. 29—52.

¹⁷⁹ Н. И. Веселовский и Владимир Владимирович Вельяминов-Зернов, 1830—1904.— ЖМНП, ч. 352, 1904, отд. IV, стр. 197—212.

¹⁸⁰ И. Страковский. Ф. М. Плюшкин. Некролог.— Старая монета, 1911, № 5, стр. 79—80; П. В. К продаже плюшкинского собрания.— Старые годы, 1912, октябрь, стр. 34.

П. В. Зубов

Ф. М. Плюшкин

Академик В. В. Вельяминов-Зернов

поступил интересный «русско-китайский» слиток весом в $\frac{1}{8}$ фунта. Партии подобных прямоугольных плиток серебра весом от $\frac{1}{16}$ до 1 фунта в течение XIX в. каждые несколько лет изготовлялись Петербургским монетным двором для нужд Пекинской духовной миссии¹⁸¹. В собрание Эрмитажа вошло из этой коллекции немалое количество западноевро-

¹⁸¹ Н. И в о ч к и н а. По поводу одной атрибуции.— СГЭ, вып. XXVI, 1965.

пейских монет. Русское собрание получило большое пополнение слитков. К сожалению, Ф. М. Плюшкин не придавал значения паспортизации своих монет; даже десяток монетных кладов, сохраненных им целиком и с кубышками, не имел никаких данных о происхождении.

В 1905 г. А. К. Марков добился передачи из министерства финансов доставленной туда главным инженером Восточно-китайской железной дороги А. О. Юговичем коллекции, состоявшей из трех золотых и четырех серебряных слитков, серебряных и медных монет и ассигнаций, собранных в Гиринской провинции. Около 160 монет, в том числе 12 золотых, было выкуплено в два приема у Русско-китайского банка. В 1903 г. была куплена коллекция у полковника Белозора, в 1905 г.— у Н. Попова, в 1910 г.— большая коллекция из 4413 монет Китая, Японии, Аннама и других государств Дальнего Востока у капитан-лейтенанта И. И. Белавенца. Вероятно, эта коллекция была составлена ученым моряком И. П. Белавенцем (1830—1878), участником кругосветных плаваний, в том числе и на фрегате «Паллада». В том же году министерство финансов передало в Эрмитаж составленную в 1890-х годах коллекцию дальневосточных монет нового времени.

Большое количество скопившихся в музее дублетов превращалось в обузу для него, поскольку инвентаризация и хранение их отвлекали от работы над основным собранием. Добившись права продавать их за границей, отделение получило возможность в широких масштабах производить закупку недостававших монет у зарубежных фирм. Развивая это начинание, А. К. Марков в 1914 г. впервые осуществил подобную продажу внутри страны. Симбирскому собирателю Х. Т. Актуруину (члену Московского нумизматического общества) была продана за 2 тыс. руб. подобранная из дублетов большая коллекция восточных монет, включавшая 7447 экз.

В 1906 г. в Лейпциге была куплена, главным образом в интересах пополнения западноевропейского собрания, коллекция К. Г. Тиме (умер в 1893 г.), издателя «Numismatischer Verker» и «Blätter für Münzfreunde», включавшая больше 33 тыс. исключительно медных монет. Она дала несколько тысяч недостававших монет и для восточного собрания, в том числе большое число китайских. Это ценнейшее собрание было куплено за счет сумм от продажи дублетов у его родственника К. Тиде, служившего в Петербурге. Приобретение этой совершенно замечательной коллекции имело важнейшее значение для существенного улучшения западноевропейского собрания. Тщательно подобранная по сохранности монет, что в отношении меди является особенно высоким достоинством¹⁸², и совершенно не включавшая дублетов, она почти без остатка была поглощена коллекциями отдела, в которых медные монеты, как уже указывалось, были представлены очень слабо.

А. К. Марков в рапорте о приобретении привел интересные цифры: в коллекции монет Португалии было только 15 медных, а из коллекции Тиме пришло 345; в испанской — соответственно 75 и 511, монет Барселоны — 6 и 105, Милана — 40 и 114, Тосканы — 11 и 63, Лукки — 5 и 58, папских монет — 58 и 916, Гессен-Касселя — 15 и 158, Рейсса — 21 и 182 и т. д. В 1909 г. К. Тиде согласился предоставить Эрмитажу право выбрать только нужные монеты, и из биллонной коллекции Тиме было приобретено еще 1180 монет.

Кроме монет, которые целиком вошли в эрмитажное собрание, значительную часть коллекции Тиме составляло превосходное собрание все-

¹⁸² По сравнению с другими металлами медная монета сравнительно редко возвращается в казну, которая мало заинтересована в добротности ее, и поэтому обычно остается в обращении до полного износа.

И. И. Толстой. Скульптура И. Гницбурга

возможных металлических знаков-марок, начиная от немецких, итальянских, английских, французских и т. п. счетных марок («рехенпфениги») за все время их существования и кончая промышленными — рудничными, торфяными, фабричными, транспортными, сельскохозяйственными (в основном марки польских «добр») и городскими — марками для учета выполнения гражданских повинностей, благотворительными, церковными и т. п. Почти исключительно за счет коллекции Тиме сложились коллекции токенов. Каталог коллекции счетных марок был составлен только после 1945 г.

Около 500 польских монет было куплено в 1903 г. у О. Г. фон Валя¹⁸³, в 1911 г. была куплена польская же коллекция у Н. В. Белозерского (346 монет), у профессора Решетара в Вене — коллекция из 65 рагузских монет. В 1912 и 1916 гг. более 300 самых различных монет было приобретено у профессора Догеля — от средневековых монет Европы до монет государств Америки.

¹⁸³ Н. В. Белозерский. Указ. соч., стр. 14.

Довольно много покупок делалось у петербургских торговцев монетами — Н. Холодковского, А. Эльтермана, А. Копылова, С. Торсунова, а также у В. Бернштейна в Варшаве и у рижского торговца В. Пагаста, регулярно доставлявшего списки новинок.

В 1903 и следующих годах частями приходили в Эрмитаж из Археологической комиссии монеты средневекового клада из имения Велла — западноевропейские, византийские и восточные¹⁸⁴. По мнению Маркова, большой интерес представлял переданный Эрмитажу по решению Собора Киево-Печерской лавры большой клад пражских грошей (1140) и джучидских монет (1066), найденный в 1904 г на территории Больничного монастыря Лавры.

Коллекция древнерусских монет пополнилась до 1917 г. сребреником Владимира, купленным у инженер-капитана В. Е. Геце в Киеве (1905), и Святополка — в магазине Эльтермана в Петербурге в 1910 г., а в 1914 г. — четырьмя целыми и несколькими обломками сребреников из клада, найденного в с. Денисы.

Самым крупным событием, блестяще завершившим дооктябрьский период истории эрмитажной нумизматической коллекции, было поступление в дар от академика Ивана Ивановича Толстого (1880—1954)¹⁸⁵ замечательной русской коллекции его отца, выдающегося русского ученого-нумизмата И. И. Толстого-старшего (1858—1916)¹⁸⁶. Выше рассказывалось о происхождении собрания Толстого. И. И. Толстой-старший, став единственным владельцем коллекции, активно улучшал ее при постоянном содействии Х. Х. Гиля, который в течение многих лет осуществлял подавляющее большинство приобретений для великого князя Георгия Михайловича и Толстого.

В 1885 г. продавалась русская коллекция упоминавшегося выше графа Э. К. Гуттен-Чапского; более 38 тыс. руб. заплатил за его медали великий князь, а очень хорошее собрание русских монет, составившееся в течение нескольких десятилетий, досталось Толстому. Чапский еще в 1853 г. купил большую русскую коллекцию ярославского помещика П. Шишкина. Монеты и медали Чапского опознаются по крохотному, едва заметному клейму собирателя, выбитому на многих из них (буква С охватывает полумесяц и звездочку). У упоминавшегося выше И. И. Горнунга в 1889 г. великий князь приобрел его коллекцию монет Петра I, известную по «Горнунговскому альбому»¹⁸⁷, а Толстому досталась пришедшая к Горнунгу очень хорошая коллекция монет удельного времени князя С. В. Долгорукова (1820—1853)¹⁸⁸. Точно так же была поделена проданная в 1895 г. графиней Шереметевой русская коллекция Н. П. Шереметева. Только за свою часть великий князь уплатил 15 тыс. руб.¹⁸⁹

Особенно замечательным пополнением толстовской коллекции было приобретение в 1877 г. 43 древнерусских монет Нежинского клада с коллекцией М. В. Юзефовича (1802—1889). В 1852 г. он был помощником попечителя Киевского учебного округа, ему и было поручено организовать

¹⁸⁴ И. В. Соколова. Византийские монеты клада Велла. — ТГЭ, т. IV, 1961.

¹⁸⁵ Иван Иванович Толстой. Вступ. статья И. М. Тронского, библиография Е. К. Заикиной. М., 1958.

¹⁸⁶ С. А. Жебелев. Граф Иван Иванович Толстой. 1858—1916. Пг., 1916; Русский исторический журнал, кн. 1—2, 1917, стр. 185, 188; ZfN, Bd. XXXV, 1926, S. 158—160.

¹⁸⁷ Нумизматический альбом Горнунга. Незавершенное издание, 69 пронумерованных таблиц с несколькими пропусками.

¹⁸⁸ Рукописные пометки Горнунга на принадлежащей В. Л. Янину брошюре: С. В. Долгоруков. Описание неизданных русских монет. СПб., 1850. (Уникальный золотой Ивана Грозного в 5 дукатов из собрания Долгорукова перешел к Историческому музею.)

¹⁸⁹ ЦГИАЛ, ф. 530, оп. I, № 93, ч. 2, л. 360, сл.

С. В. Долгоруков

розыски монет клада. Вручив 5 монет Бибикову, а 31 отдал в Мишцкабинет Киевского университета, все остальное он сохранил за собой¹⁹⁰. В 1880 г. И. И. Толстому удалось добыть в Одессе, одновременно с великим князем, экземпляр златника из клада 1870-х годов, найденного на Кинбурнской косе. Прекрасно были подобраны Толстым и монеты XIV — начала XVI в., которым он посвятил ряд своих исследований¹⁹¹.

В 1913 г. И. И. Толстой, интересы которого лежали в области допетровской нумизматики, продал свои монеты XIX в.¹⁹², среди которых был и шубертовский рубль Константина, ушедший в США. Теперь его коллекция заканчивалась монетами Екатерины II и включала около 20 тыс. монет и медалей. Замечательно полно были подобраны в ней такие группы как монеты для Пруссии, ливонезы, монеты для Финляндии и многочисленные пробные монеты XVIII в., чеканка отдельных монетных дворов, сибирские «угольные печатки» и многое другое. В таком виде русская коллекция досталась в 1916 г. по наследству академику И. И. Толстому. Превосходное византийское собрание И. И. Толстого, частично опубликованное им в 1912—1914 гг.¹⁹³, тогда же унаследовала дочь покойного Л. И. Толстая.

Через год, в середине 1917 г., в связи с немецким наступлением на северо-западном фронте в Петрограде сложилась тревожная обстановка; спешно вывозились ящики с армитажными коллекциями. 27 августа И. И. Толстой обратился к директору Эрмитажа с письмом, в котором писал о том, что ценность отцовского собрания и тревожное положение в Петрограде привели его к убеждению передать коллекцию в собственность государственного музея. Он попросил в память об его отце оста-

¹⁹⁰ ИРАО, т. VII, 1872, стр. 218. Снимки принадлежащих Юзефовичу 43 монет.

¹⁹¹ И. И. Толстой. Три клада русских денег XV и нач. XVI в.—ЗРАО, т. IV, 1890; Он же. Деньги великого князя Дмитрия Ивановича Донского.—ЗНОРАО, т. I, 1910; Он же. Монеты великого князя Василия Дмитриевича.—ЗНОРАО, т. II; Он же. Русская допетровская нумизматика. Вып. 1. Монеты Великого Новгорода. СПб., 1884; Вып. 2. Монеты псковские. СПб., 1896.

¹⁹² A. Hess Nachf. Sammlung Graf I. I. Tolstoi. Russische Münzen des XIX Jahrh. F. a. M., 1913.

¹⁹³ И. И. Толстой. Византийские монеты, вып. I—IX. СПб., 1912—1914. См. Русский исторический журнал, кн. 3—4, 1917, стр. 204.

Академик И. И. Толстой

вить коллекцию незыблемой и хранить ее отдельно. Не настаивая на немедленной выплате названной им суммы — 50 тыс. руб., составляющей часть фактической стоимости собрания, И. И. Толстой просил в случае возможности выплаты перевести ее на нужды рабочих больничных касс¹⁹⁴.

В заключении директора Эрмитажа указывалось, что фактическая стоимость коллекции составляет 300—400 тыс. руб. и что она должна быть безотлагательно принята и эвакуирована. 27 и 28 сентября Эрмитаж принял у И. И. Толстого 20 ящиков с монетами и 8 шкафов. Вместе с коллекциями Эрмитажа русское собрание Толстого было вывезено в Москву, а в ноябре 1920 г. заняло свое место в Эрмитаже. 5 августа 1921 г. А. А. Ильин обратился к И. И. Толстому с письмом, в котором, зная лично составителя коллекции и его высокий систематизаторский талант, высказал убеждение, что лучшим памятником для покойного было бы объединение коллекции с эрмитажной, при условии, что все монеты толстовского собрания в единой коллекции будут лежать на ярлыках особого цвета. И. И. Толстой в письме от 8 августа выразил согласие с точкой зрения А. А. Ильина; до конца жизни он сохранял интерес к русскому собранию Эрмитажа и иногда навещал его¹⁹⁵.

Для многих частей эрмитажного собрания и в настоящее время вполне очевидной основой являются монеты Толстого, лежащие на синих ярлыках. Только собрание древнерусских монет пополнилось новым экземпляром златника и 69 сребрениками. Эрмитаж получил 15 208 монет, из которых 342 были золотыми, и 6791 медаль, в том числе 83 золотые и платиновые. В сфрагистическое собрание вошла 21 древнерусская печать. А. А. Ильину пришлось заново составить десять томов каталога допетровских монет, а в написанных В. Я. Кривакиным томах каталога монет 1725—1796 гг. появилось множество дополнительных записей под литерными номерами на левой стороне листов. Русское собрание

¹⁹⁴ АГЭ, ф. I, оп. 5, 1917, № 42.

¹⁹⁵ В ближайшее время после приемки коллекции ход событий в стране сделал невозможной оговоренную в письме выплату, к чему И. И. Толстой относился с полным пониманием.

Эрмитажа и теперь лежит в добротных толстовских шкафах и в сделанных по их образцу шкафах А. А. Ильина (рис. 16).

Проблему правового положения Эрмитажа, которую еще в 1908 г. пытались поставить на обсуждение некоторые хранители, разрешила февральская революция 1917 г. Императорский музей стал государственным, и на очередь встал вопрос об оформлении в качестве государственной собственности огромных художественно-исторических ценностей, рассеянных в многочисленных дворцах и поместьях императорской фамилии.

Отделение нумизматики в 1917 г. наводило справки о местонахождении некоторых интересных коллекций. Так, было выяснено, что небольшая, но высокоценная коллекция сицилийских монет умершего в 1899 г. великого князя Георгия Александровича после его смерти поступила в собственность его брата Михаила и была доставлена в Гатчину, где лежала, всеми забытая. В июле 1917 г. А. К. Марков уже пытался начать получение монет и медалей, числившихся в имуществе Зимнего дворца, но успеха не достиг.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла перспективы огромного обогащения Эрмитажа, но в то же время, в корне меняя его «конституцию», должна была лишить его одного из наиболее эффективных источников постоянного пополнения: уже Февраль поставил под сомнение право Эрмитажа на отбор нумизматических материалов из находок и кладов всей страны, хотя Археологическая комиссия еще существовала, доживая последние дни перед превращением — уже в советских условиях — в Академию истории материальной культуры (ГАИМК). Поток «обязательных» пополнений должен был иссякнуть.

После Октябрьской революции А. К. Марков оставался руководителем Монетного отделения, вскоре переименованного в отдел нумизматики, состоявший из отделений античных, восточных, западноевропейских и русских монет.

В отделе нумизматики в 1918 г. медали, уже отделенные от монет, все-таки в самостоятельную группу хранения еще не выделялись. Но продолжавшийся пересмотр методологических позиций отдела вскоре при-

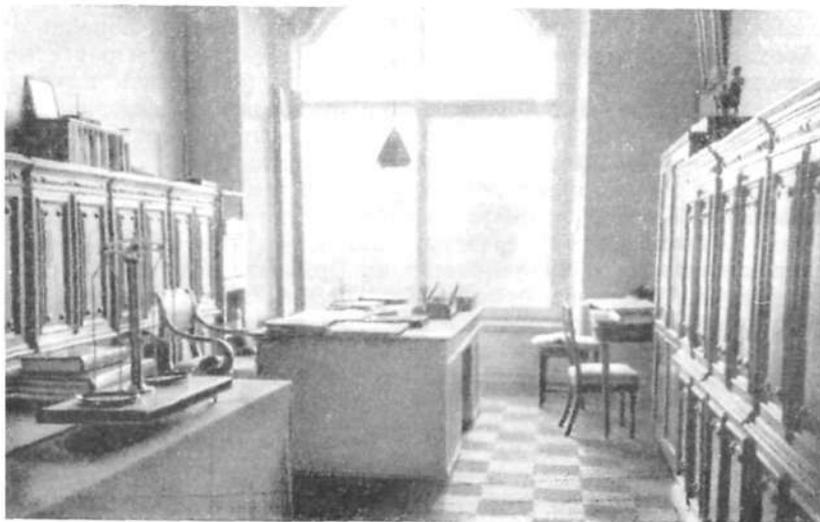

Рис. 16. Кабинет русских монет. 1963 г.

вел к решению организационно обособить медалистику от нумизматики, основные задачи которой все более четко определялись как задачи историко-экономические. В 1923 г. формировалась секция медалей, значительно позже, уже после войны 1941—1945 гг., ставшая отделением.

Еще около 1908 г. коллекция орденов, в свое время зародившаяся в Минцкабинете, была передана в отделение драгоценностей; но в 30-х годах началось обратное перемещение весьма умножившихся орденов в отдел нумизматики. Они поступали в ведение секции медалей.

Эрмитаж издавна был обладателем значительных сфрагистических материалов, хранившихся ранее в основном в Средневековом отделении. В ходе переосмысления структуры музея в 1918—1920 гг. отдел нумизматики должен был включить и сфрагистику в круг своих интересов. Вислю печати коллекции Плюшкина не уходили из отдела; к ним присоединились печати толстовской коллекции, а позже и сфрагистика строгановского собрания. В 1921 г. была принята приобретенная Эрмитажем еще в 1909 г. известная коллекция дрогичинских plomb К. В. Болсуновского¹⁹⁶. Группы plomb поступали и позднее. В 1938 г. от Института истории АН СССР были получены превосходное собрание византийских печатей академика Н. П. Лихачева¹⁹⁷ и часть его замечательной коллекции русских печатей (290 экз.), которая полностью собралась в Эрмитаже лишь к началу 1967 г. Коллекция византийских печатей остается в отделе Востока, где над ними ведется работа, а несколько сотен печатей (в основном Псковских), добытых в последние годы Псковской археологической экспедицией, хранятся в отделе русской культуры.

К иверсенсовскому собранию печаток в 1938 г. присоединилась ценная коллекция бывшего Гербового музея. Он возник по инициативе В. К. Лукомского (1882—1946)¹⁹⁸ в первые годы революции на основе фонда Гербового отделения департамента Герольдии Сената. Лукомский передал этому музею и часть личного собрания, сохранив ее этим от гибели: все, хранившееся у него дома, сгорело во время блокады Ленинграда. В 1940 г. была куплена коллекция печаток Н. Н. Щекатихина, более известного как исследователь литовских монет¹⁹⁹.

Достоянием отдела нумизматики стала в 1937 г. известная масонская коллекция Д. Г. Бурылина, переданная вместе с его библиотекой из Иваново-Вознесенского музея и состоящая в основном из иностранных и русских медалей и знаков²⁰⁰. Вокруг нее объединились различные группы масонских знаков других поступлений.

Таким образом, в круг хранительских и научных интересов отдела вошел ряд так называемых вспомогательных исторических дисциплин, более или менее близких к нумизматике.

Наличный состав отдела нумизматики в 1918 г. слабо обеспечивал потребности четырех отделений. Р. Р. Фасмер был призван в Красную Армию; до 1919 г. отсутствовал уехавший от голода Н. П. Бауер. Кроме А. К. Маркова в отделе оставался престарелый С. А. Гамалов-Чураев, который надолго отвлекался для работы по организации Центральной библиотеки Эрмитажа, и такой же престарелый О. Ф. Ретовский²⁰¹, уволившийся по старости в середине 1924 г. Оба умерли один за другим в 1923 и 1925 гг. В 1919 г. вернулся к работе в отделе Е. М. При-

¹⁹⁶ К. В. Болсуновский. Дрогичинские plombы, ч. I, Киев, 1884.

¹⁹⁷ В. Л. Янин. К столетию со дня рождения Н. П. Лихачева.—СА, 1962, № 2.

¹⁹⁸ Некролог — КСИИМК, XIV, 1947, стр. 120, 121.

¹⁹⁹ Рукопись исследования Н. Н. Щекатихина о литовской нумизматике хранится в отделе нумизматики Эрмитажа.

²⁰⁰ Т. Соколовская. Каталог масонской коллекции Д. Г. Бурылина. Русский отдел. СПб., 1912.

²⁰¹ R. Vasmer. Otto Retovski. Nekrolog.—ZfN., Bd. XXXVI, 1926, S. 289—293.

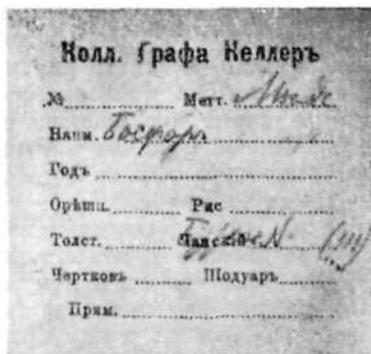

Рис. 17. Коллекционный конвертик графа Келлера

дик. Самым молодым сотрудником была Наталия Евгеньевна Гаршина-Энгельгардт (1887—1930), зачисленная в 1917 г. и работавшая в отделении античных монет до 1930 г. Одновременно она ведала нумизматической библиотекой.

Несмотря на то что основное собрание находилось в Москве, отдел был загружен совсем новой для него работой. В голодном и холодном Петрограде Эрмитажу пришлось заняться собиранием брошенных нумизматических материалов. Монеты и медали доставлялись в Эрмитаж из районных Советов и партийных организаций, из жилищных и коммунальных отделов, из Реввоенсовета Балтфлота и ЧК, из различных лик-

видировавшихся учреждений вроде Сиротского суда или Ссудной кассы, из осваивавшихся под жилье или новые учреждения дворцов и особняков знати. Часто из-за нехватки времени в документы вносилось лишь количество, а иногда даже только валовой вес полученного. Когда удавалось это выяснить, отмечалась бывшая принадлежность. Поступления опечатывались и убирались в кладовые.

Одной из первых попала в 1918 г. не представлявшая большой ценности коллекция барона Д. Г. Гинцбурга, известного как собиратель античных монет Иудей²⁰², которых как раз в поступлении и не было. В 1919 г. один из жилотделов Петрограда передал коллекцию Ю.Б. Иверсена, доставшуюся после его смерти сыну, эмигрировавшему врачу Ю. Ю. Иверсену²⁰³. Поступили небольшие коллекции преимущественно русских монет коммерции советника Н. А. Каммеля, графа Т. М. Лорис-Меликова, бывшего шталмейстера двора князя А. А. Куракина, А. К. Фаберже. Последний оставался в Петрограде и в следующие годы. У него несколько раз покупались или принимались в дар монеты. По просьбе сослуживцев была принята коллекция русских монет и медалей умершего в декабре 1919 г. ординатора больницы им. Эрисмана В. В. Реймера, который наследников не оставил. В 1919 или 1920 г. А. К. Марков принял около 3 тыс. греческих и русских монет графа Келлера²⁰⁴ — как можно думать, непосредственно от него (рис. 17).

Через Музейный фонд были получены коллекция медалей нового времени великого князя Петра Николаевича, преимущественно французские и австрийские плакетки, и упоминавшаяся коллекция сицилийских монет из Гатчины; из бывшей Ссудной кассы — западноевропейские коллекции А. Т. Шакол и юриста В. К. Бентковского, из ВЧК — коллекция смешанного состава Д. Ф. Юферова и большая коллекция античных монет (больше 3 тыс.) неизвестного происхождения, включавшая 132 золотые и электроновые. Из Русского музея передали античную часть коллекции известного собирателя, академика живописи М. П. Боткина (1839—1914), из Первого петроградского дома отдыха для рабочих — около тысячи медалей. Состоялось и первое поступление из Дворца искусств — Зимнего дворца.

²⁰² См. Н. В. Белозерский. Указ. соч., стр. 23.

²⁰³ Через Музейный фонд в Эрмитаж поступили другие, значительно более ценные части: иверсеновского собрания (гравированные портреты, экслибрисы и др.).

²⁰⁴ В справочной книге «Весь Петроград на 1916 г.» упомянуты два графа Келлеры — Василий Викторович и Михаил Павлович. На сохранившихся коллекционных конвертиках инициалы собирателя не указаны.

А. А. Ильин.
Рисунок П. И. Нерадовского

Несмотря на все трудности, какие испытывала тогда наша страна, Эрмитажу регулярно с 1918 г. отпускались средства на закупки. Одним из первых приобретений была превосходная коллекция византийских монет (1956 экз.) И. И. Толстого²⁰⁵ вместе с частью его нумизматической библиотеки, купленной у его дочери Л. И. Толстой. В следующем году у Н. В. Белозерского купили больше тысячи аршакидских монет; впоследствии у него еще не раз покупались интересные монеты преимущественно эллинистического Востока, в частности в 1928 г. около 300 монет Парфии, Элимаиды и Персиды. В книге поступлений он в последний раз упомянут в 1938 г. В 1921 г. при посредстве президента Академии наук А. П. Карпинского была приобретена редкостная по полноте подбора коллекция русско-грузинских монет XIX в. Ф. Ф. Копытковского, состоявшая из 166 экз.

А. К. Марков скончался 1 августа 1920 г.^{206—207}, совсем незадолго до возвращения из эвакуации нумизматического собрания. Новым заведующим, принявшим на себя всю тяжесть руководства восстановлением хранилища и коренной перестройкой работы, стал Алексей Алексеевич Ильин (1858—1942).

Воспитанник Лицея А. А. Ильин, руководитель «Картографического заведения А. А. Ильина», человек, занимавший в начале XX в. крупные должности — члена Государственного Совета по выбору от дворянства Петербургской губернии и члена Совета Государственного банка, член правления Российского общества Красного Креста во время Русско-японской войны и его председатель во время первой мировой войны, начал в 1890-х годах под влиянием Х. Х. Гиля серьезно заниматься русской нумизматикой. Даже став крупным специалистом, автором ряда публикаций и председателем Нумизматического отделения Русского археологического общества, он искренне считал себя любителем. В своей собирательской и издательской деятельности он, как и Гиль, был связан с И. И. Толстым и великим князем Георгием Михайловичем. Сперва

²⁰⁵ И. И. Толстой. Византийские монеты, вып. I—IX.

^{206—207} Русский исторический журнал, 1921, № 7, стр. 238; N. Bauer. A. K. Markov. Nekrolog.— ZfN, Bd. XXXVI, 1928, S. 155—158.

вместе с Гилем, а впоследствии один он осуществил систематизационную работу и каталогизацию для очередных томов Корпуса русских монет XVIII—XIX вв., что довольно невнятно отмечено в написанных великим князем предисловиях.

В 1918 г. при создании Академии истории материальной культуры А. А. Ильин был приглашен руководить секцией нумизматики и глиптики, просуществовавшей до 1929 г. Она объединила всех нумизматов Эрмитажа, включая и А. К. Маркова. Таким образом, их работа делилась на практическую, протекавшую в музее, и научную — в Академии.

Прежние чины и звания делали положение А. А. Ильина в первые годы Советской власти далеко не легким; но он неизменно продолжал работу как высококвалифицированный специалист-картограф, совмещая ее с работой в Эрмитаже. Его замечательные человеческие качества спискали ему большую любовь и уважение всего коллектива Эрмитажа.

С началом работы в Эрмитаже А. А. Ильин утратил интерес к собственной богатой коллекции русских монет и по мере обработки эрмитажного собрания он включал туда свои монеты, проводя через книгу поступлений очередной «дар NN». (Согласно его воле, все оставшиеся у него монеты — более 7 тыс. экз. — и библиотека были переданы вдовой в Эрмитаж в 1946 г.) Возглавляя отдел до 1930 г., А. А. Ильин провел развертывание возвращенных из эвакуации коллекций; к 1925 г. было закончено и устройство постоянной выставки, просуществовавшей до 1941 г.

Как хранитель Русского отделения — монетных коллекций и огромного собрания медалей, А. А. Ильин, немолодой и не полностью трудоспособный человек, проделал поразительно большую работу. Его рукою написаны десятки томов каталогов русских монет и медалей, над которыми он предварительно провел огромную систематизационную работу, соединив со старым эрмитажным собранием коллекции Толстого, Строганова, Академии наук и тысячи монет других поступлений.

Написанные В. Я. Криваксиным каталоги монет 1725—1917 гг. А. А. Ильин тщательно «вычистил» от «новоделов», составив особый каталог последних, и пополнил тысячами новых записей. Им были начаты каталоги двух новых коллекций: по его инициативе Эрмитаж в 1921 г. добился специального решения Совета Народных Комиссаров, обязавшего Народный комиссариат финансов передавать в Эрмитаж образцы всех изготовлявшихся на только что восстановленном тогда Монетном дворе монет, медалей, знаков и орденов. В начале следующего года в каталог были записаны первые монеты Советского государства 1921 г., а в 1930 г. начат каталог интереснейшей коллекции советских значков.

В изданиях ГАИМК и Эрмитажа опубликован ряд исследований А. А. Ильина; в 1928 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук.

Замечательного хранителя и крупнейшего исследователя античной нумизматики получил Эрмитаж в 1922 г., когда заведование отделением вместо очень состарившегося, почти ослепшего Е. М. Придика принял Александр Николаевич Зограф (1889—1942). Ученик А. В. Орешникова, А. Н. Зограф до этого, с 1914 г., работал в Московском музее изящных искусств. Заслуги этого блестящего ученого в создании советской школы нумизматов-античников неопределимы. В 1935 г. он стал заведующим отделом вместо Н. П. Бауера; в 1939 г. ему была присуждена ученая степень доктора исторических наук²⁰⁸.

Хранителем восточного отделения в 1920 г. стал отозванный из ар-

²⁰⁸ А. Н. Зограф. Краткая биография. — МИА, № 16, 1951, стр. 7—9.

мии Р. Р. Фасмера. Расцвет его научного творчества падает на годы его работы в советском Эрмитаже, где он трудился до 1934 г. К этому же времени относится и большинство опубликованных им в отечественных и зарубежных изданиях работ²⁰⁹. С 1923 г. начал работать с ним в отделе его ученик А. А. Быков, зачисленный в штат отдела в 1924 г., заменивший Фасмера как хранитель в 1934 г. и после смерти А. Н. Зографа ставший заведующим отделом.

Огромное западноевропейское отделение с более или менее упорядоченными монетами нового времени и почти не систематизированными средневековыми после А. К. Маркова принял Н. П. Бауер, работавший в Эрмитаже до 1938 г. Очень активно работал он и в секции нумизматики ГАИМК, много занимаясь русским средневековьем. В его отделении к концу 1920-х годов развернулась большая работа по систематизации и перестройке собрания, а в каталогизации принимало участие особенно много сотрудников. Некоторые из них надолго связали свою судьбу с Эрмитажем. Начавшая работать в Эрмитаже в 1927 г. дочь А. К. Маркова Анна Алексеевна Маркова в 1928 г. стала научно-техническим сотрудником под руководством Н. П. Бауера; она превратилась впоследствии в большого специалиста по европейской нумизматике. В 1946 г. она приняла отделение и заведовала им до ухода на пенсию в 1960 г. С 1924 по 1927 г. в отделении работал помощником хранителя Арсений Николаевич Насонов, занимавшийся также и русскими монетами.

Самостоятельному существованию секции медалей положил начало пришедший в отдел в 1923 г. Александр Александрович Сиверс (1866—1954). За пять лет он проделал большую работу по определению и систематизации огромного и в прошлом совершенно неорганизованного собрания иностранных медалей, которые он разделил на национальные школы и построил по годам деятельности медальеров (примечательно к систематизации известного труда Л. Форрера). Он успел закончить каталог итальянских медалей и в значительной части подготовил каталогизацию остальных коллекций. (Русские медали еще оставались в ведении А. А. Ильина, который составлял их многотомный каталог, придерживаясь старого «инверсеновского» принципа систематизации по датам событий, которым посвящены медали.) В ГАИМК А. А. Сиверс был участником топографических исследований находок кладов на территории СССР. Он оставил отдел нумизматики в связи с переходом на работу в Академию наук в 1929 г. Впоследствии А. А. Сиверс возглавил отдел нумизматики Исторического музея в Москве, где работал до смерти.

В изданиях ГАИМК были опубликованы исследования А. Н. Зографа и Е. М. Придика, Р. Р. Фасмера, С. А. Гамалова-Чураева и А. А. Быкова, А. А. Ильина, А. А. Сиверса и Н. П. Бауера; ряд работ был опубликован в зарубежных нумизматических изданиях. Таков был личный состав отдела, пока им ведал А. И. Ильин, т. е. до 1930 г.

После возвращения собрания из эвакуации в ноябре 1920 г., прежде чем начинать с ним какую-то работу, нужно было привести его в то состояние, в каком оно было до эвакуации. Но необходимость освоить и обработать весь новый материал, поступивший в 20—30-х годах, безотлагательно потребовала составления заново большинства научных каталогов или их пополнения и исправления. После открытия в 1925 г. большой постоянной выставки это стало основным содержанием работы отдела, соответственно влияя и на подбор новых сотрудников.

Была сохранена выработанная в свое время А. К. Марковым форма ведения каталогов, при которой заполнялась только одна сторона листа, что давало возможность вносить дополнения на чистой стороне под литерными номерами. Работа по систематизации была настоящей револю-

²⁰⁹ ТГЭ, т. IV, 1961, стр. 7, 8.

цией в стенах старого музея. Решительно отменялись устаревшие классификационные и методологические нормы середины XIX в. и освобождался наиболее передовой опыт музеев Западной Европы; происходили окончательное размежевание отделений и переосмысление и модернизация их структуры. Наибольшую сложность вносило то, что поток новых материалов, вливавшихся в собрание после 1925 г., еще только набирал силу и коллекции или хаотически запутанные партии монет и медалей поступали одна за другой, требуя обработки, а иногда и работы вне Эрмитажа; опередить этот поток было невозможно.

В 1921 г. в Эрмитаж были доставлены ящики с огромной коллекцией, включавшей 53 тыс. монет и медалей, в том числе 4500 золотых. Это универсальное собрание сложилось в результате деятельности по крайней мере двух Строгановых.

Наименее достоверны представления о нередко упоминаемой нумизматической коллекции получившего первым графский титул вместо прежнего баронского Александра Сергеевича Строганова (1733—1811), сенатора и члена Государственного совета, президента Академии художеств и директора Публичной библиотеки²¹⁰. Известно, что он не щадил денег на приобретение любых редкостей: Екатерина II говорила о нем, что при всем желании он никак не может разориться. Вполне возможно, что он собирал и монеты, но в довольно обстоятельном обзоре петербургских и московских художественных, естественноисторических и других коллекций, составленном в 1791 г., нумизматическая коллекция Строганова вовсе не названа, хотя авторы, отметившие его собрание живописи, явно интересовались нумизматикой и довольно подробно описали несколько других собраний²¹¹.

В справочной биографической литературе А. С. Строганову-старшему постоянно приписывают коллекцию другого Строганова — его однофамильца и тезки. Строгановский дворец, все имущество и долги А. С. Строганова унаследовал его сын Павел Александрович (1774—1817). Возможно, что и он не был чужд нумизматическим увлечениям: его воспитатель, деятель Великой французской революции Жильбер Ромм (1750—1795), был видным собирателем и даже вывез из России большую коллекцию русских медалей²¹².

Довольно подробные сведения имеются только о двух строгановских коллекциях, одновременно составлявшихся в Петербурге в XIX в.: графа Сергея Григорьевича (1794—1882) и его сына Александра Сергеевича (1813—1864). Отец пережил сына, и коллекции объединились в одних руках.

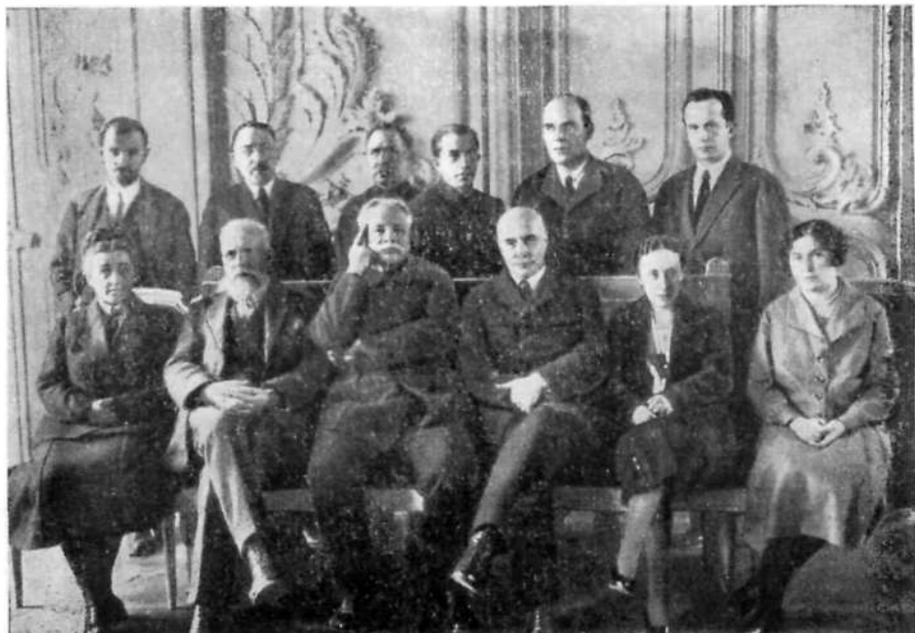
Строганов-сын, военный по профессии, начал с собирания римских монет, но в дальнейшем сосредоточил внимание только на западноевропейских монетах средних веков и нового времени. Его наставником и поставщиком монет, доставлявшим иногда, как утверждали, подделки заграничной фабрики, был Б. Кене, сочетавший свое менторство с положением ростовщика — кредитора молодого графа. Строганов-отец отчасти и по этой причине был большим недоброжелателем Кене²¹³. Для собрания А. С. Строганова были приобретены балтийские монеты рижской коллекции Бухгольца, части коллекций Эльснера и Оберндорфа в Вене и западноевропейская часть коллекции Ф. Г. Гагарина (1820—1854). Автор некролога, все тот же Кене, утверждал, что А. С. Строганов истра-

²¹⁰ Е. П. Карнович. Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1874, стр. 179, 180

²¹¹ Voyage de deux Françaises en Allemagne..., Russie et Pologne, fait en 1790—1792, v. III. Paris, 1796, p. 42—44.

²¹² Е. С. Щукина. Медальерное искусство в России XVIII в. Л., 1962, стр. 69.

²¹³ Воспоминания Ф. А. Оома.— Русский архив, кн. II, 1896, стр. 573.

Группа сотрудников отдела нумизматики, 1929 г. Сидят: Н. Е. Гаршина-Энгельгардт, Е. М. Придик, А. А. Ильин, А. А. Сиверс, Е. А. Соколова, А. А. Маркова. Стоят: А. Н. Зограф, Н. П. Бауер, Ф. Г. Гаврилов, А. А. Быков, А. А. Войтов и Р. Р. Фасмер

тил на коллекцию около миллиона (франков) и что после смерти собирателя в ней насчитывалось около 60 тыс. монет, в том числе 6 тыс. золотых ²¹⁴.

Выше указывалось, что в 1864 г. Эрмитаж отказался приобрести эту коллекцию; возможно, тут сыграла роль и дурная репутация «шефа» коллекции — Кене. Продажа так и не состоялась, и монеты перешли к С. Г. Строганову, пополнив его богатейшую коллекцию. Названное Кене количество монет может, скорее всего, указывать на наличие большого числа дублетов, что и не удивительно: по признанию самого Кене, источником ее пополнения были приобретаемые русские клады. Второй владелец постоянно лично работал над своим собранием, держал его в строгом порядке и, вероятно, освободился от дублетов.

С. Г. Строганов — попечитель Московского учебного округа, многолетний председатель Московского общества истории и древностей, а с 1859 г. председатель Археологической комиссии — увлекался античными монетами, собирая также византийские, русские и восточные ²¹⁵. К нему перешли составленные в России коллекции византийских и других монет П. Ю. Сабатье (1792—1869) ²¹⁶ — одного из основоположников русского византино-

²¹⁴ Revue de numismatique Belge, 4 serie, v. III, 1865, p. 271—275.

²¹⁵ W. Tiesenhause n. Notice sur une collection du monnaies orientales de m. le comte Stroganoff. SPb., 1880.

²¹⁶ J. Sabatier. Description générale des monnaies byzantines frappée sous les empereur d'Orient depuis Arcadius jusqu'a la prise de Constantinople par Mahomet II, v. 1—2. Paris—Londres, 1862.

Ф. Г. Гагарин

С. Г. Строганов. Гравюра К. Кастелли

П. Ю. Сабатье

ведения (Мурзакевич из-за своей нелюбви к иностранцам именовал его авантюристом) и Л. П. Сабатье²¹⁷.

Одним из наиболее ценных приобретений Строганова была античная коллекция известного французского археолога и нумизмата Ф. де Сольси²¹⁸, которая была сохранена в неразрозненном виде. Со строгановской

²¹⁷ Н. И. Веселовский. История имп. Русского археологического общества, стр. 25—30.

²¹⁸ F. de Saulcy. Numismatique de la Terre Sainte, description des monnaies autonomes et impériales de la Palestine et de l'Arabie Pétrée. Paris, 1874.

коллекцией пришли в Эрмитаж и многие редкие золотые монеты коллекции князя А. А. Сибирского, выкупленные у завладевшего ими скупщика просроченных вкладов Ссудной казны; по всей вероятности, и античные монеты коллекции В. В. Кочубея, находящиеся в Эрмитаже, прошли через руки Строганова. Среди русских монет было до 15 серебряников.

Если у А. С. Строганова-первого была нумизматическая коллекция, она, по всей вероятности, легла в основу коллекции С. Г. Строганова, так как последний был женат на его внучке, дочери П. А. Строганова, и унаследовал через нее строгановский майорат.

Строгановская коллекция несколько лет хранилась в опечатанных ящиках, которые для уточнения состава были вскрыты только в 1923 г. В 1925 г. она по особому решению правительства была передана Эрмитажу. Позже в Эрмитаж была доставлена коллекция медалей из строгановского поместья Марьино, а после 1928 г. при ликвидации Строгановского дворца-музея были переданы оставшиеся в его экспозиции итальянские медали²¹⁹; библиотека отдела обогатилась многими нумизматическими книгами Строганова.

Русские монеты и медали, вполне естественно, занимали особенно большое место в поступлениях; в гораздо большей мере это вело к количественному, чем к качественному, росту собрания Эрмитажа. Здесь наибольший процент уходил в дублиеты. Однако редкое поступление не обогащало чем-нибудь основное собрание. В 1922 г. Академия наук передала 143 золотые русские медали; из Музея Штиглица была передана находившаяся там на хранении коллекция бывшего председателя Русского исторического общества, упоминавшегося выше А. А. Половцева²²⁰, находившегося в родстве с бывшим владельцем музея. В 1923 г. из Музейного фонда пришли собрание портретных медальонов и медалей генерала И. Д. Орлова (1870—1917) и часть коллекции ставшего после Строганова председателем Археологической комиссии графа А. А. Бобринского — около 350 предметов. Позже там же нашлась еще небольшая часть этой коллекции. В 1934 г. поступило больше тысячи античных монет этого собрания, оказавшихся в распоряжении Музея Революции, а основная масса — больше 10 тыс. монет и медалей, почти исключительно русских XVIII—XIX вв., — вместе с дворцом досталась Историко-бытовому отделу Русского музея и только в 1941 г. была передана в Эрмитаж, а в отдел нумизматики — после 1946 г.

В дар от инженера-путейца Н. Н. Епанчина в 1922 г. была принята коллекция орденов и наградных медалей — около 100 предметов. В записях книги поступлений 1922—1924 гг. часто упоминаются монеты, поступившие в дар от собирателя А. П. Келлера (работавшего в Эрмитаже).

В 1923 г. передала Эрмитажу свои коллекции медалей и монет — больше 3 тыс. предметов — Академия художеств, а в 1931 г. к ним присоединилось еще почти 2500 античных монет этого собрания из Русского музея²²¹. Коллекция Академии художеств в значительной части составила за счет монет Варшавского университета и через несколько

²¹⁹ А. Н. Зограф. Строгановский дворец-музей. Итальянские медали. Пг., 1923.

²²⁰ Имп. Русское историческое общество, 1786—1916. Пг., 1916, стр. 140.

²²¹ Д. И. Прозоровский. Каталог русским и западноевропейским медалям и монетам, хранящимся в милицейском кабинете им. Академии художеств. СПб., 1868; Он же. Приложение к каталогу русских и западноевропейских монет и медалей. СПб., 1869; Он же (?) Каталог древних римских и византийских медалей и монет..., СПб., 1970; Он же. Второе приложение к каталогу русских и западноевропейских медалей и монет... СПб., 1871; Общее приложение к каталогам по милицейскому кабинету имп. Академии художеств. СПб., 1874; С. Н. Кондаков. Юбилейный справочник имп. Академии художеств 1714—1914, ч. I. СПб., 1914, стр. 100, 101.

лет вернулась в Польшу. Состоялась в 1923 г. первая передача из Музея Штиглица, ставшего филиалом Эрмитажа. По мере разборки его фондов оттуда в течение нескольких лет поступали различные группы предметов нумизматики.

В том же году было принято включавшее более 16 тыс. монет собрание Русского археологического общества, складывавшееся с 1846 г. главным образом за счет случайных пожертвований. Оно поглотило совсем немногие более или менее заметные коллекции: греческих и римских монет великой княгини Марии Николаевны, супруги первого председателя общества герцога Максимилиана Лейхтенбергского, — в 1847 г., Ф. К. Опочнина — в 1882 г., упоминавшегося собирателя восточных монет Е. Ф. Каля и др. Растворилось в нем несколько не особенно интересных кладов²²². Несмотря на некоторые попытки²²³, до конца существования общества это собрание оставалось не только не описанным, но даже и не разобранным. При обилии дублетного материала оно все же дало заметное пополнение для восточного собрания, коллекций слитков и ефимков и некоторых других разделов. Части нумизматической коллекции Археологического общества продолжали поступать в отдел нумизматики и позже, в порядке передачи из других отделов Эрмитажа, поделивших между собой музей общества.

Время от времени передавались в Эрмитаж монеты из ГАИМК — как из числа залежавшихся там старых фондов бывшей Археологической комиссии, так и из новых материалов, которые собирала Секция нумизматики и глиптики. В 1924 г. оттуда была получена состоявшая из нескольких сотен монет коллекция Православного Палестинского общества²²⁴. Поступления нумизматических материалов из ГАИМК продолжались и в следующие годы. Последней была передана в 1931 г. коллекция русских монет XVIII и XIX вв. издателя «Петербургского листка» Н. А. Скроботова.

В 1924 г. была принята коллекция видного петербургского собирателя Н. Ф. Романченко (1871—1923), который вместе с женой был убит бандитами²²⁵. После него осталось около тысячи античных, восточных и русских монет. Были получены богатая коллекция восточных монет из Шуваловского дворца-музея и небольшие коллекции русских медалей графа Паскевича-Эриванского и Юсуповых. В юсуповскую коллекцию входило ценное собрание орденов, среди которых имелись особенно редкие бухарские и другие восточные ордена. Еще одна часть этого собрания поступила в 1928 г.

В 1926 г. у наследников О. Ф. Ретовского купили его прекрасную коллекцию византийских трапезундских монет (1058 экз.) и несистематизированные восточные монеты. Группы восточных монет покупались у Ф. К. Геккера и В. А. Тарасова. Несколькими частями был приобретен известный Завалишинский клад куфических монет²²⁶. Известный

²²² Н. И. Веселовский. История имп. Русского археологического общества, стр. 326—337.

²²³ К. Боас. Каталог европейских медалей и монет, хранящихся в музее имп. Археологического общества. СПб., 1864; Д. И. Прозоровский. Каталог русским монетам, хранящимся в музее имп. Археологического общества. СПб., 1865; Он же. Каталог русским и западноевропейским медалям и монетам...; Он же. Дополнение к каталогу медалям и монетам... СПб., б/г; Он же. Описание Смоленского клада. СПб., 1881.

²²⁴ И. В. Помяловский. Описание древних и средневековых монет, принесенных в дар Православному Палестинскому обществу архимандритом Антонином. СПб., 1886.

²²⁵ А. Смирнов. Н. Ф. Романченко. Некролог.— Среди коллекционеров, 1923, 5, стр. 57, 58.

²²⁶ Р. Р. Фасмер. Завалишинский клад куфических монет VIII—IX вв.— ИГАИМК, т. VII, вып. 2, 1931.

делец советского книгоиздательского дела И. И. Ионов (1887—1942)²²⁷ принес в дар Эрмитажу больше 4 тыс. античных, византийских и русских монет. Вернее всего, это была какая-то старая коллекция, случайным образом оказавшаяся в его распоряжении: в русской части недавно удалось по почерку и особенностям надписей на старинной бумаге опознать монеты, принадлежавшие упоминавшемуся уже не раз петербургскому собирателю Г. И. Лисенко, а большое количество медных копеек Алексея Михайловича, по всей вероятности, представляет собою упоминаемый Лисенко клад из Порховской крепости.

В 1927 г. из хранилища Наркомфина было принято 1228 монет, преимущественно античных, в том числе 333 золотые и электровые. У ленинградского собирателя А. М. Михайлова, имя которого как дарителя часто встречается в книге поступлений, купили 1600 западноевропейских монет, у Л. А. Иозеф, наследницы убитого грабителями в 1918 г. видного петроградского собирателя Л. Х. Иозефа²²⁸, — коллекцию польских монет (258 экз.). Еще одна небольшая покупка была сделана у нее в 1928 г. Из Главнауки в 1927 г. доставили в Эрмитаж около 10 тыс. различных монет, происходивших, по-видимому, из каких-то московских фондов.

Из Музейного фонда в 1927 г. передали собрание французских, немецких и балтийских монет неустановленного происхождения (2600 экз.) и около 5 тыс. преимущественно русских монет из коллекции княгини В. Г. Урусовой. Музейный фонд в течение нескольких лет разыскивал эту хорошо известную коллекцию ее отца, гофмейстера двора Г. П. Алексеева, вывезенную из особняка доверенным лицом бывшей владелицы²²⁹. Алексеев был владельцем так называемого рубля Трубецкого — редкой подделки константиновского рубля, но этой монеты уже не оказалось: она ускользнула и позже кое-где мелькала.

Самым крупным и наиболее ценным пополнением русского собрания в 1927 г. было поступление из собрания Академии наук более чем 15 тыс. монет, в том числе 132 золотых. За счет этого и других поступлений, а также внутренних передач из бывшего Средневекового отделения быстро увеличивалось собрание русских слитков, над которым Н. П. Бауер уже начал тогда работу по восстановлению его кладовых комплексов²³⁰.

В очередном поступлении из библиотеки Зимнего дворца был принят экземпляр константиновского рубля, когда-то оставленный Александром II для себя. В 1930 г. эту редчайшую монету передали Историческому музею.

В 1928 г. античное собрание, кроме уже названных выше монет эллинистического Востока, купленных у Н. В. Белозерского, пополнилось замечательным золотым медальоном императора Константина, найденным в 1916 г. при сооружении окопов на юго-западном фронте²³¹ и принесенными в дар академиком С. Ф. Платоновым (1860—1933) 14 золотыми

²²⁷ См. Литературная энциклопедия, т. IV, 1930, стр. 556; Новый мир, 1965, № 11, стр. 235.

²²⁸ См. Бюллетень № 2 Нумизматической секции Ленинградского общества коллекционеров, июль 1935, л. 15 (машинопись, 10 экз.); И. Г. Спасский. По следам одной редкой монеты, стр. 77. В коллекции Иозефа было много редкостей — недавно появившийся загадочный константиновский рубль, медная копейка Петра I со славянской и арабской датой 1711 г. и др.

²²⁹ АГЭ, ф. 4 (Музейный фонд), № 887, л. 32; И. Г. Спасский. По следам одной редкой монеты, стр. 85—86.

²³⁰ N. Bauer. Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters.— NZ, Bd. 62, 1929 und Bd. 64, 1931.

²³¹ Е. Придик. Неизданный золотой медальон Константина Великого в Государственном Эрмитаже.— ДАН СССР, 1930, стр. 11, 17.

греческими и римскими монетами, вместе с несколькими восточными (59 монет). С Монетного двора было получено больше тысячи восточных монет, происхождение которых установить не удалось. Русское собрание обогатилось приобретенным у Г. Н. Лихачева (сына Н. П. Лихачева) исключительно ценным собранием ассигнаций XVIII и начала XIX в.

В течение 1927 и 1928 гг. Н. П. Бауером в результате большой работы, проведенной им над основным собранием и дублетным фондом, после изучения архивных документов и согласования с прибывшим из Варшавы экспертом польской стороны проф. М. Гумовским была сформирована так называемая эквивалентная коллекция для передачи, согласно Рижскому договору, правительству Польши взамен коллекции Варшавского университета, полученной в 1832 г. и давно растворившейся в собрании. В эту выдачу почти целиком ушло собрание, полученное из Академии художеств — непосредственно или через Русский музей, т. е. сохранившиеся неразрозненными части варшавской коллекции.

В 1930 г. по решению Межреспубликанской Паритетной комиссии, занимавшейся перераспределением музейных фондов, была выделена довольно большая и ценная коллекция для музеев Украины, в которую вошло и несколько кладов слитков из основного собрания. Все они были утрачены во время гитлеровского нашествия. К счастью, удалось отстоять от передачи и тем спасти от гибели уникальную медаль Константина Острожского и еще несколько редкостей, на которые претендовали некоторые эксперты. С тех пор нумизматические собрания республик, где выросли собственные нумизматические кадры и создана хорошая служба учета и сбора кладов, с большим успехом догоняют и обгоняют армитажное по полноте многих важнейших разделов. Придет, совершенно несомненно, время, когда они начнут делиться своими избытками с ветераном нумизматики, оказывавшим им помощь.

В конце 20-х годов начались первые выдачи дублетных материалов другим музеям. Наибольшие пополнения на первых порах получал Исторический музей, а с 1928 г. ненужные Эрмитажу дубликаты монет и медалей получала возникшая тогда Советская филателистическая ассоциация (СФА) при Деткомиссии ВЦИК.

После восстановления более или менее нормальных условий работы в отделе и окончания устройства выставки, открытой в 1925 г., многочисленные поступления 1918—1925 гг. в течение нескольких лет систематизировались, с полными данными вносились в книгу поступлений и обрабатывались одно за другим. Все нужное вкладывалось в соответствующие коллекции и в большинстве отделений сразу же вводилось в каталоги, а дубликаты вписывались в специальные описи. Скорее всего к 1920-м годам относится появление в Эрмитаже одной коллекции, которой он имеет все основания гордиться. В 1930-х годах под сценой армитажного театра обнаружили ящик с большим числом примитивных железных штемпелей для чеканки монет Хивинского ханства XVIII и XIX вв.

В результате работы «инвентарщиков» дореволюционных лет в отделе собрались значительные залежи неописанных старых дублетов. Стараясь «зачистить» дореволюционные фонды, их тоже постепенно вносили в особые описи. Стоит сказать, что за последние годы среди этих дублетов отыскивалось немало интересного для основного собрания. Фонд дублетов вообще еще требует внимательного пересмотра, так как представление о том, что такое дублет, за прошедшее время значительно изменилось. Оставались от прошлого и такие группы, на которые жалко было тратить время; их откладывали в «долгий ящик».

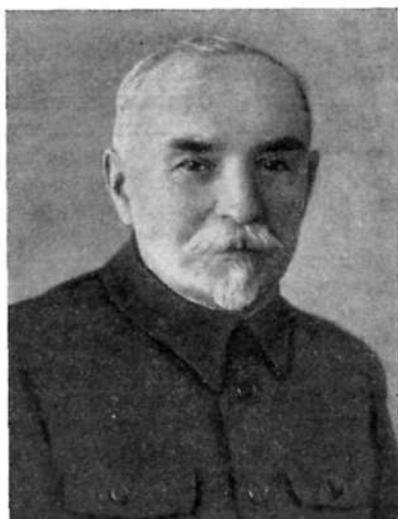
Время от времени собиралась комиссия, активировавшая скопившийся после разборки очередных поступлений и совершенно неизбежный в любительских коллекциях нумизматический хлам — стертые и испорченные монеты, загадочные «редкости», вроде лишенных ушка и выпрямленных

Н. Ф. Романченко

Н. П. Бауер

Н. З. Цыгирь

различных гербовых пуговиц или особенно «коварных» вертушков от регулятора керосиновых ламп или керосинок — с «гуртовой» накаткой, отверстием в центре и фирменными надписями.

В новых поступлениях множество монет и медалей находилось в неблагоприятном состоянии и требовало срочной реставрации. С 1919 по 1930 г. реставратором монет работал Федор Гаврилович Гаврилов (1867—?); его сменил Василий Семенович Воронцов (1879—1954). Особенно опытного специалиста получил Эрмитаж в 1934 г. в лице Михаила

С. А. Розанов

Илларионовича Антонова (1866—1940), ученика А. К. Маркова по Археологическому институту.

В 1931 г. постоянная выставка отдела была расширена за счет новой части, получившей в отделе несколько странное название «опытно-показательная выставка истории развития денежного обращения». Она была построена по формациям развития общества. Это была первая серьезная попытка преодолеть старые, канонически-привычные нормы экспозиции монетного материала, несомненно сказавшаяся благотворно и на исследовательской работе ее авторов-устроителей А. Н. Зографа и Н. П. Бауера.

Сама основная выставка была сильно перегружена материалом — в известной мере даже из-за нехватки монетных шкафов, поскольку до эвакуации многие части коллекций постоянно хранились в витринах. Последние без малейших просветов были забиты коробочками с монетами. Такая экспозиция высоко расценивалась коллекционерами, жаждавшими «видеть всё», но обыкновенному посетителю, не искушенному в собирательской страсти, разобраться в тысячах одинаковых монет, отличающихся лишь в мелких деталях, было не под силу, и он в зале не задерживался.

В связи со свертыванием и прекращением деятельности Нумизматической комиссии ГАИМК научная работа коллектива нумизматов Эрмитажа была перенесена в отдел и получила место в его планах и отчетах — впрочем, весьма скромное, так как всем было ясно, что инвентаризации еще долго будет принадлежать главная роль. Кроме научных докладов ежемесячно проводились заседания, на которых каждый отчитывался в выполненной за месяц работе по систематизации новых поступлений и инвентаризации. В интересах последней пополнялся отдел и новыми сотрудниками.

Особенно широкая учетная работа ранее всего развернулась под руководством Н. П. Бауера в западноевропейском отделении. Кроме А. А. Марковой здесь над каталогами трудились с 1927 по 1932 г. Елизавета Павловна Соколова (1887—1942) и с 1931 по 1941 г. переведенная из охраны выставок Вера Александровна Рихтер (1875—1961). (По возвращении из эвакуации она снова работала в отделе, до 1954 г.)

Секцию медалей после А. А. Сиверса принял Александр Александрович Войтов (1897—1966), переведенный в отдел из Центральной библиотеки Эрмитажа. Приняв кроме собрания западноевропейских медалей еще и русские от А. А. Ильина, он успел описать большую коллекцию медалей в честь русских государственных деятелей и частных лиц. В начале 1932 г. он вернулся в библиотеку²³², передав свое хранение автору этих строк, ученику Н. П. Бауера и А. А. Ильина, который до перехода в Эрмитаж работал в нумизматическом кабинете Харьковского археологического музея, а уже в конце 1933 г. вынужден был надолго расстаться с Эрмитажем и нумизматикой²³³.

В 1934 г. начала работать в отделе по совместительству сотрудница Историко-бытового отдела Русского музея Л. С. Пискунова, занявшаяся каталогами польских и французских медалей. Совместно с А. А. Войтовым она опубликовала каталог коллекции медалей и значков в память А. С. Пушкина, выставка которых была организована в связи с отмечаемым в 1937 г. 100-летием со дня смерти поэта. Коллекция эта в значительной части и сложилась во время юбилея: видный ленинградский собиратель Н. З. Цыгрин (1881—1954) после окончания выставки подарил свое собрание Эрмитажу. Тогда же и А. А. Ильин, влюбленный в Пушкина старый лицеист, расстался со своим собранием пушкинских медалей и лицейских значков²³⁴.

После Н. П. Бауера заведование западноевропейским отделением приняла в 1938 г. Л. С. Пискунова. К 1941 г. она закончила подготовку к печати отредактированного А. А. Ильиным труда «Медали Северной войны»²³⁵. После войны Л. С. Пискунова в отдел не вернулась и работала в отделе истории русской культуры.

Кроме названных выше инвентаризаторов с конца 1935 г. начала работать В. И. Свиташова, а с 1939 г. — Л. И. Калинина. В 1937 г. Н. П. Бауер привлек к каталогизации бывшего сотрудника Центрального исторического архива Семена Александровича Розанова (1875—1941). Работая над византийской коллекцией и коллекцией частных монет Германии, он одновременно занимался бумажными денежными знаками, русскими и иностранными, и к 1941 г. составил десять томов их научного каталога. Русская часть этой коллекции составила из собрания ассигнаций Н. П. Лихачева, приобретенного в 1938 г. собрания А. В. Шнитникова (1163 предмета) и в 1940 г. — В. А. Орехова (296 экз.) и разных мелких поступлений. В 1940 г. в качестве временного сотрудника начал работать В. М. Потин.

Тяжелое положение сложилось в восточном отделении в 1933—1934 гг. После Р. Р. Фасмера хранителем отделения остался А. А. Быков, но и в его работе был перерыв. В 1935 г. в штат отдела были приняты О. И. Смирнова и престарелый Николай Васильевич Белозерский (1858—1940). До этого он ненадолго привлекался для временной работы в 1931—1932 гг.²³⁶ Он работал над каталогом аршакидских монет до смерти

²³² В последние годы жизни А. А. Войтов заведовал отделением нумизматики в Русском музее.

²³³ В. Л. Янин. К шестидесятилетию И. Г. Спасского. — НЭ, т. V, 1965, стр. 3—7.

²³⁴ А. А. Ильин. Медали в честь Александра Сергеевича Пушкина. СПб., 1901; Он же. Памятные жетоны имп. Александровского лица. СПб., 1911.

²³⁵ Книга сохранилась в нескольких корректурных экземплярах. При ликвидации издательства Эрмитажа в 1950 г. набор был рассыпан.

²³⁶ До революции Н. В. Белозерский, служивший в Лесном департаменте, серьезно занимался нумизматикой, был членом Археологического института и секретарем Российского общества нумизматов, существовавшего с 1911 до 1924 г.

А. Н. Зограф

(16 февраля 1940 г.). О. И. Смирнова оставила работу в 1936 г., и в 1937 г. был зачислен К. В. Кузнецов, оставивший описание одного клада²³⁷.

В русском отделении работал А. А. Ильин, освободившийся от заведования отделом в 1930 г. и совмещавший работу в отделе со службой в Институте картографии. Он выполнил очень большую работу над собранием русских монет XIV—XVI вв., имея целью выработать новую классификацию их. В 1940 г. Эрмитаж издал первый выпуск его широко задуманного труда²³⁸. С 1938 г. А. А. Ильин руководил занятиями аспиранта Владимира Михайловича Неклюдова (род. в 1902 г.), который специализировался по истории древнерусского денежного обращения²³⁹.

В конце 30-х годов получило пополнение античное отделение. Ученицей и помощницей А. Н. Зографа стала опытная сотрудница Херсонесского музея (с 1925 г.) Л. Н. Белова, поступившая в Эрмитаж в 1939 г. и принявшая заведование отделением после возвращения собрания из эвакуации. Второй ученицей А. Н. Зографа была Евгения Оттовна Прушевская (1890—1942). Она начала службу в Археологической комиссии, а после 1918 г. работала в нескольких отделах Эрмитажа и с 1935 г. принадлежала к штату отдела нумизматики. К 1941 г. А. Н. Зограф закончил труд «Античные монеты», опубликованный Академией наук в 1951 г.²⁴⁰ Был подготовлен к печати и том Трудов отдела нумизматики.

По мере того как накопились новые тома каталогов которым должны были соответствовать лежащие в систематическом порядке коллекции, все более сложной проблемой становилось само размещение огромного собрания. Из-за недостатка шкафов на выставке находилось очень большое число монет — около 34 тыс. Второй зал (ныне зал оружия) был сплошь заставлен резервными витринами, набитыми монетами, но в 1929—1930 гг. его пришлось освободить. Наиболее широкая часть рабочего поме-

²³⁷ К. В. Кузнецов. Соболевский клад.— Изв. АН БССР, 1949, № 6, стр. 155, 156.

²³⁸ А. А. Ильин. Классификация русских удельных монет, вып. I. Л., 1945.

²³⁹ В. М. Неклюдов. О русских денежных слитках.— ТОНГЭ, т. I. Л., 1945.

²⁴⁰ МИА, № 16, 1951.

щения отдела — хоров — была занята «лабиринтом» — множеством продуманно расставленных монетных шкафов. Все простенки были заняты огромными библиотечными шкафами, в которых тогда уже не хватало места для книг.

В 1930—1931 гг. развертывалась деятельность СФА и Антиквариата по продаже предметов старины и искусства за границей. Сперва предполагалось, что в новых условиях будет продолжена практиковавшаяся и в прошлом продажа ненужных для собрания дублетов, дававшая в свое время значительные средства. В этой связи из московских хранилищ даже направлялись в Эрмитаж новые партии монет и медалей для отбора всего нужного музею и выделения дублетов для Антиквариата. Партии монет тоже комплектовались для этой цели за счет старых фондов отдела. Антиквариат принимал их, но в 1931 г. это перестало удовлетворять его экспертов. Временами с ними складывались очень напряженные отношения. Под давлением зарубежных фирм, с которыми был связан Антиквариат, и опираясь на наиболее удобное для них толкование понятия «дублет», они добивались отчуждения экземпляров, представлявших для основного собрания бесспорную ценность. Более всего пострадали античное собрание и западноевропейское нового времени.

Обращение директора Эрмитажа академика И. А. Орбели в Центральный комитет партии положило конец деятельности Антиквариата в Эрмитаже. Уже после окончания Великой Отечественной войны в одном из поступлений из Государственного хранилища было опознано много античных монет, в свое время отобранных экспертами Антиквариата. Многие из них лежали в конвертиках, подписанных рукой А. Н. Зографа. Вернулись даже многие монеты, уже вошедшие в изданные аукционные каталоги.

Замечательные результаты давал установившийся контакт Эрмитажа с Народным комиссариатом (впоследствии Министерством) финансов. Время от времени представители отдела вызывались в Центральное хранилище для просмотра очередных партий монет. Перед самым началом войны была подготовлена к отправке в Эрмитаж особенно большая группа монет, медалей и орденов. Она была доставлена по окончании войны.

Разборка таких поступлений давала порой интересные результаты. Например, долго считалось, что коллекция великого князя Георгия Михайловича в январе 1919 г.²⁴¹ была полностью тайно вывезена за границу; это утверждение часто встречается в зарубежных публикациях. Однако еще в 1930 г. Исторический музей получил из НКФ редчайший златник Владимира, который по старым публикациям опознается как экземпляр коллекции великого князя. Позже и Эрмитаж в таком же поступлении получил единственный сребреник этой коллекции, а вслед за тем — одну уникальную золотую монету Петра (с клеймом Чапского), вошедшую в Корпус великого князя. Таким образом, выяснилось, что исчезла не вся коллекция, остатки которой после продажи части золота и платины в 1950 г. на Лондонском аукционе попали в США²⁴².

За последнее десятилетие перед Великой Отечественной войной в отделе нумизматики было написано больше 100 томов научных каталогов коллекций монет и медалей. Чистая левая сторона страниц в этих каталогах была очень кстати — приток нового материала не прекращался и

²⁴¹ См. Русский исторический журнал, 1921, кн. 7, стр. 233.

²⁴² Антикварная фирма, выбросившая на рынок США подхваченные ею в Европе остатки, организовала такое оглушительное «паблисити», что один из богатейших людей Америки — Дюпон не устоял и купил монеты «Михайловича». Одно время печать распространяла сведения, что купленная Дюпоном коллекция передается в дар Смитсоновскому институту; однако в 1966 г. обслуживающая Дюпона адвокатская фирма предлагала эту коллекцию... Министерству культуры СССР.

отдел едва справлялся с ним. Все еще поступали какие-то остатки старых обезличенных собраний—из Пушкинского дома Академии наук, из Музея антропологии и этнографии, Публичной библиотеки и других учреждений, — вплоть до Ленинградского союза потребительских обществ. Все новые и новые группы монет и медалей обнаруживались в разных закоулках Зимнего дворца. Активный характер приобрело перераспределение фондов между отделами Эрмитажа: монеты передавались из эллино-скифского и византийского отделений.

Наиболее выдающимися поступлениями 1930 и 1931 гг. были передачи из Академии наук: 611 восточных монет, из которых 554 были золотыми; вслед за ними больше 30 тыс. монет бывшего Азиатского музея (там были не только восточные монеты). В русское собрание легло 20 слитков и 18 ефимков; в заключение отдельно был передан златник Владимира, некогда принадлежавший Н. П. Румянцеву, а после него Ф. И. Кругу. После получения толстовского экземпляра это был седьмой и пока что последний экземпляр эрмитажного собрания. Ценное пополнение для русского собрания пришло из НКФ в 1930 г. — 48 редких монет, среди которых было несколько сребреников Владимира и Святополка.

В 1931 г. из Русского музея была передана коллекция монет, в свое время подаренная этому музею И. И. и Д. И. Толстыми, — почти 2 тыс. античных, византийских, западноевропейских и восточных. В течение 1932 г. из Ленинградского историко-лингвистического института (бывшего историко-филологического факультета университета) в несколько приемов передавались университетские коллекции—Музея древностей, Археологического музея и Восточного факультета — всего больше 16 тыс. монет.

Университетская коллекция начала складываться в 1823 г., когда было получено около 300 дублетов из Азиатского музея. В 1825 г. у чиновника шведского посольства Кастильони было приобретено больше 300 преимущественно античных и византийских монет; в 1845—1852 гг. В. А. Пивоваров (? — 1860) подарил более 1200 монет. Поступило и несколько кладов. В 1854 г. в связи с организацией Восточного факультета восточные монеты были выделены в отдельное собрание, которое сразу же значительно пополнилось передачей коллекции из Казанского университета. К 1869 г. в нем было около 8 тыс. монет, в коллекции Музея древностей—около 5 тыс.²⁴³ Из университета пришла в Эрмитаж еще одна часть клада Велла.

Университетом были переданы в Эрмитаж и ранее полученные им коллекции бывшего Археологического института и Духовной академии.

В 1933 г. принята насчитывавшая около 1500 монет античная коллекция из Павловского дворца — бывшая коллекция имп. Марии Федоровны, приобретенная ею у Ф. Аделунга (в свое время над ее монетами работал К. Келлер). Были там в небольшом количестве и русские монеты, медали и медальоны. С Горным музеем был произведен обмен—за дублеты золотых медалей была получена уникальная золотая пластина весом 2 ф. 27 зол., отчеканенная в 1803 г. из золота первой тысячи пудов руды Крылатовского рудника на р. Чусовой²⁴⁴.

Из Государственного хранилища был получен подбор недостававших в русской коллекции платиновых монет и шесть китайских ямбов. Но на-

²⁴³ П. Плетнев. Первое двадцатипятилетие имп. Санкт-Петербургского университета. СПб., 1844; В. В. Григорьев. Имп. С. Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870, стр. 78, 288, 289 и 394.

²⁴⁴ А. А. Войтов. Памятная уральская золотая пластина 1803 г.— ТОНГЭ, т. I, 1945, стр. 163—165.

стоящим «годом ямбов» стал следующий—1934 год, когда из кладовых Монетного двора было доставлено 515 слитков. С разрешения НКФ в течение нескольких месяцев 1933 г. их отбирал там аспирант-китаист Н. В. Алабышев.

В 1934 и 1935 гг. Музейный фонд передал коллекцию бывшего Женского педагогического института — около 300 монет и клад пражских грошей неизвестного происхождения. Был приобретен Подборовский клад куфических монет, в котором кроме монет было восемь весовых гирек. Крупнейшим событием 1935 г. стало приобретение в полном составе найденного в Ленинградской области Вихмязского клада средневековых западноевропейских монет — одного из самых крупных (более 13 тыс. экз.). Для восточного отделения с 1929 г. много раз доставлял монеты из Средней Азии Н. Ф. Пасхин, в 1935 г. куплены у К. Ф. Геккера 233 парфянские и селевкидские монеты. В античное отделение поступило из ИИМК 3136 монет из раскопок Б. В. Фармаковского в Ольвии 1901—1916 гг. От Е. В. Козловой-Пушкаревой, вдовы известного путешественника П. К. Козлова, была получена в дар принадлежавшая ее мужу небольшая коллекция монет нового времени.

В 30-х годах за счет поступивших с Монетного двора и от различных ведомств образцов интенсивно росла коллекция советских значков. С 1937 г. регулярно поступали образцы орденов, но, к сожалению, распоряжение Совета народных комиссаров 1921 г. не распространялось на республики, поэтому существовавшие в 20-х — начале 30-х годов республиканские советские ордена в коллекции Эрмитажа и до настоящего времени представлены далеко не полно.

В 1938 г. был приобретен большой клад слитков и джучидских монет, найденный в с. Нижнее Солотино Обоянского уезда Курской губернии²⁴⁵; из Института истории АН СССР был передан клад русских монет и талеров XVI—XVII вв., найденный в Пулкове, — более 9 тыс. монет. Ценным пополнением для восточного отделения был приобретенный в 1938 г. у С. А. Львова превосходный экземпляр неизданного дирхема Дайсам ибн Ибрахима²⁴⁶. А. М. Михайлов подарил тщательно подобранную им коллекцию петровских рублевиков (482 экз.) и несколько ефимков, в числе их чрезвычайно редкий половинный обрубок талера с клеймом. Около 200 монет, в числе которых были античные и восточные, а также несколько византийских вислых печатей, было получено в двух бандеролях от неизвестного лица, сдававшего их на почту в Ленинграде. А. А. Шуберт-Адрианова подарила музею 67 китайских монет, бумажных денежных знаков и игральные марки.

В 1939 и 1940 гг. продолжались поступления из Музейного фонда и сменившего его Управления охраны памятников; 111 западноевропейских и русских медалей купили у П. М. Бозанкур.

Последняя запись в книге поступлений датирована 10 июля 1941 г.: у А. И. Веймарна купили два нагрудных знака. Шел первый месяц войны; коллекции, а потом и каталоги вместе с другими хранительскими документами отдела вывозили из Ленинграда. Записи надолго прервались. Уже после окончания войны и возвращения из эвакуации был записан принятый в последний момент перед отшивкой коллекций ценный дар бывшего хранителя медалей А. А. Войтова — включавшая около 100 предметов коллекция русских печаток XVIII и XIX вв.

Первый эшелон с эвакуированными ценностями Эрмитажа был отправлен на восьмой день после начала войны. С ним ушли коллекции основного собрания и все материалы выставки. Сотрудники отдела работа-

²⁴⁵ В. М. Неклюдов. Нижне-Солотинский клад. — СГЭ, вып. 1, 1940.

²⁴⁶ А. А. Быков. Дайсам ибн Ибрахим ал-Курди и его монеты (из истории Азербайджана и Армении X в.). — ЭВ, 1956, № 10.

ли на упаковке без сна и отдыха, не уходя из Эрмитажа; на помощь пришли работники бухгалтерии, охраны, издательства, сотрудники других отделов. Ленинградские матросы сносили тяжелые ящики к местам их концентрации. Вслед за первым эшелоном ушел второй, подобравший все ценное, нуждавшееся в защите от возможных случайностей. Вместе с коллекциями покидала Ленинград и часть сотрудников, чтобы в глубоком тылу организовать надежное хранение до конца войны сокровищ Эрмитажа. Позже «дорога жизни» позволила присоединиться к ним и некоторым из оставшихся в Ленинграде. Коллекции отдела сопровождали А. А. Быков и Л. Н. Белова.

В тяжчайших условиях отрезанного от центров снабжения огромного фронтного города люди Эрмитажа мужественно выполняли все, что требовал от них долг: дежурили на кровлях зданий во время налетов, обезвреживали «зажигалки», перемещали в безопасные места имущество музея, участвовали в строительстве оборонительных сооружений. Когда начались обстрелы и бомбардировка с воздуха, А. А. Ильин переселился в Эрмитаж, продолжая до последних дней исследовательскую работу. Встречу с ним в эти дни запечатлела в очерке «Чистое золото» Вера Ивбер.

Рис. 18. Снаряд разорвался в Монетном зале

Рис. 19. Монетный шкаф пробит осколком
28 июля 1942 г.

2 декабря 1941 г. первым умер от истощения старый «галерейный служитель» отдела Семен Павлович Егоров (1869—1941), начавший работу в Эрмитаже еще в 1906 г. За ним последовал 24 декабря С. А. Розанов. 17 января 1942 г. оборвалась жизнь А. Н. Зографа; в том же году погибли 4 апреля Е. О. Прушевская, 26 марта Е. П. Соколова и 4 июля А. А. Ильин. В апреле 1942 г. умер и не работавший уже в Эрмитаже Н. П. Бауер. В первые дни войны ушел добровольцем в Красную Армию В. М. Неклюдов. В сентябре 1944 г. А. А. Быков случайно встретил его на улице в Свердловске: он возвращался в часть из госпиталя после ранения. С войны он не вернулся.

Дольше всех держалась А. А. Маркова. В самом тяжелом, почти безнадежном состоянии она была вывезена на «большую землю» в 1942 г. и, немного окрепнув, присоединилась к эвакуированным товарищам и включилась в их работу.

Бомбардировки с воздуха и артиллерийский обстрел причинили зданиям Эрмитажа тяжелые разрушения. Две бомбы разрушили соседние здания, более 30 тяжелых снарядов и множество «зажигалок» упало на кровли и дворы музея²⁴⁷. Один из первых снарядов пробил перекрытия и разорвался в Монетном зале (рис. 18). К счастью, витрин уже там не было, но оставшиеся на месте тяжелые монетные шкафы были иссечены осколками. Почетные раны одного из них при восстановлении оборудования были сохранены, и на дверцы легла рядом с осколком бронзовая мемориальная табличка с памятной датой — 28 июля 1942 г. (рис. 19).

Эрмитаж жил, боролся и строил планы на будущее. К 1944 г. вырисовался план восстановительных работ, опирающийся на Генеральный план размещения отделов и выставок Эрмитажа после войны: нельзя было упу-

²⁴⁷ В. Н. Васильев. На трудовом посту.— СГЭ, вып. V, 1948; С. Варшавский и Б. Рест. Подвиг Эрмитажа. Л., 1966.

стить открываемую эвакуацией возможность наиболее рационально, по-новому разместить части музея, предоставив им соответствующие потребностям помещения и связать выставки в наиболее удобные для посетителей маршруты. На плане третьего этажа Зимнего дворца обчертились галерея и еще несуществовавший выставочный зал, а по соседству, через лестничную площадку — большой библиотечный зал, кабинеты — хранилища, большая кладовая отдела.

Восстановительные работы уже велись, когда во второй половине 1945 г. вернулись в стены Эрмитажа его коллекции. В еще немногих обжитых помещениях возобновлялась работа музея. Первым мирным годом помечен выпущенный издательством Эрмитажа первый том Трудов отдела нумизматики, полностью собранный и отредактированный перед началом войны; но большинство имен авторов в нем было окружено траурными рамками...

К началу 1946 г. в отделе собрались вернувшиеся вместе с коллекциями сотрудники — принявший заведование отделом хранитель восточных монет А. А. Быков, Л. Н. Белова и А. А. Маркова, ставшие хранителями античных и западноевропейских монет. К ним присоединились семидесятилетняя В. А. Рихтер и реставратор В. С. Воронцов. И. А. Орбели вызвал демобилизовавшегося из армии автора этого очерка, который приехал кроме медалей и русские монеты, а затем и некоторые другие фонды. Вернувшиеся в 1945 г. О. И. Смирнова, В. И. Свиташова и К. В. Кузнецов еще до развертывания отдела ушли из него. Несколько позже к маленькому коллективу нумизматов присоединилась Л. И. Калпина. В 1949 г. она сменила Воронцова и стала прекрасным реставратором, проработав до 1958 г.

Около 200 ящиков с коллекциями отдела было сложено в наиболее надежном месте — Особой кладовой Эрмитажа. Предстоящая работа казалась необъятной. Начали с первоначального учета всей оставшейся в Эрмитаже малоценной части дублетного фонда и других третьестепенных материалов (до 100 тыс. предметов). Одновременно участвовали в самых разнообразных работах по Эрмитажу и разыскивали по всем зданиям и сносили поближе к будущим помещениям отдела уцелевшее оборудование. Многие шкафы разваливались, витрины были без стекол — разбитых или выпутых для окон. Фронт восстановительных работ был огромен, но приходилось ожидать очереди, да по ходу ремонта то и дело переносить ящики и оборудование из помещения в помещение.

Нумизматическая библиотека раньше всего, еще в 1946 г., заняла отведенное ей Генеральным планом новое помещение — бывшую библиотеку Александра III (рис. 20); по дворцовым преданиям, он обычно уединялся в ней для музыкальных упражнений на любимом инструменте — геликоне. Заведующей библиотекой стала Е. А. Фаас. Библиотечный зал еще отделяла от будущих кабинетов трехметровая толща стены с кладкой невероятной крепости. Новую дверь любовно прозвали «корсунскими воротами» — над нею немало потрудились с ломом и кувалдой сотрудник Центральной библиотеки Андрей Иванович Корсун (1907—1963), ученик В. К. Лукомского; в 1953 г. он стал библиотекарем отдела²⁴⁸.

Просторное помещение с двухъярусными шкафами позволило значительно расширить библиотеку, перенеся в нее литературу по геральдике, сфрагистике, генеалогии и истории орденов. Впоследствии А. И. Корсун помог отделу организовать работу над коллекцией печаток.

Книги были пужнее всего. Не ожидая развертывания хранения, отдел возобновил научную работу. Оживал приток новых материалов, уже в 1946 и 1947 гг. поступило несколько монетных кладов. Еще не были

²⁴⁸ М. Гукowski и А. И. Корсун. — СГЭ, вып. XXVII, 1966, стр. 116.

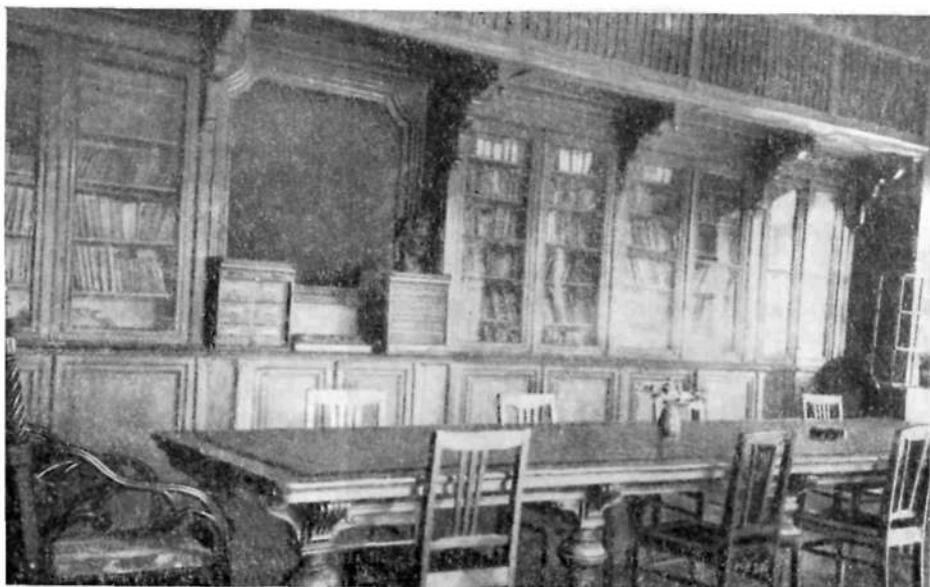

Рис. 20. Библиотека отдела нумизматики

раскрыты эвакуационные ящики, а на Ученом совете, получившем право присуждать ученые степени, была защищена первая диссертация, подготовленная в отделе нумизматики²⁴⁹.

В начале 1946 г. к заботам о своих фондах прибавились нежданные новые: вслед за эрмитажными эшелонами прибыли музейные ценности Германии. Отделу нумизматики было поручено хранение огромной коллекции берлинского Кайзер-Фридрих-музеума и еще несколько менее значительных собраний — всего около 500 тыс. монет и медалей. Нужно было организовать их надежное и изолированное от эрмитажных фондов хранение, несколько раз перемещать с места на место по ходу ремонта помещений, а в дальнейшем затратить много времени на необходимую учетную работу, наблюдение за состоянием и, наконец, потребовавшую многих месяцев подготовку этого фонда к возвращению Приемочной комиссии ГДР в 1958 г.

Ящики с собственными фондами отдела удалось только в 1949 г. переместить в первые вышедшие из ремонта кабинеты, которые были заполнены до отказа (рис. 21). Вслед за тем были закончены капитальные работы по сооружению просторного помещения Особой кладовой отдела. Перенесенные в нее ящики надежно замкнула двойная броневая дверь, за которой когда-то хранились бриллианты последней императрицы. В том же архитектурном блоке отдел получил оборудованные отдельные кладовые для хранения дублетного фонда, необработанных материалов и немецких коллекций; но в кабинетах могли разместиться только три отделения. Русские монеты и все собрание медалей оставались в Особой кладовой до 1952 г., когда и для них за счет соседней выставки выделили еще два кабинета.

²⁴⁹ И. Г. Спасский. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г.— МИА, № 44, 1955.

А. И. Корсун

Вскоре закончились и последние строительные работы для отдела в выставочном помещении. Была восстановлена протянувшаяся на 100 м вдоль верхних окон Аванзала, Николаевского и Концертного залов невысокая и очень светлая галерея. Раньше в ее средней части три арки открывались в двухсветный зал нижнего этажа — бывший Зимний сад дворца. По проекту архитектора Эрмитажа А. В. Сивкова его разрезали встроенным перекрытием на уровне галереи, создав примкнувший к ней просторный и светлый зал. Мастерские Эрмитажа начали реставрацию комплекта столетних витрин 1852 г. Но о восстановлении в сколько-нибудь близкий срок монетной выставки отдела думать не приходилось: выяснившееся состояние основного фонда делало это невозможным.

В течение второй половины 1949 г. работа в отделе не прекращалась с утра до ночи: начались вскрытие ящиков и первичный учет вернувшихся фондов, которые размещались в шкафах. Много трудностей возникало из-за непродуманной упаковки в 1941 г. Только золотые и платиновые монеты и все собрание медалей, которые укладывались с этикетками в конверты, не представляли трудностей для восстановления систематизации. Что же касается коллекций монет, то сплошь и рядом они выпадали из коробочек, в которых были уложены, и отделялись от своих этикеток. Не радовало и состояние дублетного фонда.

Это особенно тяжело ударило по тем коллекциям, которые перед войной уже были систематизированы, но еще не вписаны в каталоги и не имели зафиксированных на этикетках определений. Работу, выполнявшуюся в течение нескольких десятилетий, нужно было начинать с начала.

В первые послевоенные годы в Эрмитаже делом первостепенной важности был признан учет незаинвентаризованных фондов; ему должны были подчиняться любые другие виды работ. Действительно, этот фонд в отделе выглядел очень солидно — до 150 тыс. не охваченных описями «единиц хранения». При этом не учитывалось, что в первую очередь следовало упорядочить основное собрание и только после этого имело смысл начинать разборку $\frac{3}{4}$ незаинвентаризованного фонда — настолько малоценного, что во время войны эти залежи меди даже не вывозились.

В течение трех лет отдел занимался инвентаризацией тех частей собрания, которые было легче всего систематизировать заново: медалей, жетонов, кладов и т. п., нередко сталкиваясь с совершенно бесперспективным материалом. Но в 1952 г. удалось добиться пересмотра организации работы и поставить ее более рационально, сосредоточив внимание на основном собрании. Примерно с этого же времени отдел начал систематически комплектовать коллекции для других музеев за счет дублетного фонда русских монет и медалей. За минувшие годы были выданы десятки тысяч монет и медалей — в первую очередь разоренным войной музеям. Очень богатые коллекции русских монет получил ряд республиканских музеев, при этом максимально учитывалась их специфика.

На инвентаризации и упорядочении коллекций получили первоначальные навыки музейной работы приходившие в отдел с 1949—1950 гг. новые молодые сотрудники. Проблема кадров долго оставалась самой острой. Не приходилось рассчитывать на получение подготовленных специалистов, их нужно было готовить на месте — и не только для себя: уже в 1950 г. появился прикомандированный аспирант Х. А. Мушегян из Армении, а в 1954 г. были приняты и первые эрмитажные аспиранты.

В 1946 г. в книгу поступлений были записаны немногочисленные пополнения военных лет. Был среди них и последний дар А. А. Ильина — переданные за несколько дней до смерти его личные лицейский значок выпуска 1875 г. и знак Красного Креста I степени... Как память о недавнем прошлом города, из Управления милиции и одного из районных комитетов партии поступили две коллекции погибших во время блокады неизвестных собирателей.

Выше упоминалось о многотысячных поступлениях монет, медалей, орденов и т. п., передававшихся в 1949—1951 гг. из Государственного хранилища. Все отделения получили очень ценный, облюбованный еще перед войной материал, но было немало и совершенно неожиданного, нового: античное отделение, например, получило собственные монеты, ушед-

Рис. 21. Кабинет восточных монет. 1963 г.

шие еще в 1930-х годах, и почти полностью восстановило состав разрушенного тогда Туапсинского клада.

Греческие и римские монеты были в подаренной Эрмитажу дочерью президента Академии наук А. П. Карпинского (1846—1936) Е. А. Толмачевой-Карпинской его нумизматической коллекции. Античные и византийские монеты в основном составляли принятую в 1953 г. из отдела Востока коллекцию бывшего Русского археологического института в Константинополе (около 500 монет); более 7000 монет поступило в 1956 г. из Иваново-Вознесенского музея, 308 монет — из переданной Библиотечной Академии наук в 1959 г. коллекции академика Н. К. Никольского (1863—1936); небольшое число монет пришло из Управления пригородных дворцов-музеев. С 50-х годов регулярно приходили монеты из раскопок Херсонесской и Боспорской экспедиций. Сравнительно немногие монеты приобретались через Закупочную комиссию.

Восточное отделение пополнило собрание сасанидских монет: в 1946 г. куплена коллекция Ю. А. Марти, состоявшая из 106 серебряных и медных монет, в 1947 г. — 7 монет у М. В. Михайлова, в 1955 г. получена из отдела Востока 41 золотая сасанидская монета и в 1956 г. у И. С. Чахотина куплено 112 турецких монет, собранных его отцом, С. И. Чахотиным, работавшим в русском посольстве в Константинополе²⁵⁰. Собрание куфических монет пополнилось 65 экз., переданными из Псковского музея, а из Новгорода была получена уникальная монета 253 г. х. с именем Зубайды, жены Харуна ар-Рашида²⁵¹. Куфический клад из раскопок Цимлянского городища содержал 48 монет, в 1950 г. поступил такой же клад неустановленного происхождения, состоявший из 153 монет. А. И. Тереножкин передал 68 монет из раскопок на городище Афрасиаб, Л. Р. Кызласов — 100 монет из раскопок в Киргизии.

Академик А. П. Карпинский,
Медаль Н. А. Соколова

Дальневосточное собрание получило 104 японские, китайские и манчжурские монеты XX в., принесенные в дар А. Г. Гатовым в 1948 г.

Наиболее значительные пополнения западноевропейского отделения составляли клады. Из средневековых монет состоял Лодейнопольский клад 1948 г. (2871 монета)²⁵², Ложголовский 1949 г. (89), 2-й Нагин-

²⁵⁰ В. Г. Тизенгаузен. Монеты С. И. Чахотина.—ЗВОРАО, т. I, 1887, стр. 311—315; т. II, 1888, стр. 268—270.

²⁵¹ А. А. Быков. Аббасидский памятный диргем начала IX в.—Советское востоковедение, 1945, № 4.

²⁵² А. А. Маркова. Третий Лодейнопольский клад средневековых западноевропейских монет.—НС, т. II (ТГИМ, вып. XXVI). М., 1957.

Колхозник П. Ф. Филипов

щинский 1959 г. (около 1800 монет), Колголемский 1961 г. (около 4500). В поступлении из Государственного хранилища удалось опознать и выделить в полном составе большой клад преимущественно голландских дукатов, найденный в 1936 г. в Могилеве²⁵³. Поступило несколько кладов шведских медных монет XVII в.: из дер. Получье Кингиссепского района 1954 г. (2155 экз.), переданный колхозником П. Ф. Филиповым, Колтушский 1953 г. (44 экз.) — от В. Н. Емельянова, клад из дер. Валья Кингиссепского района 1953 г. (393 экз.) и клад неизвестного происхождения, отысканный в подвале Ленинградского политехнического института в 1961 г. (1184 монеты), небольшие клады разных монет XVII в. — из с. Рашково в Молдавии 1954 г., из с. Марьямово Немировского района Винницкой области 1959 г. и клад западноевропейских и восточных монет (92 экз.), найденный близ Севастополя в 1962 г.

Отделение имело возможность пополнить ряд коллекций монетами новейшего времени, произведя отбор в Валютном управлении МФ СССР в 1962 г. Ценные образцы новейших голландских монет — чеканенный в количестве около 3 тыс. дукат 1960 г. и гульдены 1939, 1943, 1959 и 1960 гг. — прислал в подарок корреспондент отдела М. И. фан дер Фоорт из Амстердама. Он же подарил монетные весы менялы 1764 г. и интересный памятник голландского Сопротивления — определенным образом перегравированный гульден²⁵⁴ и многие другие монеты нового времени.

Наиболее значительные в количественном отношении поступления пришли в Русское отделение: только из отдела истории русской культуры, «расчищавшего» в связи с инвентаризацией свои фонды, было получено около 30 тыс. монет и медалей. Еще более крупная партия монет XVIII—XIX вв. поступила из Государственного хранилища; в ней оказались четыре сребреника, уникальный золотой Петра I из собрания великого князя Георгия Михайловича, несколько ефимков, комплект ранее

²⁵³ А. А. Маркова. Могилевский клад дукатов XVI—XVII вв.— ТГЭ, т. IV, 1961.

²⁵⁴ И. Г. Спасский. Подарок из Голландии.— СГЭ, вып. XV, 1959, стр. 61.

Профессор В. Г. Гаршин

считавшихся уникальными платиновых монет 1839 г. и трехрублевик 1840 г., медная полтина Алексея Михайловича и многие другие редкие и ценные монеты.

Еще один сребреник Владимира был куплен в 1949 г. Действительный член Академии медицинских наук В. Г. Гаршин (1887—1956)²⁵⁵ купил, специально для того, чтобы подарить Эрмитажу, редкую персидскую монету с русской надчеканкой. Поступила и коллекция академика Н. К. Никольского, насчитывающая более 4 тыс. монет. Эрмитаж собрал больше десятка кладов серебряных копеек XVI—XVII вв. из Ленинградской, Новгородской, Псковской, Калининской, Смоленской и других областей. Саперы нашли в Ленинградской области клад времени Анны Иоанновны — рубли и петровские серебряные копейки. Управление милиции доставило клад медных пятаков начала XIX в., найденный в глиняной корчаге близ Ораниенбаума на месте стоявшей там когда-то корчмы. Такой же клад поступил из г. Пушкина.

В течение многих лет оставалась загадкой судьба части коллекции русских печатей Н. П. Лихачева, о которой уже упоминалось; в составе собрания академика Никольского оказалось 206 отборных печатей лихачевской коллекции. Теперь только небольшая часть этого собрания остается в Ленинградском отделении Института истории АН СССР²⁵⁶. Л. А. Творогов в 1955 и 1957 гг. подарил 11 печатей из находок в Пскове. Систематизация русского сфрагистического собрания произведена В. Л. Яниным. (Следует отметить, что в 1961—1963 гг. в Эрмитаж поступило более 500 преимущественно псковских печатей, добытых раскопками Г. П. Гроздилова и В. Д. Белецкого. Эта коллекция хранится в отделе истории русской культуры.)

Большую ценность представляют материалы Гербового музея, полученные в 1952 г. из ЦГИАЛ, — огромное, прекрасно систематизированное собрание сургучных оттисков русских личных печатей XVIII—XIX вв. в десятках папок.

²⁵⁵ Архив патологии, 1956, № 5, стр. 139, 140 (некролог).

²⁵⁶ В начале 1967 г. коллекция Н. П. Лихачева объединилась в Эрмитаже полностью. Было получено 227 печатей и несколько тысяч драгоценных пломб.

Академик Н. П. Лихачев

Отделение медалей пополнялось главным образом в части иностранных медалей. Около 500 медалей получено в 1955 г. из Музея Революции, через Закупочную комиссию приобретены в 1946 г. медаль работы Бенвенуто Челлини и в 1947 г. уникальная золотая армянская свадебная медаль амстердамского медальера М. Хольцхея²⁵⁷. Во все большем количестве удавалось получать современные медали из-за границы. В 1957—1960 гг. В. Г. Рихтер из Лондона прислал в подарок Эрмитажу около 100 медалей — «россики», целиком вошедшие в коллекцию.

В 1949 г. кто-то в Министерстве финансов взял на себя смелость отменить решение Совнаркома 1921 г. об обязательной передаче образцов Эрмитажу. Только в 1955 г. эта ошибка после многих обращений в разные инстанции была исправлена, но и до настоящего времени не удалось заполнить образовавшиеся в коллекциях пробелы, особенно в собрании советских медалей. Большой друг Эрмитажа академик Б. Е. Быховский в течение только 1963 и 1964 гг. передал отделу около 3 тыс. значков своей замечательной коллекции, возместив и далеко перекрыв ущерб, нанесенный этому собранию. От него же получены много значков дореволюционного времени и чрезвычайно ценный подбор в несколько десятков медалей русской провинциальной чеканки дореволюционного времени — как подарок в юбилейном 1964 г.²⁵⁸

Содействием Б. Е. Быховского обязан Эрмитаж и одним из самых замечательных приобретений 1964 г., о котором удобнее сказать отдельно: у внучки И. И. Толстого Л. И. Толстой было куплено несколько сотен замечательных монет — 66 превосходных по сохранности древнегреческих и римских, 247 византийских и средневековых балканских, 117 восточных, в основном монет Зенгидов и Ортокидов, едва ли не удво-

²⁵⁷ И. Г. Спасский. Незданная медаль М. Хольцхея.— СГЭ, вып. XVI, 1959.

²⁵⁸ В 1967 г. отдел нумизматики закончил приемку от Б. Е. Быховского его превосходной коллекции памятных медалей СССР (больше 1000 предметов). Вместе с ними пришло собрание новейшей «россики» — медали многих медальеров на русские и советские темы. К тому же времени количество принятых значков и знаков достигло 7 тыс.

ивших эрмитажное собрание этих монет; там же оказалась одна очень редкая грузинская монета XI в. В западноевропейское собрание вошло восемь редких пормано-сицилийских монет; кроме того, было куплено и несколько медалей.

Очень большие пополнения получила коллекция орденов в связи с подготовкой выставки, открывшейся в феврале 1956 г.²⁵⁹ В течение 1953—1955 гг. были сведены воедино ранее разрозненные группы орденов различного происхождения, включая многочисленные послевоенные поступления. В 1947 г. Монетный двор успел до запрета передать 32 образца орденов и медалей СССР, учрежденных во время войны (не был получен только Орден Победы, изготавливаемый особым порядком). В 1949 г. В. Г. Гаршин подарил свою коллекцию — около 150 предметов. 6 орденов куплено у А. П. Сапожкова и 20 манчжурских орденов и медалей — у С. М. Ваксова. Много интересных разновидностей русских орденов прибыло из Государственного хранилища в 1956 г. 21 предмет получен из Управления пригородных дворцов-музеев, и в обмен на дублиеты много интересных орденов было получено из Исторического музея и Музея Советской Армии.

Редкие образцы отмененных в 30-х годах республиканских орденов были предоставлены Верховными советами РСФСР, Армянской, Таджикской и Узбекской республик. Из фондов отдела Востока в 1960 г. поступило 72 ордена и знака; в их числе оказался такой редкий образец, как комбинированная звезда русского ордена Андрея Первозванного и английского ордена Подвязки. В других отделах удалось обнаружить и немногие образцы редких орденов Шамиля. В 1962 г. Управление Патриархии русской православной церкви доставило образцы знаков трех степеней вновь учрежденного церковного ордена св. Владимира.

Подготовка выставки шла полным ходом, когда стало известно, что Министерство культуры СССР находит ее тему неуместной и вычеркнуло выставку из плана Эрмитажа; но директор Эрмитажа профессор М. И. Артамонов посоветовал организаторам продолжать работу. На открытии 23 февраля присутствовало много генералов и адмиралов, единодушно давших выставке высокую оценку, а вскоре и представители Министерства присоединились к ней, не вспоминая о своем прежнем мнении. В 1962—1963 гг. выставка была доработана и оставлена в качестве постоянной. К ее вторичному открытию выпущено опирающееся на ее материалы издание²⁶⁰.

С 1948 г. монеты и медали экспонируются, как и до войны, на многих постоянных выставках других отделов Эрмитажа и предоставляются для различных временных, передвижных и других выставок. Ежегодно отдел участвует в отчетных выставках новых поступлений. В 1960 г. вслед за выставкой орденов была устроена приуроченная к Конгрессу востоковедов выставка восточных монет. В 1963 г. в Лоджиях Рафаэля развернута функционировавшая до 1966 г. большая выставка «Художественная медаль»²⁶¹, пользовавшаяся большим успехом. Большой прогресс, достигнутый в восстановлении систематизации монет основного собрания, позволил к началу 1960 г. приступить к подготовке большой выставки монет (рис. 22). Она была открыта к празднованию 200-летия Эрмитажа — 20 октября 1964 г.

Прежде чем закончить обзор нумизматических сокровищ, собравшихся в Эрмитаже за 200 лет, уместно обратиться еще к двум поступлениям. Формально они стали достоянием Эрмитажа в следующем, 1965 г., но два

²⁵⁹ И. Г. Спасский и Е. С. Щукина. Временная выставка коллекции орденов и знаков. Л., 1956.

²⁶⁰ И. Г. Спасский. Иностранцы и русские ордена до 1917 г. Л., 1963.

²⁶¹ Е. С. Щукина. Художественная медаль в Эрмитаже. Л., 1961.

русских собирателя отметили ими 200-летие уважаемого и любимого ими музея в сентябре 1964 г.

В числе гостей, принимавших участие в праздновании юбилея Эрмитажа, был Евгений Александрович Пахомов (1880—1965)²⁶², старейший русский нумизмат, доктор исторических наук, постоянный участник ежегодных съездов нумизматов во время пленумов Института археологии. Старый друг Эрмитажа, он многие часы провел над его коллекциями восточных монет и над книгами его библиотеки, работая над своим детищем — «Картотекой восточных монет». Покидая Эрмитаж в последний раз, он сообщил А. А. Быкову, что еще год назад завещал Эрмитажу часть своей коллекции.

2 мая 1965 г. Е. А. Пахомова не стало. В завещании было сказано: «Принадлежащие мне коллекции монет я завещаю: Государственному Эрмитажу (г. Ленинград), Гос. Историческому музею (Москва), Музею Истории Азербайджана и Государственному музею Грузии, в долях, необходимых указанным выше музеям для пополнения их коллекций.

Определение доли каждого музея и порядок отбора необходимых им монет возлагаю на Пахомову Евгению Викторовну по ее усмотрению...»

Принципы раздела между названными музеями собранной покойным за 65 лет огромной коллекции были предопределены им самим, и Е. В. Пахомова scrupulously выполнила его волю. Распределение и связанная с ним документация потребовали почти месяца дружной работы съехавшихся в Баку представителей Эрмитажа, Исторического музея (С. А. Янина) и Музея Грузии (Д. Г. Капанадзе). В декабре 1965 г. И. Г. Спасский и И. Г. Добровольский привезли в Эрмитаж больше 10 тыс. почти исключительно восточных монет.

В коллекции Эрмитажа как вечный памятник ученому-собирателю вошли замечательные, тщательно подобранные серии куваческих

Академик Б. Е. Быховский

Профессор Е. А. Пахомов

²⁶² Н. В. Мянкевич-Мустафаева. Е. А. Пахомов. — Советская археология, 1965, № 4, стр. 301—303.

Рис. 22. Выставка монет. 1963 г.

монет, в том числе золотые аббасидские и наиболее редкие в наших условиях монеты испанских Омейядов, приобретенные Е. А. Пахомовым еще в дореволюционные годы на международных аукционах. Одних только сасанидских монет было получено более 700. Прекрасно подобранная китайская коллекция включает более 2 тыс. монет. Среди русских монет Е. А. Пахомова в Эрмитаж пришли один из двух его сребреников, редкая новоторжская денга и пять медных персидских фулюсов с русскими надчеканками. Понадобится немало времени, чтобы в полной мере оценить этот щедрый и благородный дар.

31 октября 1964 г. московский собиратель А. В. Стимасов (большой друг Исторического музея) представил в Эрмитаж больше 150 западноевропейских и восточных монет нового времени, отличавшихся замечательной сохранностью, и оставил их по квитанции с тем, что их рассмотрят и произведут оценку всего, что может заинтересовать музей. Появившись в Эрмитаже только через несколько месяцев, Анатолий Васильевич одобрил оценку отобранных 98 монет, но чрезвычайно удивился, когда его попросили заполнить счет. «Откуда вы взяли, что я собираюсь что-нибудь Вам продавать? Я считаю неприличным продавать музею. Музею можно только дарить. Это я и собираюсь сделать!» В такой оригинальной форме вручил свой юбилейный подарок Эрмитажу старый московский коллекционер. Единственным, но замечательным пополнением для русского собрания из этого поступления явилась легшая в богатую коллекцию «угольных печаток» первая в ней кожаная марка — Луганского завода 1799 г. (Годом раньше Барнаульский музей в ответ на передачу ему коллекции русских монет прислал Эрмитажу берестяную марку 1837 г.).

* * *

В настоящее время в отделе нумизматики (рис. 23) работает большой коллектив специалистов по различным разделам нумизматики, биб-

лиотекарь, секретарь, реставратор-муляжист. Количество аспирантов — эрмитажных и прикомандированных — в отдельные годы доходило до пяти человек.

После окончания войны первым новым сотрудником стала Т. Н. Минысян, переведенная в 1949 г. по старой традиции из Центральной библиотеки. Она стала помощницей и ученицей А. А. Марковой, наиболее нуждавшейся в этом ввиду огромного объема ее хранения. В 1960 г. А. А. Маркову, ушедшую на пенсию, заменил ее ученик, прошедший с 1957 г. аспирантуру Эрмитажа и защитивший диссертацию, В. М. Потин. Как специалиста по нумизматике средних веков его ожидала огромная работа над наиболее запущенным фондом монет.

В античное отделение был принят по окончании университета В. М. Брабич, ведущий работу с римскими монетами. В 1958 г. хранителем византийских монет стала прошедшая с 1954 г. аспирантуру Эрмитажа И. В. Соколова. Ей же поручено хранение и средневековых балканских монет. С 1962 г. приступил к работе по окончании аспирантуры Е. В. Зеймаль как специалист по нумизматике эллинистического Востока. Его научные интересы делятся между античным и восточным отделениями. Зачислен аспирантом в 1962 г. Ю. Л. Дюков.

В восточном отделении с 1950 по 1954 г. работал М. А. Добрынин (1922—1963); в 1955 г. пришел выпускник университета арабист И. Г. Добровольский, в 1956 г. начала работать воспитанница университета иранистка М. Б. Северова. С 1962 г. специализируется по нумизматике Китая Н. В. Ивочкина.

Принятая в аспирантуру по русской нумизматике в 1954 г., М. П. Сотникова после защиты диссертации в 1958 г. стала вторым хранителем,

Рис. 23. Комната заседаний. 1963 г.

приняв допетровские монеты и коллекцию древнерусских печатей. Для специализации по истории медальерного искусства в 1950 г. была принята техническим сотрудником студентка третьего курса университета Е. С. Щукина. Закончив университет, она в 1956 г. защитила диссертацию и приняла отделение медалей. С 1955 г. работает М. А. Беляева-Добровольская, которой поручены коллекции орденов и знаков.

Прошли и закончили аспирантуру при отделе с 1950 по 1955 г. Х. А. Мушегян, защитивший диссертацию и работающий в Ереване, с 1958 по 1961 г. командированный Институтом истории АН Эстонской ССР А. Н. Молвыгин, работающий в Таллине, с 1959 по 1963 г. прикомандированный Институтом истории АН БССР В. Н. Рябцевич, работающий после защиты диссертации в Минском университете, с 1960 по 1963 г. Н. Ф. Котляр, после защиты диссертации работающий в Киеве.

Библиотечкой ведала с 1960 по 1967 г. ученица А. И. Корсуна А. А. Жукова-Покорна, специализирующаяся в области геральдики и занимавшаяся одним из фондов отдела — печатками нового времени.

Для отдела нумизматики характерно, что в своей структуре он как бы повторяет структуру Эрмитажа. Объединяемый единой системой хранения и совместно создаваемой методикой и организацией исследовательской работы, он через свои отделения тесно связан с соответствующими отделами Эрмитажа, участвуя в их выставках и исследовательской работе, а крупнейшие специалисты других отделов Эрмитажа не раз приходили ему на помощь в качестве руководителей и наставников аспирантов.

Наличие одного из лучших в мире систематического собрания, превосходной нумизматической библиотеки, насчитывающей в настоящее время около 25 тыс. книг, богатого научного архива и доступность других крупнейших библиотек и архивов создают коллективу нумизматов Эрмитажа наиболее благоприятные условия для гармонического сочетания хранительской работы с исследовательской. Отдел является наиболее крупным в нашей стране исследовательским нумизматическим учреждением. Сотрудниками отдела с 1917 по 1964 г. опубликовано больше 300 работ, из них по окончании войны около 160, не считая статей для энциклопедий и других справочных изданий и популярных статей в массовых журналах и газетах.

В 1961 г. выпущен второй том Трудов отдела (ТТЭ, т. IV); находится в печати третий.

Над коллекциями отдела и в его библиотеке из года в год работают десятки советских и зарубежных ученых-нумизматов. Отдел связан научной корреспонденцией и личными контактами с нумизматами многих стран мира. Ни один из отделов Эрмитажа не получает такого количества писем, как отдел нумизматики. Количество их доходит до 50—60 в месяц. Ответы, требующие зачастую большой справочной работы, заметно сказываются на бюджете времени сотрудников. Разнообразную помощь оказывает отдел другим музеям СССР.

В третье столетие существования Эрмитажа отдел нумизматики вступает с большими планами, охватывающими разнообразные области хранительской, исследовательской и научно-просветительской работы. Наиболее важными в этих планах остаются охват научными каталогами всего несравненного нумизматического собрания Эрмитажа и начало публикации Большого эрмитажного каталога.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты археографической экспедиции
 АС — Археологический съезд
 ЛЮБ — Акты юридического быта
 Б. — П. О. Бурачков. Общий каталог монет, принадлежащих элли-
 ским колониям, существовавшим в древности на северном берегу
 Черного моря. Одесса, 1881.
 ВГУ — Воронежский государственный университет
 ВДИ — Вестник древней истории
 ГЭ — Государственный Эрмитаж
 З. — А. Н. Зограф. Античные монеты. — МИА, № 16, 1951
 ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
 ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского
 археологического Общества
 ИНА — Институт народов Азии АН СССР
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 АН СССР
 ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 НИС — Нумизматика и сфрагистика
 НС — Нумизматический сборник
 НЭ — Нумизматика и эпиграфика
 ОАК — Отчет Археологической комиссии
 ПОКМ — Псковский областной краеведческий музей
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
 СА — Советская археология
 Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества
 СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной куль-
 туры
 ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
 ТОНГЭ — Труды Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
 Ш. — Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956
 BNJ — The British Numismatic Journal
 HUB — Hansisches Urkundenbuch
 LUB — Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch
 NC — Numismatic Chronicle
 MN(ANS) — Museum Notes (American Numismatik Society)
 NNM — Numismatic Notes and Monographs
 NZ — Nymismatische Zeitschrift
 Rec. — E. Babelon, Th. Reinach. Recueil général des monnaies grecques d'Asie
 Mineure, I, 1. Paris, 1904

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>А. М. Гилевич.</i> Кучук-Мойнакский клад херсонесских монет IV—III вв. до н. э.	3
<i>К. В. Голенко.</i> К хронологии некоторых медных монет Боспора III в. до н. э.	17
<i>Н. П. Розанова.</i> Ауреус Авла Гирция	24
<i>И. Т. Кругликова.</i> Монеты из раскопок Горгипсии 1960—1966 гг.	27
<i>П. В. Ивочкина.</i> Серебро в денежном обращении чжурчженского государства	48
<i>А. Г. Мухамадиев.</i> Об обрезанных монетах в Волжской Болгарии в конце XIV в. (Мало-Атрянский клад)	53
<i>Е. А. Давидович.</i> Клад серебряных монет XVI в. из Таджикистана	67
<i>Н. А. Соболева.</i> К вопросу о монетах Владимира Ольгердовича	81
<i>Н. Ф. Котляр.</i> Клад монет Владимира Ольгердовича	88
<i>В. М. Потин.</i> Корабельники на Руси	101
<i>А. С. Мельникова.</i> Псковский и Новгородский денежные дворы в середине XVII в.	108
<i>И. Г. Спасский.</i> Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Минцкабинета — Отдела нумизматики	123
Список сокращений	235

Нумизматика и эпиграфика

Том VIII

*Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии
Академии наук СССР*

Редактор *М. А. Карповская*
Редактор издательства *Н. И. Сергеевская*
Технический редактор *А. П. Ефимова*

Сдано в набор 23/X 1969 г. Т-14714
Подписано к печати 16/IX 1970 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Бумага типогр. № 1
Печ. л. 14,75+1 п. л. вкл. Усл. печ. л. 22,05
Уч.-изд. л. 21,2. Тираж 2000 экз. Тип. зак. 3105
Цена 1 р. 58 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

10.50 16